

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE URALICAE
UNIVERSITATIS TARTUENSIS

7

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE URALICAE
UNIVERSITATIS TARTUENSIS

7

СВЕТЛАНА ЕДЫГАРОВА

Категория посессивности
в удмуртском языке

TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS

Факультет философии Тартуского университета, Институт эстонского и
общего языкознания

Диссертация допущена к защите 17 июня 2010 г. Советом Института
эстонского и общего языкознания Тартуского университета

Научный руководитель: доцент Тыну Сейленталь

Оппонент: к.ф.н. Сергей Анатольевич Максимов

Защита состоится 25 августа 2010 г.

ISSN 1406–2631

ISBN 978–9949–19–426–1 (trükis)

ISBN 978–9949–19–427–8 (PDF)

Autoriõigus: Svetlana Edygarova, 2010

Tartu Ülikooli Kirjastus

www.tyk.ee

Tellimus nr 373

ПРЕДИСЛОВИЕ

С огромным удовольствием выражаю благодарность всем тем, кто помог мне осуществить и опубликовать настоящее исследование. От всей души хочу поблагодарить моего научного руководителя Тыну Сейленталя за неоценимую помощь и поддержку. Выражаю признательность рецензентам настоящей работы профессору Стокгольмского университета Марии Копчевской-Тамм и сотруднику Удмуртского государственного университета Сергею Максимову за ценные советы и замечания.

Приношу огромную благодарность Катрин Кару, Нине Аасмяэ и Ромаш-Эрленду Романчику за составление переводов, а также секретарю кафедры финно-угорских языков Тиие Маргус за решение организационных вопросов.

Искренне благодарю Программу родственных народов, руководителя Тыну Сейленталя и координатора Кади Сарв, за предоставление уникальной возможности учиться и исследовать удмуртский язык в Тартуском университете.

Выражаю благодарность своей семье, моим любимым бабушке и дедушке, которые всегда помогали и болели за меня; моему спутнику жизни за поддержку и искренний интерес к удмуртскому языку и моей работе.

Слова благодарности приношу моим коллегам и друзьям — финно-угорским студентам, — которые всегда были готовы протянуть руку помощи, и благодаря которым учеба в Тарту оказалась одним из лучших периодов моей жизни.

Тарту, 1 июля 2010 года

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	10
1. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ	13
1.1. Основные подходы к изучению посессивности	13
1.2. Семантическое выражение посессивности	15
1.2.1. Неотчуждаемая посессивность	16
1.2.2. Градуальная классификация	18
1.2.3. Посессивные ситуации	19
1.3. Когнитивное содержание посессивности	21
1.4. Структурная субкатегоризация посессивности	23
1.4.1. Атрибутивная посессивность	24
1.4.2. «Внешний» и «внутренний» посессор	25
1.4.3. Предикативная посессивность	26
1.5. Функционирование посессивных конструкций	28
1.6. Грамматикализация категории посессивности	29
1.7. Проблема изучения категории посессивности в удмуртском языке, типологический аспект	30
1.7.1. Из истории изучения и классификации атрибутивных конструкций	31
1.7.2. Из истории изучения предикативной посессивности	36
1.7.3. Из истории изучения семантического содержания посессивности	38
2. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПОСЕССИВНОСТИ	41
2.1. Лексико-семантическая классификация обладаемого	42
2.1.1. Неотчуждаемая посессивность	43
2.1.2. Отчуждаемая посессивность	48
2.2. Лексико-семантические особенности посессора	54
2.3. Типы посессивных отношений	56
2.3.1. Активная и пассивная посессивность	56
2.3.2. Одушевленная посессивность	57
2.3.3. Неодушевленная посессивность	59
2.3.3.1. Принадлежность пространству	59
2.3.3.2. Принадлежность времени	60
2.3.4. Физическая посессивность	61
2.3.5. Обладание и принадлежность	62
2.3.6. Абстрактная посессивность	63
2.3.7. Ассоциативная связь или несобственно посессивность ..	63
2.4. Выводы	65

3. АТРИБУТИВНАЯ ПОСЕССИВНОСТЬ	67
3.1. Конструкция $N_{Pm}-P_{xPr}$	68
3.1.1. Парадигма P_x	69
3.1.1.1. P_x с инициальным <i>-e</i>	72
3.1.1.2. P_x с инициальным <i>-j</i>	76
3.1.1.3. P_x с инициальным <i>-i</i>	84
3.1.1.4. P_x в форме одиночного согласного <i>-C</i>	86
3.1.1.5. Парадигма принадлежности множественному обладателю/ референту	89
3.1.2. Принципы сочетания P_x и C_x	92
3.1.2.1. Комбинация P_x-C_x : $-V(C)-CV(C)$	101
3.1.2.2. Комбинация C_x-P_x : $-V(C-V-)C$	103
3.1.2.3. Принцип P_x-C_x : $-C-V(C)$	108
3.1.2.4. Комбинация $P_xC_x \sim C_xP_x$	109
3.1.2.5. Сочетание P_x и C_x местоимений и числительных	111
3.1.2.6. Спецификация	114
3.1.3. Прагматика P_x	118
3.1.3.1. Спецификация обладаемого	119
3.1.3.1.1. Посессивная функция	119
3.1.3.1.2. Ассоциативная и другие прагматические функции	127
3.1.3.1.3. Субстантивация	138
3.1.3.2. Спецификация референта	139
3.1.3.3. Грамматическое выражение спецификации	151
3.1.4. Из истории грамматикализации конструкции	158
3.2. Генитивные конструкции	160
3.2.1. Конструкции с генитивом <i>-len</i> $N_{Pr}-Gen N_{Pm}-P_x$	163
3.2.2. Конструкции с аблативом <i>-les'</i> $N_{Pr}-Abl N_{Pm}-P_x-Acc$	176
3.2.3. Местоименные конструкции	182
3.3. Конструкция примыкания $N_{Pr}-Nom N_{Pm}$	187
3.4. Конструкция с элативом $N_{Pr}-Elat N_{Pm}$	202
3.5. Конструкция с инструменталом $N_{Pm}-Instr N_{Pr}$	210
3.6. Конструкция с деривационным суффиксом <i>-o</i> $N_{Pm}-o N_{Pr}$	215
3.7. Конструкция с деривационным суффиксом <i>-tem</i> $N_{Pm}-tem N_{Pr}$	221
3.8. Конструкция с абессивом <i>-tek</i>	222
3.9. Конструкции с деривационными суффиксами <i>-ala, -lo</i>	224
3.10. Выводы	226
4. ПРЕДИКАТИВНАЯ ПОСЕССИВНОСТЬ	230
4.1. Конструкция обладания	230
4.1.1. Конструкция обладания с предикатом <i>van'</i>	232
4.1.2. Конструкции обладания без предиката <i>van'</i>	237
4.2. Конструкция принадлежности	241
4.2.1. Конструкция $N_{Pm} N-Gen_{Pr}$	241

4.2.2. Конструкция N N _{Pr} -Gen N _{Pm} -Px	242
4.3. Другие конструкции	244
4.3.1. Конструкция с деривационным суффиксом <i>-o</i>	245
4.3.2. Конструкция с дативом	247
4.4. Конструкции, обозначающие перфект	249
4.4.1. Перфект с глаголом <i>van'</i>	249
4.4.2. Перфект с показателем <i>-(e)mjn</i>	251
4.5. Выводы	252
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	254
СОКРАЩЕНИЯ	259
ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ	261
ЛИТЕРАТУРА	263
КОKKUVÕTE. Possessiivsuse kategooria udmurdi keeles	275
SUMMARY. The category of possession in the Udmurt language	282
КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ	288
CURRICULUM VITAE	289

ВВЕДЕНИЕ

Категория посессивности в уральских языках является одной из базовых категорий, представляя их основные типологические особенности. Существует немало научных работ, посвященных изучению посессивности в языках этой семьи, напр., обобщающие финно-угорский материал исследования М. А. Кастрена (Castrén 1854, 1862), Ю. Марка (Mark 1925). Отдельные диссертации посвящены исследованию посессивности в марийском (Kokla 1963), мордовских (Феоктистов 1963), венгерском языках (Колпакова 1988), диалектах селькупского языка (Ким 1986а) и др. Исследования пермских языков представлены работами по коми языку: напр., диссертация А. С. Сидорова (1945), монография В. Шлахтера (Schlachter 1960), магистерская работа Н. В. Сажиной (Sazhina 2005). Категории посессивности в удмуртском языке посвящено лишь несколько статей, а именно работы П. Н. Перевошикова (1959) и В. М. Вахрушева (1970, 1980) (см. п. 1.7.).

Категория посессивности является сложной по содержанию семантической категорией, в рамках которой может рассматриваться множество разных отношений, напр., принадлежность части целому, обладание, принадлежность и др. Языки мира по-разному концептуализируют абстрактные посессивные отношения: напр., некоторые языки морфологически выделяют неотчуждаемую притяжательность, другие — нет; некоторые языки концептуализируют активную посессивность, в других такого не происходит. Для исследователя важным является то, какова лингвистическая когниция этой универсальной философской категории. В удмуртском языке посессивность затрагивает все языковые уровни: фонетический, лексический, морфосинтаксический, а также имеет непосредственную связь с информационной структурой высказывания и особенностями дискурса. Соответственно, описание семантического и грамматического выражения посессивных отношений определяет не только культурно-философскую сущность категории, но и демонстрирует взаимодействие языковых уровней.

Основной целью настоящего исследования является определение концептуальной сущности посессивности в удмуртском языке, а именно: описание семантических отношений или ситуаций, составляющих содержание категории, а также описание их языковой кодировки. В частности, возможна кодировка категории предикативным и атрибутивным способом: в первом случае выражение посессивных отношений затрагивает структуру предложения; во втором — именную группу.

В фокусе настоящего исследования — атрибутивная посессивность. Объектом исследования являются семантические типы посессивных отношений или посессивные ситуации, составляющие содержание категории, а также грамматические конструкции, которые выражают посессивные отношения.

Исследование проводится на основе ономаσιологического и семасиологического подходов. *Ономаσιологический* или *функциональный* подход рассматривает посессивную категорию, в первую очередь, как универсальный культурный концепт, и исследует особенности выражения ее семантического и когнитивного содержания средствами языка (см. напр., Seiler 1983; Категория 1979; Heine 1997; Stassen 2009 и др.). С другой стороны, объектом *семасиологического* или *структурного* метода являются посессивные конструкции и их значения (напр., Ultan 1978, а также финно-угорские исследователи, ср.: Schlachter 1960; Kokla 1963; Феоктистов 1963; Ким 1986а и др.). Такой подход позволяет исследовать категорию наиболее объективно и разносторонне.

В первой главе диссертации рассматриваются основные теоретические понятия и приводятся базовые для работы положения. Во второй главе описываются типы посессивных отношений, которые мы предлагаем рассматривать в рамках семантики, и приводится классификация имен, согласно их способности образовывать настоящие отношения. В третьей главе описываются конкретные атрибутивные морфосинтаксические конструкции, выражающие значение посессивности, анализируются особенности их дистрибуции и функционирования. В четвертой главе кратко рассматриваются предикативные конструкции, их семантические и функциональные особенности.

Теоретической основой диссертации послужили типологические исследования Б. Хайне (Heine 1997), Х. Зайлера (Seiler 1983), М. Копчевской-Тамм (Koptjevskaja-Tamm 2003a), Дж. Николс (Nichols 1988), М. А. Журинской (1977, 1978, 1979), Л. Стассена (Stassen 2009), коллективные работы по славянским и балканским языкам (Категория 1983, 1989) и др. Кроме того, в ходе исследования применяются и другие методы, напр., анализ информационной структуры предложения (в традициях российского языкознания принято обозначать, как актуальное членение или коммуникативная структура предложения) производится согласно подходу и терминологии К. Ламбрехта (Lambrecht 1994). Применяются и основные разработки учения о грамматикализации (Heine et al. 1991; Heine 1997 и др.). Зачастую приводится сопоставительный анализ, прежде всего, с близко-родственным коми языком, а также с другими уральскими языками. Собственно, типологический анализ не является основной задачей работы.

Указанные методы применяются на материале современного языка, источником которого стали тексты (а) из художественных произведений, (б) диалектологических сборников, (в) средств массовой информации. Основу базы художественных текстов составляют произведения удмуртских писателей 1932–1934, 1960–1965, 1983, 1994, и 2007 годов (см. источники примеров). Писатели являются носителями разных диалектов: шошминского (Г. С. Медведев) и буйско-таньпского (У. Ш. Бадретдинов) говоров периферийно-южного диалекта, а также южного (Г. Д. Красильников) и срединного (Г. К. Перевощиков) диалектов. Значительную часть

фактической базы исследования представляет диалектный материал, собранный во второй половине прошлого века и опубликованный в конце столетия В. К. Кельмаковым (Образцы 1981, Образцы 1982, Образцы 1990, Удмурт вераськетъёс 1992; Udmurtin murteet 1994). В ссылках на настоящие издания указывается только год и номер страницы. Источником диалектного материала также послужили другие теоретические исследования (Тепляшина 1955, 1970; Кельмаков 1970, Бушмакин 1971, Насибуллин 1972, Вахрушев 1978; Загуляева 1980, Kel'makov, Saarinen 1994; Карпова 1997 и др.). Необходимо отметить, что в задачи настоящего исследования не входит подробное описание диалектных особенностей выражения посессивности. Другой пласт корпуса составляют тексты средств массовой информации как в печатном варианте (журнал «Инвожо», общественно-политическая газета «Удмурт дунне», литературный журнал «Кенеш», журнал «Вордскем кыл», детский журнал «Кизили», детская газета «Зечбур!»), так и в сети Интернет (выпуск новостей телекомпании «Моя Удмуртия», электронная версия газеты «Удмурт дунне»). В случае привлечения данных из электронного источника номер страницы в ссылке отсутствует. В исследовании использованы некоторые примеры из электронного корпуса Turku-Izhevsk-korpus, в частности, параллельные тесты на удмуртском, коми-зырянском и коми-пермяцком языках.

Все примеры приведены в оригинальной орфографии и глоссированы. Примеры из художественных текстов, средств массовой информации и электронного корпуса даны согласно современной орфографии, основанной на кириллическом письме. Примеры из диалектных текстов — согласно фонематической транскрипции, базой которой также послужила кириллица. Во втором случае используются дополнительные символы, напр., обозначающие палатализацию, акцентуацию, в случае если ударение имеет нехарактерное положение, и др. символы, указывающие на диалектные фонетические особенности. Примеры из теоретических исследований приводятся на основе латинской транскрипции. Собственные примеры даны в традиционной финно-угорской транскрипции на базе латинского письма (см. Kel'makov, Hännikäinen 1999: 13).

Посессивность является универсальной семантической категорией, которая имеет безграничные возможности семантического и грамматического выражения. Охватить все ее аспекты в рамках одного исследования невозможно. В настоящей диссертации описываются основные семантические проявления и основные способы их грамматической кодировки, а также некоторые моменты пересечения посессивности с другими категориями. При этом многие аспекты, затрагиваемые в исследовании, требуют отдельного исследования.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

1.1. Основные подходы к изучению посессивности

Категория посессивности на сегодняшний день является хорошо изученной в теоретическом плане. Существует немало работ, основных на типологических исследованиях, напр., изучение именных посессивных конструкций в языках Европы (Manzelli 1990; Коптјевсјаја-Тамм 2003) и в языках мира (Ultan 1978; Nichols 1986, 1992); исследования предикативной посессивности (Clark 1978; Heine 1997; Stassen 2009) и др. работы (Seiler 1987; Chappell, McGregor 1996; Payne, Barshi 1999; Herslund, Baron 2001 и т. д.). Обширное исследование по славянским и балканским языкам было предпринято под руководством В. В. Иванова (1983, 1989), В. Н. Ярцевой (1977). Отдельные аспекты посессивности в русском языкознании изучались М. А. Журиной (1977, 1978, 1979), О. Н. Селиверстовой (1982), Н. Д. Арутюновой (1983, 1976) и др. Категория посессивности в свете теории функционально-семантических полей разрабатывалась под руководством основателя петербургской школы функциональной лингвистики А. В. Бондарко (1996, 2001), а также К. Г. Чинчлей (1996) и др.

В настоящей главе мы проведем обзор некоторых основных или фундаментальных подходов, которые лягут в основу исследования и анализа удмуртского материала.

Посессивность, ср. также рус. *притяжательность*, англ. *possession*, является сложным концептом, который многие современные лингвисты рассматривают как универсальное культурное понятие (Miller, Johnson-Laird 1976: 558–565; Heine 1997: 1–2; Taylor 2005: 228). Языковое выражение посессивности отражает особенности культурной концептуализации категории в разных социумах. В этом плане некоторые ученые определяют посессивность как «биокультурную категорию», выражающую отношение между человеком и вещью или другим человеком:

“Semantically, the domain of POSSESSION can be defined as bio-cultural. It is the relationship between a human being and his kinsmen, his body parts, his material belongings, his cultural and intellectual products. In a more extensive view, it is the relationship between parts and whole of an organism”.¹ (Seiler 1983: 4)

Универсальным определением посессивности как лингвистической категории может быть следующее: отношение двух предметов или «субстанций», именуемых *посессор* (ср. рус. *обладатель*; англ. *possessor*) и *обладаемое* (ср. рус. *коррелят, объект посессивности* или *объект обладания*;

¹ Семантически сфера ПОСЕССИВНОСТИ может быть определена как биокультурная. Это отношение между человеком и его родственниками, частями его тела, его материальными вещами, продуктами его культурной и интеллектуальной деятельности. В более широком понимании — это отношение частей и целого организма (Перевод с англ. С. Е.).

англ. *possessee, possessed, possessum*), выражающих семантическое понятие «притяжательности» и связанных между собой особым образом. Связь между посессором и обладаемым может определяться многими параметрами, напр., лексико-семантической характеристикой компонентов:

“Linguistic POSSESSION consists of the representation of a relationship between a substance and another substance. Substance A, called the POSSESSOR, is prototypically [+animate], more specifically [+human], and still more specifically [+EGO] or close to the speaker”.² (Seiler 1983: 4)

Наиболее сложным в типологическом отношении является определение универсального посессивного отношения одной субстанции с другой, поскольку языки мира выделяют разные типы посессивной связи. Для решения настоящей проблемы некоторые ученые предлагают подход прототипов посессивных отношений, которые составляют семантическое ядро категории (Miller and Johnson-Laird 1976; Taylor 2005: 217–218). Согласно Б. Хайне прототип посессивной ситуации имеет следующие свойства: (а) типичным посессором является человек, (б) обладаемое является конкретным предметом, (в) посессор имеет право пользоваться обладаемым, (г) оба находятся пространственно близко, не имеют временного ограничения посессивных отношений (Heine 1997: 39, см. также определение Nichols 1988: 572; Taylor 2005: 228–9; Stassen 2009: 15).

Посессивная связь элементов может определяться локативными отношениями или пространственной близостью двух субстанций, напр., посессор является локализатором объекта посессивности (Lyons 1967; Clark 1978; см. подробнее в Stassen 2009: 11–14). Тем не менее, посессивность не может сводиться только к локализации (Seiler 1983; Heine 1997; Heltoft 2001; Herslund, Baron 2001; Stassen 2009: 14). Указанные авторы утверждают, что особая связь между двумя компонентами устанавливается не только по принципу пространственной близости, но и на основе ассиметричного статуса компонентов, а именно статусом контролера посессора. Посессор в праве распоряжаться обладаемым и определяет длительность процесса обладания (Stassen 2009: 15).

“Possession is ‘the act or condition of having in or taking in one’s control or holding at one’s disposal’, ‘actual physical control or occupied or controlled’, and more briefly, simply ‘something owned, occupied or controlled’”.³ (Pawley 1973: 153 указ. Heine 1997: 33)

² Лингвистическая сущность ПОСЕССИВНОСТИ заключается в выражении отношения между субстанцией и другой субстанцией. Субстанция А, называемая ПОСЕССОР, прототипически является [+одушевленной], более специализированно [+человеческим существом], и еще более специализированно [+ЭГО] или некто, близкий говорящему (Перевод с англ. С. Е.).

³ Посессивность — это «акт перехода под чей-л. контроль или пребывания под чьим-л. контролем или в чьем-л. распоряжении», «актуальный физический контроль или временное использование, контролирование», и еще короче «нечто,

Кроме того, посессивная связь может определяться отношением *ментального контакта* двух предметов. При этом посессор играет роль *опорного референта (anchor)* (Hawkins 1978) или является *точкой референтности (reference point entity)* (Langacker 1993), или *точкой установления преимущества (vantage point)* (Taylor 2005: 230), относительно которого может быть установлен посессивный статус обладаемого. Согласно настоящему подходу, посессор является элементом, на основе которого посредством референции происходит представление другого/нового элемента (объекта посессивности).

Х. Зайлер утверждает, что категориальный подход в исследовании посессивности обречен на провал, поскольку посессивность не является установленной и фиксированной категорией, а является операционной системой:

“It seems that possession, linguistically speaking, is not a category but an operational program — with subprograms — and a corresponding cluster of functions”.⁴ (Seiler 1988: 79).

Некоторые ученые предлагают рассматривать категорию посессивности как разновидность более общей семантической категории реляционности (Чинчлей 1996: 100).

1.2. Семантическое выражение посессивности

Семантически категория посессивности является неоднородной и может выражать бесконечный перечень отношений. При этом посессивные конструкции могут иметь множество интерпретаций, напр., фразу *John's car* ‘машина Джона’ можно понять как машина, (а) которую водит Джон, (б) которую он арендовал, (в) которая принадлежит ему, (г) которую он сконструировал, (д) о которой он все время говорит (Taylor 2005: 230). Среди рассматриваемых интерпретаций собственно посессивное отношение выражает тип (в). Другие могут выражать посессивность в расширенном значении, напр., типы (а), (б), (г), либо представлять ассоциативные отношения, ср.: (д). В виду подобной семантической безграничности, ученые предлагают выделять прототипы посессивных отношений, которые кросс-лингвистически составляют семантическое ядро категории. Р. Лангакер называет такие прототипы *концептуальными архетипами* и предлагает рассматривать в их числе отношения *владения, родства*, а также отношения *части и целого* (Langacker 1995: 59) (см. п. 1.2.3.).

находящееся в собственности, в использовании, под контролем» (Перевод с англ. С. Е.).

⁴ Судя по всему, посессивность в лингвистическом плане является не категорией, а операционной системой — с субпрограммами — и соответствующим набором функций (Перевод с англ. С. Е.).

Посессивные отношения в свою очередь провоцируют появление компонентов, для которых характерны или типичны функции посессора и обладаемого. Не любое сочетание слов может образовать посессивную конструкцию. Это скорее свойственно прототипическим элементам, ср.: *the teacher's house* 'дом учителя', *the teacher's arrival* 'приезд учителя'. Имена, которые семантически далеки от прототипа, реже образуют посессивную связь, ср.: **the swim's place* 'место плавания' (Taylor 2005: 217–8). Прототип посессора зачастую определяется одушевленностью, активностью или статусом контролера. Неодушевленная посессивность является менее типичной и оказывается подобием одушевленной, спроецированной на неживые предметы (Категория 1989; Seiler 1983, Heine 1997: 21).

С другой стороны, лексико-семантические свойства обладаемого также могут определять статус посессивных отношений. В лингвистической литературе часто встречается дихотомическая классификация объектов обладания на класс отчуждаемых и неотчуждаемых (см. подробно в Heine 1997: 17; Nichols 1988; 1992; Журиная 1977, 1978, 1979 и др.). *Отчуждаемая* принадлежность или *отторжимая* (Журиная 1977, 1978, 1979), англ. *alienable* (Heine 1997; Stassen 2009 и др.), *accidental possession* (Ulan 1978), *acquired possession* (Seiler 1983), *transferable possession* (Nichols 1992), часто понимается как собственно обладание и выражает прототипическое или каноничное понятие посессивности (Stassen 2009: 16). По мнению Л. Стассена, неотчуждаемая принадлежность не предполагает активности посессора в качестве контролера: посессивная связь устанавливается естественным образом и обозначает перманентную или временно не лимитированную связь. Отчуждаемый предмет не является обязательным или характерным атрибутом обладающего, поэтому посессор прилагает волю контролера. В таком случае мы имеем дело с ограниченной во времени или лимитированной посессивностью (Stassen 2009: 17–18). Различия отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности также отражаются на языковом уровне: первые используют минимум грамматических средств, а вторые вовлекают разного рода маркеры для установления посессивного отношения (Seiler 1988; Heine 1997; Stassen 2009 etc.).

1.2.1. Неотчуждаемая посессивность

Явление неотчуждаемой посессивности впервые выделил Л. Леви-Брюль. В одной из статей, посвященной изучению именного класса в меланезийских языках, ученый обратил внимание на класс имен (названия частей тела, близких человеку предметов, термины родства, понятия, обозначающие пространственные отношения), которые имеют особую посессивную форму в отличие от слов, с иным маркированием посессивности и имеющих семантику отчуждаемости (Леви-Брюль 1950: 208–217 (ориг. Lévy-Bruhl 1914)).

В настоящее время проблема неотчуждаемости/ отчуждаемости особенно хорошо изучена в типологическом плане (см., напр., Chappell, McGregor 1996; Nichols 1988, 1992; Heine 1997; Seiler 1983 и др., в русской лингвистике проблема изучалась М. А. Журиной 1977, 1979). В литературе рассматриваемая категория имеет множество названий, напр., рус. *неотторжимая, органическая, интимная* посессивность; англ. *inalienable, intimate, inherent, inseparable, abnormal possession* и т. д. Неотчуждаемая посессивность понимается как выражение принадлежности такого предмета, который естественным образом не может быть отчужден от другого предмета или посессора (определение Heine 1997: 10; см. также Журиная 1978, 1979; Seiler 1983: 13; Категория 1989: 45).

Категория неотчуждаемости реализуется, в первую очередь, на лексико-семантическом уровне: в языке существует ограниченный закрытый круг слов, имеющих семантику неотчуждаемости; наряду с ним существует открытая группа имен объектов отчуждаемой семантики (Nichols 1988: 562; Heine 1997: 172). Группа имен объектов неотчуждаемой семантики не является универсальной, а варьируется от языка к языку. Дж. Николс приводит следующую наиболее обобщенную классификацию имен неотчуждаемых объектов: (а) термины родства и части тела, (б) отношение часть-целое, пространственные отношения, (в) культурно-базовые предметы и принадлежности (напр., *домашние животные*) (Nichols 1988: 572). Б. Хайне выделяет также: (г) относительные пространственные понятия (*вершина, середина*), (д) части предметов (*ветка, рукоятка*), (е) физические и психологические состояния (*сила, боязнь*), (ж) конструкции номинализации, т. е. словосочетания, в которых объект обладания выражен отглагольным существительным (*его пенние*) (Heine 1997: 10, см. также классификацию Seiler 1983: 13; Chappell, McGregor 1996).

Некоторые ученые в кругу отношений неотчуждаемости предлагают также рассматривать отношения часть-целое и отношения релятивности. Они выделяют понятие *полуотторжимости*, обозначая таким образом такие предметы, отчуждение которых не несет фатальных последствий для обладателя, напр., *волосы, борода, ногти* и т. д. (Журиная 1977: 205; 1979: 305).

Перечисленные выше лексические группы выделены по семантическому основанию. В то же время Дж. Николс утверждает, что рассматриваемые существительные скорее представляют структурную оппозицию, нежели семантическую. В языках, имеющих оппозицию неотчуждаемости — отчуждаемости, представлены различные системы маркирования посессивности. Таким образом, данные лексические классы не являются кросс-лингвистически постоянными, а всего лишь иерархией имен, определяемой разным маркированием (Nichols 1988, 1992: 117, 121). По мнению ученой, явление грамматической оппозиции неотчуждаемости — отчуждаемости присуще языкам, в которых в именной фразе маркировано главное слово (*head-marking*). В языках, где посессивный маркер прини-

мает зависимое слово (*dependent-marking*) морфологической оппозиции не наблюдается (Nichols 1988: 577, 1992: 117).

Типологические исследования показывают, что во многих языках маркирование неотчуждаемой посессивности имеет обязательный характер (Seiler 1983: 20; Nichols 1992: 117, 122; Chappell, McGregor 1996: 5; Heine 1997: 172 и т. д.). При наличии местоименных маркеров в некоторых языках специально оформляются только имена объектов неотчуждаемой семантики, как, напр., во многих меланезийских (Журинская 1977: 199–200, 1978:17), а также селькупском, нганасанском (Ким 1986а: 86–98) языках. Некоторые языки могут иметь два маркера посессивности: один для выражения неотчуждаемой принадлежности, другой — для отчуждаемой, напр., адыгейский (Иванов 1975: 63; Кортјевская-Тамм 2003а: 703–705), бесленевский диалект кабардинского языка (Кортјевская-Тамм 2003а: 703–705). По мнению исследователей, способы маркирования неотчуждаемой посессивности являются наиболее архаичными (Nichols 1992: 117; Heine 1997: 172; Seiler 2001: 28). Важной грамматической особенностью неотчуждаемой принадлежности является ее реализации как атрибутивной посессивности: естественная посессивность не нуждается в предикативном оформлении факта обладания или принадлежности (Seiler 1983: 83–83, 2001: 28; Селиверстова 1973: 99; Чинчлей 1996: 102–103; Heine 1997: 172; Herslund, Varon 2001: 12–14 и т. д.).

Имена объектов неотчуждаемой семантики имеют также особенности в синтаксическом выражении. Зачастую именной посессор неотчуждаемого объекта не может образовать единой именной фразы с обладаемым, а в некоторых языках принимает специальное маркирование и синтаксически отделяется от обладаемого, либо наоборот опускается. Первое явление принято называть *подъемом посессора* либо *внешним посессором*, второе — *опущением посессора* (см. п. 1.4.2.).

1.2.2. Градуальная классификация

Кроме дихотомической классификации существует подход более сложной градации имен. Напр., Ш. Балли на примере европейских языков ввел понятие *личной сферы* (*sphère personnelle*), обозначая этим совокупность частей тела, предметов, существ, связанных с личностью, при этом близость отношения обладаемого и посессора зависит от семантики обладаемого, а также варьируется от языка к языку (указание в Журинская 1979: 301; Seiler 1983: 13–14; Chappell, McGregor 1996: 5). Вслед за Ш. Балли Х. Зайлер предлагает вместо *неотчуждаемой* (*inalienable*) употреблять термин *ингерентная* (*inherent*) посессивность. Ингерентная посессивность организована иерархически, т. е. представляет градацию по *шкале интимности* (*the scale of intimacy*), отражая степень близости или удаленности предмета от эго (посессора). Так, напр., в большинстве

языков первую позицию на шкале интимности занимают термины родства (Seiler 1983: 12–13).

Исследуя семантику объекта обладания в некоторых славянских языках, А. В. Головачева предлагает рассматривать предметы относительно их «степени неотчуждаемости», согласно которой существуют «абсолютно», «относительно», «окказиально» неотчуждаемые, а также отчуждаемые предметы.

«Абсолютная» неотчуждаемость выражает отношение, при котором обладаемое мыслится как необходимый элемент понятия, к классу которого относится посессор. «Относительная» неотчуждаемость обозначает отношение, при котором обладаемое мыслится как элемент посессора, присущий ему с большой степенью вероятности. «Окказиальная» неотчуждаемость предполагает значительно меньшую степень обязательности или вероятности осмысления обладаемого как органичного элемента посессора. Эта группа включает понятия, которые мыслятся как отчуждаемые, но в определенных ситуациях могут восприниматься как часть посессора. Отчуждаемая принадлежность предполагает собственно посессивную связь, а отношение между посессором и объектом требует обязательного эксплицитного выражения (Головачева 1983: 21–24; Категория 1989: 45, 61–66).

Объекты обладания также могут быть классифицированы по принципу *обязательности* или *необязательности* (Seiler 1983: 13; Heine 1997: 20). *Обязательность* предполагает обязательное наличие обладаемого у посессора. При этом не все неотчуждаемые предметы могут иметь обязательный характер, напр.: имена, выражающие свойства, термины родства по нисходящей и горизонтальной линии, некоторые части тела человека (борода, усы) и т. д. — являются необязательными

Каждый язык может реализовывать собственную иерархию имен. Напр., языки цвана и банту, морфологически различают коллективную и индивидуальную посессивность: первая — предполагающая принадлежность к территориальной группе (чуть шире семьи) — имеет формальный морфологический показатель *-ga-*; вторая не маркируется (Heine 1997: 23). Некоторые меланезийские языки морфологически отражают принадлежность предметов, предназначенных для еды, питья и т. д. (Журина 1978; Heine 1997: 24).

1.2.3. Посессивные ситуации

Лексико-семантическое наполнение компонентов в значительной мере влияет на образование посессивной связи, однако основное содержание конструкции зависит от конкретной ситуации. В примере *the dog's bone* 'кость собаки' посессор *собака* не является типичным, однако эта конструкция может выражать собственно посессивное отношение применитель-

но к ситуации, когда собака нашла кость и имеет полное право ею пользоваться (Taylor 2005: 229).

В кросс-лингвистическом плане наиболее типичны ситуации, в которых посессор является человеком, а обладаемое таким предметом, которое может:

- (а) законно ему принадлежать (*шапка Пети*),
- (б) быть в его распоряжении (*офис Пети*),
- (в) быть артефактом, а посессор — автором или творцом (*стихотворение Пети*),
- (г) являться качеством, свойством посессора (*смелость Пети*),
- (д) отражать социальное отношение (*сосед Пети*).

Кроме того, посессор может быть неодушевленным, а конструкция выражать принадлежность:

- (е) времени (*спектакль понедельника*),
- (ж) месту (*банки Стокгольма*) (Kortjevskaja-Tamm 2008).

Б. Хайне (Heine 1997: 33–37) на материале языков мира предлагает классификацию, отражающую семантическое ядро посессивности:

(1) *физическая (моментная) посессивность* — посессор и обладаемое физически связаны в определенный момент времени, ср.: *I want to fill in this form; do you have a pen?* ‘Я хочу заполнить эту форму; у тебя есть ручка?’. Ср. также атрибутивный пример: *My glass is empty...* ‘Мой стакан пуст...’.

(2) *временная (окказиональная) посессивность* — посессор владеет предметом временно, не являясь его постоянным обладателем, ср.: *I have a car that I use to go to the office but it belongs to Judy* ‘У меня есть машина, на которой я езжу в офис, но она принадлежит Джуди’. Ср. атрибутивный пример: *You can't have my car because it belongs to my wife* ‘Ты не можешь пользоваться моей машиной, так как она принадлежит моей жене’.

(3) *перманентная (ингерентная) посессивность* — обладаемое является собственностью посессора, который является его законным владельцем, ср.: *Judy has a car but I use it all the time* ‘У Джуди есть машина, но ею все время пользуюсь я’. Ср. атрибутивный пример: *My car had an accident* ‘Моя машина попала в аварию’.

(4) *неотчуждаемая посессивность* — обладаемое мыслится как неотделимый от посессора предмет, напр., части тела, родственники. *I have blue eyes/ two sisters* ‘У меня голубые глаза/ две сестры’. Атрибутивный пример: *my father* ‘мой отец’, *my eyes* ‘мои глаза’.

(5) *абстрактная посессивность* — обладаемое обозначает абстрактное понятие, напр., *болезнь, чувство* и т. д. или выражает значение, противоположное посессивности, ср.: *I have a missing tooth* ‘У меня нет зуба’. Ср. также: *my flu* ‘мой грипп’, *my thoughts* ‘мои мысли’.

(6) *неодушевленная неотчуждаемая посессивность* — выражает отношение часть-целое. Специфика класса предопределена неодушевленным посессором, обладаемое мыслится как неотделимая часть посессора,

ср.: *That tree has few branches* ‘На этом дереве несколько веток’. Ср.: *the ceiling of this room* ‘потолок этой комнаты’.

(7) *неодушевленная отчуждаемая посессивность* — посессор является неодушевленным, а обладаемое мыслится как отделимый предмет, ср.: *That tree has crows on it* ‘На этом дереве (есть) вороны’, а также: *the chairs of this room* ‘стулья из этой комнаты’.

В отличие от английского, другие языки могут иметь специальные морфологические показатели для кодирования, напр., физической и перманентной посессивности (Heine 1997: 35).

Необходимо отметить, что посессивная ситуация может иметь дискурсивную установку (Koptjevskaja-Tamm 2008), т. е. набор компонентов обретает конкретное значение в условиях определенного дискурса. Напр., известный пример Дж. Тэйлора *the dog's bone* ‘кость собаки’ будет выражать прототипичное отношение обладания в случае, если к моменту высказывания из предыдущего дискурса известно, что собака нашла или присвоила кость. Точно также интерпретация примера *John's car* ‘машина Джона’ зависит от текстуальных отношений компонентов.

1.3. Когнитивное содержание посессивности

Понятие посессивности в лингвистике возникло на базе таких категорий, как локативность, бытийность, социативность (Lyons 1967; Clark 1978; Seiler 1983; Heine 1997; Herslund, Baron 2001; Stassen 2009: 14). Исследуя когнитивные модели предикативных конструкций обладания в языках мира, Б. Хайне (Heine 1997: 47–67) выделяет 8 *схем-источников (source-schema)*, которые наиболее часто в различных языках составляют когнитивную основу посессивных сочетаний:

(1) «Схема действия» (*Action Schema*) включает агенса, пациенса и действие, ср.: *X takes Y > X has, owns Y*. В настоящей конструкции в качестве посессивного предиката многие языки грамматикализовали такие типично транзитивные глаголы как *взять, брать, забрать* и т. д. Настоящая схема легла в основу предикативной посессивности в романских и германских языках, где предикат *have, haben, avoir* исторически восходит к транзитивному глаголу со значением ‘держать’, ‘взять’, ‘брать’, ср.: *I have a book* ‘Я имею книгу’.

(2) «Схема локализации» (*The Location Schema*) выражает посессивность по принципу локализации обладаемого у посессора, ср.: *Y is at X's place > X has, owns Y*. Структурная особенность конструкции выражается в том, что обладаемое имеет функцию подлежащего, а посессор — локативного дополнения. Схема типична, напр., для русского и эстонского языков, ср. эст.: *Isal on raamat* ‘У отца есть книга’, рус. *У меня книга*.

(3) «Схема социативности» ('The Companion (Accompaniment) Schema') — обладаемое является сопровождающим посессора, ср.: *X is with Y > X has, owns Y*. В таких конструкциях один член выступает в функции подлежащего, а второй — в функции комитативного дополнения. Соответственно, можно выделить две частные разновидности схемы: *посессор с обладаемым и обладаемое с посессором*. Схема социативности наиболее характерна для африканских языков, напр., банту, нигер-конго.

(4) «Бытийная схема» ('The Existential Schema') опирается на распространённые бытийные конструкции (*Y exists with reference to X*) и имеет три подтипа:

(4.1) «Генитивная схема» ('The Genitive Schema') — посессор закодирован как генитивный модификатор обладаемого, ср.: *X's Y exists > X has Y* или *My X exists*. Последний тип присущ языку кечуа, ср.: *llamay canmi* 'у меня есть лама' (букв. 'моя лама существует').

(4.2) «Схема цели» ('The Goal Schema') выражает отношение *Y exists to/for X > X has, owns Y*. В настоящей схеме посессор имеет форму датива или бенифактива, а обладаемое, как правило, является подлежащим. Конструкция типична для японского, венгерского, а также в некоторой степени французского, языков, ср. венгерский: *A fiú-nak van macská-ja* 'У мальчика есть кошка'.

(4.3) «Схема топика» ('The Topic Schema') посессор представлен в качестве топика или темы предложения, ср.: *As for X, Y (of X) exists > X has, owns Y*. При реализациях этой схемы нередко возникает эффект *двойного* или *множественного субъекта* (ср. англ. *double subject* или *multiple subject constructions*). Тип характерен для языков Дальнего Востока, а также японскому и монгольскому.

(5) «Схема источника» ('The Source Schema') посессор имеет форму аблатива со значением 'из', 'от', 'изнутри' и т. д., ср.: *Y exists (away) from X > X has, owns Y*. Большинство европейских языков выражают атрибутивную посессивность по такой схеме. Напр., англ. ср.: *the book of boy* 'книга мальчика'.

(6) «Схема Выравнивания» ('The Equation Schema') включает генитивные конструкции для выражения отношения принадлежности или представляет конструкцию принадлежности ('belong'-construction), ср.: *Y is X's (property) > Y belongs to X*. Схема отличается от остальных тем, что не имеет концептуального сдвига и встречается практически во всех языках, ср. английский: *The book is John's* 'Книга принадлежит Джону', русский: *Книга моя*.

По мнению Б. Хайне, перечисленные языковые ситуации — путем метафорического переноса, декатегоризации, специализации — грамматикализовались (см. 1.6.) для выражения определенной посессивной связи (см. 1.2.3.). Так, напр., в нило-сахарском языке ануак (анува) для выражения отчуждаемой посессивности грамматикализовалась «Схема цели», для неотчуждаемой — «Генитивная схема» (Heine 1997: 89, 67).

1.4. Структурная субкатегоризация посессивности

В современной лингвистической литературе принято выделять два основных типа посессивности: *атрибутивную* и *предикативную* (Ultan 1978; Clark 1978; Категория 1989: 133; Langacker 1995; Бондарко 1996; Чинчлей 1996; Heine 1997; Herslund, Baron 2001; Stassen 2009: 26 и т. д.). Некоторые ученые добавляют третий — смешанный — тип, для которого рассматривается явление «внешнего посессора» или «подъема посессора» (Herslund, Baron 2001: 4). Последователи петербургской школы функциональной грамматики предикативную и атрибутивную посессивность называют двумя центрами функционально-семантического поля посессивности (Бондарко 1996: 99; Чинчлей 1996: 101). Предположительно, эти типы имеют разную структуру, ср. англ.: *John has a book* ‘У Джона есть книга’ и *John’s book* ‘книга Джона’. Однако в некоторых языках предикативная и атрибутивная посессивные конструкции могут оформляться одинаково, напр., в венгерском, ср.: *a férfi-ak-nak a ház-a* ‘дом мужчин’ и *a férfi-ak-nak van ház-a* ‘У мужчин есть дом’ (Heine 1997: 27).

Некоторые исследователи находят, что типы посессивности имеют семантические особенности. Напр., атрибутивная посессивность по сравнению с предикативной является более многозначной и выражает общее значение принадлежности, в то время как предикативная выражает более специализированное значение (Бенвенист 1974; Herslund, Baron 2001: 4; Stassen 2009: 26–27).

По мнению Б. Хайне, рассматриваемые типы различаются особенностью информационной структуры: атрибутивные сочетания выражают *предсуппозиционную посессивность* (*presupposition*), а предикативные — *устанавливаемую посессивность* (*assertion*) (Heine 1997: 26).

Иногда атрибутивную посессивность рассматривают как неотчуждаемую, а предикативную как отчуждаемую (Seiler 1983: 62; Stassen 2009: 26). Или речь идет о тенденциях: неотчуждаемая посессивность имеет тенденцию выражаться атрибутивным способом, а отчуждаемая — предикативными (Чинчлей 1996: 102–103; Heine 1997: 172; Селиверстова 1973: 99 и т. д.). Однако в некоторых языках может быть наоборот (Nichols 1988: 578).

С точки зрения диахронии, предикативная конструкция чаще всего является основной, базисной, а атрибутивная — деривационной, производной от предикативной (Heine 1997: 29; Seiler 2001: 28). Вопреки последнему тезису Л. Стассен утверждает, что предикативные и атрибутивные конструкции часто имеют разные источники грамматикализации (Stassen 2009: 27).

1.4.1. Атрибутивная посессивность

Выражение посессивных отношений с помощью именной фразы принято называть атрибутивной посессивностью, ср. термины англ. *attributive* (Heine 1997; Herslund, Baron 2001, Nichols 1986), ср. рус. *атрибутивная* (Бондарко 1996; Чинчлей 1996), *именная посессивность* (Категория 1989), англ. *nominal, adnominal* (Stassen 2009), *phrasal* (Nichols 1988), *substantival* (Ultan 1978), *prenominal* (Taylor 2005). Существенная особенность рассматриваемого лингвистического типа посессивности заключается в том, что: (а) информация, выражаемая атрибутивной конструкцией, скорее является исходным положением, нежели утверждением; (б) конструкция выражает скорее объективные, устойчивые во времени отношения, нежели событийные, и (в) реализуется скорее во фразовом, нежели клаузальном синтаксисе (Heine 1997: 143). Б. Хайне полагает, что отношение посессор — объект посессивности соотносимо с отношением определяющее — определяемое, где посессор выражает качество или признак обладаемого, т. е. скорее отвечает на вопрос *Какой Y?*, нежели на вопрос *Чей Y?* (Heine 1997: 155).

В атрибутивных словосочетаниях компоненты могут выступать в качестве *главного слова (the head)* либо *зависимого слова (the dependent)*. На основании того, какой компонент принимает маркер связи, выделяются *head-marking* (маркирование главного слова), *dependent-marking* (маркирование зависимого слова), *double-marking* (маркирование обоих компонентов), *no marking* (маркирование отсутствует) типы конструкций (см. Ultan 1978; Nichols 1988, 1992, 1986; Кортjevская-Тамм 2003а и др.).

Б. Хайне, в свою очередь, предлагает метод *спецификации (specification)* (Heine 1997: 156–163), согласно которому один компонент именной фразы выполняет функцию «спецификатора» другого компонента, которым соответствуют термины *специфицируемое (specified)* и *спецификатор (specifier)*. При *спецификации обладаемого* в посессивных конструкциях чаще всего используются предлоги и послелогои (см. англ. *adposition*), напр., предлоги *of* в английском, *von* в немецком, *de* во французском. При *спецификации посессора* реализуется «Схема топика», напр., используются местоименные аффиксы. Последние конструкции отличаются тем, что (а) посессор является топиком или темой и позиционно предшествует обладаемому; (б) обладаемое, как правило, согласуется с посессором, а последний кодируется дважды: именем и местоименным модификатором; (в) оба компонента имеют один основной референт, т. е. обладаемое является контролируемым или частью посессора (Heine 1997: 159).

По Б. Хайне в основе когнитивной модели атрибутивных сочетаний чаще всего лежит «Локативная Схема», т. е. посессор мыслится как локализатор обладаемого. Кроме того, только в атрибутивных сочетаниях встречается «Схема источника» (посессор понимается как источник обладаемого). Другой характерной основой атрибутивной посессивности является «Схема топика».

Атрибутивные конструкции в основном происходят из предикативных, развившись в результате номинализации предикативных высказываний, но не наоборот (Heine 1997: 29; Чинчлей 1996: 103; Seiler 2001: 28). Последователи генеративной грамматики атрибутивные конструкции рассматривают в качестве номинализации предикативной посессивности (напр., Lyons 1968: 296–8).

1.4.2. «Внешний» и «внутренний» посессор

Явление *подъема посессора* или *внешнего посессора*, ср. англ. варианты: *external possession/possessor*, *possessor ascension*, *possessor raising*, *possessor promotion*, выражает такое синтаксическое отношение, при котором посессор является прямым аргументом глагола и не представляет единого синтаксического сочетания с именной фразой обладаемого:

“...[E]xternal possession to be constructions in which a semantic possessor-possessum relation is expressed by coding the possessor as a core grammatical relation of the verb and in a constituent separate from that which contains the possessum”.⁵ (Payne, Barshi 1999: 3; см. также определения Heine 1997:13, 163–172; Chappell, McGregor 1996: 6; Herslund, Baron 2001: 15 и др.)

Понятия «подъем посессора» и «внешний посессор» различаются. «Подъему посессора» соответствует определение, приведенное выше, однако не всякий «внешний посессор» может иметь эффект подъема. Так в примере *The dog bit him in the leg* ‘Собака укусила его за ногу’, по мнению Д. Пейн и И. Барши, не выражается никакого «подъема» посессора (Payne, Barshi 1999: 7). Такие случаи идентифицируются как «внешняя посессивность». При этом выделяется и понятие *внутренней посессивности* (*internal possession*), предполагающее конструкции, в которых посессор и обладаемое относятся к одной именной фразе, ср.: *my hat* ‘моя шляпа’ (Payne, Barshi 1999: 7, 23).

Статус компонентов — внешний или внутренний — зависит от их грамматической функции и от типа предиката. Напр., М. Хаспелмат предлагает иерархию предикатов, согласно которой внешний посессор более вероятен в начале шкалы, ср.: *воздействие на пациенс* < *динамический не воздействующий* < *статический*. В некоторых языках внешний посессор может появляться лишь при глаголах определенной семантики (1999: 13).

Другим определяющим фактором является лексико-семантическое содержание обладаемого. Как правило, внешний посессор характерен для имен с неотчуждаемой семантикой или имен, которые в иерархии типов

⁵ ...Внешняя посессивность предполагает конструкции, в которых семантическое отношение посессор — обладаемое кодируется путем оформления посессора как основного грамматического аргумента глагола автономно от компонента, содержащего обладаемое (Перевод с англ. С. Е.).

обладаемого являются наиболее ингерентными, ср.: *части тела* < *часть-целое* < *другие неотчуждаемые предметы* < *отчуждаемые и менее ингерентные* < *отчуждаемые и неингерентные* < *не имеющие свойства быть обладаемым* (Payne, Barshi 1999: 14; ср. также Tsunoda 1996: 576 и др.).

Б. Хайне предлагает альтернативный подход *посессивной спецификации* (*possessive specification*), согласно которому спецификация посессора либо обладаемого может диктовать разную синтаксическую кодировку, при этом эффект «подъема» или «внешнего посессора» необязателен (1997: 167). В случае спецификации посессора появляется типичная «Схема топика»: посессор, как правило, является участником высказывания и выполняет функцию темы, т. е. является внешним, предшествует обладаемому, грамматически согласуется с обладаемым, вследствие чего последний маркируется дважды. Зачастую посессор и обладаемое представляют отношение целое-часть, поэтому в первую очередь специфицированный посессор применим к частям тела (Heine 1997: 158–160).

Посессор в рассматриваемых конструкциях может быть субъектом, прямым или косвенным объектом, дативом, иметь эргативную или абсолютную форму, в некоторых языках выражается атрибутивным местоимением или местоименным аффиксом; а предикат обладает интранзитивным, транзитивным и дитранзитивным свойством (Payne, Barshi 1999: 3; Chappell, McGregor 1996: 6; Herslund, Baron 2001: 15–17). В некоторых языках Европы внешний посессор часто имеет маркер датива, напр., рус. *Врач обработал больному рану* (Podlesskaya, Rakhilina 1999: 509), франц. *Il lui a baisé la main* 'Он поцеловал ей руку' (Herslund, Baron 2001: 18).

Явление подъема посессора иногда имеет обратный эффект — *опущение посессора* (*possessor deletion*), т. е. предполагаемый посессор в конструкции грамматически не выражен (Seiler 1983: 18; Heine 1997: 171). В этом отношении, интересны примеры из языка эве, в которых посессор может опускаться при терминах, обозначающих части тела, если агенс и посессор являются кореферентными, а также у имен, выражающих пространственные или родственные отношения, или если референтом является адресат (Ameke 1996: 827).

1.4.3. Предикативная посессивность

Отличительными чертами предикативной посессивности являются: (а) объект посессора находится в близости от посессора минимальный промежуток времени, а в случае атрибутивной — имеет длительное отношение; (б) посессор является локативной целью обладаемого — локацией в случае атрибутивной; (в) посессор имеет минимальный контроль над обладаемым, в атрибутивной — полный контроль (Bugenhagen 1986: 129 из Heine 1997: 26). Структурной особенностью предикативной посессивности является то, что здесь представлены все три компонента посессив-

ной ситуации: обладатель, обладаемое и посессивный предикат (Чинчлей 1996: 101).

Предикативные конструкции принято классифицировать на конструкции, выражающие отношение *обладания* и *принадлежности* (Lyon 1968: 391; Clark 1978; Seiler 1983: 61; Heine 1997: 29; Herslund, Baron 2001: 9 и др.), встречаются также альтернативные термины *неопределенная* и *определенная посессивность* (Stassen 2009: 28).

Б. Хайне обозначает первые как *конструкции обладания* ('*have*'-*constructions*)⁶, ср.: рус. *У меня есть книга* и франц. *J'ai un livre*; вторые — *конструкции принадлежности* ('*belong*'-*constructions*) (Heine 1997: 29), ср.: рус. *Эта книга моя* и франц. *Ce livre est à moi*. Во многих языках второй тип представляет инверсию первого. Тем не менее, речь идет о двух функционально различных конструкциях, поскольку они выражают разную дискурсивную информацию. Различие заключается в определенном характере обладаемого в конструкциях принадлежности, и неопределенном — в конструкциях обладания (Бенвенист 1974: 212; Clark 1978: 91–101; Heine 1997: 30–31; Stassen 2009: 28–30 и т. д.). При этом в таких языках, как английский, посессор в конструкциях обладания является типичным топиком, а в конструкциях принадлежности топик — обладаемое (Stassen 2009: 28). Б. Хайне указывает также на семантическую дифференциацию: конструкция обладания является моносемичной, *конструкции принадлежности* — полисемичной, т. е. вторые могут выражать обширные посессивные отношения, а первые — лишь специфические (Heine 1997: 92, 104–105, 225–226). Необходимо отметить, что во многих языках конструкция обладания послужила основой для выражения значения перфекта, напр., в английском, немецком, романском языках, ср. англ. *I have it done* 'Я это сделал' (Lyon 1968: 395–7; Бенвенист 1974: 217–224; Категория 1989: 178–185; Heine 1997: 187–202).

Распространенной является классификация языков по типу предиката в конструкциях обладания: *иметь*- (*habeo*) и (или) *быть*- (*mihi est*) языки (Lyons 1968: 388; Бенвенист 1974: 212; Clark 1978; Категория 1989: 164, 172; Чинчлей 1996: 101). В конструкции «быть» предмет обладания оформляется как субъект, а обладатель является дополнением. В конструкциях обладания посессор имеет функцию субъекта, а обладаемое — прямого дополнения (Бенвенист 1974: 213; Категория 1989: 164). Второй тип встречается в европейских языках, напр., в английском, немецком, французском, большинстве славянских языков. В русском, латышском и финно-угорских языках представлена предикативная конструкция типа «быть». Украинский и белорусский языки находятся в состоянии перехода от одного типа к другому, т. е. имеют оба типа, ср.: украинский *у мене є гроші* букв. 'у меня есть деньги' и *ja maju hroši* букв. 'я имею деньги' (Категория 1989: 164).

⁶ В работах финно-угорских исследователей также встречаются термины «*habeo*-конструкция» (напр., Kokla 1963; Ким 1986.а.).

1.5. Функционирование посессивных конструкций

Б. Хайне утверждает, что в языке могут сосуществовать сразу несколько посессивных конструкций, причем как в синхронии, так и диахронии. Каждая конструкция может иметь свои функциональные особенности. Реже в языках появляются синонимичные конструкции, напр., в некоторых славянских языках предикативная конструкция может образоваться как на основе «иметь» так и на основе «быть» схем (Heine 1997: 107; 150–154; Категория 1989: 164). При этом одни конструкции могут доминировать и выражать общие значения — *распространенные схемы* или *конструкции* (*major schema*), другие — иметь ограниченное употребление — *нераспространенные схемы* (*minor schema*). Согласно Б. Хайне, распространенные конструкции имеют (а) минимальную контекстуальную ограниченность; (б) допускают как одушевленный, так и неодушевленный посессор; выражают как отчуждаемое так и неотчуждаемое отношение; (в) выражают большинство посессивных понятий. Нераспространенные конструкции, как правило, выражают ограниченное число посессивных понятий, чаще всего одно (Heine 1997: 104–5).

Подобным же образом дифференцируют *собственно* и *несобственно посессивные* конструкции другие авторы. В первом случае основным значением конструкции является посессивность, во втором — это значение является дополнительным или косвенным (Категория 1989: 113). Представители функциональной грамматики конструкции с основным посессивным значением называют центром семантического поля, а остальные — периферией. К периферии, в том числе, относятся конструкции, где вместо предиката *иметь/быть* выступают глаголы типа *купить, украсть, выиграть, получить* и т. д. (Чинчлей 1996: 103).

Кроме того, следует отметить, что в языке могут существовать конструкции, с неясным посессивным статусом. Чаще всего такие сочетания представляют раннюю стадию грамматикализации и могут интерпретироваться относительно их непосессивного когнитивного источника (Heine 1997: 133).

Вариативность возможна также в силу структурной корреляции такого синтаксического фактора как порядок слов и морфологического фактора как маркирование согласования (Heine 1997: 153), а также синтаксических функций компонентов, информационной структуры предложения.

Вариативность конструкций можно наблюдать в диахроническом плане. Напр., в старофранцузском языке атрибутивная посессивность выражалась тремя способами: с помощью предлога *a*, предлога *de* (в значении «из, изнутри»), и без маркера, ср. (Hawkins 1981: 266–7 из Heine 1997: 150):

- (а) *la chanbre a la pucele* ‘спальня девы’
- (б) *les cols de lor chevaus* ‘шеи их лошадей’
- (в) *le filz sainte Marie* ‘сын Святой Марии’

Конструкция с предлогом *de* употреблялась в случаях, когда посессором являлось животное либо предмет; предлог *a* сочетался с посессором-человеком, при условии его низкого социального статуса; более высокий социальный статус лица-посессора, личные имена и термины родства требовали беспредложной конструкции. Впоследствии такой принцип дифференциации утратился: предлог *de* стал доминировать в посессивных атрибутивных конструкциях, а предлог *a* сохранился лишь в отдельных случаях (Heine 1997: 150–151).

1.6. Грамматикализация категории посессивности

Грамматикализация (ср. англ. *grammaticalization*, *grammaticization*, *grammatization* и т. д.) — это процесс изменения языка — с одной стороны, и процесс изучения языковых изменений — с другой (Croft 2006: 366; см. перечень определений в Bria 2000; Heine et al. 1991: 3–5). Основным преимуществом данного метода является наличие инструментов или механизмов, позволяющих проследить языковые изменения.

Другим преимуществом теории грамматикализации является то, что языковые изменения рассматриваются в совокупности. Напр., грамматические изменения могут спровоцировать изменение информационной структуры или особенности дискурса языка, расположение слов в предложении, парадигматическое развитие языка и т. д. (напр., Lehmann 2008).

Согласно Б. Хайне, грамматикализация предикативных посессивных конструкций протекала на базе «схем-источников» (см. п. 1.3.). Путем деграмматикализации, спецификации или метафорического переноса таких конкретных категорий как действие, локализация, цель, сопровождение и др. образовалась более абстрактная посессивная категория. Грамматикализация «схем-источников» происходила целенаправленно; в качестве *ориентира* (*target*) выступали приведенные в п. 1.2.3. посессивные понятия, выражающие отношение отчуждаемой, неотчуждаемой, физической и др. посессивности. Процесс грамматикализации опирался на пересечения конкретных и посессивных значений и протекал ступенчатъ, ср. схему «модель пересечения» (Heine 1997: 76–89). Образование посессивных конструкций из «схем-источников» предполагает некоторые алгоритмы, напр., определенные участники располагаются перед неопределенными, одушевленными — перед неодушевленными, посессор имеет качество субъекта. Результатом такого процесса иногда становится «гибридная форма», т. е. сохраняются особенности конструкции источника, но в то же время приобретаются свойства целевой конструкции. Примером может служить явление двойного маркирования, который возникает при грамматикализации «Схемы топика» в посессивную конструкцию (Heine 1997: 111–114).

Структура	Этап развития		
	I	II	III
Источник	A	A	
Цель		B	B

«Модель пересечения» (Heine 1997: 82).

Переход конкретной *схемы источника* (A) в более абстрактную *целевую схему* (B) происходит через этап *пересечения* (*overlapping*) (AB), где обе схемы сосуществуют и представляют двусмысленную ситуацию. Для иллюстрации настоящего процесса ученый приводит пример из русского языка по материалам А. Исаченко (Isačenko 1974: 45–7 из Heine 1997: 83), ср.:

- (а) *Лампа стоит у окна.*
- (б) *Машина у Пети.*
- (в) *Сейчас у Марковых грипп.*
- (г) *У Пети есть машина.*

Примеры (а) и (б) представляют локативную ситуацию (I этап), пример (в) является двусмысленным (II этап) и служит «схемой-источником» для посессивной конструкции (г) (III этап). По мнению исследователя, грамматикализации настоящей схемы в посессивную способствовали следующие факторы: (а) *быть* у ассоциировалось с человеческим посессором, (б) употребление ограничивалось высказываниями с глаголом *быть* (или без глагола), (в) локализатор у занимает инициальное положение (Heine 1997: 83–84).

Наличие той или иной схемы языке часто определяется ареалом распространения конструкции, напр., в большинстве европейских языков распространена конструкция с предикатом «иметь». С другой стороны, возможна и самостоятельная грамматикализация конструкций в пределах отдельного языка. Поскольку посессивность относится к той части грамматики, которая относительно быстро изменяется или обновляется (Heine 1997: 141), ученые полагают, что в протоиндоевропейском языке, возможно, рассматриваемая категория не имела спецификации или выражалась иными способами, напр., по «Схеме цели» (Meillet 1923: 9; Heine 1997: 138–142).

1.7. Проблема изучения категории посессивности в удмуртском языке, типологический аспект

Категория посессивности в удмуртском языке, как и в родственных уральских языках, традиционно рассматривается в ключе семасиологического подхода и понимается как морфосинтаксическая категория, выражающая отношение принадлежности. Соответственно, как правило, посессивные конструкции рассматриваются по их морфосинтаксическому

оформлению. Напр., выделяются морфологический способ выражения посессивности (конструкции с посессивным суффиксом), морфосинтаксический способ (генитивные конструкции) и синтаксический (примыкание) (Mark 1925; Сидоров 1945; Sebestén 1957, 1958, 1959; Перевошиков 1957, 1962; Schlachter 1960; Kokla 1963; Терещенко 1962; Феоктистов 1963; Вахрушев 1970, 1980, 1984; Ким 1986а, 1986б; Сорокина 1986; Колпакова 1988; Sazhina 2005 и т. д.). Теоретический материал убедительно демонстрирует, что с помощью подобного подхода невозможно описать всю специфику посессивной категории. Кроме того, в поле зрения исследователя не попадают такие конструкции, которые в современных языках находятся на стадии грамматикализации или выражают посессивное отношение только косвенно. Структурный подход не раскрывает в полном объеме семантического содержания категории. Применительно к финно-угорским языкам совершенно неразработанными остаются категории неотчуждаемой и отчуждаемой, одушевленной и неодушевленной, определенной и неопределенной и др. типов принадлежности.

1.7.1. Из истории изучения и классификации атрибутивных конструкций

Основным способом выражения притяжательности в удмуртском языке являются посессивные суффиксы (далее Рх). Первое описание Рх встречается в первой грамматике удмуртского языка, где дается четкая парадигма как в номинативе, так и в сочетании с падежными показателями (далее — Сх). Здесь также отмечаются притяжательные функции генитива и в некоторых случаях аблатива, приводятся местоименные атрибутивные сочетания (Сочинения 1775: 1–13). Более научно обоснованную классификацию посессивных конструкций можно найти в грамматике Ф. Видемана, который выделяет следующие разновидности посессивных сочетаний:

(а) посессор предшествует обладаемому и имеет генитивный маркер -*len*, обладаемое не маркировано, ср.:

Малы Иоанн-лэн но фарисей-ёс-лэн дышетскись-ёс постноез уте ‘Почему ученики-PL Иоанна-Gen и фарисеев-PI-GEN соблюдают пост’;

(б) посессор в препозиции не имеет маркера, обладаемое в постпозиции оформляется Рх, ср.: *Инмар косэм-з-э...* ‘Веление-3SG-ACC бога-NOM’ и *Адыми ни сётске съёлыкь-ёс ки-я-зы* букв. ‘Сын человека-NOM... дается в руки-ILLAT-3PI грехов-PI (лит. Сын человека попадает во власть грехов)’;

(в) двойное маркирование: обладаемое в форме генитива либо аблатива, обладаемое — Рх, соответствующим лицу и числу обладателя, ср.: *Мар тын-ад уж-ед ми дорам* ‘Какое твое-GEN дело-2SG у нас’, и *Сьöраз басьтэ айы-з-э но мумы-з-э но ныл-лэсь*⁷ ‘С собой берет и отца-3SG-ACC,

⁷ Орфография дана согласно В. М. Вахрушеву (1970: 79).

и мать-3SG-ACC девушки-ABL’ (Wiedemann 1851: 53–54; Вахрушев 1970: 79).

В. М. Вахрушев пролагает, что Ф. Видеманн ориентируется на неудачные переводы, и утверждает, что в удмуртском языке возможны только типы (а) и (в), а тип (б) может иметь место только при условии, что посессор выражен усилительно-личным или личным местоимением, ср.: *ас ки-я-м* (свой-NOM рука-INES/ILLAT-1SG) ‘в своей руке/в свою руку’ и *мон ки-я-м* (я-NOM рука-INES/ILLAT-1SG) ‘в моей руке/в мою руку’ (Вахрушев 1970: 79–80).

В большинстве грамматик конца XIX — начала XX вв. посессивные конструкции рассматриваются не комплексно, а описываются в связи с какой-либо грамматической категорией: Рх рассматривается как морфологическая категория существительного, конструкции примыкания — в связи с атрибутивными функциями номинатива, а генитивные — при описании функций генитива (Wiedemann 1851; Aminoff 1896; Глезденев 1921; Удморт 1924; Емельянов 1927; Яковлев 1930; Жуйков 1937; Поздеева 1939: 71). При этом не все грамматики отмечают чередования генитива и аблатива в случае, когда обладаемое имеет функцию прямого объекта в предложении (Глезденев 1921; Удморт 1924; Яковлев 1930). Необходимо отметить, что, поскольку посессивность является семантической категорией, такой принцип характерен и для многих современных работ, описывающих грамматический строй языка (ГСУЯ 1962; Suihkonen 1995; Csúcs 1998; Kel'makov, Hännikäinen 1999; Bartens 2000; Winkler 2001 и др.).

Впервые полную классификацию средств выражения притяжательной связи пытается разработать А. А. Поздеева: (а) с помощью Рх; (б) посессор выражен именем или местоимением в форме адессива на *-лэн*, а объект выражен Рх и выполняет функцию подлежащего, косвенного дополнения или обстоятельства; (в) если «объект принадлежности» является прямым дополнением, то «субъект принадлежности» принимает форму аблатива на *-лэсь*. Такую связь Поздеева называет «полным изафетным сочетанием», ср.: *дышетскись-лэн книга-ез* ‘книга-3SG ученика-GEN’; (г) «аморфное примыкание». По мнению ученой, «полная изафетная связь» отличается от «аморфной» тем, что выражает принадлежность более конкретно и ярко (Поздеева 1949: 3–4). Традиция, заложенная А. А. Поздеевой, с небольшими уточнениями продолжается до сих пор (Первошиков 1962: 77–79, 1957: 83; Вахрушев 1970; Алатырев, Калинина 1970: 8–21; Каракулова, Каракулов 2001: 76–78, 104–112). Однако, отделяя грамматические категории от лексико-грамматических, Г. А. Ушаков утверждает, что единственным способом выражения грамматической категории посессивности в удмуртском языке являются Рх, а посессивные конструкции — показателями их валентности. Словосочетание типа *корка липет* ‘крыша дома’ ученый не рассматривает в качестве посессивной, поскольку семантика принадлежности выражается не морфологически, а синтаксически (Ушаков 1982: 38–41, 1984: 8).

Рассматривая особенности связи компонентов посессивных конструкций, удмуртские языковеды в сочетании *имя+Px* усматривают морфологический способ связи, в неформленных сочетаниях — примыкание (Перевошиков 1957; Вахрушев 1970; Калинина, Алатырев 1970 и т. д.). Затруднительным является определение связи в генитивных конструкциях: некоторые определяют ее как «согласование» (Конюхова 1957; Тепляшина 1966: 275), другие видят особую «форму притяжательной связи, обозначающую отношения принадлежности» (Перевошиков 1957), третьи обозначают ее как «изафет»⁸ (Поздеева 1949; Калинина, Алатырев 1970; Вахрушев 1970; Каракулова, Каракулов 2001: 76). Адаптируя термин к удмуртскому материалу, В. М. Вахрушев (1970: 78–79) «изафетом» называет «только те конструкции, компоненты которых имеют морфологические показатели». Далее, видимо, в русле тюркской традиции, «изафетные сочетания» ученый выделяет три типа:

(а) конструкции с двойным маркированием называет «**первым типом изафета**», ср.: *атай-лэн юрт-эз* (отец-GEN дом-3SG) ‘дом отца’, *дышетйсь-лэн пи-ез* (учитель-GEN сын-3SG) ‘сын учителя’, *мын-ам ана-е* (я-GEN мать-1SG) ‘моя мать’;

(б) конструкции только с маркированным определяющим компонентом — «**изафетом второго типа**», ср.: *Коля-лэн мылкыд капчи* (Николай-GEN настроение-NOM хороший) ‘Настроение у Николая хорошее’, *Милям улон шулдыр* (мы-GEN жизнь-NOM веселый) ‘Наша жизнь прекрасна’;

(в) и конструкции с маркированным главным словом — «**изафетом третьего типа**», ср.: *ас гурт-а-м* (свой-NOM деревня-ILLAT/INES-1SG) ‘в своей деревне/в свою деревню’, *мон ки-я-м* (я-NOM рука-ILLAT/INES-1SG) ‘в моей руке/в мою руку’.

В типологическом плане удмуртские посессивные конструкции имеют похожие черты с сочетаниями уральских, а также тюркских и др. языков. Почти все уральские языки отношение посессивности выражают посредством Px, ср.: коми-зырян. *чер-ой* ‘мой топор’, мар. *книга-т* ‘твоя книга’, эрзян. *тейтере-зэ* ‘ее/его дочь’, мокш. *стире-ц* ‘ее/его дочь’, фин.

⁸ Изафет (араб. *idāfa*, букв. «присоединение») — грамматическая конструкция, характерная для семитских, иранских и тюркских языков. Применительно к иранским и семитским языкам данным термином принято обозначать именные конструкции, в которых второй компонент имеет форму генитива и определяет первый. В традиции тюркского языкознания изафетом принято обозначать именные словосочетания, служащих для выражения притяжательных отношений. В зависимости от маркирования главного или зависимого слова, или обоих компонентов, или отсутствия маркирования принято выделять I, II, III и иногда IV типы изафета, (см., напр., Майзель 1957, Языки 1997 и т. д.). В финно-угорских языках встречаются подобные тюркским притяжательные конструкции, но в терминологической традиции используются европейские или латинские названия, тогда как в тюркской традиции используется арабская терминология. Применяя термин «изафет» к удмуртскому языку, В. М. Вахрушев рассматривает только случаи двойного маркирования, в том числе случаи, когда один из маркеров опускается.

isä-ni 'мой отец', кильдинский саам. *åbbā-m* 'моя сестра', венг. *háza-m* 'мой дом', хант. *xon-em* 'моя лодка', тундровый нен. *mэти-да* 'его (брата) упряжные олени', сельк. *néña-p* 'моя сестра' (СКЯ 1955; Tauli 1966; Андуганов 1991; Ким 1986а.). Принято считать, что эстонский, ливский и водский языки утратили посессивные показатели, их следы сохранились в некоторых архаичных формах или употребляются с ограниченным кругом имен (Alvte 1968: 658; Tauli 1966: 60–65). На основании сочетания Rх с Сх принято выделять языки, в которых посессивный формант следует за падежным (прибалтийско-финские, мордовские, саамский, самодийские), Rх предшествует Сх (венгерский, хантыйский, мансийский), Rх и Сх имеют разное положение в зависимости от падежа (пермские, марийский, нганасанский) (Серебрянников 1962; Феокистов 1963; Терещенко 1966, 1979; Майтинская 1974: 271; Беккер 1983; Ким 1986а: 54–5). Rх в уральских языках могут обозначать как собственно принадлежность, так и идентификацию, функции определенного артикля, вокативность или ласкательное значение (см. подробнее п. 3.1.3.). Дистрибуция Rх в современных уральских языках неодинакова, напр., они могут употребляются только с некоторыми именами, а именно терминами родства, анатомической лексикой, с именами, выражающими предметы обихода, напр., в водском, самодийских языках (Терещенко 1966: 381; Майтинская 1974: 268; Ким 1986а: 87), в других языках имеют интенсивное употребление также с другими классами имен, напр., в марийском, мордовских, удмуртском, венгерском (Майтинская 1955: 118–9; Феокистов 1963: 136–144; Kókla 1963: 32; Ким 1986а: 96–7). Почти во всех уральских языках Rх сочетается с инфинитивом, герундием, местоимением, наречием, числительным и выполняют функцию идентификации. В уральских языках наблюдается тенденция замены синтетического способа выражения посессивности аналитическим, т. е. употребление Rх уменьшается (Tauli 1960: 60).

Большинство исследователей предполагает, что Rх уральских языков имеют общее происхождение и восходят к личным местоимениям (Castrén 1862: 213; Szinyei 1922; Mark 1925; Серебрянников 1963: 99; Майтинская 1974: 267, 273; Хайду 1985: 236 и др.). По мнению К. Е. Майтинской, грамматикализация личных местоимений в Rх произошла на базе трехкомпонентных словосочетаний: за личным местоимением в функции притяжательного определения следовало определяемое имя, далее еще раз употреблялось то же местоимение в качестве подчеркивающего приложения, которое со временем превратилось в морфему (1974: 267). Таким образом, сложилась следующая парадигма Rх: 1 л. *-mǝ>*-m*, 2 л. *-tǝ>*-t*, 3 л. *-sǝ>*-s* (Майтинская 1974: 273). Некоторые ученые также восстанавливают парадигму множества обладателей, напр., 1 л. **-myk*, 2 л. **-tyk*, 3 л. **-syk* (Szinyei 1922; Серебрянников 1963: 100; Хайду 1985: 237); а также парадигму принадлежности множества обладаемых единственному обладателю, ср.: 1 л. *-nty*, 2 л. *-nty*, 3 л. *-nsy*; а также множеству обладателей, ср.: 1 л. *-ntyk*, 2 л. *-ntyk*, 3 л. *-nsyk* (Серебрянников 1963: 100). Показатель *-n* в функции

обозначения множества обладаемых сохранился в мордовских и мансийском языках (Szinyei 1922: 98). Отсутствие показателя 1 л. ед.-*m* в пермских языках объясняется возникновением форм на гласный, ср.: удм.-*e*, коми-з.-*ej*, коми-п.-*e*, либо грамматикализацией конечной гласной основы (Uotila 1933: 226; Wichman 1954: 152–153; Емельянов 1927: 128–9; Бубрих 1948: 65; Лыткин 1970: 228; Тепляшина 1976: 149), либо заменой 1SG уменьшительно-ласкательным суффиксом (Серебренников 1963: 107–111). Однако есть ученые, которые сомневаются в общем происхождении Рх уральских языков, аргументируя это тем, что парадигма суффиксов в современных языках нерегулярна, а в некоторых языках их нет совсем. (Farkas 1954: 59; Kulonen 2001; Künnap 2006: 68). У. М. Кулонен предположила, что процесс мог протекать наоборот — личные местоимения могли образоваться на основе личных окончаний глаголов (Kulonen 2001).

Среди рассматриваемых атрибутивных конструкций наиболее древними принято считать конструкции примыкания, которые образовались еще в прауральскую эпоху (Серебренников 1964: 68; Бубрих 1955: 12–3; Sebestyén 1957: 339; Kokla 1963: 279, 280; Феоктистов 1963: 55; Кривощекова-Гатман 1967: 268–9; Майтинская 1974: 267; Вахрушев 1970: 82; Андуганов 1992: 26 и т. д.). Сочетание встречается практически во всех уральских языках, ср.: коми-зырян. *керка ödzös* ‘дверь дома’, мар. *юдыр кит* ‘девичья рука’, мокш. *тума лона*, эрзян. *тумо лона* ‘лист дуба’, фин. *kalaluu* ‘рыбья кость’, кильдинский саам. *p’enne tořk* ‘собачья шкура’, венг. *tengerpart* ‘морской берег’, манс. *was pin* ‘утиный пух’, тундровый ненец. *колхоз’ нэсы* ‘поселок колхоза’, селькуп. *кыт қанык* ‘берег реки’, энец. *кезэр’ эба* ‘голова дикого оленя’ (Андуганов 1991: 25–6; Майтинская 1974: 267). Эта конструкция, как правило, имеет семантические ограничения и выражает в основном принадлежность части целому.

Намного реже в уральских языках встречается конструкция двойного маркирования, ср.: луговой мар. *юдыр-ын кит-шы* ‘рука девушки’, мокш. *стуре-нь кяде-зо*, эрзян. *тейтере-нь кезде-зе* ‘рука девушки’, вен. *a ház-nak a tete-je* ‘крыша дома’ (Феоктистов 1963; Kokla 1963; Андуганов 1991). В некоторых языках конструкция имеет ограниченное употребление, напр., упортебляется только с местоименным посессором или выражает эмфатическое значение, ср. коми-зырян. *чай-лөн пальто-ыс* ‘пальто сестры’, фин. *häne-n poika-nsa* ‘его сын’, тундровый ненец. *nisja-nd mal’cj-a* ‘малица твоего отца’, селькуп. *iran näläti* ‘дочь старика’ (СКЯ 1955; Терещенко 1973: 41–3). Конструкции с двойным маркированием являются распространенными в тюркских языках. Некоторые финно-угроведы предполагают, что рассматриваемые сочетания в финно-угорских языках возникли под влиянием тюркских языков (Kokla 1963; Künnap 2006: 62–8; Wintschalek 1993: 107). Ю. В. Андуганов, проанализировав конструкции с двойным маркированием в некоторых самодийских языках, предположил, что конструкция восходит к уральской эпохе (1991: 38–40).

В то время, как в удмуртском языке конструкции с оформленным обладаемым («изафет второго типа») имеют ограниченное употребление, в

других уральских языках настоящее сочетание является доминирующим, ср.: фин. *roja-n laulu* ‘песня мальчика’, эст. *tini ema* ‘моя мать’; коми-зырян. *mös-lön юр* ‘голова коровы’, горно-мар. *ЫдЫр-Ын кит* ‘рука девушки’, тундровый ненец. *някан мэта* ‘упряжной олень моего старшего брата’ (СКЯ 1955; Андуганов 1991; Ким 1986а) и т. д. Ограниченное употребление также встречается в эрзянском (*учителе-нь кудо* ‘дом учителя’), мокшанском (*айгоро-нь грива* ‘грива лошади’), луговом марийском (*удыры-н кит* ‘рука девушки’) языках (Феоктистов 1963; Андуганов 1991).

Рассматриваемый тип и древний генитив на *-n некоторые ученые возводят к прауральской эпохе (Szinyei 1922: 55–62; Collinder 1960: 238, 282, 284, 286–287, 293–296; Майтинская 1974: 238), другие опровергают эту гипотезу (Sebestyén 1958: 339; Farkas 1956: 9–12). Принято считать, что угорские и пермские языки утратили древний показатель генитива, функция которого в этих языках восполнилась либо номинативом, либо одним из косвенных падежей, напр., в венгерском — дативом, в пермских языках — адессивом (Майтинская 1974: 238; Хайду 1985: 292–294).

Менее часто в уральских языках встречается конструкция с примыкающим посессором и маркированным обладаемым. Конструкция наиболее распространена в венгерском, ср.: *János könyv-e* ‘книга Яноша’, имеет ограниченное употребление в северных диалектах коми, ср.: *sy kerka-a-s* ‘в его дом’, *sy kerka-ez’ys* ‘до его дома’ (Baker, R. 1985: 165; Bartens 2000: 121). Рассматриваемая конструкция является типичной для тюркских языков.

1.7.2. Из истории изучения предикативной посессивности

В то время как посессивным словосочетаниям в удмуртском языке посвящено несколько отдельных статей, посессивные предикативные высказывания до настоящего времени только бегло упоминаются в описательных или учебных грамматиках либо в типологических исследованиях. Напр., в краткой грамматике удмуртского языка П. Суйхконен выделяет посессивные предложения типа:

- (а) *Kn’iga-ez piosmurt-len* ‘Книга-3SG принадлежит мужчине-GEN’,
- (б) *Myn-am anaj-e van* ‘У меня-GEN есть мать-1SG’,
- (в) *Ta pukon Kat’a kenak-len* ‘Этот стул-NOM тёти Кати-GEN’,
- (г) *Myn-a-m kyk nyl-y* ‘У меня-GEN две дочери-1SG’ (Suihkonen 1995: 307–311).

Беглое описание конструкций (б), (в) и (г) встречается в учебной грамматике В. К. Кельмакова и С. Хяникяйнен (Kel’makov, Hännikäinen 1999: 73, 82), в описательной грамматике Э. Винклера (Winkler 2001: 21–22, 71). Среди рассматриваемых конструкций типичной конструкцией обладания считается тип (б), который упоминается также в сравнительно-типологических исследованиях Л. Хонти (Honti 2008: 164), Э. Кангасмаа-Минн

(Kangasmaa-Minn 1984, 1993) и др. К сожалению, Грамматика современного удмуртского языка (ГСУЯ 1970), посвященная синтаксису простого предложения, не рассматривает предложения по семантическому типу, поэтому здесь мы не находим комплексного описания посессивных предложений. Напр., конструкции принадлежности упоминаются только в связи со сказуемым, выраженным именем, ср.: *Ta döđvy Ivan Petыр-lэн* 'Эти сани-NOM Петра Ивановича-GEN' (1970: 144); местоимением, ср.: *Ta пальто мын-ам* 'Это пальто-NOM моё-GEN' (1970: 145). Конструкции типа (г) — в связи со сказуемым, выраженным прилагательным, ср.: *Корка-мы ми-лям ёсужыт* 'Дом-1PL у нас-GEN высокий'; наречием, ср.: *Чорыг-ды ёжыт* 'Рыбы-2PL у вас мало', *Со-лэн книга-ос-ыз трос* 'У него-GEN много книг-PL-3SG'.

Более подробное описание предикативных посессивных конструкций встречается у Р. Бартенс. Наряду с конструкциями (а), (б), (в), (г) ее выделяют в пермских языках посессивные высказывания, в которых предикатом является оформленное деривационным суффиксом *-о* прилагательное в функции обладаемого, а посессор является субъектом предложения, ср.: удмурт. *murt tuš-o* 'человек бородатый', коми *mortys völi tošk-a* 'Этот человек был бородатый', отрицательная форма образуется с помощью суффикса *-tem*, ср.: *murt tuš-tem* 'У человека нет бороды', коми *sijö toš-töm* 'У него нет бороды' (Bartens 2000: 121–122). По мнению ученой, бытийно-посессивные высказывания с предикатом *van* в удмуртском языке напоминают тюркские конструкции обладания, в первую очередь, по признаку несогласования субъекта и экзистенциальной копулы. Во-вторых, в удмуртском также, как и в тюркских языках, настоящая копула имеет именное значение 'имущество', и употребляется в качестве местоимения со значением 'все, всё'. Такие особенности ученой находит и в марийском языке (Bartens 2000: 292–3).

Конструкции обладания в уральских языках в основном образуются на основе бытийного высказывания или относятся к '*mihī est*' языкам. Однако в хантыйском и мансийском языках конструкции употребляются как с помощью глагола *иметь*, так и *быть* (Kangasmaa-Minn 1984: 119–8, 1993: 52; Колпакова 2000: 137; Хонти 2008: 164). В большинстве языков обладатель имеет маркер какого-либо падежа, обладаемое является подлежащим и маркируется или не маркируется Рх. В прибалтийско-финских и саамских языках обладатель принимает форму адессива, генитива, датива либо локатива, а обладаемое не маркируется, ср.: фин. *minu-lla on lapsi* 'у меня есть ребенок', *roja-n on nälkä* 'мальчик голоден (букв. у мальчика есть голод)', саам. *räev-en aaj biesjie* 'У лисы есть нора'; в волжских — форму генитива, а обладаемое — Рх, ср.: эрзян. *áta-ńt kolmo tejter-enze* 'У отца есть три дочери', мар. *mari-n ulmaš imne-že* 'У человека была лошадь'; в венг. обладатель имеет форму генитива, исторически восходящего к дативу, ср.: *az apá-nak ház-a van* 'У отца есть дом'; в самодийских языках обладатель часто имеет форму номинатива, а обладаемое оформляется Рх (Хонти 2008: 163–4; Kangasmaa-Minn 1984, 1993).

В науке нет единого мнения о происхождении конструкций обладания в современных уральских языках: одни утверждают, что «быть»-тип уже существовал в праязыке (Ravila 1965: 62; Майтинская 1974: 268) и, возможно, посессор маркировался дативом, а обладаемое оформлялось Рх (Honti 2008: 166). Некоторые предполагают, что финно-угорская «быть»-конструкция повлияла на ее становление в русском и латышском языках (Veenker 1967: 117–9; Kiparsky 1967: 15–6, Suhonen 1993: 161), другие, напротив, утверждают, что конструкции типа финского *minulla on...* могли возникнуть под влиянием русского языка (Winkler 2002: 302). Л. Хонти предполагает, что влияние могло быть взаимным (2002: 172).

1.7.3. Из истории изучения семантического содержания посессивности

Изучению семантического содержания посессивности в удмуртском языке уделялось крайне мало внимания, впрочем, также как и категории посессивности в целом. Описание семантических особенностей категории сводилось, в основном, к исследованию личной посессивности, выражаемой Рх либо притяжательными местоимениями, а также одушевленной и предметной посессивности, обозначаемой генитивными конструкциями и примыканием (в более поздних грамматиках также аблативом), напр., первая грамматика (Сочинения 1775: 1–2), грамматики XIX и начала XX вв. (Wiedemann 1851: 53–4; Глезденев 1921: 15, 17, 47–48; Удморт 1924: 19; Емельянов 1927: 128, 138–139, 142; Яковлев 1930: 21; Жуйков 1937: 38; Поздеева 1939: 71, 1951: 46–47 и др.). Впервые содержательный аспект посессивности в удмуртском языке был рассмотрен в статье П. Н. Перевощикова, где ученый выделяет отношения:

(а) собственно обладания, ср.: *дышетйсь-лэн книгаос-ыз* ‘книги учителя’, *пинальёс-лэн дйсь-сы* ‘одежда детей’;

(б) неотчуждаемой принадлежности, ср.: *адями-лэн сюлм-ыз* ‘сердце человека’;

(в) принадлежности части целому, ср.: *корка-лэн липет-эз* ‘крыша дома’;

(г) родственной принадлежности, ср.: *инженер-лэн нэнэ-ез* ‘мать инженера’;

(д) принадлежности лица коллективу:

(д. 1) коллектив выражен определяющим существительным, а лицо — определяемым, ср.: *трактористь-ёс-лэн кивалтйсь-сы* ‘руководитель трактористов’;

(д. 2) коллектив обозначен определяемым, а лицо определяющим, ср.: *дышетйсь-лэн семья-ез* ‘семья учителя’;

(е) номинализированного действия и его производителя, ср.: *учы-лэн кырза-м-ез* ‘пение соловья’;

(ж) отношение лица и его внутреннего состояния, ср.: *ныл-лэн малтам-ез* 'мечта девушки';

(з) принадлежности результатов труда, ср.: *Горький-лэн верось-ёс-ыз* 'рассказы Горького';

(и) свойства обладателя, ср.: *ныл-лэн чебер-ез* 'красота девушки'; (к) отношение времени, ср.: *аран-лэн дыр-ыз* 'время жатвы' и т. д. (1957: 71–5).

Настоящие определения вошли также в современную грамматику (ГСУЯ 1962: 79–81). В. М. Вахрушев в одной из своих статей, приводя семантические типы притяжательных отношений П. Н. Перовщикова, вводит свои дополнения, напр., принадлежность предмета, явления другому предмету по месту его расположения, ср.: *школа-лэн азбар-ез* 'двор школы', отношение предметного содержания к предметной форме, ср.: *лымы-лэн люк-ез* 'сугроб снега' — *лымы люк* 'снежный сугроб' (1980: 134–138, 146–151).

Другим направлением в исследовании типов посессивности является семантическая дифференциация конструкций с генитивом и примыкания. Вслед за А. А. Поздеевой (1949: 4) П. Н. Перовщиков утверждает, что генитивные конструкции отличаются от примыкания «тем, что выражают отношение конкретной принадлежности» (1957: 76–77; ГСУЯ 1962: 78), такого же мнения придерживаются Л. И. Калинина и В. И. Алатырев (ГСУЯ 1970: 11). В. М. Вахрушев описывает разницу (а) по линии определенности и неопределенности, (б) по линии подчеркивания и неподчеркивания обладателя, (в) эмоциональной окрашенности или неокрашенности посессора (1970: 86; 1980: 132–133, 144).

Исследование неотчуждаемой посессивности⁹ (см. также п. 3.1.1.2.) в удмуртском языке основывается на изучении чередования Rх ед. ч. -e ~ -j. В первых грамматиках это чередование указывается спорадически или не указывается вовсе (Сочинения 1775; Глезденёв 1921; Жуйков 1937), либо объясняется фонетическими законами, напр., «посессивная форма зависит от предыдущего согласного» (Aminoff 1896: 31; Удморт 1924: 25), или «настоящие гласные являются остатками двух древних гласных основы слова» (Емельянов 1927: 128), либо дается лексическое объяснение, т. е. «алломорф -j употребляется только с определенными именами» (Яковлев 1930: 21; Поздеева 1939: 47). Позднее А. А. Поздеева более четко выделила группы слов, оформляющихся показателем -j: (а) некоторые части тела человека (*йыр-ы* 'моя голова', *пыд-ыд* 'твоя нога', *ныр-ыд* 'твой нос' и т. д.), (б) термины родства (*вын-ы* 'мой младший брат', *сурз-ыд* 'твоя младшая сестра'), (в) неделимые части предмета (*ныд-ыз* 'его рукоятка', *тышк-ыз* 'его тыльная сторона', *йыл-ыз* 'его кончик' и т. д.) (1951: 71–72).

⁹ В данной работе используется термин «неотчуждаемая посессивность/притяжательность», поскольку он уже использовался в удмуртской грамматике (см. Тепляшина 1955: 172; Перовщиков 1957: 71; Лыткин 1970, Кельмаков 1970, 1993).

Впервые понятие неотчуждаемости как отдельной категории в удмуртском языке было отмечено Т. И. Тепляшиной на материале тыловского говора удмуртского языка (1955: 172–173). По ее мнению, специфика данной категории выражается в том, что предметы, выражающие неотчуждаемую принадлежность, имеют огласовку на *-i*, а остальные — на *-e* (1955: 172). Исследовательница выделяет 8 групп имен, принимающих алломорф *-i* и выражающих семантику неотчуждаемости (см. 3.1.1.2.). Менее подробная классификация (5 групп) представлена в современной грамматике (см. ГСУЯ 1962: 82–83). Однако с мнением о существовании в удмуртском языке самостоятельной категории неотчуждаемости не согласны многие ученые, которые чередование *-e ~ -i* рассматривают как чисто фонетическое (Fokos-Fucsh 1963: 217; Vászolyi 1967: 37; Лыткин 1970: 231–233; Кельмаков 1970: 267, 1993: 26).

Как уже отмечалось, семантические типы посессивных отношений кросс-лингвистически являются универсальными. Особенность состоит лишь в том, как тот или иной язык кодирует настоящие типы. Приведенный выше материал демонстрирует, что уральским языкам свойственно выделять личную посессивность, выражаемую *Px*, хотя многие современные языки имеют тенденцию заменять их местоименными атрибутивными конструкциями (Tauli 1966: 60–65). Неличная посессивность в уральских языках выражается, как правило, конструкциями с генитивом и примыкания. Последняя тяготеет к обозначению принадлежности части целому, и чаще неконкретному посессору. Кроме того, принято считать, что конструкции примыкания в современных языках имеют тенденцию выражать неопределенную посессивность, а генитивные — определенную (Феоктистов 1963; Kokla 1963; Андуганов 1991 и т. д.).

Семантические категории неотчуждаемости и отчуждаемости в уральских языках дифференцируются скорее по принципу посессивного оформления обладаемого в первом случае, и отсутствием *Px* — во втором случае в тех языках, где употребление *Px* не активно, как, напр., в некоторых самодийских языках (Терещенко 1966: 381; Майтинская 1974: 268; Ким 1986а: 87, 161).

2. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПОСЕССИВНОСТИ

В настоящей главе мы исследуем семантические типы посессивности, которые удмуртский язык дифференцирует грамматически. Во-первых, мы попытались проследить корреляцию явных грамматических фактов и семантики, напр., семантическое обоснование чередования Рх, семантический принцип дистрибуции известных посессивных конструкций. Во-вторых, основываясь на изложенных теоретических положениях, мы рассмотрели типичные посессивные ситуации, перечисленные в п. 1.2.3. Такой подход вовлекает не только известные посессивные конструкции, но и много других, до сих пор не рассматривавшихся в рамках категории посессивности.

Категория посессивности является одной из основополагающих категорий удмуртского языка — практически все предметы, понятия и явления формально могут образовывать посессивную связь, которая является разнородной как в семантическом, так и грамматическом плане, и не всегда обозначает собственно отношение принадлежности. Такая особенность затрудняет однозначное определение семантической сущности категории в удмуртском языке. К. Фраурюд, исследуя непосессивные функции Рх 3 л. в пермских языках, утверждает, что Рх представляют скорее не референтную, а ассоциативную сущность, поскольку в определенных ситуациях речь вообще не идет о референции (Fraugrud 2001: 261). Подобной точки зрения придерживается и И. Николаева, которая утверждает, что в уральских языках посессивность выражает намного больше возможных отношений, нежели в индоевропейских языках (Nikolaeva 2003: 142). Опираясь на метод Р. Лангакера (Langacker 1993: 10–1), она находит, что в уральских языках посессивность может рассматриваться в рамках ассоциативных отношений, которые должны быть установлены в дискурсе или речевой ситуации к моменту высказывания, таким образом «посессор» концептуализируется первым и служит когнитивной точкой референции для установления ментального контакта с «обладаемым». Необходимым условием при этом является идентифицируемость компонентов: посессор идентифицируем в силу того, что является точкой референции и слушатель должен иметь о нем представление, а обладаемое — в силу прагматической ассоциации с другим определенным референтом (Nikolaeva 2003: 142–3).

Мы рассматриваем категорию посессивности в широком смысле, а именно: в качестве семантического содержания категории предлагаем исследовать неотчуждаемую принадлежность, отношение собственно посессивности, а также несобственно или ассоциативную посессивность. Кроме того, в зависимости от лексико-семантических и дискурсивных особенностей компонентов посессивной связи мы выделяем конкретные типы посессивных отношений, напр., одушевленная, неодушевленная, личная и предметная посессивность и др.

2.1. Лексико-сематическая классификация обладаемого

Анализ материала показывает, что в удмуртском языке большинство предметов, явлений, понятий, как правило, не могут существовать самостоятельно, а существуют только относительно референта. Как уже отмечалось, дихотомическая классификация имен на называющие неотчуждаемые и отчуждаемые объекты не всегда выражает их грамматические особенности. Учитывая посессивные особенности предметов и явлений, в лингвистической литературе существует разного рода иерархии имен, напр., классификация Х. Зайлера (Seiler 1983: 13), Дж. Николс (Nichols 1988: 572), А. В. Головачевой (1989: 21–4) и др. (см. подробнее Tsunoda 1996). На материале японского языка Т. Цунода в свою очередь приводит шкалу посессивности (*possession cline*), по которой имя более приемлемо в качестве обладаемого, если оно относится к категории имен, расположенных в левой части шкалы, и менее приемлемо, если выражает понятия правой части (Tsunoda 1996: 576, 581), ср.:

части тела > неотъемлемый атрибут > одежда (термины родства) >
домашние животные > продукты > другие объекты посессивности

Приемлемость обладаемого и *признание посессора (Possessor Respect)* базируются на психологической мотивации: чем ближе обладаемое находится к посессору, тем больше он идентифицируется с ним (Tsunoda 1996: 584).

На наш взгляд, в зависимости от того, насколько органична связь предмета и обладателя, удмуртские имена также можно классифицировать по шкале посессивности. Соответственно, одни имена имеют высокую степень посессивности или имеют врожденного посессора, а другие — низкую, т. е. они не ингерентны.

Кроме того, связь с посессором может осуществляться по принципу (а) *неотчуждаемой* и (б) *отчуждаемой принадлежности*. В первом случае речь идет об абсолютной части посессора, во втором — о предметах и явлениях, не являющихся его частью либо подлежащих отчуждению без фатальных последствий для обладателя. Имена объектов отчуждаемой семантики, в свою очередь, не являются однородными: некоторые объекты имеют ингерентного обладателя — *имена объектов высокой степени посессивности*, напр., *korka ĩpet* ‘крыша дома’, окказионального посессора — *имена объектов средней степени посессивности*, напр., *ataj-len korka-jez* ‘дом отца’, или обладатель неингерентный — *имена объектов низкой степени посессивности*, напр., *elkun-len nules-ez* ‘лес республики’. Имена, называющие неотчуждаемые предметы, и имена объектов высокой степени посессивности не нуждаются в дискурсивной установке притяжательной связи и дополнительных грамматических маркерах. Объекты средней и низкой степени посессивности часто выражают принадлежность, установленную в законном порядке, или непосессивную ассоциа-

тивную связь. При этом, как правило, необходима дискурсивная установка, а посессор оформляется дополнительными морфологическими средствами.

2.1.1. Неотчуждаемая посессивность

Во многих языках, в которых не существует специальных морфологических средств маркирования неотчуждаемой посессивности, классификация лексем со значением неотчуждаемости имеет условный характер. В других языках, имеющих специальный маркер, градация может быть более определенной. Удмуртский язык относится к тем немногим языкам, которые морфологически дифференцируют отчуждаемые и неотчуждаемые объекты обладания, хотя дифференциация происходит только в ед. ч. В первом случае удмуртский язык использует Рх с начальным гласным *-e*, ср.: 1SG *-e*, 2SG *-ed*, 3SG *-ez*, напр., *zɛk-e* 'стол-мой', во втором — гласным *-i*, ср.: 1SG *-i*, 2SG *-id*, 3SG *-iz*, напр., *ji-r-i* 'голова-маоя'. Анализ материала, основанный на принципе чередования Рх *e- ~ i* (см. подробнее п. 3.1.1.2.), показал, что основным семантическим содержанием неотчуждаемой посессивности в удмуртском языке является отношение целое-часть. Такому принципу, в первую очередь, подчиняются имена, обозначающие отношения человека (или живого существа) и частей его тела, организма, духовного состояния, а также частей и сторон неодушевленного предмета, некоторые качества и термины родства.

*Лексико-семантическая классификация имен неотчуждаемых объектов*¹⁰

1. Отношение части и целого

1.1. Человек или живое существо и его составляющее

1.1.1. Части тела и внутренние органы: *ji-r-i* 'голова-маоя', *ni-r-id* 'нос-твой', *im-iz* 'рот-его', *śulm-i* 'сердце-мое', *žušk-id* 'желудок-твой', *musk-iz* 'печень-его', *virser-i* 'вена-маоя', *biž-iz* 'хвост-его', *śur-iz* 'рог(а)-его', *burd-iz* 'крыло-его' и т. д.

1.1.2. Некоторые психические свойства и состояния человека: *lul-i* 'душа-маоя', *śam-id* 'характер, нрав-твой', *milkid-iz ~ mi-l-iz ~ mi-l-iz-kid-iz* 'настроение, душевное состояние-его', *tusbuj-i ~ tus-i ~ buj-i ~ tus-i-buj-i* 'образ, лицо-мое' и т. д.

1.2. Части и стороны неодушевленных предметов

1.2.1. Стороны предметов: *ji-l-iz* 'кончик, вершина-его', *tjšk-iz* 'тыльная часть-его', *put-iz* 'конец-его', *až-iz* 'передняя сторона-его', *ber-iz* 'задняя часть-его', *puš(k)-iz*

¹⁰ Более подробную лексическую классификацию см. в п. 3.1.1.2.

‘внутренняя часть-его’, *śer-iz* ‘задняя сторона-его’, *vjl-iz* ‘поверхность-его’ и т. д.

1.2.2. Естественные составляющие предметов: *njd-iz* ‘рукоятка-его’, *śem-iz* ‘скорлупа, шелуха-его’, *ķem-iz* ‘кожура-его’, *kuk-iz* ‘ножка-его’, *modos-iz* ~ *modos-ez* ‘ствол-его’, *vaj-iz* ~ *vaj-ez* ‘ветка-его’, *vužer-iz* ~ *vužer-ez* ‘тень-его’ и т. д.

2. Непредметные понятия с высокой степенью посессивности (предмет или человек и его свойства): *nim-i* ‘имя-мое’, *zjn-īd* ‘запах-твой’, *vižm-iz* ‘ум-его’, *dun-iz* ‘цена-его’, *tus-iz* ‘цвет, форма-его’, *šgm-iz* ‘вкус-его’, *djr-iz* ‘время-его’, *nunal-iz* ‘день его’, *ares-iz* ‘возраст-его’ и т. д.

3. Термины родства (по нисходящей линии): *vjn-iz* ‘младший брат-его’, *suzer-iz* ~ *surz-iz* ~ *suzer-ez* ‘младшая сестра-его’, *njl-iz* ‘дочь-его’, *pinal-iz* ‘ребенок-его’, но *pi-jez* ‘сын-его’.

Традиционно считается, что чередование *e* ~ *i* является фонетическим, а не семантическим, явлением, поскольку не все имена объектов неотчуждаемой семантики оформляются формантом *-i*, и, с другой стороны, некоторые имена, называющие отчуждаемые предметы, имеют *Rx* на *-i*, либо вокалические варианты. Рассматриваемое явление действительно имеет фонетическое происхождение, напр., в современном языке имена объектов неотчуждаемой семантики, заканчивающиеся на гласный, заимствованные слова, имена со сложной морфологией не приобретают показателя *-i*, вариативность маркеров наблюдается, как в литературном языке, так и в диалектах. Тем не менее, современный язык очевидно дифференцирует семантические функции *Rx* *-e* и *-i*. К таким понятиям, которые, по мнению некоторых исследователей, выражают неотчуждаемую семантику, но не приобретают маркер *-i*, относятся слова типа *tuš-e* ‘борода-моя’, *mijik-ed* ‘усы-твой’, *jirsi-jez* ‘волосы-его’, *dej-e* ‘грыжа-моя’, *zu-ed* ‘щетина-твоя’ и *djldj-jez* ‘слюни-его’, *sep-e* ‘желчь-моя’, *ur-ed* ‘гной-твой’, *pešam-ez* ‘пот-его’, *zirim-e* ‘сопли-мои’ и т. д. Эти имена объединяет семантика полуотчуждаемости, т. е. волосы, усы, человеческие выделения удмуртский язык семантически и морфологически не относит к классу имен неотчуждаемых объектов. Концепт неотчуждаемости язык концептуализирует как отношение абсолютной врожденной или естественной части, без которой нормальное функционирование организма невозможно, а свойства предмета или человека не существуют без их обладателя.

Семантическое противопоставление рассматриваемых показателей прослеживается в примерах, где имена объектов неотчуждаемой семантики употребляются в «ситуации отчуждения», напр., в (1) и (2) во всех диалектах и литературном языке имена *jir* ‘голова’ и *biž* ‘хвост’ имеют *i*-овую посессивный вариант, однако в примерах они употребляются в качестве личных имен и оформляются показателем *-e*:

- (1) зóк йыр-эз «кэм тын-ыд» шу-эм одот'-лы, макэ
 большая голова-1SG так ты-DAT сказать-2PRET ЛИ-DAT что-то
 óвóл сик-ын э́н вэраск-ы.
 отр.EX лес-INES отр.IMPER разговаривать-NEG.2SG
 'А ее Большоголовый [муж] ответил Одо́ть: «Так тебе и надо!», не болтай,
 мол, чего не надо, в лесу' (1981: 119).
- (2) ма о́з лэст-и-д, куз' быж-э? — йуа
 что так делать-1PRET-2SG длинный хвост-1SG спрашивать.PRES.3SG
 кэч.
 коза
 'Что ты натворил, длиннохвостый мой? — спрашивает коза' (1981: 65).

Самую большую группу имен объектов неотчуждаемой семантики составляют названия частей тела, отчуждение которых невозможно без серьезных последствий для обладателя. Другие части, которые могут отчуждаться, язык не относит к неотчуждаемым объектам, так же как и вещества, выделяемые телом. Части тела более регулярно оформляются формантом *-j* в удмуртских диалектах.

Имена, называющие стороны предметов, составляют вторую большую группу и чаще всего функционируют в качестве послелогов. Имена, обозначающие абстрактные понятия высокой посессивности, называют врожденный постоянный признак, однако некоторые ситуативно имеют необязательный характер, напр., *kužm-iz* 'сила-его', *vižm-iz* 'ум-его'. Отношение времени удмуртский язык также определяет как постоянный признак, ср.: *dir-i evel* '[у меня] нет времени-моего', *koškon nunal-iz vuiz* 'настал день-его ухода'.

Языковые факты демонстрируют, что семантика неотчуждаемости присуща терминам родства только по нисходящей линии (слово *pi* 'сын' по фонетическим причинам не приобретает показателя *-j*), что, видимо, является отражением традиционного представления о семье и субординации: младшие члены семьи не могут существовать самостоятельно, они контролируются старшими членами семьи; дети подчиняются родителям, младшие дети — старшим. Остальные термины родства выражают отношение отчуждаемой принадлежности и имеют другое морфосинтаксическое выражение (см. 2.1.2.).

Зачастую семантика неотчуждаемости определяет особенности грамматической и синтаксической дистрибуции имени. Типичная конструкция — *имя+Px*. Кроме того, посессор неотчуждаемых объектов обычно находится за пределами именной фразы обладаемого и не имеет специальной посессивного маркера (напр., генитивного), и, как правило, является аргументом глагола. Связь между посессором и неотчуждаемым обладаемым происходит с помощью индексации Px. В случае, если посессор идентифицируем (напр., дейктический посессор), в высказывании он может не реализовываться, а иногда вообще не иметь синтаксического выражения в целом тексте. Посессор неотчуждаемого обладаемого часто экзофоричен, его можно определить на основе

знакомства с экстралингвистической реальностью. Так, напр., при названии частей тела, можно догадаться, что речь идет о человеке или живом существе.

- (3) *Георгий Ильич* *син-з-э* *жсут-й-з,* *Фаина-ез*
 ЛИ ЛИ глаз-3SG-ACC поднять-1PRET-3SG ЛИ-ACC
йыр-ысены-з *пыд-озя-з* *учк-и-з.*
 голова-EGRES-3SG нога-TERM-3SG смотреть-1PRET-3SG
 ‘Георгий Ильич поднял глаза, посмотрел на Фаину с головой до ног’
 (Красильников 1991: 129).
- (4) *Лампа югыт шор-ын тусбуй-ыз кӱшкемыт*
 лампа свет перед-INES вид-3SG ужасный
адзиськ-е. . .
 смотреться-PRES.3SG...
 ‘При свете лампы его вид кажется ужасающим...’ (Красильников 1991: 55).
- (5) *аз-ыз кыти кэ питра,* *бэр-ыз но оти ик*
 перед-3SG где если катиться. PRES.3SG зад-3SG и там же
питра.
 катиться.PRES.3SG
 ‘Переднее [колесо] где катится, и заднее там же катится’ (1981: 99).

В примере (3) посессоры *Георгий Ильич* и *Фаина* являются аргументами предложений, выходят за рамки NP обладаемых *глаза*, *голова* и *ноги*. Связь происходит с помощью синтаксической близости и кросс-референции. В (4) референт в предложении не выражен, но он (некто Матвеев) появлялся раньше в тексте и имеет статус активного топика. В (5) референт или целый предмет *колесо* только подразумевается или является экзофорическим. Опускание R_x во всех приведенных примерах будет нарушением грамматической нормы.

Имена неотчуждаемых объектов в шкале посессивности занимают первую позицию поскольку объекты всегда связаны с посессором, не существуют без него. Этот факт определяет поведение таких слов в дискурсе: они всегда оформляются R_x, за исключением случаев, когда имя имеет отвлеченное или обобщенное значение и если обладатель совпадает с говорящим. При этом опущение R_x имеет эмфатический характер, ср.:

- (6) *вазэн дыр-йа тилэм туж ул-ын выл-эм.*
 давний время-LOC небо очень низ-INES вспом.гл.-2PRET
ки-йын сузыны лу-э, пэ, вал.
 рука-INST достать-INF. мочь-PRES.3SG де вспом.гл.1PRET
 ‘Оказывается, в старину облака находились очень низко. [Даже] рукой, говорят, можно было достать’ (1981: 138).
- (7) *Нуназ-е жад-исько, пыд-ьёс у-г чидало...*
 день-ILLAT устать-PRES.1SG нога-PL отр.-3PL терпеть-NEG.PRES.PL
 ‘Устаю днём, ноги не терпят. . . ’ (Красильников 1991: 118).

В примере (6) *рука* представляет обобщенное неконкретное понятие, R_x здесь логически невозможен. В (7) посессором имени *ноги* является сам

говорящий. употребление Rх в последнем случае способствовало бы более нейтральной окраске высказывания.

Имена объектов неотчуждаемой семантики не образуют генитивные конструкции, но довольно часто именной посессор может примыкать к обладаемому. Связь осуществляется синтаксической спаянностью посессора и обладаемого, а также семантическим отношением часть-целое, ср.:

- (8) *кõня мумы-бубы сюлэм-ъёс тазыы ик ёмыра-ло-зы?...*
сколько мать-отец сердце-PL так же обветшать-PL-3PL
'Сколько родительских сердец так пострадают?...'
(Перевощиков 1994: 15).

В некоторых случаях посессор может иметь маркер генитива *-len*, а неотчуждаемый объект — Rх, указывающий на посессор. Такое возможно в случаях, если посессор является аргументом высказывания, т. е. имеет внешний статус по отношению к обладаемому, выполняет функцию обстоятельственного дополнения или *экспериенсера* (9). Если посессор является основным топиком дискурса и в момент высказывания необходима его активация, то он может быть и внутренним атрибутом неотчуждаемого объекта.

- (9) *уби-йэ 'лэн окол пин'ъс, пэ, вис'э.*
бабушка-2SG-GEN однажды зуб-3SG де болеть-PRES.3SG
'У твоей бабушки однажды зуб-де разболелся'
(1992: 25).

Неотчуждаемая или естественная посессивность в разных языках выражается, в основном, на атрибутивном уровне. Удмуртский язык не является исключением. Более того, язык использует минимум грамматических средств для установления связи между посессором и обладаемым. Более сложные конструкции используются при определенных синтаксических и дискурсивных функциях компонентов. По этой же причине имена объектов неотчуждаемой семантики редко реализуются в предикативных конструкциях — они не нуждаются в констатации бытия предмета или обладания предметом, существование которого у посессора и так предполагается. Предикативное употребление возможно в некоторых исключительных случаях, а именно при указании на особую часть, не обязательного родственника или свойства обладателя, в переносном смысле, в отрицательных высказываниях при констатации буквального отсутствия неотчуждаемой части, свойства и т. д. (см. подробнее п. 4.1.1.).

Имена, называющие неотчуждаемые объекты, имеют и другие грамматические особенности. Напр., для них характерен индивидуальный обладатель. При множественности посессоров обладаемое, как правило, не приобретает множественного показателя (PL), хотя в современном языке такой принцип соблюдается не всегда.

- (10) *Табере радио-лэн куара-ез инм-е кошк-е,*
теперь радио-GEN голос-3SG небо-ILLAT уходить-PRES.3SG
адями-ос-лэн пел-я-зы у-г жонгет-ы ни.
человек-PL-GEN ухо-ILLAT-3PL отр.-3SG греметь.PRES(NEG.SG) уже.

‘Теперь звук радио уходит в небо, уже не гремит в ушах у людей’ (Бадретдинов 2007: 21).

В примере (10) посессор и объект не согласуются в числе, ср. букв.: *в ухе у людей*. Однако в фольклорных текстах встречаются примеры, когда посессор представлен в ед. ч., а неотчуждаемый объект — во мн. ч.:

- (11) *кучо гурт пум-ын одиг йубо-эт сьыл-э,*
 ЛИ деревня конец-INES один столб-2SG стоять-PRES.3SG
со йубо-лэн йыл-йос-а-з пар-эн сэтлык
 это столб-GEN вершина-PL-INES-3SG пара-INST клетка
пук-э...
 сидеть-PRES.3SG...
 ‘В конце деревни Люкшудья одинокий столб стоит, на верхушке того столба пара клеток стоит’ (1990: 31).

2.1.2. Отчуждаемая посессивность

Отчуждаемую посессивность удмуртский язык морфологически маркирует показателем *-e*, поэтому в настоящем разделе рассматриваются лексемы, присоединяющие *e*-овый показатель¹¹. Отчуждаемые объекты не являются однородными: некоторые, подобно неотчуждаемым, практически всегда соотносятся с обладателем, другие — значительно реже. Предлагаемая классификация представляет собой попытку выделить лексические классы на основании дискурсивных и грамматических особенностей: насколько имена связаны с посессором, в каких синтаксических конструкциях и семантических сочетаниях они могут употребляться и т. д.

Лексико-семантическая классификация имен отчуждаемых объектов

1. Высокая степень посессивности (предметы и явления, которые имеют обязательного обладателя)

1.1. Человек или живое существо и окружающие его конкретные предметы и абстрактные явления

1.1.1. Полуотчуждаемые понятия (человек и его части, выделения): *tuš-e* ‘борода-моя’, *mijik-ed* ‘усы-твой’, *jiŕsi-jez* ‘волосы-его’, *sinvu-e* ‘слеза-моя’, *pešam-ed* ‘пот-твой’, *zjrim-ez* ‘сопли-его’ и т. д.

1.1.2. Родственные и социальные отношения (собственно и несобственно родственники (исключая родственников по нисходящей линии), друзья, соседи, группа людей, напр., семья: *temi-je* ‘мама-моя’, *ataj-ed* ‘отец-твой’, *apaj-ez, aka-jez* ‘старшая сестра-его’, *agaj-e, brat-e* ‘старший брат-мой’,

¹¹ Здесь не рассматриваются слова, которые выражают семантику неотчуждаемой посессивности, но в силу фонетических причин не приобретают *i*-овый показатель, напр., *pi-je* ‘сын-мой’ (см. подробнее 3.1.1.2.).

kišno-jed 'жена-твоя', *eš-ez* 'друг-его', *buskeŕ-e* 'сосед-мой' и т. д.

1.1.3. Результаты духовного труда, свойства, состояние человека: *malpan-ez* 'мысль, идея-его', *šumpoton-ez* 'радость-его', *šud-ez* 'счастье-его' и т. д.

1.1.4. Действия человека (отглагольные имена): *ušem-e* 'падение-мое', *veram-ed* 'сказанное-твое', *kižam-ez* 'пение-его', *mjon-ez* 'ходьба-его' и т. д.

1.2. Конкретный/абстрактный предмет и присущие ему конкретные/абстрактные атрибуты (части)

1.2.1. Полуотчуждаемые понятия: *kuar-ez* 'лист-его (напр., дерева)', *lis-ez* 'хвоя-его (напр., сосны)', *kidjs-ez* 'семья-его', *jemiš-ez* 'плод-его' и т. д.

1.2.2. Конкретные предметы: *ukno-jez* 'окно-его (напр., дома)', *es-ez* 'дверь-его', *lipet-ez* 'крыша-его', *pitran-ez* 'колесо-его (напр., машины)' и т. д.

1.2.3. Абстрактные явления: *puštros-ez* 'содержание-ее (напр., книги)', *gur-ez* 'мелодия-ее (напр., песни)' и т. д.

1.2.4. Действия предметов (отглагольные выражения): *rubl-len ušem-ez* 'падение рубля' и т. д.

2. Средняя степень посессивности (конкретные или абстрактные предметы, которые в зависимости от ситуации могут иметь или не иметь, менять посессора):

2.1. Предметы быта (жилье, хозяйственные предметы, инструменты труда, домашняя скотина, одежда, мебель и т. д.): *korka-je* 'дом-мой', *keŕer-ed* 'изгородь-твоя', *tusti-jez* 'блюдец-его', *tir-e* 'топор-мой', *skal-ed* 'корова-твоя', *derem-ez* 'платье, рубаха-его' и т. д.

2.2. Артефакты (результаты труда человека, которые на определенном этапе могут существовать самостоятельно): *Ašalči Oki-len veros-ez* 'рассказ Ашалчи Оки', *Kučjran Juri-len sured-ez* 'картина Кучыран Юри', *anaj-len šjd-ez* 'мамин суп' и т. д.

2.3. Любые конкретные предметы: *keŕer-len jubo-ez* 'столб забора', *vrač-len kabiŕet-ez* 'кабинет врача', *Petjŕ-len kartofka-ez* 'картофель Петра' и т. д.

2.4. Одушевленные лица, которые имеют статус контролера относительно социально или юридически установленного референта: *veros-len avtor-ez* 'автор рассказа', *korka-len kužo-jez* 'хозяин дома', *joros-len kivaltiš-ez* 'руководитель района', *elkun-len prezident-ez* 'президент республики' и т. д.

3. Низкая степень посессивности (конкретные или абстрактные явления, которым посессор не присущ)

3.1. Природные и географические явления, дикие животные, вещества: *šundj* ‘солнце’, *nules* ‘лес’, *šur* ‘река’, *gurež* ‘гора’, *gondjir* ‘медведь’, *kion* ‘волк’, *omjr* ‘воздух’, *vu* ‘вода’, *tjl* ‘огонь’ и т. д.

3.2. Социальные абстрактные явления: *duńne* ‘мир’, *festival* ‘фестиваль’, *ož* ‘война’ и т. д.

3.3. Социальные институты и образования: *škola* ‘школа’, *univeršitet* ‘университет’, *ližžiškonni* ‘библиотека’, *vuzkaronni* ‘магазин’, *kar* ‘город’, *šajer* ‘страна’ и т. д.

3.4. Одушевленные лица, не имеющие обязательных референтов: *djšetis* ‘учитель’, *todosči* ‘ученый’, *čorigaš* ‘рыбак’, *ulis* ‘житель’, группа людей, напр., *kaljk* ‘народ’, а также личные имена и т. д.

Основные различия между неотчуждаемыми и полуотчуждаемыми (1.1. 1., 1.2.1.) понятиями проявляются на семантическом и морфологическом уровне: в то время как имя неотчуждаемого объекта указывает на абсолютную часть, имя полуотчуждаемого — на предметы, отчуждение которых окказиально возможно и не несет фатальных последствий. С другой стороны, от других отчуждаемых понятий их отличает то, что посессивная связь с посессором является ингерентной, право на обладание не нуждается в легализации. Имена со значение полуотчуждаемости в дискурсе ведут себя точно так же, как имена со значение неотчуждаемости. Однако они более естественно употребляются в предикативных конструкциях обладания, ср.: *piosmurt-len tuš-ez van* ‘у мужчины есть борода’.

Термины родства с семантикой отчуждаемости не отражают субординации, напр., родители, старшие дети, родственники дальше одной семьи (тети, дяди), некровные родственники. Эти имена реже оформляются R_x, напр., в случаях прямого обращения посессивное оформление обязательно со словами *pi-je!* ‘сынчик!’, *njl-i!* ‘доченька!’, но посессивный показатель не употребляется с именами *anaj!* ‘мама!’, *agaj!* ‘брат!/дядя!’ и др. С последними R_x может появляться только в косвенном обращении. R_x у рассматриваемых терминов регулярно опускается в эгоцентрическом дискурсе, т. е. когда референтом является говорящий, ср.:

(12) *пыр*, *ныл-ы* — *шу-и-з* *мум-и-з...*
заходить.IMPER.2SG дочь-1SG сказать-1PRET-3SG мать-3SG
‘Заходи, дочь, — сказала мать...’ (1981: 72).

(13) *Анай*, *малы* *агай-лэн* *вож-ез* *пот-эм?*
мама почему брат-GEN злоба-3SG выходить-2PRET.3SG
‘Мама, почему (старший) брат рассердился?’ (Бадретдинов 2007: 211).

В примере (12) *дочь* обязательно маркируется R_x, а в (13) *мама* не может иметь посессивного показателя. При дискурсе в рамках одной семьи термины родства с семантикой отчуждаемости не оформляются посессивным маркером в случае, если опорный референт (ср. *anchor*, *vantage point*) совпадает с говорящим, ср. в (13) *брат* не имеет R_x, а также в случае, если говорящий и слушатель являются кореферентами, напр., брат спрашивает

сестру *kijtjn anaj?* 'где мама-ø?'. В остальных случаях Rх обязателен, напр., мать спрашивает дочь *kijtjn agaj-ed?* 'где брат-твой?'.

Имена неотчуждаемых родственников *pi* 'сын' и *nił* 'дочь' примыкании обозначают родство, ср.: *Petjir pi* 'сын Петра', *Maša nił* 'дочь Маши' (см. п. 3.3.), а термины отчуждаемого родства в подобных конструкциях выражают обращение, ср.: *Petjir agaj* 'брат/дядя Петя', *Maša aka* 'сестра/тетя Маша'. Для выражения родства в таком случае используются генитивные конструкции, ср.: *Petjir-len agaj-ez* 'брат/дядя Петра', *Maša-len aka-jez* 'сестра/тетя Маши'.

Объекты, которые являются естественными элементами других предметов (1.2.2.), в языке концептуализуются также, как неотчуждаемые, но подобно полуютчуждаемым предполагают либо возможность отчуждения (напр., снять колесо у машины), либо приложение внешней силы для установления связи, ср.: вставленная человеком дверь, окно дома.

Согласно Б. Хайне, во многих языках номинализация действия рассматривается как неотчуждаемое явление (Heine 1997: 10). Удмуртский язык такие имена морфологически маркирует как имеющие семантику отчуждаемости, но они всегда референтны (1.1.4., 1.2.4.). Особенность отглагольных имен в том, что посессор является фактическим субъектом номинализированного действия и может выражаться как конструкциями с генитивом, так и примыканием, ср.: *uči-len kirjža-m-ez* (соловей-GEN петь-PART-3SG), *uči kirjža-m* (соловей-NOM петь-PART) 'пение соловья'. В некоторых языках посессором отглагольного имени могут быть и его семантический субъект, и объект, ср. англ. *John's killing of Bill* 'убийство Билла Джоном' и *Bill's murder* 'убийство Билла' (Lyons 1968: 297). Однако в удмуртском языке глагольно-объектное отношение не образует посессивной связи, ср.: *žon-len bil-ez vi-jem-ez* (Джон-GEN Билл-ACC убивать-PART-3SG) и *bil-ez vi-jon* (Билл-ACC убивать-PART). Как видно из этого примера, в удмуртском языке объект не может выражаться генитивом.

В то время как неотчуждаемые предметы и объекты высокой степени посессивности обозначают естественную принадлежность, объекты средней степени посессивности указывают на отношение узаконенного обладания или то, что принято называть собственно посессивностью. Посессивное отношение у рассматриваемых имен устанавливается (а) юридически (2.4.) или авторским правом (2.2.), (б) обладаемое официально может принадлежать другому, но посессор имеет право пользоваться, распоряжаться предметом или несет ответственность за этот предмет, ср. пример Дж. Тэйлора: *the secretary's computer* (Taylor 2005: 229) и удм. *sekretar-len kompjuter-ez* 'компьютер секретаря'. Принадлежность может устанавливаться и (в) ассоциативным отношением, основанном на (в. 1.) физическом контакте (напр., *anaj-len šjd-ez* 'мамин суп': мама сварила суп и имеет право им распоряжаться), (в. 2.) ментальном или духовном контакте (напр., *niłaš-len kiłbur-ez* 'стихотворение девочки': девочке нравится стихотворение К. Герда, на каком-то этапе стихотворение может ассоции-

роваться с девочкой). Референт таких имен ситуативен, причем в зависимости от ситуации референтом может являться несобственно посессор, напр. (в. 2.). Таким образом, объектно средней степени посессивности нуждаются в дискурсивной и синтаксической установке действительного или ассоциативного посессора. Посессор может не устанавливаться, если он имеет статус активного топика. Посессор устанавливается предикативными конструкциями обладания и принадлежности, генитивными или элативными сочетаниями, а также другими глагольными выражениями, напр., *X купил/ взял/ получил Y*.

Интересный случай представляют имена со статусом контролера обладателя. Такую связь иногда называют «обладанием обладателем», что характеризуется «взаимной принадлежностью» и «обратимостью» (Категория 1989: 68), ср.: *veros-len avtor-ez* ‘автор рассказа’ → *avtor-len veros-ez* ‘рассказ автора’, *korka-len kužo-jez* ‘хозяин дома’ → *kužo-len korka-jez* ‘дом хозяина’ и т. д. Это случай, когда обладаемым является человек, т. е. ситуация напоминает родственные и др. социальные отношения. По мнению Дж. Тэйлора, в такой ситуации говорящий дает возможность слушателю определить с какой *преимущественной точки (vantage point)* определяется статус человека (Taylor 2005: 230). В нашем случае статус определяется по отношению к институту или заведению, который закреплен юридическим актом. При этом статус контролера для удмуртского языка является основополагающим, поскольку язык грамматически отличает пассивное отношение неконтролера, ср.: *universitet-len rektor-ez* ‘ректор-3SG университета-GEN’ и *universitet-ĵs dišetskiš* ‘студент университета-ELAT’. Посессор имен этой группы, как правило, выступает в форме генитива. При высоком активном статусе он может отсутствовать, ср. подпись (после предисловия):

- (14) *Автор-ез.*
автор-3SG (Бадретдинов 2007: 4).

Обладатель имен с низкой степенью посессивности неорганичен. Имена этой группы значительно реже вступают в посессивные отношения. Посессор появляется ассоциативно или по непосредственному юридическому положению.

- (15) *нӱлэск-ы* *нӱш* *понна* *мын-и-м* *буб-ины-м.*
лес-ILLAT лыко за идти-1PRET-1PL отец-INSTR-1SG
‘За лыком в лес отправились с отцом’ (1981: 90).
- (16) *нӱлэс-м-э* *кора-м-эт* *понна* *суд-э* *сот-о*
лес-1SG-ACC рубить-PART-2SG за суд-ILLAT давать-FUT.1SG
шӱ-эм.
сказать-2PRET.3SG
‘За то, что лес мой рубил, в суд подам, говорит [купец]’ (1981: 54).
- (17) *Колхоз-лэсь музейем-з-э* *аренда-е* *басьт-й-мы. . .*
колхоз-ABL земля-3SG-ACC аренда-ILLAT взять-1PRET-1PL
‘Мы взяли в аренду землю у колхоза...’ (Инвожо № 3–4, 2007: 37).

- (18) *таи́и та а́смэ-лэ́с но ну́к-м-эс пэ́дочэй. ну́к шу-о*
 вот этот свой-ABL и овраг-1PL-ACC ЛИ. овраг.ACC сказать-PRES.3PL
 ук.
 ведь
 ‘Вот и этот наш овраг называют ведь Федосеев Овраг’ (1990: 328).

В примере (15) *лес* и *лыко* не имеют референта. В примере (16) посессор *купец* является законным собственником *леса*. В (17) сама ситуация апеллирует к юридическому акут. В (18) говорящий и слушатель не являются официальными владельцами *оврага*, но ассоциируют его со своим местом жительства, по пространственной близости или физическому контакту, ср.: овраг, который находится рядом с нашей деревней; овраг, где мы косим траву, собираем ягоды и т. д. В отношении ассоциативной посессивности часто вступают названия географических объектов (наша река, наша гора, наш лес и т. д.), населенных пунктов (наша деревня, наша улица, наша страна) и т. д. Точно такой же функциональный алгоритм имеют имена учреждений, напр., *tj̄n-am škola-je* ‘моя школа’, (ср.: школа, где я учусь, которую закончил, в которой работаю), и одушевленные лица, напр., *tj̄n-ad d̄j̄šetis-ed* ‘твой учитель’, ср.: учитель, который тебя учит.

Очевидно, имена этой группы предполагают активного посессора, т. е. личного и/или одушевленного. С нетипичным обладаемым посессивные отношения образуются с помощью конструкции примыкания, в которых обладаемое скорее имеет свойства прилагательного, нежели существительного, т. е. отвечает на вопрос *какой?*, а не *чей?*, ср.: *gurt škola* ‘деревенская школа’, *gurt d̄j̄šetis* ‘деревенский учитель’, *kun univ̄ersitet* ‘государственный университет’, *joros administracija* ‘районная администрация’ и т. д. Или же референт имеет форму элатива, ср.: *gurt-iš škola* ‘деревенская школа’, *gurt-iš d̄j̄šetis* ‘деревенский учитель’.

Группа имен с низкой степенью посессивности является открытой: в удмуртском языке нет предметов, понятий, явлений, которые не могли бы быть ассоциативным путем вовлечены в посессивные отношения.

Подводя итог, рассмотренные имена можно расположить по шкале посессивности следующим образом:

Чем выше на настоящей шкале располагается объект, тем органичнее его связь с посессором. Причем вершиной является такое отношение, когда предмет не только предполагает обязательного обладателя, но и является его абсолютной постоянной частью. Далее вниз по шкале связь ослабевает: предметы окказиально могут отчуждаться (полуотчуждаемые), могут представлять собой неорганичную часть или относительное отношение (высокая степень посессивности), обладатель является окказиальным (средняя степень посессивности), референт не характерен (низкая степень посессивности). Первые три группы выражают естественную посессивность, а остальные установленную, которую в принято обозначать как собственное или каноничное отношение посессивности (напр., Stassen 2009: 16). Кроме того, референт в первых трех группах совпадает с действительным посессором и является постоянным, а в остальных — зависит от ситуации, может меняться время от времени; чем ниже на шкале располагается имя, тем больше вероятность ассоциативной посессивности. Чем выше находится имя, тем меньше грамматических средств необходимо для выражения посессивной связи между обладаемым и обладателем, однако, тем обязательнее или чаще проявляется грамматическое выражение посессивности (Рх). При движении вниз по шкале появляется необходимость применения дополнительных средств выражения для установления более тесной связи между ситуативными посессором и обладаемым: генитивных модификаторов, предикативных конструкций.

2.2. Лексико-семантические особенности посессора

Подобно именам, выступающим в функции обладаемого, можно создать шкалу прототипического посессора, относительно которой имена могут быть классифицированы согласно их способности выступать в качестве посессора.

1. Дейктический или личный посессор (1, 2 > 3 л.)
2. Посессор-человек (определенный, неопределенный, напр. обобщающее лицо, группа людей)
3. Одушевленный посессор (живые существа, кроме человека)
4. Неодушевленный активный посессор («одушевленные» предметы, активные предметы или явления, напр., государство, организация)
5. Неодушевленный посессор, обозначающий целое относительно обладаемого
6. Неодушевленный естественный посессор
7. Неодушевленный неактивный посессор

Основное свойство типичного посессора в удмуртском языке — активность, определяемая как семантическими, так и синтаксическими факторами. На вершине приведенной шкалы располагаются имена и понятия, которым наиболее присуще это качество. Далее вниз по шкале оно ослабевает.

Упомянутым качеством, в первую очередь, обладает дейктический посессор, который совпадает с говорящим (1SG) и адресатом (2SG), либо говорящий и адресат являются кореферентами (1PL). Кроме того, говорящий может являться кореферентом определенной группы людей (1PL), как и адресат (2PL). В дискурсе может присутствовать, но не принимать участия и третье лицо или представитель определенной группы лиц (3SG/PL), либо не присутствовать. 3 л. не является дейктическим и уступает первым в том, что не всегда является достаточно идентифицируемым. Активный статус личного посессора позволяет устанавливать посессивные отношения практически со всеми понятиями и предметами, напр., на основе ассоциативной связи. Грамматической особенностью рассматриваемого посессора является то, что посессор зачастую не имеет синтаксического именного выражения, а обозначается только Px. В связи с этим такой посессор выступает, в основном, в конструкциях имя+Px, а в предикативных конструкциях обладания может опускаться (см. 2.3.2.).

Следующим типичным посессором является человек, который может быть выражен личным именем, указанием семейного или социального статуса, профессии, пола и т. д., или группа людей (*anaj* 'мать', *arganč'i* 'гармонист', *pjosmurt* 'мужчина', *kal'ik* 'народ', *užás'-jos* 'рабочие'). В отличие от предыдущего типа, данный референт чаще имеет именное выражение.

Одушевленный нечеловеческий посессор уступает тем, что круг возможных обладаемых ограничен, поскольку сфера активности у таких существ, напр., животных намного уже, ср.: *Pet'ir-len kn'iga-jez* 'книга Пети' и **pun'i-len kn'iga-jez* 'книга собаки', *Pet'ir-len malpask-em-ez* 'размышление Пети' и **pun'i-len malpašk-em-ez* 'размышление собаки'. Посес-

сорам этой группы «человеческие» объекты могут приписываться только в образном смысле.

Функцию посессора могут выполнять неодушевленные предметы и понятия, имеющие активный статус. Такой статус может обеспечиваться лексико-семантическим содержанием компонентов. Активный характер имеют абстрактные явления, которые обозначают созданные и управляемые человеком институты и организации, ср.: *ogažejaškon-len už-jos-iz* 'дела организации', *ełkun-len końdet-ez* 'бюджет республики', *insítut-len muzej-ez* 'музей института' и т. д. Активный характер посессора также определяется его семантической ролью в предложении, напр., он является фактическим субъектом обладаемого, выраженного отглагольным именем, ср.: *šundj-len žuža-m-ez* 'восход солнца' → *šundj žuža* 'солнце всходит'.

В качестве посессора могут выступать неодушевленные существительные, имеющие характер целого по отношению к обладаемому. В этом случае посессивная связь, в первую очередь, зависит от лексико-семантического содержания обладаемого, т. е. она характерна для объектов неотчуждаемой, полуютчуждаемой семантики и объектов высокой степени посессивности.

2.3. Типы посессивных отношений

Особенность связи обладаемого и посессора зависит не только от их лексико-семантического содержания, но и от дискурсивных особенностей: в различных ситуациях одни и те же лексемы могут создавать разные типы посессивной связи или вовсе не выражать посессивного отношения. Одним из основных факторов, определяющих посессивные отношения в удмуртском языке является активность/ пассивность посессора, диктующая использование того или иного грамматического маркера.

2.3.1. Активная и пассивная посессивность

Активная посессивная связь имеет место в ситуации, когда посессор прилагает усилия для овладения предметом, напр., покупает, находит, присваивает силой. Обладатель полностью контролирует предмет, имеет полное право им распоряжаться в течение неопределенного или долгого времени (ср.: определение Heine 1997: 39). Активная посессивная связь также лежит в основе ассоциативного или несобственно посессивного отношения, основанного на физическом контакте, напр., *мамин суп*: суп, который приготовила мама.

О пассивной посессивности можно говорить, когда посессор не прилагает усилий для присвоения предмета, связь осуществляется произвольно или естественно, напр., по принципу неотчуждаемого свойства предмета

или предмет ассоциируется с обладаемым на основе неактивного контакта — пространственного включения или социативности.

Удмуртский язык использует разную грамматическую кодировку активной и пассивной посессивной связи: в первом случае посессор, как правило, получает маркер генитива и аблатива, ср.: *anaj-len šjd-ez* 'суп мамы', *škola-len direktor-ez* 'директор школы', во втором — элатива, номинатива и др. показатели, ср. элатив: *škola-iś dišetis* 'учитель школы', номинатив: *val jir* 'голова лошади'.

Тип посессивного отношения часто зависит от дискурсивной установки: если в речевой или реальной ситуации имеется факт активизации связи между предметами, напр., X купил Y, X варит Y, то язык такую связь маркирует активной конструкцией. Если установка пространственная, напр., Y находится в/на X, то связь между компонентами устанавливается в пассивном ключе. Однако чаще всего активное или пассивное отношение компонентов определяется их лексико-семантическими особенностями: активная посессивность чаще всего предопределяется определенным одушевленным или типичным посессором, он является *специфичным* или *конкретным* предметом, известным элементом дискурса, а обладаемое — отчуждаемым, несвойственным предметом. Пассивный обладатель также может характеризоваться определенностью, напр., обозначать конкретное место, однако, он, как правило, представлен нетипичным посессором, напр., неодушевленным понятием или предметом. С другой стороны, и обладаемое может обозначать характерный атрибут посессора, напр., *korka es* 'дверь дома', или являться отчуждаемым предметом, который в момент высказывания находится в пространственных рамках предполагаемого посессора *klass-iś doska* 'классная доска'.

2.3.2. Одушевленная посессивность

Активная посессивность наиболее характерна для одушевленного посессора, поскольку живым организмам свойственно приобретать или осваивать окружающие предметы. Необходимо различать одушевленную *личную* и *неличную посессивность*. Как уже отмечалось, одушевленные имена имеют разную степень активности: 1 и 2 лицо являются наиболее типичным активным посессором, 3 лицо уступает им в отношении идентифицируемости. Далее следуют имена, называющие социальный статус человека. Ряд замыкает посессор-нечеловек. Круг предметов, с которыми могут сочетаться посессоры двух первых типов чрезвычайно, в том числе и в несобственно посессивных ситуациях.

Однако в зависимости от конкретной ситуации рассматриваемые имена иногда могут принимать и неактивный статус. Рассмотрим пример Дж. Тэйлора *the dog's bone* 'кость собаки'. Если в дискурсе есть установка, что существует некая собака, которая нашла кость либо грызет ее, то,

вероятнее всего, говорящий будет использовать активную конструкцию, т. е. генитивную, ср. *punĭ-len lĭ-ez*. Если же, напр., некто увидел на земле кость и предположил, что она является частью скелета собаки, то, скорее всего, он использует пассивную конструкцию, ср.: *punĭ lĭ*, собака в таком контексте является не активным топилом, а ингерентным обладателем кости.

Личная посессивность наиболее часто выражается конструкциями имя+Рх (19). Выражение посессора местоимением в целом не типично. Такое возможно, если он занимает сильную коммуникативную позицию (21) или посессор является внешним, т. е. не входит в именную фразу обладаемого (является аргумента глагола) (20).

(19) *Кужым-е* у-г *сузь-ы...*
 сила-1SG отр.PRES-3SG доставать-NEG.SG
 ‘[У меня] сил не хватает...’ (Медведев 2006: 31).

(20) *Авторитет-эд тын-ад бадзъм.*
 авторитет-2SG ты-GEN большой
 ‘Авторитет у тебя большой’ (Перевошиков 1994: 21).

(21) *лэмлэт саска каб ик ми-лам апай-мы.*
 алый цветок как же мы-GEN сестра-1PL
 ‘Словно алый цветок наша сестрица’ (1990: 227).

Неличный одушевленный посессор может выражаться Рх, если является активным или идентифицируемым элементом в момент высказывания, напр., имеет синтаксическое выражение в предложении (22). Одушевленный обладатель часто выступает в качестве генитивного (23) или номинативного (24) модификатора.

(22) *анай-эз йакэ атай-эз пи-зы-лы сот-о*
 мать-3SG или отец-3SG сын-3PL-DAT дать-PRES.3PL
вэй-ын нан.
 масло-INSTR хлеб.ACC

‘Мать или отец [призывника] сыну дают хлеб с маслом’ (1982: 17).

(23) *Рабиг. апай бигер бускель-мы-лэн мумы эазег-ез висыны*
 ЛИ тетя татарин сосед-1PL-GEN мать гусь-3SG болеть.INF
ус-и-з.

падать-1PRET-3SG

‘У нашей соседки татарки тети Рабиг заболела гусыня’ (Удмурт дунне № 182, 05.12.2006: 8).

(24) *Атай юрт-лэн но ас-ла-з «сылал-эз» вань,*
 отец-NOM дом-GEN и свой-GEN-3SG соль-3SG быть.EX
дыр.

наверно

‘И у отчего дома есть своя «соль», наверно’ (Бадретдинов 2007: 7).

2.3.3. Неодушевленная посессивность

Активный статус также может иметь неодушевленный обладатель. Однако в отличие от одушевленных, здесь в основе определения статуса лежат дискурсивные факторы и лексико-семантическая сочетаемость обладаемого и обладателя. Напр., статус контролера могут иметь «одушевленные понятия» (25). Характер посессора зависит от особенностей обладаемого, напр., имена группы обладаемых 2.4. диктуют посессору роль контролера, ср.: *korka-len kužo-jez* ‘хозяин дома’ (26). Нередко ингерентность также предполагает постоянный контроль, требующий приложения определенных усилий, ср.: *mašina-len pitran-ez* ‘колесо машины (колесо, которое вставили)’. В особенности такое отношение проявляется, когда обладаемое выражает номинализированное действие субъекта, ср.: *rubl'-len ušet-ez* ‘падение рубля’. Б. Хайне рассматриваемое отношение называет *неодушевленной отчуждаемой посессивностью* (Heine 1997: 35).

(25) «Италмас-лэн» оркестр-а-з ужа-сь бырйыны
ЛИ-GEN оркестр-ILLAT-3SG работать-PART выбрать-INF
шуы-са...
сказать-GER

‘Чтобы выбрать сотрудника в оркестр «Италмас»...’ (Инвожо 06.–07.2006: 44).

(26) *гурт администраци-лэн йыр-ыз...*
деревня администрация-GEN голова-3SG

‘глава сельской администрации...’ (Удмурт дунне № 182, 05.12.2006: 6).

Пассивная связь наиболее свойственна неодушевленным посессорам, сочетаемым с обладаемым на семантическом основании: обладаемое выражает значение части — посессор обозначает целое. Б. Хайне такой тип называет *неодушевленной неотчуждаемой притяжательностью* (Heine 1997: 35).

Часто такой обладатель имеет характер неопределенности. На грамматическом уровне отношение неодушевленной неотчуждаемой притяжательности выражается в основном конструкциями примыкания:

(27) *Корка липет-э ке, дак, воксё кошна-м ни...*
дом крыша-1SG если дак совсем обветшать-2PRET.3SG уже
‘Крыша дома дак уже совсем обветшала...’ (Перовщиков 1994: 15).

2.3.3.1. Принадлежность пространству

Характерным неактивным неодушевленным типом посессивности является обозначение принадлежности к месту или пространству (напр., Kortjevskaja-Tamm 2008). В данном случае в качестве посессора выступают имена, обозначающие географическое место, населенный пункт, учреждение, социальное пространство, а также любой конкретный или абстрактный предмет, способный иметь свойства пространства. В рассмат-

риваемых выражениях в качестве объекта принадлежности, как правило, выступают предметы с низкой степенью посессивности. Отношение принадлежности реализуется по принципу пространственной включенности, т. е. предмет принадлежит пространству, в рамках которого находится. Удмуртский язык для подобных конструкций грамматикализовал особый маркер — элатив, ср.:

- (28) *Гурт-ысьты-мы калык туж яратыл-й-з инди*
 деревня-ELAT-1PL народ очень любить-1PRET-3SG индийский
фильм-ъёс-ты.
 фильм-PL-ACC
 ‘Народ нашей деревни очень любил индийские фильмы’ (Бадретдинов 2007: 36).
- (29) *Кун дума-ысь депутат ...*
 государство дума-ELAT депутат
 ‘Один из депутатов государственной думы...’ (Удмурт дунне № 129, 29.08.2007).

Однако в зависимости от ситуации, дискурсивного статуса обладателя или лексико-семантического содержания обладаемого пространственный посессор может быть и активным. Ср.:

- (30) *Берло ар-ъёс-ы гурт калык ёжыт-гес пудо*
 последний год-PL-ILLAT деревня народ немного-COMP скот
ворд-э ни.
 растить-PRES.3SG уже
 ‘В последнее время деревенский народ все меньше разводит скот’ (Удмурт дунне № 41–42, 26.03.2010).
- (31) *Тыло гурт-лэн ним-ъс таъ лү-эм.*
 ЛИ деревня-GEN имя-3SG так быть-2PRET.3SG
 ‘Название деревни Тыло произошло так’ (1992: 119).

В (30) деревня является пассивным посессором, в (31) это же имя ситуативно имеет функцию активного обладателя благодаря неотчуждаемости объекта посессивности *имя (название)*.

2.3.3.2. Принадлежность времени

Другим типом пассивной неодушевленной посессивности является отношение принадлежности ко времени. В функции посессора выступают имена, обозначающие времена года, временные отрезки, напр., *час, день, месяц, год*, время суток, напр., *утро, вечер* и т. д. В качестве посессивного маркера могут употребляться элативный маркер (32) либо деривационные суффиксы *-ala, -lo* (33), ср.: *ortĉem daur-iš kılburĉios* ‘поэты прошлого века’, *tu-ala ulon* ‘современная, сегодняшняя жизнь’, *mim-ala gužem* ‘прошлое лето’, *tol-lo žuk* ‘вчерашняя каша’, *az-lo arjosj* ‘в прошедшие годы’, *ber-lo nunaljos* ‘последние дни’ и т. д. Отношение ко времени может

выражаться и примыканием, ср.: *gužet nunal* ‘летний день’, *čukna śis’kon* ‘утренняя трапеза, завтрак’, *žjt šudon* ‘вечерняя игра’ (34).

- (32) *пичи* *дыр-ысь* *вун-он-тэм* *нунал-ъёс*.
 маленький время-ELAT забыть-PART-DER день-PL
 ‘Незабываемые дни детства’ (Инвожо № 1–2, 01.-02.2007: 36).
- (33) *Бер-ло* *дыр-е* *музьем* *уж-лы* *бадžым*
 поздно-DER время-ILLAT земля работа-DAT большой
саклык *висья-мы*.
 внимание.ACCразделить-1PRET.1PL
 ‘В последнее время мы уделяли больше внимания земельным работам’
 (Удмурт дунне № 41–42, 26. 03.2010).
- (34) *сийа-ло-з-бурлалоз та* *сизыл* *күаз-йос-ыз...*
 отстыть-FUT-3SG этот осень погода-PL-3PL
 ‘Завьюжит-запрудит эта осенняя [не]погода’ (1990: 243).

2.3.4. Физическая посессивность

По определению Б. Хайне, физическая посессивность является моментной, т. е. посessor и объект посессивности физически связаны в определенный момент времени (Heine 1997: 34). Посессивная связь возникает при физическом сопровождении одного предмета другим, или при нахождении одного в физической близости от другого, напр., на человеке есть одежда, соответственно, она принадлежит человеку, в деревне растут деревья — они принадлежат деревне. Удмуртский язык различает временное и постоянное обладание предметом, соответственно, *ограниченную во времени* и *перманентную физическую*, что находит отражение на грамматическом уровне: перманентная физическая посессивность выражается путем присоединения к объекту посессивности деривационного суффикса с комитативным значением *-o*, ср.: *tuš-o vorgoron* ‘бородатый мужчина’, а физическая ограниченная во времени — с помощью показателя инструментала *-en*, ср.: *galstuk-en vorgoron* ‘мужчина в галстукe’. В первом случае, предмет находится при референте постоянно (перманентный, неотъемлемый или врожденный признак), а ограниченная во времени — ситуативно. В качестве постоянных признаков человека или предмета чаще всего (но не всегда) выступают имена объектов неотчуждаемой, полуотчуждаемой семантики и характеризующиеся высокой степенью посессивности (35). В рассматриваемых конструкциях они часто употребляются с дополнительным определением, т. е. подчеркивается, каково качество постоянного признака у обладателя.

Перманентной посессивностью могут характеризоваться отчуждаемые объекты, если они постоянно связаны с посessorом (36).

- (35) Сьодд йыр-о кый ноку но адями аз-е огшоры
 черный голова-DER змея никогда человек перед-ILLAT просто
 у-э *пот-ы.*
 отр.PRES-3SG выходить-NEG.SG
 ‘Черноголовый змей никогда не выходит навстречу человеку просто так’
 (Бадретдинов 2007: 13).
- (36) бадыпу-о, кызыпу-о сад-ъёс-ын но бакча-ос-ын...
 ива-DER береза-DER сад-PL-INES и огород-PL-INES
 ‘В ивовых, березовых садах и огородах...’ (Медведев 2006: 34).

Ограниченная во времени физическая посессивность, как правило, указывает на предмет, который находится в распоряжении обладателя в конкретной ситуации, не утверждая его принадлежности обладателю, поскольку в речи нет такой установки. Посессором здесь чаще всего (но необязательно) является одушевленные определенные понятия. В качестве объекта принадлежности могут употребляться имена, обозначающие одежду и аксессуары (то, что надето) (37), бытовые предметы (то, что находится в руках), инструменты труда (то, чем кто-то производит действие), начинку или ингредиенты блюда (38) и т. д.

- (37) эи-э-лы, нэ, тöды дэрэм-эн, пиосмурт
 друг-1SG-DAT де белый рубашка-INSTR мужчина
атск-и-э...
 показаться-1PRET-3SG
 ‘Подруге моей, говорит, показался мужчина в белой рубашке...’ (1981: 152).
- (38) зуби-йэн нан-эз йарат-ис-тэм-эз öвөл.
 гриб-INSTR хлеб-ACC любить-PART-DER-3SG отр.EX
 ‘Нет того, кто не любил бы пирог с грибами’ (1981: 113).

Физическая посессивность может выражаться и другими конструкциями, напр., конструкциями обладания, сочетаниями Рх+имя и т. д.

2.3.5. Обладание и принадлежность

Анализ материала позволяет прийти к заключению, что физическая посессивность часто обуславливает отношение обладания, напр., у *мальчика в руке есть книга* < *мальчик с книгой* < *мальчик имеет книгу*. В данном случае, отношение принадлежности находится не в фокусе, возможно, книга принадлежит не мальчику. Акцент сделан на факте наличия или существования предмета, ср. (39). Типичными конструкциями обладания в удмуртском языке являются словосочетания с инструменталем и деривационным суффиксом *-о*, а также предикативные конструкции обладания, реализованные в пределах бытийного предложения. В конструкции принадлежности внимание фокусируется на принадлежности объекта определенному лицу/ предмету; иными словами, посессор представляет рему высказывания и часто оформляется как предикат предложения (40).

- (39) *Тын-ад пасека-ед но вань, шу-о.*
 ты-GEN пасека-2SG и быть.EX говорить-PRES.3PL
 ‘У тебя, говорят, и пасека имеется’ (Перовошиков 1994: 45).
- (40) *вий-эм зазэк со-лэн выл-эм.*
 убивать-PART гусь он-GEN вспом.гл.-2PRET
 ‘Убитый гусь оказался его’ (1990: 226).

2.3.6. Абстрактная посессивность

Б. Хайне в системе посессивных отношений выделяет также абстрактную посессивность, предполагающую неосвязаемость, невидимость объекта либо значение, противоположное посессивности. Мы под абстрактной посессивностью будем понимать констатацию отсутствия у обладателя обладаемого либо отрицание факта обладания и принадлежности. Конструкции, констатирующие отсутствие обладаемого являются парными по отношению к выражающим физическую посессивность. Маркируются они деривационным суффиксом с каритивным значением *-tem* или маркером абессива *-tek*, ср.: *ki-tem piosmurt* ‘безрукий мужчина’, *lipet-tem korka* ‘дом без крыши’ (см. (43)), *korka lipet-tek kijem* ‘дом остался без крыши’. Возможны пары и для предикативной конструкции обладания, ср.: *piosmurt-len ki-iz evel* ‘у мужчины нет руки’, а также *korka-len lipet-ez evel* ‘У дома нет крыши’ (41). Значение отрицания факта принадлежности реализуется в негативных конструкциях принадлежности, ср.: *ta kniga mjanat evel* ‘Это не моя книга’ (42).

- (41) *Нюлэс-лэн пум-ыз вань-а, ёвёл-а?...*
 лес-GEN конец-3SG быть.EX-INTER отр.EX-INTER
 ‘Есть ли, нет ли конец у леса...’ (Инвожо 06.-07.2006: 9).
- (42) *мэми, мон тын-ад ёвёл шат?...*
 мама я ты-GEN нет.EX разве
 ‘Разве, маменька, я не твой [сын]?...’ (1990: 206).
- (43) *Куд-ог-ез мон-э йыр-тэм кожа, лэся.*
 который-один-3SG я-ACC голова-DER считать.PRES.3SG наверно
 ‘Некоторые, видимо, думают, что у меня нет головы [своего ума]’
 (Перовошиков 1994: 107).

Необходимо обратить внимание, что абстрактная или негативная посессивность актуальна, в первую очередь, при констатации отсутствия обязательного обладаемого, что значительно ограничивает возможности употребления абстрактных посессивных конструкций.

2.3.7. Ассоциативная связь или несобственно посессивность

Удмуртскому языку свойственно фиксировать факт контакта человека, животного, предмета и т.д. с другими существами, предметами, явле-

ниями. Причем фиксация эта происходит на грамматическом уровне — путем маркирования ассоциативной связи как посессивной.

Ассоциативная связь может устанавливаться на основании факта физического контакта лиц/ предметов, напр., врач лечит пациентов (44), физического воздействия одного лица/ предмета на другой, напр., кто-то причинил другому увечье (45). Ассоциативная связь возникает и между говорящим и предметом его речи (46) или предметом воспринятой речи и адресатом (47). Ассоциация может устанавливаться и на основании духовного контакта, особого эмоционального отношения к предмету (48), (49). Ассоциативная связь возникает и на основе локализации лица/ предмета, напр., пространство, в котором находится предмет или человек, может восприниматься в качестве ассоциативного референта (50).

- (44) *Нош ик висись-ёс-ыз дор-ы мын-э.*
 опять же больной-PL-3SG к-ILLAT идти-PRES.3SG
 ‘Опять [врач] идет к больным’ (Красильников 1991: 39).
- (45) *вунэт-ко. нэмэи-лэн конту’зи-йэн-ыз сөрэн.*
 забывать-PRES.1SG немец-GEN контузия-INSTR-3SG из-за
 ‘Забываю. Из-за контузии от немцев’ (1990: 54).
- (46) *Мар мын-ым со няня-ды!*
 что я-DAT это няня-2PL
 ‘А что мне до этой вашей няни!’ (Красильников 1991: 55).
- (47) *ым-а-з эуз-и-з — ни-йэд-лэн ымдур*
 рот-ILLAT-3SG хлебнуть-1PRET-3SG мальчик-2SG-GEN губа
гинэ куалекйа на.
 только дрожать.PRES.3SG и
 ‘Хлебнул в рот — и у царня лишь губы дрожат’ (1981: 86).
- (48) *Усът-э, ти-ос-ы, капка-ез,*
 открыть-IMPER. 2PL мальчик-PL-1SG ворота-ACC
вырз-о-ме.
 двигаться-FUT-1PL
 ‘Откройте, сыночки, ворота, двинемся’ (Бадретдинов 2007: 11).
- (49) *укно ул-а-м куин кызту-э, ог-з-э чог-и —*
 окно под-INES-1SG три береза-1SG один-3SG-ACC рубить-1PRET.1SG
кык кыл-и-з.
 два остаться-1PRET-3SG
 ‘Под моим окном три березки, одну срубила — остались две’ (1981: 268).
- (50) *шур пичи гынэ, нош выж-эз вань.*
 река маленький только а мост-3SG быть.EX
 ‘Речка хоть и маленькая, но мост имеется’ (1990: 56).

Поскольку основания для возникновения ассоциативной связи столь же многообразны, как многообразны контакты между людьми, предметами, явлениями, практически все предметы и явления могут иметь ассоциативного посессора. Разумеется, ассоциативный посессор не является фактическим обладателем.

2.4. Выводы

На основании проведенного анализа можно заключить, что категория посессивности охватывает обширный спектр отношений, в том числе указывает и на несобственно посессивную связь. **Основу семантического ядра посессивности** в удмуртском языке составляют:

- (а) ингерентная или естественная посессивность;
- (б) собственно посессивность;
- (в) ассоциативная связь или несобственно посессивность.

В зависимости от того, насколько для имени характерно участвовать в том или ином типе посессивной связи, можно выделить несколько классов имен объектов и отразить их на шкале посессивности, согласно которой:

(1) **Высокая степень посессивности:**

- имена неотчуждаемых объектов обозначают абсолютную часть possessora;
- имена полуютчуждаемых объектов, т.е. объектов которые являются частью possessora, но могут отделяться от него без фатальных последствий;
- имена объектов высокой степени посессивности, т.е. таких объектов, для которых естественно принадлежать, однако он не является частью possessora.

Имена высокой степени посессивности характеризуются естественной или врожденной принадлежностью. Связь с такими именами обозначает отношение притяжательности, при котором possessor не прикладывает усилий для овладения объектом, контроля над ним. При этом имена неотчуждаемых объектов имеют специальный посессивный маркер, отличающийся от посессивного маркера имен отчуждаемых объектов. Имена полуютчуждаемых объектов, как правило, маркируются показателем отчуждаемой посессивности.

(2) **Имена объектов средней и реже низкой степени посессивности**

Именно имена этой группы, как правило, образуют **собственно посессивное отношение**. В основе собственно посессивной связи лежит активное обладание: possessor прикладывает усилия для овладения объектом, он имеет право им пользоваться, контролировать его, объект длительное время находится в его пользовании. Possessor таких объектов может меняться. Грамматическая связь зачастую требует дополнительных маркеров, напр., именного possessora в форме генитива.

(3) **Имена объектов низкой степени посессивности**

Имена этого класса чаще всего образуют несобственно посессивную или ассоциативную связь с другими элементами речевой ситуации.

С учетом лексико-семантического содержания possessora и объекта посессивности, особенностей их сочетания, их дискурсивного статуса, можно говорить о разных видах посессивной связи. **Вид посессивной связи** обуславливает способ выражения и грамматического маркирования:

— *активная и пассивная посессивные связи* детерминируют маркирования посессора: на активного посессора указывает генитив, а на пассивного — номинатив, элатив;

— *одушевленная личная посессивность*, как правило, предполагает дейктического посессора, выраженного местоимением или Рх;

— *одушевленная неличная посессивность* выражает отношение собственно посессивности. Предполагает активного одушевленного посессора;

— *неодушевленная отчуждаемая посессивность* строится по принципу пространственной включенности или отношения ко времени и характеризуется проекцией на неодушевленного посессора свойств одушевленного (активного);

— *неодушевленная неотчуждаемая посессивность* чаще всего выражается конструкциями примыкания;

— *физическая ограниченная во времени посессивность* предполагает ситуативную временную связь посессора и обладаемого, ограниченное во времени пребывание обладаемого при посессоре;

— *физическая перманентная посессивность* предполагает постоянное пребывание обладаемого при посессоре;

— *отношение обладания и принадлежности*, как правило, дифференцируется в предикативных предложениях: значение обладания реализуется в случаях актуализации объекта посессивности, а значение принадлежности — при актуализации обладателя;

— *абстрактная посессивность* здесь рассматривается как противоположная посессивности ситуация, напр., отрицание факта принадлежности, обозначение отсутствия объекта притяжательности;

— *ассоциативная связь или несобственно посессивное отношение* характеризует случаи грамматического маркирования отношений как посессивного, но в действительности не выражает отношения притяжательности.

3. АТРИБУТИВНАЯ ПОСЕССИВНОСТЬ

В предыдущей главе были выявлены типы отношений, которые составляют семантическое содержание категории посессивности в удмуртском языке. В данной главе будут рассмотрены способы их грамматической кодировки. Основным объектом исследования являются морфосинтаксические конструкции, отражающие грамматическую связь обладаемого и обладателя в рамках атрибутивного сочетания или именной фразы. Рассмотрению подлежат и конструкции, выражающие динамику или статику отношений компонентов, в которых обладаемое и обладатель не относятся к единой NP, напр., случаи внешней посессивности.

Во второй главе уже были выделены конструкции, маркирующие определенный тип посессивных отношений:

(1) обладаемое выражено именем, а обладатель Px ($N_{Pm} Px_{Pr}$), ср.: *korka-je* 'дом-мой', *jĵir-ĵid* 'голова-твоя'.

(2. а.) Обладатель выражен именем в форме генитива *-len*, обладаемое — именем и Px, указывающим на лицо и число посессора ($N_{Pr}Gen N_{Pm}Px$), ср.: *vorgoron-len korka-jez* 'дом мужчины', *vorgoron-jos-len korka-zi* 'дом мужчин'.

(2. б.) Посессор выражен аблативом *-leś*, а обладаемое — посессивным аккузативом ($N_{Pr}Abl N_{Pm}PxAcc$), ср.: *vorgoron-leś korka-z-e aĵĵiśko* '[Я] вижу дом мужчины', *vorgoron-jos-leś korka-z-es aĵĵiśko* '[Я] вижу дом мужчин'.

(3) Посессор в препозиции выражен именем в форме номинатива, к нему примыкает обладаемое ($N_{Pr}Nom N_{Pm}$), ср.: *korka ĵipet* 'крыша дома', *skal jĵir* 'голова коровы, коровья голова'.

(4) Посессор имеет форму элатива, предшествует обладаемому ($N_{Pr}Elat N_{Pm}$), ср.: *udmurt kun univeśitet-ĵś dĵĵetskiś* 'студент удмуртского государственного университета-Elat'.

(5) Посессор предшествует обладаемому и имеет деривационный суффикс *-ala, -lo* ($N_{Pr}ala/-lo N_{Pm}$), ср.: *mim-ala guĵem* 'прошлое лето' *tol-lo ĵuk* 'вчерашняя каша'.

(6) Обладемое предшествует посессору и имеет деривационный маркер с комитативным значением *-o* ($N_{Pm}o N_{Pr}$), ср.: *tuś-o vorgoron* 'бородатый мужчина'.

(7) Обладемое предшествует обладателю и выражено инструменталем ($N_{Pm}Instr N_{Pr}$), ср.: *galstuk-en vorgoron* 'мужчина в галстукe'.

(8) Обладемое предшествует посессору и оформляется деривационным суффиксом с каритивным значением ($N_{Pm}tem N_{Pr}$), ср.: *pĵid-tem vorgoron* 'безногий мужчина'.

(9) Глагольная конструкция с обладаемым в форме абессива, и посессором вне именной фразы обладаемого ($[N_{Pr}]...[N_{Pm}Abes]...$), ср.: *korka ĵipet-tek kiĵem* 'дом остался без крыши'.

Необходимо отметить, что компоненты большинства конструкций могут выходить за рамки одной именной фразы, что обусловлено синтаксическими и дискурсивными функциями посессора и обладаемого. В некоторых сочетаниях обладатель никогда не входит в именную фразу объекта посессивности, напр., в абессивной конструкции. Однако мы рассматриваем их в системе атрибутивных отношений, поскольку они дополняют парадигму атрибутивной посессивности.

Как отмечалось в п. 1.7.1., традиционно в рамках атрибутивной посессивности рассматриваются только типы (1), (2. а.), (2. б.) и (3), остальные конструкции не включаются в парадигму притяжательных отношений. Так, напр., атрибутивные конструкции с инструменталом, согласно «Грамматике современного удмуртского языка», «выражают определительно-объектные отношения», ср.: *сылал-эн нянь* 'хлеб с солью', *силь-ын шыд* 'суп с мясом', (ГСУЯ 1962: 104; ГСУЯ 1970: 20–21; Bartens 2000: 101; Winkler 2001: 25; Каракулова, Каракулов 2001), а атрибутивные сочетания с элативом принято обозначать как словосочетания, выражающие «определительно-обстоятельственные отношения», ср.: *город-ысь ульча-ос* 'улицы города' (см. также ГСУЯ 1962: 109; Kel'makov, Hännikäinen 1999: 46; Bartens 2000: 106; Winkler 2001: 26; Каракулова, Каракулов 2001). Некоторые ученые показатель элатива также рассматривают в качестве деривационного суффикса, ср.: *-is* в *šor-is* 'срединный, центральный' из *šor* 'середина, центр', *mat-iś eš* 'близкий друг' (Aminoff 1896: 23; Bartens 2000: 141). Словообразовательные суффиксы, отмечаемые для конструкций (5), (6) и (8), в основном, имеют функцию образования прилагательного от существительного. Соответственно, традиционно они рассматриваются в связи с адъективными конструкциями или в рамках словообразования прилагательных (Aminoff 1896: 22; ГСУЯ 1962: 142, 144; ГСУЯ 1970: 13; Kel'makov, Hännikäinen 1999: 115–117; Bartens 2000: 140; Каракулова, Каракулов 2001).

В настоящей работе все перечисленные выше конструкции (1)–(9) мы исследуем в совокупности, поскольку все они имеют прямое или косвенное отношение к посессивности.

3.1. Конструкция N_{pm}-P_{xpr}

Одним из основных способов выражения притяжательности в удмуртском, как и во многих уральских языках, является морфологический: присоединение P_x к концу слова. Обладаемое выражено именем и является главным компонентом сочетания, а посессор имеет форму личного аффикса.

Сочетание N-P_x является одним из наиболее распространенных, поскольку практически не имеет семантических и синтаксических ограничений, а именно может обозначать активную и пассивную, одушевленную и неодушевленную, личную и неличную, неотчуждаемую и отчуждаемую, физическую посессивность, принадлежность пространству и времени,

ассоциативную связь. Отличительной чертой конструкции является то, что посессор — активный и идентифицируемый элемент речевой ситуации, именно выражение в качестве атрибута которого необязательно и неактуально в момент речи. В связи с этим, конструкция типична при выражении личной посессивности, поскольку действительного обладателя (1 и 2 лицо) можно всегда идентифицировать. Если обладателем является 3 лицо, (напр., обозначающее человека) либо предмет, то он, как правило, находится в синтаксической близости к обладаемому элементу или же его можно идентифицировать в случаях, когда он не представлен в высказывании. Конструкция N-Rx свойственна именам объектов высокой степени посессивности, т.к. посессор у таких объектов практически всегда имеет синтаксическое выражение или является аргументом предложения. Конструкция является актуальной при обозначении ассоциативной связи, поскольку действительные участники дискурса намного чаще могут иметь ассоциацию с объектами, которые, как правило, не образуют посессивной связи.

В грамматическом плане конструкция N-Rx в удмуртском языке является многофункциональной и, по сравнению с другими уральскими языками, имеет широкое распространение. Далее подробно рассмотрим функционирование Rx.

3.1.1. Парадигма Rx

В традиционной грамматике принято выделять парадигму Rx, выражающих отношение принадлежности единичного предмета единичному и множественному обладателю, а также множественного предмета единичному и множественному обладателю. Полная парадигма Rx встречается уже в первой грамматике (Сочинения 1775: 5–13) и в работах Ф. Видемана, Г. Аминоффа и А. И. Емельянова (Wiedemann 1851: 51–3; Aminoff 1896: 30–39; Емельянов 1927: 129–135). В грамматиках начала XX в. выделяется либо парадигма из шести рядов, выделяемая по количеству обладателей (Wiedemann 1851: 44–60; Глезденев 1921: 15–16), и обладаемых (Яковлев 1930: 21–23; Жуйков 1937: 40). Некоторые грамматики указывают на чередование инициального гласного Rx *-e ~ -j ~ i* (Wiedemann 1851: 44–60). Традицию выделения современной парадигмы (единственность и множественность обладаемого и обладаемых, чередование показателей *-e ~ -i, ~ -j*) по всей видимости, заложила А. А. Поздеева (1939: 46–9).

В языках, которые имеют Rx, парадигма чаще всего состоит из шести рядов, т.е. языки дифференцируют принадлежность объектов 1, 2, 3 лицу ед. и мн. ч., напр., мар. *pört-em* ‘дом-мой’ и *pört-vlak-em* ‘дома-мои’, коми *чер-öй* ‘топор-мой’ и *чер-ъяс-öй* ‘топоры-мои’, венг. *ház-am* ‘мой-дом’ и *ház-a-i-m* ‘дома-мои’; тюркские языки: напр., татар. *китаб-ым* ‘книга-моя’ и *китан-лар-ым* ‘книги-мои’, турец. *ev-im* ‘дом-мой’ и *ev-ler-im* ‘дома-мои’ и т.д.

Однако некоторые языки, кроме того, морфологически маркируют единственность/ множественность обладаемого, напр., мордовские: мокш. *кудо-зе*, эрзян. *кудо-м* 'дом-мой' — мокш. *кудо-не*, эрзян. *кудо-н* 'дома-мой' — мокш. *куд-нэськ*, эрзян. *кудо-мок* 'дом-наш' — мокш. *куд-неке*, эрзян. *кудо-нок* 'дома-наши' (Феоктистов 1963: 59–60). Хантыйский: (*ма*) *хот-ем* '(мой) дом-мой' — (*ма*) *хот-л`ам* '(мои) дома-мой' — (*мун*) *хот-ев* '(наш) дом-наш', (*мун*) *хот-л`ув* '(наши) дома-нами'. Особые серии Rх имеют самодийские языки: некоторые из них, в том числе и обско-угорские языки, также выражают принадлежность двойственному посессору (Хелимский 1983, Ким 1986а и др.).

На наш взгляд, классификация Rх только по принципу выражения посессивности не выражает их полной сущности. Необходимо учитывать их двойственный характер: с одной стороны, они являются показателем категории посессивности и имеют ситуативный характер, ср., напр., *мон руні-јен-ід шудіско* 'я играю с твоей собакой-2SG' — *мон руні-јен-ə шудіско* 'я играю с собакой-ə'. С другой стороны — являются средством синтаксической связи элементов предложения, в этом случае Rх не имеют отношения к категории посессивности, а употребление обусловлено правилами грамматического согласования, напр. *мон огна-т улиско* 'я живу один-1SG', невозможно: **мон огна-ə улиско* 'я живу один-ə'. При этом важно подчеркнуть, что и в том, и в другом значении Rх обязательно выполняет функцию идентификатора референта.

Д. Синор выделяет три основных типа суффиксов в уральских и алтайских языках: (а) деривационные, (б) функциональные и (в) спецификаторы (*specifiers*). Первые имеют функцию лексикализации, вторые выражают синтаксическую связь одного слова с другим, и третьи — меняют значение слова и могут влиять (но не обязательно) на структуру предложения. К последним относятся, напр., показатели множественного числа (Sinor 1978: 257). По мнению Д. Синора, Rх 1 и 2 л. являются типичными спецификаторами, а Rх 3 л. — функциональным суффиксом (Sinor 1978: 264). На наш взгляд, Rх, указывающие на все три лица, могут выступать как в качестве спецификаторов, так и в качестве функциональных суффиксов. То, что Д. Синор называет спецификатором, в нашем случае соответствует функции выражения посессивного отношения (пример с собакой), а функциональный суффикс — функции грамматического согласования (я живу один).

Rх в функции спецификатора посессивности (см. табл. № 1):

(а) обозначает посессора;
 (б) не влияет на структуру предложения;
 (в) присоединяется только к именам со свойствами существительного, выражающим в предложении субъектно-объектные отношения (см. п. 3.1.3.1.),

(г) дифференцирует принадлежность единственного или множественного объекта единственному обладателю, ср.: *korka-je* 'дом-мой' и *korka-os-j* 'дома-мой' (см. табл. № 1. б.).

(д) в случае принадлежности единственного объекта единственному лицу суффикс начинается с гласного *-e* или *-i*, реже *-i*, ср.: *gurt-ed* 'деревня-твоя', *jjr-jd* 'голова-твоя', *tum-id* 'мать-твоя'; в форме аккузатива, инструментала и пространственных падежей появляется форма одиночного согласного: *mon korka-d piri* 'я зашел в твой дом' (см. табл. № 1. а.).

Рх в функции грамматического согласования (см. табл. № 2):

(а) обозначает референта, напр., субъекта;

(б) обеспечивает синтаксическую связь референта с другими элементами предложения;

(в) присоединяется к местоимениям, числительным, наречиям, герундиям, послелогам, именам действия в функции обстоятельств, в отдельных случаях — к существительным в локативных падежах в роли обстоятельств, ср.: *mon ki-ja-m kniga voziško* 'я в руке держу книгу', *mjn-a-m* 'у меня-1SG', *ogna-d* 'ты один-2SG', *vera-ku-m* 'когда я говорил' (см. пп. 3.1.1.4., 3.1.3.2.);

(г) выражается одиночным согласным;

(д) имеет только парадигму единственного и множественного референта.

Необходимо отметить, что спецификаторы посессивности в некоторых случаях выполняют также и функцию грамматического согласования: в генитивных конструкциях и в предложениях обладания, в которых суффикс является частью конструкции, ср.: *ataj-len korka-jez* (отец-GEN дом-3SG) 'дом отца', *ataj-len korka-jez van* (отец-GEN дом-3SG быть.EX) 'у отца есть дом' (см. п. 3.1.3.3.).

Таблица № 1. Парадигма Рх в функции спецификаторов посессивности

Таблица № 1. а. Парадигма принадлежности единичного объекта единичному посессору

	вариант <i>-e</i>	вариант <i>-i</i>	вариант <i>-i</i>	вариант <i>-C</i>
1SG	<i>-e</i>	<i>-i</i>	<i>-i</i>	<i>-m</i>
2SG	<i>-ed/(-et)</i>	<i>-jd/(-jt)</i>	<i>-id/(-it)</i>	<i>-d/(-t)</i>
3SG	<i>-ez/(-es)</i>	<i>-iz/(-is)</i>	<i>-iz/(-is)</i>	<i>-z/(-s)</i>

Таблица № 1. б. Парадигма принадлежности множественного объекта единичному посессору

1SG	<i>-os-i</i>
2SG	<i>-os-jd/(-jt)</i>
3SG	<i>-os-iz/(-is)</i>

Таблица № 1. в. Парадигма принадлежности единичного и множественного объекта множественному посессору

	ед. объект	мн. объект
1PL	<i>-mĭ</i>	<i>-os-mĭ</i>
2PL	<i>-dĭ/-tĭ</i>	<i>-os-tĭ</i>
3PL	<i>-zĭ/-sĭ</i>	<i>-os-sĭ</i>

Таблица № 2 Парадигма Rх в функции грамматического согласования

	ед. референт	мн. референтов
1SG	<i>-m</i>	1PL <i>-mĭ</i>
2SG	<i>-d/(-t)</i>	2PL <i>-dĭ/-tĭ</i>
3SG	<i>-z/(-s)</i>	3PL <i>-zĭ/-sĭ</i>

Как показывает таблица № 1. а. при выражении принадлежности единичного объекта единичному посессору язык выделяет три инициальные гласные: *-e ~ -ĭ ~ -i*. На наш взгляд, такое чередование, возникшее по фонетическим причинам, на современном этапе отражает семантическую дифференциацию, а именно:

(а) Rх *-e* имеет тенденцию обозначать принадлежность отчуждаемых предметов;

(б) Rх с гласным *-ĭ* — неотчуждаемых объектов (также множественный объект, см. табл. № 1. б.);

(в) показатель *-i* употребляется с терминами родства, обозначающими родителей, а с односложными местоимениями маркирует выделительно-указательную категорию, ср. *kud-iz* 'который из них', *ta-iz* 'этот', *so-iz* 'тот'.

Rх в форме одиночного согласного имеет двйоственный характер, а именно может выражать функцию посессивности, а также грамматического согласования. (см. п. 3.1.1.4.).

3.1.1.1. Rх с инициальным *-e*

Подобно всем морфемам с инициальным гласным *-e* *e*-овые Rх в определенных фонетических условиях присоединяют буферный *-j*¹² (ср.: *hiatus*

¹² Рассматриваемый буферный *-j* не является идентичным начальному согласному показателя множественного числа, ср.: *šur-jos* 'реки', где *-j* входит в состав морфемы, а не устраняет зияние между гласными, как вставной согласный. Ученые утверждают, что показатель мн. ч. в пермских языках произошел от самостоятельного слова *joz*, означавшего принадлежность человека к группе. (напр., Uotila 1933: 183–3; Bartens 2000: 76 и т. д.).

blocker, hiatus Bartens 2000: 67; Winkler 2001: 17), что в грамматиках принято обозначать как *-(j)e, -(j)ed, -(j)ez* (см. ГСУЯ 1962: 45; Bartens 2000: 67; Winkler 2001: 28).

Буферный *-j-* не появляется между *Rx* и основами (а) на согласный: *gurt-e* ‘деревня-моя’, *keñer-ed* ‘зобор-твой’, *ñañ-ez* ‘хлеб-его’ и т. д.; (б) на гласные *-u, -e, -i, -e* в односложных именах: *vu-e* ‘вода-моя’, *je-ed* ‘лёд-его’, *tj-ez* ‘пруд-его’, *je-e* ‘ремень-мой’. Односложные имена с конечным *-i*, в основном, имеют вставной *-j-*: *pi-j-e* ‘сын-мой’, *śi-j-ed* ‘луч-твой’; в односложных основах после гласных *-a* и *-o* *Rx* имеет форму *-(j)i*: *so(-j)-i* ‘мой тот предмет’, *ta(-j)-i* ‘твой этот предмет’, *ma(-j)-iz* ‘что его’. В остальных случаях появляется вставка *-j-*: *korka-j-e* ‘дом-мой’, *punĭ-j-ed* ‘собака-твоя’, *vuko-j-ez* ‘мельница-его’, *bekŕe-j-e* ‘бочка-моя’. Исключением в этой группе являются дву- и более сложные имена с конечными *-u* и *-e*¹³: *Vaľu-e* ‘моя Валентина’.

В литературном языке *Rx* присоединяется к основе слова, не изменяя ее. В некоторых говорах срединного и близкого к нему северного диалектов *-j-* опускается: *вуко-эд* ‘мельница-твоя’, *пуну-эз* ‘собака-его’, *чиньы-э* ‘палец-мой’, *бади-э* ‘отец-мой’, *нэнэ-э* ‘бабушка-моя’, *žезы-эз* ‘ворота-его’, *мунчо-э* ‘баня-моя’ и т. д. (Тепляшина 1955; Образцы 1981, 1990). Выпадение *-j-* в этих говорах повлекло за собой изменение конечного гласного основы: (а) *-a* выпадает при образовании притяжательной формы на *-e*: *капка-эз* ‘ворота-его’ вместо *капка-эз*, *бад-эд* ‘дядя-твой’ вместо *бада-эд* и т. д. (Образцы 1981, 1990); (б) *-a* изменился в *-e*, ср.: *бакчэ-э* ‘огород-мой’ из *бакча*, *коркэ-эд* ‘дом-твой’ из *корка*, *апэ-э* ‘сестра (старшая)-моя’ из *ана* и т. д. (Тепляшина 1955; Образцы 1981, 1990). Эти особенности имеют чисто фонетический характер. Подобные диалектные различия и фонетические упрощения характерны и для других формантов с начальным *-e* (напр., для форм инструментала и иллатива). На этом основании в общей парадигме (табл. № 1) *-j-* не отражен.

Незначительные фонетические модификации имеет конечный согласный формантов 2SG и 3SG *-ed* и *-ez*, которые, попадая в окружение глухих согласных, закономерно оглушаются в *-et* и *-es*, соответственно (см. (51) и (52)). Традиционно в парадигму включается только звонкий вариант. На письме такая особенность не отражается, но при фонетической транскрипции, разумеется, заметна:

- (51) *узы-йэт* *пөрмы-тоž*, *лийал* *выл-ын* *ми*
 земляника-2SG получаться-GER пенёк верх-INES мы
пук-и-м.
 сидеть-1PRET-1PL
 ‘Пока земляника попевала, на пне мы посидели’ (1990: 26).

¹³ Гласные *-u* и *-e* в дву- и более сложных словах, как правило, встречаются только в первом слоге, их появление во втором слоге — сравнительно позднее явление (Кельмаков 1993: 23).

- (52) *ныл-лэн йырси-йэс куз кэ, кыбокэ быз-о-з.*
 девушка-GEN волосы-3SG длинный если далеко течь-FUT-3SG
 ‘Если у девушки волосы длинные, замуж выйдет далеко’ (1990: 128).

В некоторых диалектах глухой вариант встречается и в позиции перед звонким согласным, перед гласным и в абсолютном конце слова, напр., в кукморском говоре, ср.: *tir-et* ‘топор-твой’, *tir-a-t* ‘в топор-твой’ (Кельмаков 1970: 265, 274), ср.:

- (53) *со-лэн атай-эс истинка лү-эм...*
 он-GEN отец-3SG ЛИ быть-2PRET.3SG
 ‘Его отец Устином звался...’ (1992: 127).

Рх *-e*, *-ed*, *-ez* идентифицируют референт, выполняющий функцию посесора и выражает отчуждаемую посессивную связь с именем (см. п. 2.1.2.) (55). Тем не менее, в некоторых случаях имена неотчуждаемых объектов также могут присоединять эти показатели: слова с конечной гласной, сложной морфологической структурой или заимствованные имена, ср.: *pi-je* ‘сын-мой’, *li-e* ‘кость-моя’, *ku-e* ‘кожа-моя’, *tj-e* ‘легкое-моё’, (но *ki-ij* ‘рука-моя’), *čirtj-je* ‘шея-моя’, *činj-je* ‘палец-мой’, *žuzdala-jez* ‘высота-его’, *bižžala-jez* ‘размер-его’, *kuždala-jez* ‘длина-его’, *paštala-jez* ‘ширина-его’, *piči brat-ed* ‘младший брат-твой’ (55) и т. д.

Часто рассматриваемый Рх выражает принадлежность по ассоциации. Изредка они выполняют также функцию грамматического согласования, напр., в формах второго претерита и плюсквамперфекта (56).

Рассматриваемый Рх присоединяется, главным образом, к существительными, а также другим именам и местоимениям, обладающими качествами существительного и выступающими в предложении в функции субъекта и косвенного объекта, т. е. сочетается с субъектно-объектными падежами и предшествует падежному показателю (см. п. 3.1.2.), ср.: *korka-je-lj* ‘дому-моему’, *korka-jed-leś* ‘от/у дома-твоего’, *korka-jez-len* ‘(у) дома-его’, *korka-je-tek* ‘без дома-моего’, *korka-jed-ja* ‘согласно дому-моему’.

- (54) *мын-ым со-йэ нэрэс мама-йэ вэра-з...*
 я-DAT это-ACC старый мать-1SG говорить-1PRET.3SG
 ‘Мне об этом бабушка рассказала...’ (1990: 179).
- (55) *Пи-ез-лэн дифтерия вал.*
 мальчик-3SG-GEN дифтерия вспом.гл.1PRET.3SG
 ‘У его сына была дифтерия’ (Красильников 1991: 71).
- (56) *Мар сыче куасъм-ем-ед?*
 что такой сохнуть-PART-2SG
 ‘Отчего так исхудал?’ (Медведев 2006: 23).

Эти же форманты выполняют и другую функцию — словообразовательную, напр., субстантивация других частей речи, ср.: *todmo* ‘знакомый’ и *todmo-je* ‘знакомый-мой’; *metjr kuždala* ‘метр в длину’ и *kuždala-jez* ‘длина-его’.

Необходимо отметить, что показатели *-e*, *-ed*, *-ez* (коми *-e* ~ *-ej*, *-jt* ~ *jd*, *-js*) имеют свои исключительные функциональные особенности.

1SG -e является дейктическим средством выражения принадлежности 1 лицу ед. ч. В эгоцентрическом дискурсе показатель зачастую может опускаться (см. (7)). 1SG на основе ассоциативной связи может выполнять функцию субъективной оценки (п. 3.1.3.1.1.).

Принято считать, что древней формой 1SG был **-m*, который в пермских языках выпал. По основной версии, после утраты суффикса **-m* его функцию приняла конечная гласная основы (Uotila 1933: 226; Wichman 1923–1924: 152–153). По мнению Б. А. Серебренникова, такое объяснение противоречиво. Он считает, что в период отпадения конечных гласных в древнем пермском языке появилось много слов с основой на согласный. Для удобства произношения между конечным согласным основы и согласным притяжательного суффикса возник буферный *-y* (*-j*), ср.: ед. ч. 1 л. *-ym*, 2 л. *-yt*, 3 л. *-ys*; мн. ч. 1 л. *-mγ*, 2 л. *-tγ*, 3 л. *-sγ*. В 1 л. ед. ч. произошла замена огласовки *-jm* на новый суффикс: он был вытеснен совершенно другим показателем, никогда не включавшем *-m*, — уменьшительным суффиксом *-ō* (удм. *-e*). Последний в силу более экспрессивного характера совсем вытеснил прежнюю форму. Превращению этого суффикса в притяжательный предшествовало его употребление в качестве маркера звательного падежа. Позднее рассматриваемый суффикс стал употребляться и с косвенными падежами в результате чисто механического распространения по аналогии (Серебренников 1963: 105–111).

2SG -ed выражает принадлежность второму единственному лицу. Показатель *-ed* широко употребляется в функции идентификации определенных элементов дискурса (см. п. 3.1.3.1.3.). В некоторых диалектах конечный согласный *-d* в условиях пред сонорными может редуцироваться, т. е. появляется гортанный смычный или гамза (Kel'makov, Saarinen 1994: 79–81). Такая особенность свойственна, в основном, южным, периферийно-южным и бесермянскому диалектам, ср.: кукморский *tir-e'-len* '(y) топора-твоего', *tir-e'-lis* '(y)от топора-твоего', *tir-e'-le* 'топору-твоему', *tir-e'-tek* 'без топора-твоего' (Кельмаков 1970: 273; Вахрушев 1978).

Древней формой рассматриваемого суффикса было сочетание **-nt*, которое упростилось в **-t*, а в дальнейшем стал звонким *-d* (Uotila 1933: 109; Bartens 2000: 113). По мнению Б. А. Серебренникова, первичной формой 2SG был *-yt*, а гласный *-e* — вторичного происхождения — возник по аналогии с *-e* в 1SG. Более древняя форма *-yd* сохранилась у некоторых имен объектов неотчуждаемой семантики, а также в формах некоторых падежей, ср.: *lud-yšt-yd* 'с твоего поля' (Серебренников 1963: 120).

3SG -ez, по мнению А. А. Поздеевой, выполняет следующие функции: (а) выражает принадлежность 3 лицу, (б) служит для выражения категории определенности или категории выделительности и (в) является показателем аккузатива (Поздеева 1949: 1). Необходимо отметить, что рассматриваемый суффикс обозначает анафорическую связь с *антецедентом*,

выраженным одушевленным или неодушевленным именем. По этой причине антецедент должен упоминаться в высказывании или присутствовать в дискурсе, или адресат должен располагать информацией, достаточной его идентификации.

3SG *-ez* формально совпадает с выделительно-указательным суффиксом *-jz*, ср.: *čeber-ez* 'тот, что красивый', *mjn-am-ez kn'iga* 'та книга, которая принадлежит мне' (см. п. 3.1.3.1.2.).

Показатель 3SG некоторые исследователи реконструируют как **-sA* > **-nsA* или **-ns* > **-s*, который в удмуртском языке получил озвончение (Uotila 1933: 179; Bartens 2000: 113–114).

3.1.1.2. Рх с инициальным *-j*

Исследуя чередование *-e* ~ *-j* на материале тыловайского говора, Т. И. Тепляшина выделяет 8 групп имен с семантикой неотчуждаемой принадлежности, с огласовкой на *-j*: (а) части тела и составные элементы организма (56 сл., из них некоторые составные, напр., *нырул-ыз* 'верхняя губа-его'; у некоторых слов существует колебание огласовки — 12 сл., другие присоединяют огласовку только на *-e* — 16 сл.); (б) черты характера (15 сл., с огласовкой на *-e* — 6 сл.); (в) некоторые названия родственных отношений (11 сл., из них 3 сл. имеют и *e*-овую огласовку, 13 сл. выступают только с *e*-овым показателем); (г) слова, выражающие временные и пространственные отношения (8 сл.); (д) части неодушевленных предметов (19 сл.), (е) названия частей одежды (7 сл., из них 3 сл. также имеют *e*-овую огласовку); (ж) субстантивированные прилагательные (4 сл.), (з) относительные существительные, имеющие непосредственную связь с другими существительными (7 сл.). Всего выделено 125 слов (многие из них составные) и 17 слов с чередованием *-e* ~ *-j*.

В. И. Лыткин отрицает наличие самостоятельной «категории неотчуждаемости» в удмуртском языке, предполагая, что чередование *-e* ~ *-j* в притяжательных формах и инструментале — результат изменения двух древних финно-угорских гласных непервого слога (1970: 228). По его мнению, *j*-овые формы восходят к словам с гласным **-e*, а *e*-овые формы — к словам с гласным **-a* (**-ä*) в непервом слоге. В доказательство Лыткин приводит этимологию 85 слов (среди которых есть также имена, не выражающие семантического значения неотчуждаемости, но приобретающих посессивный показатель на *-j*). 39 примеров из списка демонстрируют правильное соответствие уд.-*jz* ~ ф.-у. **-e*, 26 — соответствие удм.-*äz* ~ ф.-у. **-a* (**-ä*), т. о., всего на правильное звукосоответствие — 65 примеров; отклонения от правильных соответствий: удм.-*äz* ~ ф.-у. **-e* — 11 примеров, удм.-*jz* ~ ф.-у. **-a* (**-ä*) — 9 примеров, всего на неправильные соответствия — 20 примеров (Лыткин 1970: 231–233).

С мнением Т. И. Тепляшиной о существовании категории отчуждаемости/ неотчуждаемости не согласны также Д. Фокош-Фукс (Fokos-Fucsh 1963: 217), Э. Васой (Vászolyi 1967: 37). В. К. Кельмаков утверждает, что «дело здесь обстоит скорее с фонетическим явлением, нежели лексико-грамматическим» (1970: 267; 1993: 26). Свое утверждение он доказывает тем, что (а) противопоставление отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности встречается не регулярно; (б) не все слова из группы неотчуждаемой принадлежности оформляются *i*-овым показателем; (в) в кукморском (также как и в других диалектах и литературном языке) некоторые слова могут приобретать оба показателя (1970: 267).

Позднее В. К. Кельмаков вслед В. И. Лыткиным выделяет в формировании системы R_x три этапа: (а) фонетический (чередование *-i* и *-e*, возникшее по фонетическим причинам, впоследствии утратило связь с фонетическими особенностями вокализма непервого слога); (б) семантический (впоследствии оно подверглось семантической специализации: начала складываться особая лексико-семантическая группа имен существительных, объединенных общим значением неотчуждаемой принадлежности); (в) морфологический (под действием аналогии произошло постепенное поглощение небольшой *i*-группы *e*-группой через промежуточную ступень варьирования форм на *-i* ~ *-e*, характерного как для литературного языка, так и для диалектов). На втором этапе смешение *e*-овых и *a*-овых основ протекало не беспорядочно, а строго в соответствии с семантикой: из группы имен на ф.-уг. **-e* (удм.-*i*) в другую группу перешли те, которые не имели значения «неотчуждаемой принадлежности» (*es* 'дверь', *iž* 'овца', *kiz* 'ель'), и наоборот, в эту группу перешли слова из группы фуг **-a/ *-ä* (удм.-*e*), обозначающих «неотчуждаемую принадлежность» (*ber* 'зад', *miš* 'тыльная сторона', *peł* 'ухо', *pit* 'конец' и т. д.) (Кельмаков 1993: 26–27).

На наш взгляд, мнения ученых не противоречат друг-другу: Т. И. Тепляшина обозначила существование категории неотчуждаемости в удмуртском языке и определила лексико-семантические группы слов, выражающих данное значение. В. И. Лыткин указал на историческую основу морфологического выделения категории, а В. К. Кельмаков, опираясь на исследование В. И. Лыткина, описал процесс грамматикализации категории.

В близкородственных коми-зырянском и коми-пермяцком языках чередование наблюдается в формах 1SG — с одной стороны, и 2SG, 3SG — с другой. Ср.: коми-зырян.: *-ej*, *-id*, *-is*, коми-перм.: *-e*, *-id*, *-is*, коми-язьвин.: *-ø*, *-id*, *-is*.

На сегодняшний день трудно сказать, сколько всего слов присоединяют R_x на *-i*. По данным Т. И. Тепляшиной (1955), В. И. Лыткина (1970),

ГСУЯ (1962), И. В. Яковлева (1930), их более 155¹⁴. По результатам анализа имеющегося материала, на современном этапе можно выделить (1) лексико-семантические, (2) фонетические, (3) морфолого-синтаксические, (4) диалектные особенности образования посессивной формы на *-i*.

(1) Имена со значением неотчуждаемой принадлежности, как правило, оформляются маркером *-i*. Слова одной лексико-семантической группы могут иметь разную степень посессивности. Заимствованные слова, обозначающие неотчуждаемые предметы, слова со сложной морфологической структурой не оформляются показателем *-i*, ср.: *vjn-i* и *pičijez brat-e* 'младший брат-мой', *suzer-i* и *pičijez šestra-je* 'младшая сестра-моя', *kuždala-jez* 'длина-его', *paštala-jez* 'ширина-его'. Если слово является сложным, то посессивная форма образуется в соответствии с последним компонентом, ср.: *iška.vjn-iz* (*iškan + vjn*) 'родственник, сосед-его'.

(2. а) Фонетические ограничения употребления маркера *-i* в словах объектов неотчуждаемой семантики:

— односложные слова на гласный, ср.: *pi-je* 'сын-мой', *lj-e* 'кость-моя', *ku-e* 'кожа-моя', *tj-e* 'легкое-мое' (исключение *ki-i* 'рука-моя');

— дву- и более сложные слова на гласной, ср.: *čirti-je* 'шея-моя', *čini-je* 'палец-мой' и т. д.

(б) фонетические условия употребления маркера *-i* в словах объектов отчуждаемой семантики (редкое явление):

— односложные слова на согласный, ср.: *tjl-iz* 'огонь-его', *nel-iz* 'стрела-его', *tel-iz* 'ветер-его' и т. д.

— слова, сохраняющие древний согласный основы, ср.: *zundesk-i* ~ *zundes-e* 'перстень-мой'. Такие слова могут присоединять оба посессивных показателя, но *e*-овая форма употребляется с краткой основой, а *i*-овая присоединяется к основе, сохраняющей древний консонант, ср.: *žušk-iz* — *žuš-ez* 'желудок-его', *musk-iz* — *mus-ez* 'печень-его'.

(3) На морфосинтаксическом уровне чередование посессивных форм на *-e* ~ *-i*, возможно, происходило во избежание формальной омонимии: имена, не имеющие семантики неотчуждаемости, развились в 3SG *-iz* для рагличения посессивной аккузативной форм, ср.: *tjl-iz* 'огонь-его' — *tjl-ez* (*žuati*) 'огонь-Асс (зажги)', *tel-iz* 'ветер-его' — *tel-ez* (*žutiz*) 'ветер-Асс (поднял)' и т. д.

(4) В диалектах удмуртского языка *i*-овая форма посессива проявляется неравномерно: в говорах северного диалекта *i*-овый формант присоединяется к большему числу слов, нежели в южных диалектах, ср.: сев. *вал-ы* ~ *вал-ьд*, сред. *вал-ыз*, южн., сред., удм. лит. *вал-э* 'лошадь-моя'

¹⁴ В данный список вошли также имена, которые являются составными или сложными образованиями, имеют чередование в диалектах, напр., *meļa-jez* ~ *meļa-iz* 'грудь-его'. Не учитывались имена с огласовкой на *-i*, напр., *tumi* 'мама-моя', *bubi* 'отец-мой'. Список не является исчерпывающим.

(Кельмаков 1993: 27; Образцы 1981: 239); сев., *сузэр-ы* ~ *сузэр-ь* ~ *сурз-ы*, сред., южн. *сузэр-э* 'младшая сестра-моя' (Образцы 1981, 1990). В кукморском диалекте преобладают *e*-овые формы (Кельмаков 1992). Т. И. Тепляшина в тыловайском говоре северного диалекта обнаруживает много слов, которые в литературном языке не оформляются маркером *-j* (1955: 172–178). Она же отмечает, что там, где в литературном языке с терминами родства употребляется алломорф *-j*, в бесермянском диалекте появляется *-e*, ср.: *вон-э* 'младший брат-мой', *нөл-э* 'дочь-моя', *пинал-э* 'ребенок-мой', *сузэр-е* 'сестра-моя', также и с другими именами, ср. *мөлкөд-э* 'желание, настроение-мое', *сам-э* 'характер-мой, привычка-моя' и др. (Тепляшина 1975: 198).

Неоднородно оформление рассматриваемых Посессивных форм и в письменных памятниках удмуртского языка (Wichmann 1954; Евангелие 1847, 1848).

С учетом всех указанных особенностей рассмотрим подробнее лексико-семантические группы имен семантикой неотчуждаемости, приведенные в разделе 2.1.1.

1. Человек и его составляющие

1.1. Части тела и внутренние органы. Данная группа является самой обширной (более 70 слов). Эта семантическая группа в удмуртском языке наиболее регулярно присоединяет *j*-овый показатель, ср.: *имнiр-j* 'лицо-мое', *ки-j* 'рука-моя', *pid-j* 'нога-моя', *pin-j* 'зуб-мой', *sinm-j* 'глаз-мой', *pej-j* 'ухо-моё' и т. д. Внутренние органы: *lup-iz* 'селезенка-его', *sul-j* 'кишка-моя' и т. д. В эту же рубрику можно включить названия частей тела и внутренних органов животных, что несколько расширяет лексический состав группы: напр., *biž-iz* 'хвост-его', *sur-iz* 'рог(a)-его', *burd-iz* 'крыло-его' и т. д.

Согласно Т. И. Тепляшиной, в группе есть слова, которые могут оформляться обоими показателями. На наш взгляд, это можно объяснить фонетическими особенностями: (а) многие из них имеют конечный гласный, ср.: *lijz* ~ *li-ez* 'кость-его', *činj-iz* ~ *činj-ez* 'палец-его', *čelj-iz* ~ *čelj-ez* 'мизинец-его', *gogj-iz* ~ *gogj-ez* 'пуп-его' (1955: 174–175). В литературном языке и в южных диалектах данные слова присоединяют *e*-овый вариант. (б) Варьирование происходит у имен, сохраняющих архаичный согласный, ср.: *kusk-iz* ~ *kus-ez* 'поясница его', *žušk-iz* ~ *žuš-ez* 'желудок-его', *musk-iz* ~ *mus-ez* 'печень его'. (в) Слово является составным или сложным образованием, ср.: *suj peskes-iz* ~ *suj peskes-ez* 'запястье его' (там же).

В рассматриваемой группе есть слова, которые допускают только *e*-овый вариант. В основном, они не имеют значения сильной релятивности и могут пониматься как частично отчуждаемый предмет или то, без чего человеческий организм может существовать без серьезных нарушений, ср.: *tuš-ez* 'борода-его', *mijik-ez* 'усы-его', *jiŕsi-jez* 'волосы-его', *dej-ez*

'грыжа-его', *zu-ez* 'щетина-его'. Кроме того, человеческие выделения также не воспринимаются как часть тела, ср.: *djǎdj-jez* 'слюни-его', *sep-ez* 'желчь-его', *ur-ez* 'гной-его', *peśam-ez* 'пот-его', *zirj-m-ez* 'сопли-его', *kjz-ez* 'моча-его', *siť-ez* 'экскременты-его'.

1.2. Некоторые психические свойства и состояния человека. Эта группа значительно меньше (ок. 6 сл.), что естественно из-за ограниченного круга понятий. Наиболее регулярно во всех диалектах оформляются *lul-i* 'душа-моя', *śam-ǐd* 'характер, нрав-твой', *milkǐd-ǐz* ~ *mǐl-ǐz* ~ *mǐl-ǐz-kǐd-ǐz* 'настроение, душевное состояние-его', *tusbuj-ǐd* ~ *tus-ǐd* ~ *buj-ǐd* ~ *tus-ǐd-buj-ǐd* 'образ, лицо-твое' и т. д. Также, как в предыдущем случае, архаичная основа вызывает чередования: *vjrosk-ǐz* ~ *vjros-ez* 'повадки, поведение-его'. Т. И. Тепляшина к этой же группе относит такие человеческие свойства как *ум, доброта, стыд* (1955: 175).

2. Части и стороны неодушевленных предметов. Это вторая большая группа (ок. 40 слов). Ее особенностью является почти полное отсутствие диалектного. Сюда можно отнести слова, выражающие пространственно-ориентировочное отношение и естественные части предметов. Имена рассматриваемой группы, как правило, употребляются с Рх 3 л.

2.1. Стороны предметов (ок. 20 сл.): *ul-ǐz* 'низ-его', *pǐdes(k)-ǐz* ~ *pǐds-ǐz* 'дно-его', *śer-ǐz* 'задняя сторона-его', *dur-ǐz* 'край-его', *pal-ǐz* 'сторона, бок-его', *bur-ǐz* 'правая (сторона)-его', *paľlan-ǐz* 'левая (сторона)-его' и т. д.

2.2. Естественные части предметов (ок. 13 сл.): *kal-ǐz* 'ручка-его', *ķem-ǐz* 'кожура-его', *kuk-ǐz* 'ножка-его', *ńer-ǐz* 'розги-его', *modos-ǐz* 'ствол-его', *vaj-ǐz* ~ *vaj-ez* 'ветка-его', *vjži-ǐz* ~ *vjži-jez* 'корень-его'. Сюда же можно отнести лексемы, обозначающие части одежды (ок. 7 слов), ср.: *sajes-ǐz* 'рукав-его', *śires-ǐz* 'ворот (мужской рубахи)-его', *sezul-ǐz* (составной) 'подол-его', *birdǐ-ǐz* ~ *birdǐ-jez* 'пуговица-его', *vurjs-ǐz* ~ *vurjs-ez* 'шов-его'.

3. Слова с сильной посессивной семантикой. Абстрактные или нематериальные свойства, которые не могут существовать самостоятельно, без их носителя (примерно 24 сл.). Особенность группы в том, что некоторые имена имеют необязательный характер, ср.: *dun-ǐz* 'цена-его', *zǐn-ǐz* 'запах-его', *tus-ǐz* 'цвет, форма-его', *śem-ǐz* 'вкус-его', *ńem-ǐz* 'повод, причина-его' и т. д. В этой же группе уместно рассматривать слова, выражающие некоторые свойства человека, ср.: *ńim-ǐz* 'имя-его', *źećk-ǐz* ~ *źeć-ez* 'доброта-его', *viźm-ǐz* ~ *viź-ez* 'ум-его', *aresk-ǐz* ~ *ares-ez* 'возраст-его', *arlǐd-ǐz* 'возраст-его'. В отдельных диалектах, в частности в тыловайском говоре, также оформляются и другие относительные понятия, ср.: *ćeber-ǐz* 'красота-его', *voźǐt-ǐz* 'стыд-его', *kuźǐm-ǐz* 'сила-его' и т. д. Некоторые слова, называющие время и временные промежутки, также мыслятся как релятивные, ср.: *dǐr-ǐz* 'время-его', *nunal-ǐz* ~ *nunal-ez* 'день-его'.

4. Термины родства. В ходе исследования было выявлено, что в группе терминов родства из 11 слов только 3 относительно регулярно и в литературном языке, и в диалектах имеют посессивный вариант Рх на *-i*: *vjn-*

iz 'младший брат-его', *suzer-iz* ~ *surz-iz* ~ *suzer-ez* 'младшая сестра-его', *nil-iz* 'дочь-его', но *pi-jez* 'сын-его'. По нашим данным слово *suzer* наиболее регулярно в северных говорах имеет Rх *-i*, а в срединном, южном и периферийно-южном диалектах — Rх *-e*. Вариант на *i* встречается в некоторых составных терминах, что скорее обусловлено особенностью последнего компонента, ср.: *pi.nal-iz* (от *pi* 'сын' + *nil* 'дочь') 'ребенок-его', *iška.vjn-iz* (*iškan* 'ближайший друг (женщины)' + *vjn* 'младший брат') 'родственник, сосед-его', *kuz.pal-iz* (*kuz* 'пара' + *pal* 'сторона, один из пары') 'супруг(а)-его/ее'. Другие термины родства в некоторых диалектах также оформляются показателем *-i*, ср.: тыловайский *айымурт-ыз* 'свекор-ее', *чыжы-выжы-ыз* 'родственник-его' (лит. яз. *чыжы-выжы-ез*) (Тепляшина 1955: 175), кукморский *чужморт-эд* ~ сред. *чужмурт-эд* 'дядя (по матери)-твой' (Кельмаков 1993: 27). Т. И. Тепляшина сюда же относит формы слов *муми* 'мама-моя', *буби* 'отец-мой' (1955: 175). Все остальные термины родства оформляются *e*-овым показателем, ср.: *anaj-ez* 'мать-его', *ataj-ez* 'отец-его', *čūžodig-ez* 'дядя (по материнской линии)-его', а также термины, называющие некровных родственников, ср.: *kjšno-jez* 'жена-его', *kart-ez* 'муж-ее', *ičmeñ-ez* 'невеста младшего брата-его' и т. д. Как показывает материал, в удмуртском языке неотчуждаемость, оформляемая показателем *-i*, с терминами родства реализуется, в основном, по нисходящей линии (*nil* 'дочь', *vjn* 'младший брат', *suzer* 'младшая сестра'). Слово *pi* 'сын' не имеет *i*-ового оформления скорее по фонетическим причинам.

Слова *nil* и *pi* имеют значения: (а) 'дочь' и 'сын', а также (б) 'девочка, девушка' и 'мальчик, юноша'. Семантическая дифференциация осуществляется с помощью Rх, который обязателен в случае обозначения родства, а во втором случае — факультативен и выражает либо определенность, либо ласкательность.

Патронимы *бубиз*, *мумиз* 'мать-его' и т. д. не стоит относить к группе неотчуждаемой посессивности, поскольку (а) они не соответствуют семантическому принципу субординации; (б) имеют иное морфологическое выражение: зачастую в посессивной форме они присоединяют формант *-i* или *-e*, некоторые слова уже в номинативе имеют конечный *-i* (или *-aj*, *-ej*), что говорит о специфическом статусе данных терминов (см. п. 3.1.1.3.).

Употребление Rх *-i*, *-id*, *-iz* ограничено, во-первых, лексико-семантической группой имен объектов неотчуждаемой семантики, во-вторых, они присоединяются только к существительным, и, в-третьих, имеют единственную функцию посессивных спецификаторов (57). Как и *e*-овый показатель, настоящий показатель сохраняется в субъектно-объектных падежах (за исключением аккузатива и инструментала), и предшествует падежному показателю. Однако, как показывает материал, имена объектов неотчуждаемой семантики в формах субъектно-объектных падежей, кроме номинатива, аккузатива и инструментала, употребляются крайне редко; в основном, они присоединяют показатели местных падежей и Rх имеет другой вариант. Иногда рассматриваемый показатель может появляться с

некоторыми местоимениями в форме пролатива, которые в этом случае указывают на часть тела (место на теле); а формы 3 л. также на часть неодушевленного предмета, ср.: *kiti-i* 'где у меня', *kiti-id* 'где у тебя', *kiti-iz* 'где у него' от *ki-ti?* 'где? по какому месту?'; *tati-i* 'здесь у меня', *oti-i* 'там у меня', ср.:

- (57) *кыл-ыз* *куз* — *виэм-ыз* *вакчи*.
 язык-3SG длинный ум-3SG короткий
 'Язык [у него] длинен — ум короткий' (1990: 150).
- (58) Э, *сүзэр-ы*, *сүзэр-ы*, *тон кот* *мон-э* *эн*
 эх сестра-1SG сестра-1SG ты хоть я-ACC отр.IMPER
ку'шт-ы.
 бросить-NEG.2SG
 'Эх, сестрица, сестрица моя, хоть ты не покидай меня' (1981: 89).
- (59) *Кы-тй-ыд* *вис-е*, *вера?*
 где-PROL-2SG болеть-PRES.3SG сказать.IMPER.2SG
 'Где у тебя болит, скажи?' (Красильников 1991: 13).
- (60) *Пась*, *коть.кы-тй-ыз* *ик пась*.
 дыра хоть. где-PROL-3SG же дыра
 '[Дом] повсюду обветшал' (Медведев 2006: 18).

В редких случаях показатели могут выполнять словообразовательную функцию: образовывать существительные от прилагательных, называющих свойство или качество живых существ или предметов, ср.: *žec'-iz* ~ *žec'-ez* 'доброта-его' от *žec'* 'добрый', *čeber-iz* ~ *čeber-iz* 'красота-его' от *čeber* 'красивый' и т. д.

1SG *-i*, как и вариант *-e*, может выполнять функцию субъективной оценки (61), (62) и (63) и прямого обращения. В языке также встречаются примеры плеонастического употребления обоих показателей на *-i* и *-e* для косвенного обращения и для выражения интимности отношения (часто жалости) говорящего к предмету (66). Причем, в настоящих сочетаниях *i*-овый показатель предшествует *e*-овому: *öc-ы-e* 'дверца [ты] моя', *зор-ы-e* 'дождичек [ты] мой' и т. д. (примеры из Кельмаков 1996: 135).

- (61) *Чида*, *ныл-ы...*
 терпеть-IMPER. 2SG дочь-1SG
 'Терпи, доченька...' (Красильников 1991: 12).
- (62) Э, *көт-ы* *сюлм-ы...*
 ах живот-1SG сердце-1SG
 'Ах ты боже мой!' (Перевощиков 1991: 14).
- (63) *ой*, *сүй-ы* *пид-ы*, *ой*, *дул-ы* *вир-ы*, *чида-ло-з*
 ой рука-1SG нога-1SG ой душа-1SG кровь-1SG терпеть-FUT-3SG
мед-а *та сэжыт-лы?*
 ли-INTER этот тяжесть-DAT
 'Ой, руки-ноги мои, ой, душа-кровь моя, выдержат ли такую тяжелую судьбу?' (1990: 237).

- (64) э, пел-ы-э, пел-ы-э, вук'алэм но лу-о-д, дыр.
 ах ухо-1SG-1SG ухо-1SG-1SG ракушка и быть-FUT-2SG наверно
 'Ах [ты], мое ушко, мое ушко, в ракушку да превратишься [ты], наверно'
 (1981: 76).

1SG -i формально совпадает с формами иллатива мн. ч., а также 1SG мн. предметов, ср.: *ki-i* 'рука-моя' и *ki-os-i* 'в руки/руки-мои'. Смещения форм не возникает из-за суффиксальной маркированности формы мн. числа. Иллатив имен объектов неотчуждаемой семантики практически всегда употребляется в посессивной форме, ср.: *ki-ja-m* 'мне в руки'.

Показатель **2SG -id** также может указывать на известные элементы дискурса (65). Формально он совпадает с показателем принадлежности множества предметов единичному второму лицу.

- (65) горинча тыр-а-д ныл-йос-ыд. . .
 горница полный-INES-2SG девушка-PL-2SG
 'Полна та горница девушек...' (1990: 67).

3SG -iz чаще всего употребляется с именами, называющими части и стороны предмета, а референтом является целое. Формально совпадает с южно-диалектным показателем аккузатива мн. ч. *-iz*, ср.: *ki-os-iz* 'руки-его/руки-ACC'.

Показатели **-i**, **-id**, **-iz** соответствуют формам Rx, обозначающих **принадлежность множества предметов единственному обладателю**, и употребляются только в сочетании с показателем множественного числа (*-os-*) ср.: *-os-i*, *-os-id*, *-os-iz*. Данная конструкция представляет собой интересное явление, поскольку множественность предметов обладания выражена дважды: с помощью суффикса *-os* и специальным посессивным формантом с начальным гласным *-i*. Последний всегда имеет овой форму на *-i*, не зависимо от вида Rx при единичном обладаемом, ср.: *ki-i* 'рука-моя' и *ki-os-i* 'руки-мои', *kn'iga-je* 'книга-моя' и *kn'iga-os-i* 'книги-мои'.

- (66) Книга-ос-ы понна туж о́жыт тыр-о.
 книга-PL-1SG за очень мало накладывать-PRES.3PL
 'Мне платят очень мало за мои книги' (Удмурт дунне № 16, 05. 02.2008).

- (67) в'о́са́и кык йуртти́с-йос-ыз. . .
 жрец и два помощник-PL-3SG
 'Жрец и двое его помощников...' (1981: 97).

i-овый показатель множественности появляется и при некоторых *e*-инициальных падежных формах, напр., инструментале (69) и иллативе (68), и в южно-диалектном форманте аккузатива (70), ср.:

- (68) война ар-йос-ы колхоз-мы ба́ззым о́й вал.
 война год-PL-ILLAT колхоз-1PL большой отр.1PRET вспом.гл.1PRET
 'В годы войны наш колхоз был небольшой' (1990: 171).

- (69) *Мон туж трос пöртэм адями-ос-ын пумиськыл-йсько...*
 я очень много разный человек-PL-INSTR встречаться-PRES.1SG
 ‘Я встречаюсь с очень многими разными людьми’ (Удмурт дунне № 164, 30.10.2007).
- (70) ...*Соос-ыз апай-зы чакла.*
 они-ACC старшая сестра-3PL стеречь.PRES.3SG
 ‘За ними старшая сестра присматривает’ (Красильников 1991: 27).

Особенности употребления данных формантов в диалектах нами не были замечены, за исключением его употребления в бесермянском языке, в котором не дифференцируются формы ед. и мн. обладаемого. В бесермянском языке при единичном обладателе и множественном обладаемом вместо общеудмуртского показателя *-j* выступает формант *-e*, ср.: *вöннос-э* в.м. диал. *выннос-ы* ‘мои младшие братья’, лит. *вын-ъёс-ы, нёллос-э* в.м. диал. *ныллос-ы, ныл-ъёс-ы* ‘мои дочери’, *пиналлос-э* в.м. *пиналлос-ы*, лит. *пинал-ъёс-ы* ‘мои дети’, *сузэрийос-э* в.м. *сузэрийос-ы* ‘мои сестры’ (Тепляшина 1975: 198).

3.1.1.3. Рх с инициальным *-i*

На наличие гласного *-i* в парадигме Рх впервые указывает Ф. Видеман (Wiedemann 1851: 45). Алломорф встречается и в первой удмуртской грамматике, ср.: *марь-идь* ‘что твое’, *марь-из* ‘что его’, *марь-идь-лэнь* ‘у чего твоего’, *марь-изь-лэнь* ‘у чего его’; *ма-идь* ‘что твое’, *ма-изь* ‘что его’ и т. д. (Сочинения 1775: 46) и в общей парадигме в грамматике Т. Аминоффа (Aminoff 1896).

В грамматиках начала XX в. притяжательные формы на *-i* не указываются в общей парадигме и отмечаются только при описании местоимений (Глезденев 1921; Удмурт 1924; Яковлев 1930: 37–38). А. А. Поздеева определяет круг имен, которые оформляются маркером *-i* (слова *мумы* ‘мама’ и *бубы* ‘папа’) (Поздеева 1939: 47, 1951: 72). Т. И. Тепляшина термины родства, присоединяющие Рх на *-i*, рассматривает в группе имен объектов неотчуждаемой семантики, полагая, видимо, что он является вариантом огласовки на *-j* (Тепляшина 1955: 175–176). В современных грамматиках вариант *-i* не рассматривается в парадигме Рх, а отмечается как особенность образования притяжательных форм некоторыми терминами родства в северных и срединных диалектах, а также некоторыми местоимениями (ГСУЯ 1962: 82–83; Bartens 2000; Каракулова, Каракулов 2001: 104; Winkler 2001).

Рассматриваемый суффикс имеет ограниченное употребление: в посессивной функции он присоединяется к терминам ближайшего родства по восходящей линии (только удмуртского происхождения): *тум-i* ‘мать-моя’, *bub-id* ‘отец-твой’, *aj-iz* ‘отец-его’. Особенность этих слов состоит в том, что все имена в номинативе в непосессивной форме имеют конченную *-j*, ср. *tumj*, *bubj*, *ajj*. Как и рассмотренные выше варианты, настоящий

формант сохраняется в случаях сочетания с показателем генитива, аблатива, датива, адвербиала, абессива, и предшествует падежному показателю. Форма встречается в северных и срединных диалектах удмуртского языка, что, вероятнее всего, обусловлено распространением в этих говорах указанных лексем.

- (71) *ворд-эм-эз ай-и- мум-и мэ'д. ло вал.*
 родить-PART-3SG отец-1SG мать-1SG пусть. 3SG бы
 'Были бы родные отец [и] мать [у меня]' (1981: 42, глазовский говор).
- (72) *Нылпи о2-з-э хромосома-з-э басьт-э*
 ребенок один-3SG-ACC хромосома-3SG-ACC взять-PRES.3SG
анна-ез-лэсь, кык-етй-з-э — буб-из-лэсь.
 мать-3SG-ABL два-ORD-3SG-ACC отец-3SG-ABL
 'Ребенок одну хромосому получает от матери, другую — от отца' (Удмурт дунне № 86–87, 19. 06.2009).

У некоторых имен показатель *-i* является фактически конечным гласным, ср.: *теті, таті, титі* 'мама, мать', *даді* 'отец', *арі* 'сестра'. Изредка такие имена присоединяют посессивный маркер, удваивая *-i*, ср.: *муми-и* 'мать моя'. Однако у рассматриваемых слов чаще встречается *e*-овый посессивный суффикс (73), напр., П. П. Глезденев приводит варианты *аиы-е* 'отец мой', *аиы-ед* 'отец твой', *мумы-ез* 'мать-его' (1921: 16). Остальные термины родства оформляются *e*-овым Рх, ср.: *мами-йэ, мама-йэ, мам-э, нэни-йэ, анай-э* 'мать-моя'; *дабай-э, тат-э, атай-э* 'отец-мой'; *бабуш-э* 'бабушка-моя', *ака-йэ* 'старшая сестра' (Образцы 1981; 1990) и т. д.

- (73) *сэрэ ныл-лэн мумы-йэз тды жёккышэт вал-э.*
 затем девушка-GEN мать-3SG белый скатерть.ACC застилать-PRES.3SG
 'Затем мать девушки стелет белую скатерть' (1981: 150, дебесский говор).

Следующая группа слов, с которыми Рх *-i* употребляется в функции выражения посессивности — местоимения. Во всех диалектах показатель регулярно появляется в сочетании с односложными местоимениями на *-o* и *-a*: *та-і* 'что-мое', *та-іd* 'что-твое', *та-іz* 'что-его'; *со-і* 'то-мое', *со-іd* 'то-твое', *со-іz* 'то-его или тот', *та-і* 'это-мое', *та-іd* 'это-твое', *та-іz* 'это-его или этот'. Показатель появляется и при производных местоимениях, а также при местоимении *kud* 'который', ср.: *kud-iz* 'который из них'. У рефлексивных местоимений ед. ч. рассматриваемый суффикс некогда вошел в состав основы, которая на сегодняшний день воспринимается как непроизводная, ср.: *а'с-ім* 'я сам', *а'с-іd* 'ты сам', *а'с-іz* 'он сам'.

Иногда *-i* замещает инициальное *-e* формантов некоторых падежей, напр., инструментала, ср.: *та-ін* 'чем', *со-ін* 'с ним, (с) тем', *та-ін* '(с) этим', *тум-ін* '(с) мамой', *буб-ін* '(с) отцом', и реже иллатива, ср.: *šor-i vandjñi* 'разрезать пополам' и т. д.

1SG *-i* совпадает с суффиксом, выражающим субъективную оценку, при некоторых терминах родства и личных именах, ср.: *дад-і* 'папочка', *тет-і* 'мамочка', *Кол-і* 'Коленька', *Sand-і* 'Санечка'. Данный показатель

также встречается в сочетании с *e*-овым Рх: *dad-i-e* 'мой папочка', *met-i-e* 'моя мамочка' (Кельмаков 1996: 131, 133).

- (74) *ky tky*, *dadu*, *nar* *val-йос-т-э*,
 запрягать-IMPER. 2SG отец пара лошадь-PL-2SG-ACC
u sty, *mati*, *kapka-d-э*.
 открывать-IMPER. 2SG мать ворота-2SG-ACC
 'Запрягай, отец, пару лошадей, отвориай, мать, ворота' (1990: 69).

2SG -id выполняет только функцию выражения посессивности, а **3SG -iz** с некоторыми местоимениями — также функцию указательности, ср.: *ta-iz* 'этот', *so-iz* 'тот', *kud-iz* 'который', *olokud-iz* 'который-нибудь', (*ne*)*nokud-iz*, *nekud-iz* 'ни один' и т. д.

Принято считать, что посессивная форма на *-i* образовалась на основе уменьшительно-ласкательного суффикса. Однако в сочетании с местоимениями он явно имеет другое происхождение: здесь, видимо, имело место фонетическое расподобление во избежание омонимии посессивной и аккузативной форм, ср.: *so-je* 'его, то-ACC' и *so-ji* 'то-мое', *ta-je* 'его, это-ACC' и *ta-jid* 'это-твое'.

3.1.1.4. Рх в форме одиночного согласного -С

Одиночные согласные, как правило, в общей парадигме Рх не обозначаются (Weidemann 1851; Емельянов 1927; Поздеева 1939, 1951; ГСУЯ 1962; Kel'makov, Hännikäinen 1999; Bartens 2000; Winkler 2001). Это объясняется тем, что они появляются только в формах некоторых падежей. Однако некоторые авторы приводят его в общей парадигме Рх (Aminoff 1896).

Необходимо различать две парадигмы, которые образует рассматриваемый Рх: (а) Рх выполняет функцию грамматического согласования, (б) Рх является спецификатором посессивности.

Рх в форме одиночного согласного, как правило, является функциональным суффиксом и указывает на синтаксическую связь субъекта с обстоятельствами, выраженными:

(а) наречиями, ср.: *mon mata-m* 'я близко к себе',

(б) герундиями, ср.: *mon minj-ku-m* 'я, когда шел', *ton minj-toza-d* 'ты, пока шёл',

(в) с именами действия в функции обстоятельства причины и образа действия, ср.: *so minem-ist-i-z...* 'он, из-за того, что пошёл...',

(г) послелогам, выражающим пространственные отношения, ср.: *mon vil-a-m* 'я на себя (одел)', *so šora-z* 'он на себя (посмотрел)'.
 Рх также может обозначать синтаксическую связь между субъектом и:

(д) местоимением, замещающим лицо или указывающим на него, который выражает уточняющее значение, ср.: *mon asla-m* 'я свой собственный', *mi van-mj* 'мы все',

(е) числительным, который также указывают на лицо или группу лиц, ср.: *mon ogná-m* ‘я один’, *ti kǐkna-dǐ* ‘вы вдвоем’ (см. 3.1.3.3.).

В приведенных примерах местоименный референт и обстоятельство представляют отдельные единицы предложения, при произношении между ними выдерживается короткая пауза. Более того, маркер R_x возможен лишь тогда, когда местоименный референт не входит в именную группу или клаузу обстоятельства; в противном случае употребление R_x невозможно, напр. с герундиями, ср.: *ton [mon škola-je mǐnjǐ-ku-ǝ] eš-t-e pumitad* ‘когда я шел-ǝ в школу, ты встретил своего друга’, употребление R_x здесь невозможно, ср.: **ton [mon škola-je mǐnjǐ-ku-m] eš-t-e pumitad* ‘когда я шел-1SG в школу, ты встретил своего друга’ (см. п. 3.1.3.3.).

Особый случай представляют обстоятельства, выраженные именами существительными в форме пространственных падежей, в сочетании с которыми R_x следует за падежным показателем и оформляется одиночным согласным (кроме аппроксиматива). На наш взгляд, функция грамматического согласования здесь реализуется в случаях, когда референтом является:

- (а) субъект или
- (б) прямое дополнение,
- (в) косвенное дополнение (локализатор) (как правило, одушевленное понятие),

А обстоятельство выражено именем объекта неотчуждаемой семантики в локативном падеже, т. е. обозначает часть референта, ср.:

- референт — субъект:

mon vǐl-a-m vu kǐst-i (я поверхность-ILLAT-1SG вода-ACC вылить-1PRET.1SG) ‘я вылил на себя воду’,

mon ki-ja-m knǐga voz-iško (я рука-INES-1SG книга-ACC держать-PRES.1SG) ‘я в руках держу книгу’.

Иногда такое отношение возможно и при неодушевленном субъекте, ср.: *derem mǐški-ti-z kešk-emǐn* (платье задняя часть-PROL-3SG рваться-PART. PASS) ‘платье порвано сзади’.

- референт — прямой объект, ср.:

Petǐr Maša-jez ki-ja-z šukk-i-z (Петя Маша-ACC рука-ILLAT-3SG ударить-1PRET-3SG) ‘Петя ударил Машу в руку’,

Petǐr Maša-jez ki-ti-z kut-i-z (Петя Маша-ACC рука-PROL-3SG взять-1PRET-3SG) ‘Петя взял Машу за руку’,

Petǐr Maša-jez jǐr-išen-ǐz pǐd-oža-z učk-i-z (Петя Маша-ACC голова-EGRES-3SG нога-TERM-3SG смотреть-1PRET-3SG) ‘Петя осмотрел Машу с головы до ног’.

- референт — локализатор: *mǐn-am ki-ja-m knǐga* ‘у меня в руке книга’ (75).

- (75) *Žazeg-lən burđ ul-a-z tütü-ly no şunyt...*
 гусь-GEN крыло низ-INES-3SG птенец-DAT и тепло
 ‘Под крылом у гусыни/гусыни и птенцу тепло...’ (Удмурт дунне № 182, 05.12.2006: 6).

Функция грамматического согласования R_x реализуется также в случаях, когда референтом является субъект предложения, а реферируемое — (а) прямой объект, выраженное именем неотчуждаемого объекта, ср.: *Petir šin-z-e ušt-i-z* (Петя глаз-3SG-ACC открыть-1PRET-3SG) ‘Петя открыл глаза’. Другой случай — реферируемое представляет косвенное дополнение, выраженное именем объекта неотчуждаемой семантики в форме инструментала, а референт является субъектом, ср.: *Petir Maša-jez ki-ijn̄-z šukk-i-z* (Петя Маша-ACC рука-INSTR-3SG ударить-1PRET-3SG) ‘Петя ударил Машу рукой’.

В примерах, где реферируемый элемент является существительным, R_x выполняет как функцию спецификации посессивности, так и грамматического согласования, последняя функция является более явной.

В приведенных примерах употребление R_x обусловлено синтаксической связью, и он не может опускаться. В случаях, когда одиночный согласный сочетается с показателями пространственных падежей и присоединяется к именам отчуждаемых объектов, R_x имеет функцию спецификации посессивности и является ситуативно обусловленным или необязательным, ср.: *mon korka-m p̄j̄r-i* (я дом. ILLAT-1SG зайти-1PRET.1SG) ‘я зашел в свой дом’ и *mon korka p̄j̄r-i* (я дом-ILLAT зайти-1PRET-1SG) ‘я зашел в дом’.

Принято считать, что **1SG -m** является сохранившимся в некоторых пространственных падежах и косвенных формах местоимений архаичным посессивным показателем 1 л. ед. ч., который не сохранился в субъектно-объектных падежах (см. напр., Wiedemann 1851; Емельянов 1927: 129; ГСУЯ 1962: 84, Серебренников 1963: 107 и т. д.). По указанию Т. И. Тепляшиной, 1SG -m может встречаться в форме номинатива в бесермянском языке, причем данный элемент мыслится как часть корня и употребляется только с ограниченным кругом тюркских терминов родства, ср.: *бабам* (баба+m) ‘дед, дедушка’, *биагам* (би+ага+m) ‘старший деверь, старший брат мужа’, *биатам* (би±ата-м) ‘свекор, отец мужа’, *биөм* (бий+m) ‘свекровь, мать мужа’, *бикем* (бике+m) ‘старшая золовка, старшая сестра моего мужа’, а с удмуртскими лексемами не употребляются. При образовании посессивной формы с рассматриваемыми словами употребляется е-овый R_x: *бабам-э* ‘дед мой, дедушка мой’, *бабам-эд* ‘дед твой’, *бабам-эз* ‘дедушка твой’, *бабам-мө* ‘дед наш, дедушка наш’, *бабам-дө* ‘дед ваш, дедушка ваш’, *бабам-зө* ‘дед их, дедушка их’. В системе склонения показатель -m устойчиво сохраняется: *биагам-е-з* ‘старшего деверя’, *биагам-лэн* ‘у старшего деверя’, *биагам-лис* ‘от старшего деверя’, *биагам-лө* ‘старшему деверю’ (см. Тепляшина 1975: 195–196).

(76) *кърил бабам но оз вэралла-з.*
 вот дед и так говорить-1PRET.3SG
 ‘Вот и дед Кирилл так говорил’ (1992: 117).

(77) *Бабам-э конник-өн ужа.*
 дед-1SG конюх-INES работать.PRES.3SG
 ‘Мой дед работает конюхом’ (Тепляшина 1975: 196).

По мнению Т. И. Тепляшиной, в бесермянском языке формант *-т* в терминах родства имеет тюркское происхождение (Тепляшина 1975: 197).

В сочетании с пространственными падежами этот показатель встречается и в языке коми (СКЯ 1955: 151; Бубрих 1949: 34).

1SG *-т* в функции посессивного спецификатора в эгоцентрическом дискурсе может опускаться, ср.:

(78) *Университет-ын куать ар дышетскы-тозя-м, йыр-е*
 университет-INES шесть лет учиться-GER-1SG голова-ILLAT
зол ныча-з, лэся...
 сильно впитать-1PRET.3SG кажется
 ‘За шесть лет моей учебы в университете хорошо отпечталось в памяти...’
 (Удмурт дунне № 15–16, 05. 02.2010).

В примере референт (я) и субъект предложения (знание) не совпадают, Rх специфицирует обстоятельство относительно дейктического посессора.

2SG *-d* и 3SG *-z* в сочетании с формой аккузатива оглушаются после глухого согласного, ср.: *purt-t-e* ‘твой нож (вижу)’, *purt-s-e* ‘его нож (я взял)’. 2SG *-d* подвергается тем же фонетическим процессам, что и конечный согласный 2SG на *-ed* ~ *-id* ~ *-id*, напр., в говорах, где употребляется гамза, *-d* редуцируется.

3SG *-z* в функции грамматического согласования соотносится, в основном, с одушевленным 3 лицом; но не всегда. Показатель может выполнять выделительно-указательную функцию, ср: *čeber-enj-z korka-jen* ‘с тем домом, который красивый’, *bažžim-a-z korka-je* ‘в тот дом, который большой’, *bažžim-išti-z korka-iš* ‘из того дома, который большой’ и т. д.

3.1.1.5. Парадигма принадлежности множественному обладателю / референту

Как видно из таблиц №№ 1 и 2, парадигма Rх множественного референта в обеих функциях имеет одинаковые показатели. При сочетании с Sх фонетической вариативности не наблюдается, а порядок расположения Sх и Rх такой же, как в единственном числе: *korka-je-len* ‘(y) дома-моего’, *korka-mj-len* ‘(y) дома-вашего’, *korka-oža-d* ‘до дома-твоего’ и *korka-oža-dj* ‘до дома-вашего’, *mijniku-m* ‘когда я шел’, *mijniku-mj* ‘когда мы шли’ и т. д.

Начальный согласный рассматриваемых Rх может иметь либо звонкий вариант (в случае присоединения к вокалической основе или основе на звонкий согласный), либо глухой вариант (в случае присоединения к ос-

нове на глухой согласный), т. е. в отличие от конечных согласных показателей *-Vd*, *-Vz* в рассматриваемом случае чередование является регулярным или парадигматическим. В функции посессивной спецификации при множественном объекте такой вариативности нет, поскольку Rх следует за показателем множественного числа *-(j)os* с глухим *-s* и, соответственно, имеет только глухой вариант. Необходимо отметить, что при множественном посессоре не происходит дифференциации (а) по признаку отчуждаемости/ неотчуждаемости, *jjr-ĭ* 'голова-моя' и *jjr-mĭ* 'бук. голова-наша, лидер, руководитель-наш', *knĭga-jed* 'книга-твоя' и *knĭga-dĭ* 'книга-наша', (б) единичного и множественного объекта обладания, на множественность объектов указывает только формант *-(j)os*, ср.: *knĭga-mĭ* 'наша книга' и *knĭga-os-mĭ* 'наши книги'.

Показатели множественности процессора имеют более регулярный характер, нежели показатели единичности, напр., в формах второго претерита (см. 3.1.3.2.). Кроме того, рассматриваемые Rх совпадают с формами личных показателей глаголов в первом претерите и будущем времени, ср.: *mĭn-i-mĭ* 'мы пошли', *mĭn-i-dĭ* 'вы пошли', *mĭn-i-zĭ* 'они пошли' и *mĭn-o-mĭ* 'мы пойдем', *mĭn-o-dĭ* 'вы пойдете', *mĭn-o-zĭ* 'они пойдут'.

Данные суффиксы практически не имеют диалектных вариантов. Однако в некоторых говорах суффиксы не принимают на себя ударения ни в глагольных формах, ни в склоняемых формах существительных¹⁵ (кукморский, бесермянский, отдельные северные говоры), напр., кукморский *бэртъкъ·мь* 'когда мы возвращались', *гуртисъкъ·мь* 'из нашей деревни', *мыно·дъ* 'пойдете', *урама·дъ* 'на вашей улице'; *кырзаса·лзь* 'они бы (с)пели', *тирэнъ·зъ* '(с) их топором' (Кельмаков 1992: 110), ср.:

- (79) *bakĭa-ja-mĭ* *ĭanĭ* *ogreĭ-ez*, *kobiĭsta-jez*,
 огород-INES-1PL быть.EX огурец-3SG, капуста-3SG
morkov-ez, *potidor-ez*.
 морковь-3SG помидор-3SG
 'В нашем огороде растут огурцы, капуста, морковь, помидоры' (Карпова 1997: 98, среднечепецкий).

Ср. примеры из бесермянского диалекта:

- (80) *niĭnalĭ-os-lĕn* *nĭd-a-zĭ* *sal-o*.
 ребенок-PL-GEN нога-ILLAT-3PL хлопать-FUT. 1SG
 'Буду бить детей по ногам' (Кельмаков 1992: 105).
 (81) *mĕmĕt-ĕs* *bĕrt-ĕs* *adamiĭ-ĭos-ĕz* *voz-ĭstĭ-ĭ-zĭ*
 ЛИ-ELAT возвращаться-PART человек-PL-ACC сани-ELAT-3PL
kuĭa-sa *kĕlt-i-zĭ*.
 выбросить-GER оставить-1PRET-3SG
 'Возвращавшихся из Меметова людей побросали с саней' (1982: 119).

¹⁵ Ударение в удмуртском языке падает на последний слог, причем при присоединении морфемы ударение перемещается и фиксируется на последней.

1PL -mĵ — референт совпадает с говорящим и адресатом, либо говорящий является кореферентом определенной группы. Показатель не употребляется, если кореферентами являются говорящий и адресат. При кореференции с определенной группой R_x также может опускаться, что особо регулярно встречается в диалектах (82).

(82) *ми-лам бабай вѳса'скън мън-и-з...*
 мы-GEN дед молиться.INF идти-1PRET-3SG
 'Наш дед уехал на моления...' (1992: 131).

Праформа суффикса реконструируется как *-*tAk* (Серебренников 1963: 104; Bartens 2000: 114). Элемент *k* являлся показателем множественности посессора. По мнению Б. А. Серебренникова показатель *k* в пермских языках отпал довольно поздно, поэтому суффиксы сохранили конечный гласный, ср.: *mĵ*, 2 л.-*tĵ*, 3 л.-*sĵ* (Серебренников 1963: 100–1).

2PL -tĵ/-dĵ в посессивной функции указывает на посессора или группу референтов, кореферентом которых является адресат. Однако в современном языке настоящий формант может указывать также на один референт и употребляться для вежливого обращения (83), что, вероятнее всего представляет собой результат заимствования из русского языка. В традиционном удмуртском обществе, напр., среди пожилых людей для обращения используется форма 2SG. Рассматриваемый формант имеет устойчивый характер и не может опускаться. Формант *-tĵ* совпадает с северно-диалектным показателем аккузатива мн. ч.: *korka-os-tĵ* 'дома-ваши/домов(ACC)-ваших'. Различение происходит контекстуально. В отличие от 2SG, 2PL не имеет функции определенности.

(83) *Нош тĵ-ляд ась-тэ-лэн кы'че малпан-ды?*
 а вы-GEN сам-2PL-GEN какой мысль-2PL
 'А у вас самого какое мнение?' (Красильников 1991: 17).

Изначальной формой суффикса считается *-*tAk*, которая подобно показателю 1 лица утратила конечный согласный *k* (Серебренников 1963: 100–1; Bartens 2000: 114).

3PL имеет варианты *-zĵ/-sĵ*, является, в основном, анафорическим выражением референта, который присутствует в дискурсе или который может быть идентифицирован адресатом. В редких случаях элемент *-zĵ* выполняет словообразовательную функцию, напр., *anaj-zĵ* 'свекровь', *ataj-zĵ* 'свекор', *agaj-zĵ* 'деверь' (Кельмаков 1970: 267–268) (см. 3.1.3.1.3.). В некоторых диалектах 3PL может употребляться при обращении, напр.: *ĉĵrtkem*, *svetĵik-sĵ!* 'привет, Светик-3PL!'. Суффикс образовался подобно 1PL и 2PL, ср.: *-*sAk* > *-sĵ* (Серебренников 1963: 100–1; Bartens 2000: 114).

3.1.2. Принципы сочетания Rх и Сх

В современном литературном языке выделяется 15 падежей (см. табл. № 3), включая номинатив (ГСУЯ 1962: 86–87; Kel'makov, Hännikäinen 1999: 38). В диалектах их количество варьируется от 12 до 21 (Кельмаков 1998: 117; Kel'makov, Saarinen 1994: 97). Удмуртские падежи принято делить на субъектно-объектные и локативные (ГСУЯ 1962: 86). Имена существительные, обозначающие одушевленные предметы, изменяются по субъектно-объектным падежам, неодушевленные — по всем. В диалектах одушевленные существительные также иногда склоняются по локативным падежам, напр., в некоторых северных диалектах, в которых есть приблизительно-местные падежи (Карпова 1997: 85; Тепляшина 1970: 167). Падежные показатели могут иметь небольшие отличия по диалектам.

В единственном числе падежные окончания присоединяются прямо к основе слова, которая не видоизменяется: *vuko* 'мельница' — *vuko-ĵś* 'из мельницы', *kočĵś* 'кот, кошка' — *kočĵś-leś* 'у кошки (отнять)'. Исключение составляет немногочисленная группа слов, присоединяющих Сх к архаичной основе: *in* 'небо' — *inm-ĵś* 'из неба', *śin* 'глаз' — *śinm-e* 'в глаз', *kus* 'поясница' — *kusk-ĵś* 'из поясницы'. При присоединении падежных суффиксов к некоторым основам, заканчивающимся на *-a*, начальный гласный форманта может опускаться: *korka* 'дом' — иллат. *korka-ø* 'в дом', элат. *korka-ś* 'из дома', инес. *korka-n* 'в доме'.

В формах множественного числа показатель множественности *-(j)os* занимает позицию между основой слова и падежным показателем. В этом случае фонетический состав Сх не меняется (исключение составляют формы аккузатива, инструментала, иллатива).

Необходимо также отметить, что не все падежи имеют одинаковую частотность, напр., аппроксиматив является непродуктивным и встречается, в основном, в составе наречий. Значения некоторых падежей могут передаваться и послелогом, напр. терминатив, аппроксиматив.

В традиции удмуртского языкознания принято выделять простое и притяжательное склонение (Wiedemann 1884: 114; Перевошиков 1948: 404; 1956: 1293–1301; ГСУЯ 1962: 86; Kel'makov, Hännikäinen 1999: 77; Bartens 2000: 110–111; Каракулова, Каракулов: 2001: 134–137 и т. д.). Однако западные специалисты и некоторые российские исследователи не делают такого различия (Aminoff 1896: 32–35; Емельянов 1927: 131–134; Ушаков 1982: 47–50; 1984: 11; Winkler 2001; Bartens 2000: 117). Дискуссионным является вопрос существования притяжательного склонения и в других финно-угорских языках. В коми-зырянском принято обозначать неопределенное склонение (склонение без определенно-притяжательных суффиксов) и определенное (склонение с определенно-притяжательными суффиксами) (СКЯ 1955: 137, 151; Бубрих 1949: 33). В коми-пермяцком выделяют либо один (КПЯ 1962: 200), либо два типа склонения (Майшев

1940: 26). Такая же полемика ведется и в мордовском языкознании (Феоктистов 1963: 73).

В. К. Кельмаков необходимость выделения притяжательного склонения аргументирует тем, что (а) во многих случаях (7 из 14) падежи в притяжательном склонении оформляются иначе, (б) порядок расположения притяжательного и падежного суффикса не одинаков для всей парадигмы склонения, а зависит от конкретного падежа, (в) 1SG имеет варьирование формы (2000: 83–84). В случаях сочетания *Sx* илллатива и инессива с *Rx* некоторые ученые усматривают признаки флексии (Каракулов 2000, о проблеме флексии см. также Тараканов 2000).

Взаимное расположение *Sx* и *Rx* представляет собой отдельную проблему. Порядок *RxSx* Б. А. Серебренников называет «тюркским», поскольку он характерен для тюркских языков, ср.: татар. *qyz-y-nun* 'его дочери'. Порядок *SxRx* ученый называет «финским», поскольку он свойственен прибалтийско-финским языкам, ср.: финский *maa-ssa-mme* 'в нашей стране' (1962: 311–313; 1963: 125–127). В уральских языках реализуются обе очередности: в угорских языках порядок соответствует тюркскому: хант. *xot-em-na* 'в моем доме', манс. *пум-ум-н* 'в мой котел', венг. *barát-om-nak* 'моему другу'; в прибалтийско-финских, мордовских и самодийских — финскому: мокш. *кудо-сто-н* 'из моего дома', ненец. *nísa-hana-nd jilem* 'у отца твоего живу я' (Серебренников 1963: 125–127; 1962: 311–313). Остальные языки используют обе комбинации (пермские языки), или демонстрируют вариативность, как, напр., маар. *книга-м-ын* ~ *книга-ште-м* 'в моей книге'.

Существование обеих комбинаций в пермских языках объясняется по-разному: Б. А. Серебренников предполагает, что порядок *RxSx* является более древним, поскольку атрибутивные признаки более тесно связаны с именем существительным. Обратная последовательность *SxRx* появилась под влиянием послелогов: полноценные имена, утратив самостоятельность, сохранили способность присоединять *Rx*, а некоторые из них превратились в падежные показатели (Серебренников 1962: 311–313; 1963: 125–127). Другие ученые предполагают, что древний порядок представляет сочетание *SxRx* (напр., Uotila 1936: 476; Comrie 1980: 81; Nichols 1973: 233 и др.). Следуя последней гипотезе, Б. Комри утверждает, что сдвиг от прауральского порядка *SxRx* к новому *RxSx* в некоторых языках мог произойти в силу реинтерпретации послелогов как падежных показателей (Comrie 1980: 83). Однако Дж. Николс предполагает, что в уральских языках мало падежей, показатели которых восходят к послелогам. По ее мнению, основным фактором, определяющим порядок *Sx* и *Rx* является семантическая или фонетическая аналогия (Nichols 1973: 233–4). Опираясь на тезис Дж. Байби (Bybee 1985: 13) о комбинации суффиксов по принципу: чем значимее семантическое отношение суффикса к главному слову, тем ближе к основе он располагается, Р. Бартенс, приходит к заключению, что в пермских языках по значению к именами протрансвенной семантики более близки локативные падежи. Субъектно-

объектные падежи семантически с именем не связаны, поэтому Сх располагается дальше от основы (Bartens 2000: 117).

Как и в пункте 3.1.1., здесь мы приведем парадигму сочетания Сх и Рх в функциях и посессивных спецификаторов, и грамматического согласования. Учитывая фонетические особенности и порядок расположения показателей можно предложить следующую классификацию: (а) Рх типа -VC сочетается с Сх — CV(C) и предшествует ему, ср.: -VC-CV(C) (табл. № 4); (б) Рх типа -С следует за Сх типа -VC и присоединяется с помощью соединительного гласного -*j* или -*a*, ср.: -VC-V-C (табл. № 5); (в) Рх типа -С присоединяется к основе слова и предшествует Сх -V(C), ср.: -C-V(C) (табл. № 6); (г) чередование типов Рх -VC ~ -С, что соответствует чередованию следования показателей РхСх ~ СхРх (табл. № 7). Во всех комбинациях PL -(j)os предшествует сочетанию Рх и Сх, ср.: PРхСх и PСхРх, а Рх множественного посессора соответствует положению суффикса ед. числа.

При функции грамматического согласования Рх ед. числа, как правило, имеет форму -С и присоединяется к показателям герундиев (табл. № 8). Однако у некоторых местоимений доминирует тип РхСх, ср.: *va'ni-li* 'всем-нам', *kud-di-li* 'кому из вас' (табл. № 9), также как у числительных, ср.: *ogna-m-li* 'мне одному', *kikna-di-li* 'вам обоим', *kuinna-zj-li* 'им троим' (табл. № 10). У личных местоимений 1 и 2 л. сочетание Рх варьируется согласно падежу (табл. № 11). Особую парадигму также имеет возвратное местоимение *as* 'сам' (табл. № 12. а.), причем множественность может выражаться дважды: с помощью Рх и PL -(j)os, в этом случае Рх может предшествовать PL (табл. № 12. б.).

Парадигма Сх

Таблица № 3.

	<u>SG</u>	<u>PL</u>
субъектно-объектные падежи		
Номинатив		-os
Аккузатив	-ez, -e, \emptyset	-os-tj, -os-iz
Генитив	-len	-os-len
Аблатив	-leś	-os-leś
Датив	-lj	-os-lj
Абессив	-tek	-os-tek
Адвербиал	-ja	-os-ja
Инструментал	-en, -jn	-os-jn
локативные падежи		
Инессив	-jn, -n	-os-jn
Иллатив	-e, -i, \emptyset	-os-i
Элатив	-iś, -ś	-os-iś
Эгрессив	-jśen, -śen	-os-jśen
Пролатив	-eti, -ti	-os-ti
Терминатив	-oź	-os-oź
Аппроксиматив	-lań	-os-lań

Функция спецификатора посессивности

Таблица № 4. Комбинация Рх-Сх: -V(C)-CV(C)

Таблица № 4. а. Принадлежность единичного объекта единичному посессору

	<u>1SG</u>	<u>2SG</u>	<u>3SG</u>
Ном.	-e, -i, -i ¹⁶	-ed, -id, -id	-ez, -iz, -iz
Ген.	-e-len	-ed-len	-ez-len
Абл.	-e-leś	-ed-leś	-ez-leś
Дат.	-e-lj	-ed-lj	-ez-lj
Абес.	-e-tek	-ed-tek	-ez-tek
Адв.	-e-ja	-ed-ja	-ez-ja
Аппр.	? -e-lań	? -ed-lań	? -ez-lań

¹⁶ Чередование сохраняется во всех рассматриваемых падежах.

Таблица № 4. б. Принадлежность множественного объекта единичному посессору

	<u>1SG</u>	<u>2SG</u>	<u>3SG</u>
Ном.	-os- <i>j</i>	-os- <i>jd</i>	-os- <i>iz</i>
Ген.	-os- <i>j-len</i>	-os- <i>jd-len</i>	-os- <i>iz-len</i>
Абл.	-os- <i>j-leś</i>	-os- <i>jd-leś</i>	-os- <i>iz-leś</i>
Дат.	-os- <i>j-li</i>	-os- <i>jd-li</i>	-os- <i>iz-li</i>
Абес.	-os- <i>j-tek</i>	-os- <i>jd-tek</i>	-os- <i>iz-tek</i>
Адв.	-os- <i>j-ja</i>	-os- <i>jd-ja</i>	-os- <i>iz-ja</i>
Аппр.	? -os- <i>j-lań</i>	? -os- <i>jd-lań</i>	? -os- <i>iz-lań</i>

Таблица № 4. в. Принадлежность единичного и множественного объекта множественному посессору

	<u>1PL</u>	<u>2PL</u>	<u>3PL</u>
Ном.	(-os)- <i>mĵ</i>	(-os)- <i>tĵ, -dĵ</i>	(-os)- <i>sĵ, -zĵ</i>
Ген.	(-os)- <i>mĵ-len</i>	(-os)- <i>tĵ-len</i>	(-os)- <i>sĵ-len</i>
Абл.	(-os)- <i>mĵ-leś</i>	(-os)- <i>tĵ-leś</i>	(-os)- <i>sĵ-leś</i>
Дат.	(-os)- <i>mĵ-li</i>	(-os)- <i>tĵ-li</i>	(-os)- <i>sĵ-li</i>
Абес.	(-os)- <i>mĵ-tek</i>	(-os)- <i>tĵ-tek</i>	(-os)- <i>sĵ-tek</i>
Адв.	(-os)- <i>mĵ-ja</i>	(-os)- <i>tĵ-ja</i>	(-os)- <i>sĵ-ja</i>
Аппр.	? (-os)- <i>mĵ-lań</i>	? (-o)- <i>s-tĵ-lań</i>	? (-os)- <i>sĵ-lań</i>

Таблица № 5. Комбинация Сх-Рх: -V(C-V-)С

Таблица № 5. а. Принадлежность единичного и множественного объекта единичному посессору

	<u>1SG</u>		<u>2SG</u>		<u>3SG</u>	
	Ед. предм.	Мн. предм.	Ед. предм.	Мн. предм.	Ед. предм.	Мн. предм.
Инстр.	-en- <i>j-m</i>	-os- <i>jn-j-m</i>	-en- <i>j-d</i>	-os- <i>jn-j-d</i>	-en- <i>j-z</i>	-os- <i>jn-j-z</i>
Инесс.	-a- <i>m, -m</i>	-os- <i>a-m</i>	-a- <i>d, -d</i>	-os- <i>a-d</i>	-a- <i>z, -z</i>	-os- <i>a-z, -z</i>
Илл.	-a- <i>m, -m</i>	-os- <i>a-m</i>	-a- <i>d, -d</i>	-os- <i>a-d</i>	-a- <i>z, -z</i>	-os- <i>a-z, -z</i>
Элат.	-iśt- <i>j-m</i>	-os- <i>iśt-j-m</i>	-iśt- <i>j-d</i>	-os- <i>iśt-j-d</i>	-iśt- <i>j-z</i>	-os- <i>iśt-j-z</i>
Эгрес.	-iśen- <i>j-m</i>	? -os- <i>iśen-j-m</i>	-iśen- <i>j-d</i>	? -os- <i>iśen-j-d</i>	-iśen- <i>j-z</i>	? -os- <i>iśen-j-z</i>
Прол.	-eti- <i>m</i>	-os- <i>ti-m</i>	-eti- <i>d</i>	-os- <i>ti-d</i>	-eti- <i>z</i>	-os- <i>ti-z</i>
Терм.	-oź- <i>a-m</i>	? -os- <i>oź-a-m</i>	-oź- <i>a-d</i>	? -os- <i>oź-a-d</i>	-oź- <i>a-z</i>	? -os- <i>oź-a-z</i>

Таблица № 5. б. Принадлежность единичного и множественного объекта множественному посессору

	<u>1PL</u>	<u>2PL</u>	<u>3PL</u>
Инстр.	<i>(-os)-jn-ĵ-mĵ</i>	<i>(-os)-jn-ĵ-dĵ</i>	<i>(-os)-jn-ĵ-zĵ</i>
Инесс.	<i>(-os)-a-mĵ</i>	<i>(-os)-a-dĵ</i>	<i>(-os)-a-zĵ, -zĵ</i>
Илл.	<i>(-os)-a-mĵ</i>	<i>(-os)-a-dĵ</i>	<i>(-os)-a-zĵ, -zĵ</i>
Элат.	<i>(-os)-ĵst-ĵ-mĵ</i>	<i>(-os)-ĵst-ĵ-dĵ</i>	<i>(-os)-ĵst-ĵ-zĵ</i>
Эгрес.	? <i>(-os)-ĵsen-ĵ-mĵ</i>	? <i>(-os)-ĵsen-ĵ-dĵ</i>	? <i>(-os)-ĵsen-ĵ-zĵ</i>
Прол.	<i>(-os)-ti-mĵ</i>	<i>(-os)-ti-dĵ</i>	<i>(-os)-ti-zĵ</i>
Терм.	? <i>(-os)-oz'-a-mĵ</i>	? <i>(-os)-oz'-a-dĵ</i>	? <i>(-os)-oz'-a-zĵ</i>

Таблица № 6. Комбинация Pх-Cх: -C-V(C)

	<u>1P</u>		<u>2P</u>		<u>3P</u>	
	Ед. предм.	Мн. предм.	Ед. предм.	Мн. предм.	Ед. предм.	Мн. предм.
	Единичный посессор					
Акк.	<i>-m-e</i>	<i>-os-m-e</i>	<i>-d-e/-t-e</i>	<i>-os-t-e</i>	<i>-z-e/-s-e</i>	<i>-os-s-e</i>
	Множественный посессор					
Акк.	<i>-m-es</i>	<i>-os-m-es</i>	<i>-d-es/-t-es</i>	<i>-os-t-es</i>	<i>-z-es/-s-es</i>	<i>-os-s-es</i>

Таблица № 7. Комбинация PхCх ~ CхPх

	Обычное расположение		PхCх ~ CхPх	Вариант
	<u>SG</u>	<u>PL</u>		
Адв.				
1P	<i>-e-ja</i>	<i>-mĵ-ja</i>	<i>-ja-m</i>	<i>-ja-mĵ</i>
2P	<i>-ed-ja</i>	<i>-dĵ-ja, -tĵ-ja</i>	<i>-ja-d</i>	<i>-ja-dĵ</i>
3P	<i>-ez-ja</i>	<i>-zĵ-ja, -sĵ-ja</i>	<i>-ja-z</i>	<i>-ja-zĵ</i>

Функция грамматического согласования

Таблица № 8. Комбинация Pх и показателя герундия

	<u>1SG</u>	<u>2SG</u>	<u>3SG</u>	<u>1PL</u>	<u>2PL</u>	<u>3PL</u>
<i>-ku</i>	<i>-ku-m</i>	<i>-ku-d</i>	<i>-ku-z</i>	<i>-ku-mĵ</i>	<i>-ku-dĵ</i>	<i>-ku-zĵ</i>
<i>-toz'</i>	<i>-toz'-a-m</i>	<i>-toz'-a-d</i>	<i>-toz'-a-z</i>	<i>-toz'-a-mĵ</i>	<i>-toz'-a-dĵ</i>	<i>-toz'-a-zĵ</i>

Таблица № 9. Комбинация Рх и Сх местоимений *vañ* 'все', *kud* 'который'

	<u>1PL</u>	<u>2PL</u>	<u>3PL</u>
Ном.	<i>kud-mĭ</i>	<i>kud-dĭ</i>	<i>kud-zĭ</i>
Акк.	<i>kud-m-es(-tĭ)</i>	<i>kud-d-es(-tĭ)</i>	<i>kud-z-es(-tĭ)</i>
Ген.	<i>kud-mĭ-len</i>	<i>kud-dĭ-len</i>	<i>kud-zĭ-len</i>
Абл.	<i>kud-mĭ-leś</i>	<i>kud-dĭ-leś</i>	<i>kud-zĭ-leś</i>
Дат.	<i>kud-mĭ-lĭ</i>	<i>kud-dĭ-lĭ</i>	<i>kud-zĭ-lĭ</i>
Абес.	<i>kud-mĭ-tek</i>	<i>kud-dĭ-tek</i>	<i>kud-zĭ-tek</i>
Адв.	<i>kud-mĭ-ja</i>	<i>kud-dĭ-ja</i>	<i>kud-zĭ-ja</i>
Ном.	<i>vañ-mĭ</i>	<i>vañ-dĭ</i>	<i>vañ-zĭ</i>
Акк.	<i>vañ-m-es(-tĭ)</i>	<i>vañ-d-es(-tĭ)</i>	<i>vañ-z-es(-tĭ)</i>
Ген.	<i>vañ-mĭ-len</i>	<i>vañ-dĭ-len</i>	<i>vañ-zĭ-len</i>
Абл.	<i>vañ-mĭ-leś</i>	<i>vañ-dĭ-leś</i>	<i>vañ-zĭ-leś</i>
Дат.	<i>vañ-mĭ-lĭ</i>	<i>vañ-dĭ-lĭ</i>	<i>vañ-zĭ-lĭ</i>
Абес.	<i>vañ-mĭ-tek</i>	<i>vañ-dĭ-tek</i>	<i>vañ-zĭ-tek</i>
Адв.	<i>vañ-mĭ-ja</i>	<i>vañ-dĭ-ja</i>	<i>vañ-zĭ-ja</i>
		СхРх	
Инстр.	<i>kud-in-ĭ-mĭ</i>	<i>kud-in-ĭ-dĭ</i>	<i>kud-in-ĭ-zĭ</i>
Инстр.	<i>vañm-ĭn-ĭ-mĭ</i>	<i>vañm-ĭn-ĭ-dĭ</i>	<i>vañm-ĭn-ĭ-zĭ</i>

Таблица № 10. Комбинация Рх и Сх некоторых числительных

	<u>1SG</u>	<u>2PL</u>	<u>3PL</u>
Ном.	<i>ogna-m</i>	<i>kĭkna-dĭ</i>	<i>kuiñna-zĭ</i>
Аккуз.	<i>ogna-m-e</i>	<i>kĭkna-d-es(-tĭ)</i>	<i>kuiñna-z-es</i>
Ген.	<i>ogna-m-len</i>	<i>kĭkna-dĭ-len</i>	<i>kuiñna-zĭ-len</i>
Абл.	<i>ogna-m-leś</i>	<i>kĭkna-dĭ-leś</i>	<i>kuiñna-zĭ-leś</i>
Дат.	<i>ogna-m-lĭ</i>	<i>kĭkna-dĭ-lĭ</i>	<i>kuiñna-zĭ-lĭ</i>
Интр.	<i>ogna-m-en</i>	<i>kĭkna-dĭ-en</i>	<i>kuiñna-zĭ-en</i>

Таблица № 11. Комбинация Рх и Сх личных местоимений *mon* 'я' *ton* 'ты'

	<u>1SG</u>	<u>2SG</u>	<u>1PL</u>	<u>2PL</u>
			СхРх	
Ном.	<i>mon</i>	<i>ton</i>	<i>mi</i>	<i>ti</i>
Ген.	<i>mɨn-a-m</i>	<i>tɨn-a-d</i>	<i>mi-l̥a-m</i>	<i>ti-l̥a-d</i>
Абл.	<i>mɨn-ešt-i-m</i>	<i>tɨn-ešt-i-d</i>	<i>mi-l̥ešt-i-m</i>	<i>ti-l̥ešt-i-d</i>
Дат.	<i>mɨn-i-m</i>	<i>tɨn-i-d</i>	<i>mi-l̥e-m(-li)</i>	<i>ti-l̥e-d(-li)</i>
Инстр.	<i>mon-en(-i-m)</i>	<i>ton-en(-i-d)</i>	<i>mi-l̥e-m-iɨn,</i> <i>mi-l̥e-ni-mi</i>	<i>ti-l̥e-d-iɨn,</i> <i>ti-l̥e-ni-di</i>
			РхСх	
Акк.	<i>mon-e</i>	<i>ton-e</i>	<i>mi-l̥e-m-iɨz,</i> <i>mi-l̥e-m-di,</i> <i>mi-l̥e-m-diɨs-ti</i>	<i>ti-l̥e-d-iɨz,</i> <i>ti-l̥e-d-di,</i> <i>ti-l̥e-d-diɨs-ti</i>
Дат.			<i>mi-l̥e-m-li</i>	<i>ti-l̥e-d-li</i>
Инстр.			<i>mi-l̥e-m-iɨn</i>	<i>ti-l̥e-d-iɨn</i>

Таблица 12. а. Комбинация Рх и Сх местоимения *as* 'сам'

	<u>1SG</u>	<u>2SG</u>	<u>3SG</u>
		СхРх	
Ген.	<i>as-la-m</i>	<i>as-la-d</i>	<i>as-la-z</i>
Дат.	<i>as-li-m</i>	<i>as-li-d</i>	<i>as-li-z</i>
Абл.	<i>as-lešt-i-m</i>	<i>as-lešt-i-d</i>	<i>as-lešt-i-z</i>
Инстр.	<i>as-en-i-m</i>	<i>as-en-i-d</i>	<i>as-en-i-z</i>
		РхСх	
Акк.	<i>as-m-e</i>	<i>as-t-e</i>	<i>as-s-e</i>
Адв.	<i>ač-im-ja</i>	<i>ač-id-ja</i>	<i>ač-iz-ja</i>
Абес.	<i>ač-im-tek</i>	<i>ač-id-tek</i>	<i>ač-iz-tek</i>
	<u>1PL</u>	<u>2PL</u>	<u>3PL</u>
Ген.	<i>aś-me-len</i>	<i>aś-te-len</i>	<i>aś-se-len</i>
Дат.	<i>aś-me-li</i>	<i>aś-te-li</i>	<i>aś-se-li</i>
Абл.	<i>aś-me-leś</i>	<i>aś-te-leś</i>	<i>aś-se-leś</i>

Таблица 12. б. Комбинация РхРІСх

	<u>1PL</u>	<u>2PL</u>	<u>3PL</u>
Ном.	<i>aś-me-os</i>	<i>aś-te-os</i>	<i>aś-se-os</i>
Абес.	<i>aś-me-os-tek ~</i> <i>aś-me-tek</i>	<i>aś-te-os-tek ~ aś-</i> <i>te-tek</i>	<i>aś-se-os-tek ~</i> <i>aś-se-tek</i>
Инстр.	<i>aś-me-mɨn ~</i> <i>aś-me-os-iɨn</i>	<i>aś-te-dɨn ~</i> <i>aś-te-os-iɨn</i>	<i>aś-se-z-iɨn ~</i> <i>aś-se-os-iɨn</i>
Аппр.	<i>aś-me-laɨ ~</i> <i>aś-me-os-laɨ</i>	<i>aś-te-laɨ ~</i> <i>aś-te-os-laɨ</i>	<i>aś-se-laɨ ~</i> <i>aś-se-os-laɨ</i>

В диалектах комбинации Rх и Сх выступают более или менее одинаково. Сх при сочетании с Rх имеют более регулярный и консервативный характер, нежели без него, напр., форма аккузатива мн. ч. без Rх имеет две формы, варьирующиеся в южном и северном наречиях, ср.: *-iz* ~ *-ti*, при сочетании с Rх во всех диалектах употребляется одна форма (табл. № 5). В средне-восточных говорах в формах некоторых субъектно-объектных падежей выпадает согласный *-l*, ср.: *anna_can* 'у Анны (есть, имеется)' < *anna+en* < *anna+len*; в говоре Шарканского района *-l* выпадает и у датива, ср.: *apaj* ~ *apawj* (< *apa+wj* < *apa+lj*) 'старшей сестре' (Бушмакин 1969: 60–61). При Rх *-l* в этих говорах сохраняется:

- (84) *sa-moj soki* *ik dáda-mi-len* *lul-iz* *pot-em*.
 самый тогда же отец-1PL-GEN душа-3SG выйти-2PRET.3SG
 'В тот самый момент, оказывается, отец наш испустил дух' (Бушмакин 1971: 253).

В нижнечепецком, среднечепецком говорах северного наречия и бесермянском диалекте дополнительно к общим падежам зафиксированы приблизительно-местные падежи с показателем *-ń-*, которые указывают «на нахождение или действие по отношению к конкретному месту, к конкретному лицу» и употребляются только с существительными, обозначающими одушевленные предметы, ср.: *áta-ńán* 'у старшей сестры, тети', *áta-ńé* 'к старшей сестре, тете', *áta-ńás* 'от старшей сестры, тети', *áta-ńásen* 'у старшей сестры, тети', *áta-ńáti* 'у старшей сестры, тети', *áta-ńóz* 'до старшей сестры, тети' (Карпова 1997: 85–92, 90–91; Тепляшина 1970: 174–176). Притяжательная форма приблизительно-местных падежей образуется в комбинации RхСх, напр., *pi-je-ńán* 'у сына-моего', *pi-jed-ńé* 'к сыну твоему', *pi-jez-ńás* 'от сына его', *pi-jos-ǎ-ńásen* 'у сыновей моих', *pi-jos-tǎ-ńáti* ~ *pi-jos-tǎ-ńáki* 'у сыновей ваших', *pi-jos-sǎ-ńóz* 'до сыновей их' (Карпова 1997: 93–98).

Необходимо также отметить, что некоторые приведенные сочетания являются потенциально возможными, но в живой речи могут не встречаться либо встречаются крайне редко. Напр., множественное число в некоторых локативных падежах встречается редко. Показатель аппроксиматива, в основном вошедший в состав наречий, также редко встречается в сочетании с Rх. Абессив является весьма продуктивным, но в сочетании с Rх практически не встречается. К сожалению, охватить всю проблему сочетания Сх с Rх не позволяет объем настоящего исследования и отсутствие дескриптивных исследований по именованному склонению в удмуртском языке.

3.1.2.1. Комбинация Рх-Сх: -V(C)-CV(C)

Комбинация РхСх характерна для форм генитива, аблатива, датива, абессива, адвербиала, т. е. субъектно-объектных падежей (за исключением инструментала) (табл. № 4). Показатели притяжательных и падежных суффиксов здесь не изменяются, Рх имеет характерное чередование *-e ~ -j ~ -i* — при единичном объекте обладания и форму на *-j* при множественном (табл. № 4. а., 4. б.). В формах множественного числа показатель *-(j)os* предшествует посессивным суффиксам, а Рх присоединяет такую же форму множественности, как и в номинативе (4. в.). Рассматриваемые формы являются продуктивными, в том числе и формы множественного объекта обладания. Однако формы абессива в сочетании с Рх встречается редко (89), ср.:

- (85) *ва кчаак мад'-о* *ас* *гурт-э-лэс'*
 кратце рассказать-FUT.1SG свой деревня-1SG-ABL
кылд-эм-з-э.
 возникнуть-PART-3SG-ACC
 'Вкратце расскажу о происхождении своей деревни' (1981: 222).
- (86) *тарэ* *мум-из-лы* *мад'-э* *ни...*
 теперь мать-3SG-DAT рассказывать-PRES.3SG уже
 'Теперь уж рассказывает своей матери...' (1981: 127).
- (87) *Куддыр эш-ъёс-ы-лэн* *анай-атай-ёс-сы-лы* *но вожъяськыл-й,*
 иногда друг-PL-1SG-GEN мать-отец-PL-3PL-DAT и завидовать-1PRET.1SG
ява.
 даже
 'Иногда даже родителям своих друзей завидовал' (Удмурт дунне № 49–50, 10. 04.2009).
- (88) *Ымныр тус-ыз-ья* *нокызы у-д* *вала,*
 лицо вид-3SG-ADV никак отр.FUT-2SG понимать.NEG.SG
мар со малта.
 что он думать.PRES.3SG
 'По выражению его лица никак не поймешь, что он думает' (Красильников 1991: 16).
- (89) *Со тыр-ысен* *Катя кенак* *пал* *кыл-ем,*
 это время-EGRES ЛИ тетя один остаться-2PRET.3SG
нош табере пи-ез-тэк *но...*
 а теперь сын-3SG-ABES и
 'С тех пор тетя Катя осталась одна, а теперь и без сына...' (Перовщиков 1994: 9).

Необходимо отметить, что генитив, датив, аблатив являются типичными «одушевленными падежами». Абессив и адвербиал чаще употребляются с неодушевленными именами и отглагольными образованиями. Однако эти падежи строго не ограничиваются по принципу одушевленности и неодушевленности. Среди рассматриваемых падежей варьирование РхСх ~ СхРх наблюдается в адвербиале (см. п. 3.1.2.4.). Сочетание аппроксиматива с Рх традиционно рассматривается как РхСх (ГСУЯ 1962: 88–9;

Kel'makov, Hännikäinen 1999: 170), у нас, к сожалению, нет примеров такого сочетания, но есть пример:

- (90) *со ошмес-лэн выл-лан'-а-с пужым буд-э.*
 это родник-GEN верх-APPR-INES-3SG сосна расти-PRES.3SG
 'Повыше того родника сосна растет' (1990: 113).

Пример скорее представляет контаминацию показателей аппроксиматива и инессива, о чем свидетельствует статичный предикат *растет*, что дает основание не рассматривать этот случай как комбинацию SxPx. Аппроксиматив имеет ограниченное употребление, его показатель вошел в состав многих наречий, ср.: *az-lan'* 'вперед', *vil-lan'* 'наверх', *miš-lan'* 'назад'. В остальных случаях заменяется послелогом *pala* 'в сторону, по направлению к'. При этом Px может присоединяться как к главному слову (93), (94), так и к послелогу, (91), (92):

- (91) *о'ьп.пи-ни'сэн тъл пот-и-з но назар.пи-ос-лэн*
 ЛИ.сын-EGRES огонь выходить-1PRET-3SG и ЛИ.сын-PL-GEN
корка пал-а'-зъ кошк-и-з.
 дом сторона-ILLAT-3PL уйти-1PRET-3SG
 'В доме потомков Осипа возник пожар и переметнулся в сторону дома потомков Назара' (1982: 118).
- (92) *Нюра-мы дор пал-а-з кошк-и-з.*
 ЛИ-1PL дом сторона-ILLAT-3SG уйти-1PRET-3SG
 'Наша Нюра пошла в сторону своего дома' (Инвожо 06.-07.2006: 67).
- (93) *Душман-ъёс-лэн кельт-эм окоп-ъёс-сы пал-а*
 душман-PL-GEN оставлять-PART окоп-PL-3PL сторона-ILLAT
нюжтиськ-и-з.
 ползти-1PRET-3SG
 'Он начал ползти в сторону оставленных «душманами» окопов' (Первошиков 1994: 7).
- (94) *Каллен вamyшт-й-з Анюта-ос-лэн корка-зы пал-а.*
 тихо шагнуть-1PRET-3SG ЛИ-PL-GEN дом-3PL сторона-ILLAT
 'Тихонько зашагал в сторону дома семейства Анюты' (Бадретдинов 2007: 112).

Рассматриваемый послелог, как и падежный показатель, употребляется и с одушевленными именами, ср.:

- (95) *Фаина пал-а тыбыр-ыны-з кариськы-са*
 ЛИ сторона-ILLAT спина-INSTR-3SG делать-GER
сыл-э . . .
 стоять-PRES.3SG
 'Стоит, повернувшись спиной к Фаине . . . ' (Красильников 1991: 6).

3.1.2.2. Комбинация Cx-Px: -V(C-V-)C

По принципу CxPx образуются инструментал, инессив, иллатив, элатив, эгрессив, пролатив, терминатив. Особенность Px образований этой группы заключается в том, что при единичном посессоре он имеет вид одиночного согласного *-m*, *-d*, *-z*. При присоединении к Cx с согласным на конце появляется соединительный гласный *-j* или *-a* (инструментал, элативе и эгрессиве).

В комбинации CxPx показатель падежа (а) не изменяется (инструментал, эгрессив, пролатив), (б) изменяется частично (элатив, терминатив), (в) полностью видоизменяется (инессив, иллатив). Формы локативных падежей в сочетании с Px редко употребляются с показателем множественности *-(j)os*.

Сочетание **показателя инструментала** с Px является продуктивным, в том числе и во мн. ч. (см. (95)). Необходимо отметить, что в современном языке формы инструментала совпадают с формами комитатива, напр. (96), (97):

(96) *собере ана-ед* *пичи* *сүзэр-ены-д* *ась-сэ* *понна*
потом мать-2SG маленький сестра-INSTR-2SG сам-3PL за
кыл-ё...
оставаться-PRES.3SG

‘Потом мать с младшей сестрой одни остаются. .’ (Красильников 1991: 60).

(97) *Экзамен-ъёс-с-э* *но* *эш-ъёс-ыны-з* *чош* *сёт-й-э*.
экзамен-PL-3SG-ACC и друг-PL-INSTR-3SG вместе дать-1PRET-3SG
‘И экзамены сдал вместе с друзьями’ (Удмурт дунне № 48, 07.04.2010).

Как отмечалось в п. 3.1.1.4., имя в форме инструментала в предложении может являться обстоятельством, напр. (95). В этой функции он часто сочетается с отглагольными образованиями, ср.:

(98) *Ляб* *кыл-эм-ены-з,* *кышно-ез-лэсь*
слабый слышать-PART-INSTR-3SG жена-3SG-ABL
мечкытъя-м-ъёс-с-э *пель съёр-тй-э* *келя.*
упрекать-PART-PL-3SG-ACC ухо за-PROL-3SG оставить.PRES.3SG
‘Из-за слабого слуха пропускает колкости жены мимо ушей’ (Удмурт дунне № 18–19, 08.02.2008).

Исторически инструментал возводится к локативу. По мнению Б. А. Серебренникова, когда рассматриваемый Cx приобрел посессивную форму, он еще имел функцию пространственного падежа, поэтому Px следовал за Cx (Серебренников 1963: 116). На наш взгляд, порядку CxPx также способствует то, что имя в форме инструментала может функционировать в качестве обстоятельства (98), при этом Px в сочетании с именами объектов неотчуждаемой семантики выполняет функцию грамматического согласования с референтом — субъектом предложения, ср. (95).

Эгрессив имеет специфическое значение и употребляется реже других локативных падежей, чаще сочетается с именами, обозначающими место,

и не имеет послеложных аналогов. Примеры с показателем мн. числа в нашей базе не отмечены.

- (99) *Пичи дыр-ысены-з ик чупрес но визьмо пияш-лэн*
 маленький время-EGRES-3SG ужешустрый и умный мальчик-GEN
военной летчик лу-эм-ез пот-э был-эм.
 военный летчик быть-PART-3SG выходить-PRES.3SG вспом.гл.-2PRET
 ‘Шустрый и умный мальчик уже с детства хотел стать военным летчиком’
 (Инвожо 06.–07.2006: 39).
- (100) *Собере тй-ляд укно-ысены-ды шай был-э*
 потом вы-GEN окно-EGRES-2PL кладбище поверхность-ILLAT
ну-ись сюрес адзиськ-е.
 вести-PART дорога виднеться-PRES.3SG
 ‘Потом из вашего окна видна ведущая на кладбище дорога’ (Красильников 1991: 99).

В коми языке 1SG предшествует падежному суффиксу, остальные P_x следуют за C_x (СКЯ 1955: 151; Bartens 2000: 110). Однако Д. В. Бубрих отмечает для P_x1SG комбинацию C_xP_x (1949: 34).

Показатель пролатива как в современном литературном языке, так и в диалектах, предшествует P_x. В начале XX отмечалось варьирование взаимоположения P_x и C_x, в нашей базе таких примеров нет (см. 3.1.2.4.). Употребление пролатива ограничено: чаще всего он сочетается с именами объектов неотчуждаемой семантики и обозначает воздействие на целое через часть, см. (101) и (102); обозначает место и имеет значение «вдоль, по какому-либо месту» (103).

- (101) *Ки-тй-ды кыскы-са нуыны у-м*
 рука-PROL-2PL тянуть-GER вести. INF отр.-1PL
туртт-йськ-е.
 пытаться-PRES-NEG.PL
 ‘Мы не пытаемся вас вести за ручку’ (Красильников 1991: 99).
- (102) *Григорий Ильич шор-ы очки ул-тй-э син-з-э*
 ЛИ ЛИ на-ILLAT очки низ-PROL-3SG глаз-3SG-ACC
жутья.
 поднимать. PRES.3SG
 ‘Поднимает глаза из-под очков на Георгия Ильича’ (Красильников 1991: 17).
- (103) *Бакча-етй-д тубт-эм-д-э но, сеник-е*
 огород-PROL-2SG поднимать-PART-2SG-ACC и сеновал-ILLAT
жут-эм-д-э но адз-иллям.
 поднимать-PART-2SG-ACC и видеть-2PRET.3PL
 ‘Видели, как ты нес по огороду, и как затаскивал на сеновал’ (Перевошиков 1994: 179).

В фольклорных текстах (в песнях) можно обнаружить показатель множественного числа, употребление которого в данном случае является художественным приемом:

- (104) *вож шашы но, ой, ул-йос-ти-д, вэжчи из но выл-йос-ти-д*
 зеленый осока и ой низ-PL-PROL-2SG тонкий камень и верх-PL-PROL
былыр-былыр, ой, васкыл-о-з пӧс синкыли ву-ос-ыд.
 звукоподр. ой спускаться-FUT-3SG горячий слеза вода-PL-2SG
 ‘Под зеленой да, ой, осокой, по мелким да камушкам стружкой ой потекут
 горячие [да] слезы’ (1990: 202).

Пролатив функционально коррелирует с послелогом *kuža* ‘по, вдоль’, ср. (106). Послелог чаще употребляется с абстрактными (106), реже — с одушевленными именами (107). Рх может присоединяться как к послелогу, так и к главному слову.

- (105) *Котьку но, урам кузя келяськы-са, гурт калык татчы*
 всегда и улица по провожать-GER деревня народ сюда
люкаськ-о-з вал.
 собираться-FUT-3SG вспом.гл.1PRET
 ‘Бывало деревенский народ, проводив [рекрута] по улице, всегда здесь собирался’ (Удмурт дунне № 183, 02.12.2008).
- (106) *Ӝазэг-лэн зын-ыс кузя туб-э.*
 гусь-GEN запах-3SG по подниматься-1PRES.3SG
 ‘Поднимается по запаху гуся’ (1990: 229).
- (107) *Кузя-з ветлы-са гинэ ул-й-з.*
 по-3SG ходить-GER только жить-1PRET-3SG
 ‘Жила только у него на поводу’ (Красильников 1991: 146).

Небольшие видоизменения имеют элатив и терминатив. В элативе (-*is*) при сочетании с Рх появляется согласный -*t*, который интерпретируется как архаизм, сохранившийся в притяжательной форме, благодаря последующему гласному (см. напр., Uotila 1933: 314–315; Серебренников 1963: 15, 116; Bartens 2000: 85 и т. д.

- (108) *Азбар-ысьты-зы Огаши кенак-ен Нина-ез адзы-са*
 двор-ELAT-3PL ЛИ тетя-INSTR ЛИ-ACC увидеть-GER
юа-з...
 спросить-1PRET.3SG
 ‘Увидев тетушку Агафью с Ниной во дворе, спросил...’ (Перевошиков 1991: 82).
- (109) *вало ӧр-ысты-з тулыс пот-э кэ...*
 ЛИ русло-ELAT-3SG весна выходит-PRES.3SG если
 ‘Если Вала весной выходит из берегов...’ (1990: 260).

Элатив регулярно употребляется в сочетании с PL, ср.:

- (110) *Та нылкышно-ос-ты туж сюлэмшугъяськыт-э гурт-вӑс-ысьты-зы*
 это женщина-PL-ACC очень беспокоить-PRES.3SG деревня-PL-ELAT-3PL
егит семья-ос-лэн кошке-ем-зы.
 молодой семья-PL-GEN уходить-PART-3SG
 ‘Этих женщин очень беспокоит уход молодых семей из своих деревень’
 (Удмурт дунне № 69, 15. 05.2007).
- (111) *культура-лэн рамка-ос-ысьты-з...*
 культура-GEN рамка-PL-ELAT-3SG
 ‘из культурных рамок...’ (Инвожо 11.– 12.2006: 30).

В некоторых диалектах показателем притяжательности в формах элатива и аблатива личных местоимений 1–го и 2–го лица и возвратных местоимений является элатив *-išk*, *-išk* и абл. *-leški*, *-leški* вместо литературного элатива *-ištj* и аблатива *-leštj*, *-leštj* (Кельмаков 1998: 122; Aminoff 1896: 31). Это характерно для кукморского, напр., *tir-išk-ot* ‘из топора твоего’ (Кельмаков 1970: 273), бавлинского, напр., *ti-liškät* ‘у вас (взять)’, *as-liškät-t* ‘у тебя самого (взять)’ (Тараканов 1958), шошминского, буйско-таньпского, граховского и кизнерского говоров, спорадически встречается в бесермянском говоре (Кельмаков 1998: 122).

Rx присоединяется к Cx **терминатива** с помощью соединительной гласной *-a*. Ученые отмечают варьирование очередности Rx и Cx в терминативе (см. 3.1.2.4.), однако у нас нет примеров на порядок RxCx в этом падеже.

Терминатив имеет ограниченное употребление, как правило, употребляется с именами, выражающими значение времени, конкретного места и в сочетаниях с эгрессивом, напр., *jir-išeni-z pid-oža-z* ‘с головы до ног’ (112), *Iž-išen Moskva-ož* ‘от Ижевска до Москвы’. Терминатив чаще употребляется в сочетании с послелогом *dor-ož* ‘до’, которое является альтернативным конструкции имя+Cx. Послелог сочетается и с неодушевленным, и с т одушевленным существительным, при этом Rx и Pl могут присоединяются как к главному слову (113) и (114), так и к послелогу (115), ср.:

- (112) *Йыр-ысены-з* *пид-озя-з* *тöды* *дэра* *дйськут-эн...*
 голова-EGRES-3SG нога-TERM-3SG белый холст одежда-INSTR
 ‘Он с ног до головы в белой холстяной одежде...’ (Кенеш 10.2008: 13).
- (113) *Пенси-ез* *дор-озь* *тыри-и-з* *Алнаш* *ёрос*
 пенсия-3SG до-TERM стараться-1PRET-3SG ЛИ район
эмъяськонни-ын.
 больница-INES
 ‘До пенсии трудилась в Алнашской районной больнице’ (Удмурт дунне № 69, 15. 05.2007).
- (114) *Узыр* *лул. пуш-о* *калык гинэ* *ас* *культура-з-э*
 богатый душа. внутрь-DER народ только свой культура-3SG-ACC
мукет-ъёс-ыз *дор-озь* *озьы вуттыны* *быгат-э.*
 другой-PL-3SG к-TERM так донести-INF мочь-PRES.3SG
 ‘Только духовно богатый народ может донести свою культуру до других’ (Зечбур! 03.11.2007).
- (115) *син-м-е* *кынны-са* *но, дыр,* *шедьтыны* *быгаты-сал*
 глаз-1SG-ACC закрыть-GER и наверно найти-INF мочь-COND
корка дор-озя-зы *ну-ись* *сюрес-эз.*
 дом до-TERM-3PL вести-PART дорога-ACC
 ‘Даже с закрытыми глазами я, наверное, смог бы найти дорогу к их дому’ (Удмурт дунне № 192, 17.12.2008).

Показатель терминатива во многих случаях вошел в состав показателя герундия, ср.:

- (116) *Вань улы-тозя-зы, соос кусп-а-зы ог. пол но*
 весь жить-GER-3PL они между-INES-3PL один.раз и
ö-з керет-э.
 отр.1PRET-3PL ссориться-NEG.PL
 'За всю жизнь они ни разу не поссорились между собой' (Красильников 1991: 36).

Падежные показатели **инессива** и **иллатива** в сочетании с R_x полностью видоизменяются и совпадают. Посессивная форма *-a-R_x* инессива и иллатива свойственна всем пермским языкам (см. СКЯ 1955: 151; Бубрих 1949: 34; Майшев 1940: 29). При образовании посессивной формы появляется вставной *-j-* (по тем же причинам, что в притяжательных формах на *-e-* (см. 3.1.1. 1.)): при присоединении к двусложным основам на гласный (кроме *u-*), напр.: *bakśa-ja-mi* 'в нашем огороде/в наш огород', *bekśe-ja-z* 'в его бочке/в его бочку', *iži-ja-d* 'в твоей шапке/в твою шапку', *munčo-ja-m* 'в моей бане/в мою баню', но *tartu-a-zi* 'в их (городе)/в их (город) Тарту'. При присоединении к односложным основам на гласный (кроме *i-*) и *j-*, буферный *-j-* не появляется напр.: *gu-a-m* 'в моей яме/в мою яму', *tj-a-m* 'в моем легком/в мое легкое', *ke-a-zi* 'в их жернове/в их жернов', *je-a-di* 'в вашем ремне/в ваш ремень', *jir-a-d* 'в твоей голове/в твою голову', *migor-a-zi* 'на их теле/на их тело', но *ki-ja-z* 'в его руке/в его руку'.

В литературном языке R_x, выраженный одиночным согласным, в посессивной форме иллатива и инессива присоединяется непосредственно к гласному основы в словах типа *korka* и *kuala*, ср.: и *korka-m* 'в доме моем/ в дом мой', *korka-d* 'в доме твоём/в дом твой', *korka-z* 'в доме его/в дом его'; *kuala-mi* 'в молельном доме нашем/ в молельный дом наш', *kuala-di* 'в молельном доме вашем/в молельный дом ваш', *kuala-zi* 'в молельном доме их/в молельный дом их'.

- (117) *кorka-ды пырыны лэз'-о-ды-а?*
 дом. ILLAT-2PL зайти.INF разрешать-FUT-2PL-INTER
 'В дом к вам зайти вы разрешаете?' (1990: 223).
- (118) *Вордскем гурт-а-м но улыны кема ö-з*
 родной деревня-INES-1SG и жить.INF долго отр.1PRET-3SG
кылд-ы.
 возникнуть-NEG.SG
 'Мне не пришлось долго жить в родной деревне' (Удмурт дунне № 187, 09.12.2008).

В диалектах отмечаются случаи удвоения *-a*, напр., в увинском говоре:

- (119) *мурт-лэн корка-а-с кэма у-д ул.*
 чужой-GEN дом-INES-3SG долго отр.FUT-2SG жить.NEG.SG
 'В чужом доме долго не проживешь' (1981: 270).

Как и формы элатива, в современном языке рассматриваемые комбинации в инессиве и иллативе могут употребляться с показателем мн. ч., ср.:

- (120) *Ужась-ёс-ыз ась-сэ отделени-ос-а-зы мыныны*
работник-PL-ACC свой-3PL отделение-PL-ILLAT-3PL идти.INF
кос-э.
заставлять-PRES.3SG
'Просит работников идти в свои отделения' (Красильников 1991: 11).
- (121) *Москва-ын но союзной республика-ос-лэн столица-ос-а-зы.*
ЛИ-INES и союзный республика-PL-GEN столица-PL-ILLAT-3PL
'В Москве и в столицах союзных республик' (Красильников 1991: 113).

Показатель мн. ч. использоваться и в качестве хождожественного приема, ср.:

- (122) *со нүүлэс-лэн шор-йос-а-э котырэсак воэ-йос-ыз.*
это лес-GEN середина-PL-INES-3SG круглый луг-PL-3SG
'В глубинах того леса кругленькие лужочки' (1990: 128).

Некоторые исследователи в посессивных формах аккумулятива, иллатива и инессива, а иногда и элатива, инструменталю, эгрессива и терминатива, видят «признак флективности в целом агглютинативном языке» (Кракулов 2000). В. И. Тараканов утверждает, что удмуртский язык как типичный агглютинативный язык не имеет флексий, но не исключает некоторые элементы фузии (Тараканов 2000: 171–172). На наш взгляд, морфологические границы Сх и Рх в рассматриваемых сочетаниях прозрачны.

Существует множество гипотез о происхождении посессивных форм инессива, напр., формант *-а-* возводится к конечному гласному основы (Uotila 1936: 473), к показателю наречий (Емельянов 1927: 134–5), суффиксу местного падежа *-ан* (Серебренников 1963: 115) и т. д. Основываясь на предположении Т. Уотилы, Б. А. Серебренников утверждает, что древний посессивный суффикс (еще имевший форму с начальным согласным, напр., *-mγ*) присоединялся к показателю местного падежа *-ан*, на базе такого сочетания появлялся назальный *a*, и, в конечном счете, после утраты назальности — простой *a*, ср.: *karanm* > *karām* > *karam* 'в мой город' (Серебренников 1963: 115). На становление одинаковой посессивной формы могло повлиять семантическое соприкосновение иллатива и инессива (Д. Фокош-Фукс). Однако Б. А. Серебренников утверждает, что *a* представляет древний локатив, как в современных словах типа *pal-a* 'в сторону' (1963: 117).

3.1.2.3. Принцип Рх-Сх: -С-V(С)

Особое место в системе сочетания Рх и Сх занимает **аккузатив**: с одной стороны, подобно локативным падежам, здесь Рх имеет форму одиночного согласного, с другой — подобно объектным падежам, предшествует Сх. Кроме того, Рх множественного и единичного посессора совпадает, при

этом о числе обладателей сообщает показатель аккумулятива, ср.: *korka-m-e* ‘моего дома’ и *korka-os-m-es* ‘наших домов’, см. (123) и (125). Распространенными являются формы с множественным объектом обладания (124) и (125).

- (123) *ба́т-о-м,* *кошк-о-м* *чэбэр* *ныл-д-э...*
 забрать-FUT-1PL уйти-FUT-1PL красивый дочь-2SG-ACC
 ‘Заберем, увезем твою красавицу-дочь...’ (1990: 62).
- (124) *Со бёрсыы мон вань книга-ос-м-е берен ас инты-я-зы*
 это после я всё книга-PL-1SG-ACC обратно свой место-ILLAT-3PL
тыр-исько...
 класть-PRES-1SG
 ‘После этого я кладу все свои книги на свои места’ (Удмурт дунне № 53–54, 17. 04.2009).
- (125) *дабай,* *кы ткы* *пар вал-йос-т-эс,* *мэмэй,*
 отец запрячь-IMPER.2SG пара лошадь-PL-2PL-ACC мать
у́сты *капка-д-эс.*
 открывать-IMPER.2SG ворота-2PL-ACC
 ‘Отец, запряги пару лошадей, мать, отворяй ворота’ (1981: 53).

Как и в предыдущих случаях, форма множественного числа может использоваться для достижения художественного эффекта, ср.:

- (126) *мэды сог-о-з* *вал мын-ысты-м кайгу-ос-м-э.*
 пусть замести-FUT-3SG бы я-ABL-1SG горе-PL-1SG-ACC
 ‘Пусть бы да замела мои горести’ (1990: 243).

Слово *kajgi* ‘горе’, как правило, во мн. ч. не употребляется.

По мнению Б. А. Серебренникова, показатель *-t* является сохранившейся архаичной формой Рх, а *-s* — показателем усилительности (1963: 112).

3.1.2.4. Комбинация РхСх ~ СхРх

В некоторых падежах можно наблюдать варьирование порядка Сх и Рх. В научной литературе такое явление отмечалось для адвербиала, ср.: *ана-э-я*, *ана-эд’-я*, *ана-эз’-я* ‘по моей, твоей, его сестре’ и терминатива, ср.: *ана-э-озь*, *ана-эд-озь*, *ана-эз-озь* ‘до моей, твоей, его сестры’ (Емельянов 1927: 135). По мнению А. И. Емельянова, в живой речи и народной словесности расположение суффиксов обратное, ср. терм.: *kuwi-toza-d dišod* ‘до смерти научишься’, *uwi-toza-zj* ‘пока они живут’, *džini-oza-z* ‘до половины’; адверб. *vešaskon dij-ja-z* ‘во время его моления’, *sojos-len mignon-ja-zj* ‘когда они шли’ (1927: 135). Варьирование в терминативе отмечает также И. В. Яковлев, ср.: *čужмурт-э-эзь* и *čужмурт-озя-м* ‘до дяди моего’, *гурт-мы-эзь* и *гурт-озя-мы* ‘до деревни нашей’. Кроме того, он зафиксировал варьирование в пролативе, ср. *čужмурт-тй-м* ~ *čужмурт-э-тй* ‘у дяди моего’, *гурт-тй-мы* ~ *гурт-мы-тй* ‘по деревне нашей’ (1930: 23).

Разный порядок Pх и Сх, как уже отмечалось, характерен для марийского языка. Наиболее регулярно варьирование наблюдается в сочетании Pх и показателя мн. ч., ср.: *joltaš-em-βlak* ~ *joltaš-βlak-em* ‘мои друзья’; в сочетании Pх и Сх датива, ср.: *joltaš-em-lan* ~ *joltaš-lan-em* ‘моему другу’. В марийском языке варьироваться могут все показатели, ср.: *joltaš-em-βlak-lan* ~ *joltaš-βlak-em-lan* ~ *joltaš-βlak-lan-em* ‘моим друзьям’ (Luutonen 1997: 13). В коми языке зачастую 1SG предшествует Сх, а другие Pх следуют за ними, напр., в абессиве, эгрессиве, аппроксимативе, ср.: *керка-öй-төг* ‘без моего дома’ ~ *керка-төг-ыд* ‘без твоего дома’. Однако Д. В. Бубрих отмечает двойное расположение в форме комитатива и абессива (1949: 33), а К. Редей и в случае аппроксиматива, ср.: *керка-нут-лан* ~ *керка-лан-нут* (Rédei 1978: 79).

В современном удмуртском языке нами зафиксировано варьирование последовательности Pх и Сх **адвербиала**. Обычная комбинация — PхСх, но в некоторых случаях отмечается последовательность СхPх, ср. (мало-пургинский):

- (127) *бусы-йэти лыкт-и-мы* *ээк* *сурэл-лэн* *йугыт-йа-з;* *нур*
 поле-PROL идти-1PRET-1PL рожь цветок-GEN свет-ADV-3SG болото
выл-ти *ми пот-и-мы* *туэ* *саска-лэн* *йугыт-йа-з;*
 верх-PROL мы выходить-1PRET-1PL желтый цветок-GEN свет-ADV-3SG
выж *выл-ти* *ми пот-и-мы* *вал-лэн* *пыт*
 мост верх-PROL мы выходить-1PRET-1PL лошадь-GEN нога
куарай-эз-йа; *гурт-а-ды* *ми пыр-и-мы* *пуны*
 звук-3SG-ADV деревня-ILLAT-2PL мы заходить-1PRET-1PL собака
ут-эм *куара-йа;* *капка.э-а-ды* *кожс-и-мы*
 лаять-PART звук-ADV ворота.перед-ILLAT-2PL свернуть-1PRET-1PL
лампа тыл-лэн *йугыт-йа-з.*
 лампа огонь-GEN свет-ADV-3SG

‘По полю мы ехали, по свету цветущей ржи; болото мы переехали по свету от цветов медуницы; мост мы проехали по топоту конских копыт; в вашу деревню мы въехали по лаю собак; к вашим воротам завернули по свету ламп’ (1990: 165).

- (128) *одик пол урам-э* *мон пот-и* *но, во́скырэс* *мугор-йа-м*
 один раз улица-ILLAT я выйти-1PRET.1SG и стройный тело-ADV-1SG
пи *шöтт-и.*
 мальчик найти-1PRET.1SG
 ‘Однажды на улицу вышла, нашла парня по статной фигуре своей’ (1982: 13).

В примере (127) встречаются сразу оба типа сочетания, напр., *йугыт-йа-з* ‘по свету его’ и *пыт куара-эз-йа* ‘по его топоту копыт’.

Варьирование последовательности имеет место и в литературном языке. В этом случае Pх чаще всего располагается в конце сочетания с отглагольными образованиями, ср.:

- (129) *ужань* *бьгат-эм-йа-с* *суд-эм,* *пэ, соос-ть* *со.*
 работать-INF мочь-PART-ADV-3SG кормить-2PRET.3SG де они-ACC он
 ‘Пока мог работать, он кормил-де их’ (1982: 123).

- (130) *мын-он-йа-м* *малта́ск-он-э* *у́ск-эм.*
идти-PART-ADV-1SG думать-PART-ILLAT упасть-2PRET.1SG
'Пока ехала, задумалась я' (1981: 209).
- (131) *Ус-исъ* *лымы шор-ы* *учкы-са* *кылл-ён-ья-з*
падать-PART снег на-ILLAT смотреть-GER лежать-PART-ADV-3SG
пересь *врач-лэн* *тод-а-з* *лыктыны* *кутск-и-зы...*
старый врач-GEN память-ILLAT-3SG приходит.INF начать-1PRET-3PL
'Пока лежа смотрел сквозь окно на падающий снег, пожилой врач начал вспоминать...' (Красильников 1991: 155).
- (132) *Вортт-эм-ья-з* *кужмо вортт-э* *вал.*
скакать-PART-ADV-3SG сильно скакать-PRES.3SG лошадь
'По ходу бега лошадь скачет все быстрее' (Медведев 2006: 17).

Однако в сходных случаях встречается и обратный порядок, ср.:

- (133) *Быгат-ем-е-я* *но* *вала-м-е-я* *ужа-сько.*
уметь-PART-1SG-ADV и понимать-PART-1SG-ADV работать-PRES.1SG
'Работаю по своему умению и пониманию' (Красильников 1991: 42).
- (134) *Орина-лэн* *мад-ем-ез-ья...*
ЛИ-GEN рассказать-PART-3SG-ADV
'По рассказам Марины...' (Медведев 2006: 22).

На наш взгляд, материал явно демонстрирует, что Rх следует за Сх адвербиала, когда в предложении имя выполняет функцию обстоятельства, а Rх указывает на грамматическое согласование обстоятельства и субъекта. Закономерно, что такой порядок чаще характерен для глагольных образований (в примерах — именам действия), замещающих релятивные предложения, ср.: *шуд-эм-йа-з* 'пока он играли', *бъгат-эм-йа-с* 'пока он мог', *кылл-ён-ья-з* 'пока он лежал', *мын-он-ья-м* 'пока я шла' и т. д. Комбинация RхСх используется в случае, если имя выполняет функцию косвенного дополнения и специфицируется с помощью Rх, ср.: *быгат-эм-е-я* 'по умению моему', *вала-м-е-я* 'по пониманию моему', *мад-ем-ез-ья* 'по рассказу ее', *ана-э-я* 'по (мнению сестры) сестре моей'. Иными словами, определяющим фактором позиции Rх является его функция: в функции грамматического согласования он стоит в постпозиции, в функции посессивного спецификатора — предшествует Сх. Такой алгоритм четко прослеживается в литературном языке, но не регулярно в диалектах, см. (127), (128).

3.1.2.5. Сочетание Rх и Сх местоимений и числительных

Rх в сочетании с местоимениями *van'-mĭ* 'все-мы', *kud-dĭ* 'который из вас' (табл. № 9) и числительными *ogna-t* 'я один', *kĭkna-dĭ* 'вы вдвоем', *kuĭnna-zĭ* 'они втроем' (табл. № 10) и т. д. имеют типичную для одушевленных имен последовательность RхСх (за исключением форм инструмента). У взаимно-личных местоимений сочетание RхСх (для инструмента СхRх) может присоединяться как к первому, так и ко второму,

компоненту: *og-ogmes(tj) ~ ogmes(tj)-ogmj* 'мы друг-друга', *odig-ogdj-les' ~ odig-dj-les'-ogdj* 'вы друг у друга'.

- (135) *Ваньм-ыз-лэн учк-ем-зы пот-э...*
 все-3PL-GEN смотреть-PART-3PL выходить-PRES.3SG
 'Все́м хочется посмотреть...' (Бадретдинов 2007: 39)
- (136) *Пинал-ъёс ваньм-ыны-ды, пе, мед тодматск-о-зы.*
 ребенок-PL все-INSTR-2PL де пусть знакомится-FUT-3PL
 'Пусть, говорит, дети со всеми вами познакомятся' (Удмурт дунне № 161, 28.10.2009).
- (137) *Кыкна-зы-лэн ик сям-зы ог. кадь...*
 два-3PL-GEN же характер-3PL один. как
 'У обоих одинаковый характер...' (Удмурт дунне № 55, 21. 04.2009).

Рассматриваемые имена могут употребляться и с послелогоми, ср.:

- (138) *ми ны́л кы́за вал...*
 мы четыре вместе вспом.гл.1PRET
 'Мы были вчетвером...' (1981: 102).
- (139) *Вань-мы йош у-м ул-э.*
 все-1PL вместе отр.FUT-1PL жить-NEG.PL
 'Мы не будем жить все вместе' (Мынам Удмуртие 02.10.2009).

У личных местоимений 1 и 2 л. ед. ч. Rх следует за падежным показателем (см. табл. № 11) Однако в некоторых падежах более поздних образований в производных основах мн. ч. Rх предшествует Sх. Формы 3 л. имеют парадигму имени и Rх не появляется.

- (140) *Мын-ы-м кый сюр но юртт-э.*
 я-DAT-1SG змея рог и помогать-PRES.3SG
 'Мне и змеиный рог помогает' (Бадретдинов 2007: 8).
- (141) *млэ-м-лы нош жал пот-э...*
 мы-1SG-DAT а жаль выходить-PRES.3SG
 'А нам жаль...' (1990: 76).

Последовательность Rх и Sх у рефлексивного местоимения *as* 'свой' является одной из наиболее нерегулярных как в литературном языке, так и в диалектах (см. табл. № 12). Такая особенность, видимо, связана с диахроническими процессами или несинхронным образованием сочетаний с Sх. Рассматриваемое местоимение может выполнять любую синтаксическую функцию, от которой зависит основа местоимения, ср.:

Таблица № 13.

Синтаксич. функция	Форма
Субъект	SG: <i>ač'-im</i> 'я сам', <i>ač'-id</i> 'ты сам', <i>ač'-iz</i> 'он сам' PL: <i>aš'-me-os</i> 'мы сами', <i>aš'-te-os</i> 'вы сами', <i>aš'-se-os</i> 'они сами'
Прямой объект	SG: <i>as-m-e</i> 'меня самого', <i>as-t-e</i> 'тебя самого', <i>as-s-e</i> 'его/ее самого/саму' PL: <i>aš'-me-dj</i> ~ <i>aš'-me-m-iz</i> ~ <i>as-me-s</i> 'нас самих', <i>aš'-te-dj</i> ~ <i>aš'-te-d-iz</i> ~ <i>as-te-s</i> 'вас самих', <i>aš'-se-dj</i> ~ <i>aš'-se-z-iz</i> ~ <i>as-se-s</i> 'их самих'
Косвенный объект	Ген. (SG/PL): <i>as-la-m</i> 'у меня самого' / <i>aš'-me-len</i> 'у нас самих' Абл. (SG/PL): <i>as-lest'-j-d</i> 'у/от тебя самого' / <i>aš'-te-leš'</i> 'у/от вас самих' Дат. (SG/PL): <i>as-lj-z</i> 'ему самому' / <i>aš'-se-lj</i> 'им самим' (прим. 6) Инстр. (SG/PL): <i>as-en-ijm</i> 'со мной с собой' / <i>aš'-me-m-ijn</i> ~ <i>aš'-me-os-ijn</i> ~ <i>as-enj-mj</i> 'с нами собой' Абес. (SG/PL): <i>ač'-id-tek</i> 'без тебя самого' / <i>aš'-te-os-tek</i> 'без вас самих' Адв. (SG/PL): <i>ač'-iz-ja</i> 'по нему самому' / <i>aš'-se-ja</i> ~ <i>aš'-se-os-ja</i> 'по ним самим'
Обстоятельство	SG: <i>as</i> + послелог-Сх-Рх; PL: <i>aš'-me</i> , <i>aš'-te</i> , <i>aš'-se</i> + послелог-Сх
Атрибут	SG: (<i>mĭnam/mon</i>) <i>as</i> 'у меня/я свой', (<i>tĭnad/ton</i>) <i>as</i> 'у тебя/ты свой', (<i>solen/so</i>) <i>as</i> 'у него/он свой' PL: <i>aš'-me</i> 'наш собственный', <i>aš'-te</i> 'ваш собственный', <i>aš'-se</i> 'их собственный'

Таблица демонстрирует, что основа *as* в большинстве случаев соответствует единственному числу и является производной в функции косвенного и прямого объекта, атрибута. В таком случае Рх замыкает цепочку показателей (исключение составляет аккузатив).

Основа *ač'*- ед. ч. Появляется у местоимения в функции субъекта и, видимо, совместно с Рх стала производной основой для форм абессива и адвербиала, поэтому Рх здесь предшествует Сх.

Производной основой мн. ч. стала форма *aš'-Рх*. Вероятно, для дифференциации субъектной и атрибутивной функции в первом случае используется PL -*os*. По такому же принципу образуются и некоторые падежные формы, напр., инструментал и абессив. В диалектах в качестве производной основы могут выступать другие формы мн. ч., напр., в северном *ač'-im-es* ~ *aš'-m-es* 'мы сами', *ač'-id-es* ~ *aš'-t-es* 'вы сами', *ač'-iz-es* ~ *aš'-s-es* 'они сами' и т. д. (Карпова 1997: 121).

- (142) *собере пойшура́с ас-лы-с тачч-ы корка*
 потом охотник сам-DAT-3SG сюда-ILLAT дом.ACC
пукт-эм.
 строить-2PRET.3SG
 ‘Затем охотник построил здесь себе дом’. (1990: 258)
- (143) *Оскы ас-ла-д кужым-ед-лы...*
 верить.IMPER.2SG сам-GEN-2SG сила-2SG-DAT
 ‘Верь в свои силы...’ (Бадретдинов 2007: 65).
- (144) *Кышкан ась-ме-лэн вир-а-мы пы́ча-мын ни.*
 боязнь сам-1PL-GEN кровь-ILLAT-1PL впитаться-PART уже
 ‘Боязнь уже впиталась в нашу кровь’ (Перевозищikov 1994: 73).
- (145) *марлы-йо ас-мэ-ос ой, тодматск-и-м?*
 почему-INTER сам-1PL-PL ой познакомиться-1PRET-1PL
 ‘Зачем же мы с тобой, ой, познакомились?’ (1990: 271).

3.1.2.6. Спецификация

На наш взгляд, ни одна из приведенных в п. 3.2.1. гипотез природы варьирования последовательности Sx и Px не объясняет в полной мере особенности этого феномена в современном удмуртском языке. Дж. Николс права в том, что большая часть падежей в пермских языках не имеет именного происхождения. Их формирование произошло либо путем контаминации нескольких падежных форм, либо путем их функционального расширения (см., напр., Серебренников 1963, Uotila 1933, Емельянов 1927; Bartens 2000 и др.). Мы разделяем мнение Р. Бартенс о том, что порядок Sx и Px в пермских языках зависит от их семантических и грамматических функций.

Ученые правы в том, что позиция Px соответствует его употреблению в послеложных конструкциях. Рассмотрим следующие послеложные сочетания, ср.:

- (146) (а) *m̄in-am eš-e vil-in liz derem ~*
 я-GEN друг-1SG верх-INES синий платье
 ‘на моей подруге синее платье’
- (б) **m̄in-am eš vil-a-m liz derem*
 я-GEN друг верх-INES-1SG синий платье
 букв. ‘у меня на моей подруге синее платье’
- (в) *m̄in-am žek vil-a-m kniga k̄iľl-e ~*
 я-GEN стол верх-ILLAT-1SG книга лежать-PRES.3SG
 ‘у меня на столе лежит книга’
- (г) *m̄in-am žek-e vil-in kniga k̄iľl-e*
 я-GEN стол-1SG верх-INES книга лежать-PRES.3SG
 ‘на моем столе лежит книга’
- (д) *m̄in-am eš-jos-i vil-in liz derem-jos*
 я-GEN друг-PL-1SG верх-INES синий платье-PL
 ‘на моих подругах синие платья’

- (е) **mĭn-am eš vil-jos-a-m liz derem-jos*
 я-GEN друг верх-PL-INES-1SG синий платье-PL
 букв. 'у меня на подругах синие платья'
- (ж) *mĭn-am žek-jos-i vil-in knĭga-os kĭll-o ~*
 я-GEN стол-PL-1SG верх-INES книга-PL лежать-PRES.PL
 'на моих столах лежат книги'
- (з) **mĭn-am žek vil-jos-a-m knĭga-os kĭll-o.*
 я-GEN стол верх-PL-INES-1SG 1SG книга-PL лежать-PRES.3PL
 'у меня на столах лежат книги'

Примеры свидетельствуют, что Rх имеет тенденцию присоединяться к знаменательному одушевленному имени (а) и (д). Однако такой принцип не является основополагающим, поскольку в (г) и (ж) такой порядок наблюдается в сочетании с неодушевленным знаменательным словом. Можно предположить, что позиция Rх здесь обусловлена коммуникативным статусом главного слова: Rх следует за знаменательным словом, если оно в фокусе высказывания (г), если главное слово не в фокусе, то Rх присоединяется к послелогу (в). Таким образом, можно утверждать, что предложения (в) и (г) отличаются тем, что в (в) знаменательное слово является топиком (темой) высказывания (ср.: что лежит на моем столе?), а во (г) — фокусом (ремой) (ср.: где лежит книга?). Однако в примерах (а), (д) и (ж) вариативность невозможна вне зависимости от коммуникативного статуса знаменательного слова.

На наш взгляд, разноместность Rх в приведенных примерах можно объяснить на основе предложенного Б. Хайне (Heine 1997) метода спецификации (см. п. 1.4.1. и п. 1.4.2.): (1) посессивную спецификацию, как правило, получает сфокусированное неодушевленное обладаемое, и Rх присоединяется к знаменательному слову, ср. (г): *mĭn-am žek-e vil-in* 'на моем столе-Rх'. (2) Спецификацию получает посессор, если обладаемое находится не в фокусе, и Rх следует послелогу, ср. (в): *mĭn-am žek vil-a-m* 'у меня на столе'. (3) Если посессор получает спецификацию, он имеет внешний статус, ср.: (в) *у меня на столе*. (4) Одушевленное обладаемое, если оно является главным словом послеложного сочетания, всегда получает посессивную спецификацию, независимо от того, находится ли оно в фокусе или нет, ср. (а): *mĭn-am eš-e vil-in* 'на моей подруге', а его посессор никогда не может специфицироваться, ср. (б), (е): **mĭn-am eš vil-a-m* 'букв. у меня на моей подруге'. (5) Спецификация обладаемого возможна и с помощью показателя множественного числа, ср.: (д) *mĭn-am eš-jos-i vil-in* 'на моих подругах' и (ж) *mĭn-am žek-jos-i vil-in* 'на моих столах', а спецификации обладателя — нет: (з) **mĭn-am žek vil-jos-a-m* 'у меня на столах'.

На наш взгляд, настоящий алгоритм лежит и в основе комбинации Rх с Сх:

(1) Rх предшествует Сх, если спецификацию имеет обладаемое. Такая спецификация, как правило, свойственна неодушевленным именам, выражающим субъектно-объектные отношения (такие отношения чаще

всего находятся в фокусе высказывания). Спецификация обладаемого происходит в условиях его явной грамматической связи с другими элементами предложения или дискурса. В этом случае Rх является маркером семантической категории посессивности и не может следовать за Сх. Кроме того, здесь Rх выступает в форме с инициальным гласным, при этом сохраняется семантическая и морфологическая дифференциация отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности, единичного и множественного объекта обладания единичного посессора. Одушевленные имена всегда имеют спецификацию, поскольку могут выражать только субъектно-объектные отношения. В некоторых диалектах они изменяются по пространственным падежам, но при этом Сх всегда занимает позицию, соответствующую спецификации обладаемого — RхСх.

Имена могут приобретать спецификацию также по признаку множества, т. е. присоединять PL.

Неодушевленные имена в форме адвербиала имеют двойственный характер, в частности обозначают спецификацию референта в отглагольных образованиях в функции обстоятельств, ср.: *m̃non-ja-m* 'пока я шел', *veran-ja-z* 'пока он говорил', и указывают на спецификацию обладаемого в функции дополнений: *bigatem-e-ja no valam-e-ja užaško* 'работаю по своему умению и понимаю'.

Особый порядок в форме инструментала — СхRх — возможно, связан с тем, что, во-первых, с именами неотчуждаемых объектов Rх выполняет функцию грамматического согласования, ср.: *Pet̃r Maša-jez ki-ijñ-z šukk-i-z* 'Петя ударил Машу рукой'; во-вторых, он зачастую выступает в качестве обстоятельства причины (см. ниже), образа действия, ср.: (98) *ляб кыл-эм-ены-з* 'из-за слабого слуха'; в-третьих, с его локативным происхождением.

Аккузатив, на наш взгляд, представляет такой случай, когда спецификацию имеет как обладаемое (прямой объект, как правило, выражает явное грамматическое отношение, часто находится в фокусе), так и обладатель, ср.: *Pet̃r sin-z-e ušt̃z* 'Петя открыл глаза'. Здесь на спецификацию обладаемого указывает порядок RхСх, а на статус аргумента обладаемого — форма одиночного согласного Rх.

(2) Rх следует за Сх, если **спецификацию получает посессор** или референт. Такая спецификация возможна, если посессор является аргументом предложения (субъектом, примым дополнением, локализатором), а обладаемое или реферируемый элемент находятся не в фокусе высказывания. Чаще всего это происходит в функции обстоятельства, маркированного показателем локативных падежей (иногда адвербиалом, инструменталом). В данном случае Rх может:

(а) служить для грамматического согласования обстоятельства с субъектом, прямым объектом или локализатором. Соответственно Rх присоединяется к концу комбинации, и имеет форму одиночного согласного (см. п. 3.1.1.4.),

(б) выражать семантическое отношение посессивности.

Как уже указывалось, функция грамматического согласования является основной в случае, если посессор и обладаемое выражают отношение целое-часть, ср.: *mon ki-ja-m kníga voz'-ísko* 'я в руке держу книгу'. Если обладаемое является отчуждаемым предметом, то основной является посессивная функция, ср.: *mon korka-m pukísko* 'я сижу в своем доме' (см. п.3.1.1.4.).

На наш взгляд, на самом начальном этапе Рх имели только грамматическую функцию согласования и присоединялись к обстоятельствам, некоторым местоимениям и числительным. Соответственно, употреблялись они в локативных падежах, после падежного показателя и имели форму одиночного согласного. Впоследствии они стали выполнять также функцию выражения посессивности, присоединяться к концу слов, выступающих в роли субъекта и косвенного объекта, падежные показатели оказались в постпозиции. При этом конечный гласный основы слова, видимо, грамматикализовался в состав Рх. Посессивное значение Рх получили в сочетании с отчуждаемыми понятиями, в том числе обозначающими пространство. Однако в локативных падежах порядок СхРх сохранился, поскольку он был уже сформированным (см. также п. 3.1.4.).

Вариативность расположения Рх и Сх ученые отмечали у терминатива и пролатива, которые в современном языке имеют ограниченное употребление, напр., появляются только в определенных выражениях, в формах наречий, с послелогоми. Функции этих падежей в современном удмуртском часто выполняются послеложными конструкциями. Главное слово при этом может быть и одушевленным, и неодушевленным, ср.: *muket-jos-iz dor-ož* 'до других' ~ *korka dor-oža-zj* 'до их дома'. Если судить по примерам А. И. Емельянова (1927: 135) и И. В. Яковлева (1930: 23), еще недавно Сх терминатива и пролатива присоединялись и к одушевленным именам, ср.: *ana-э-озь* 'до сестры моей', *čужмурт-тй-м* 'у дяди моего'.

На наш взгляд, употребление показателей терминатива и пролатива с неодушевленными и одушевленными именами способствовало варьированию СхРх ~ РхСх. Однако в последнее время и одушевленные, и неодушевленные имена, по крайней мере, в литературном языке, имеют тенденцию употребляться с послелогоми, поэтому в современном языке такое варьирование практически не встречается.

Местоимения и числительные, называющие не собственно лицо, напр., *все, который, один* и т. д., в первую очередь требуют идентификации лица/лиц, и только затем устанавливают грамматические отношения. Личные и рефлексивные местоимения по своей сути не требуют идентификации, соответственно их основной функцией является обозначение грамматического статуса референта (см. п. 3.2.3.). Образование форм косвенных падежей у рефлексивных местоимений, видимо, происходило несинхронно, о чем свидетельствует разное расположение Рх и Сх.

3.1.3. Прагматика R_x

Настоящий раздел будет посвящен анализу дистрибуции и функционирования R_x. Классификация функций R_x в современных финно-угорских языках подробно разработана (см. Бубрих 1953: 153–5; Schlachter 1960; Суханова 1963; Kokla 1963: 187–8; Феоктистов 1963: 116–165; Майтинская 1974: 268–271; Цыганкин, Киушкина 1985; Ким 1986а: 86–121; Скрибник 1986; Кожевин 2000; Nikolaeva 2003; Кузнецова 2003; Leinonen 2006 и др.). Общей чертой разных классификаций является выделение собственно притяжательного и непритяжательного значений R_x. Некоторые авторы отдельно выделяют функцию идентификации и рассматривают ее как секундарное значение посессивной функции (Kokla 1963: 189–214; Ким 1986а: 86). Среди непосессивных значений чаще всего указываются функции вокативности, указательности и определенности и др.

Применительно к удмуртскому языку проблема подробно не рассматривалась. Фрагментарное описание функционирования R_x представлено в диссертации А. А. Поздеевой, которая на примере суффиксов *-эз* и *-ыс* в пермских языках выделяет функции принадлежности 3 лицу, определенности или выделительности (1949: 1). П. Н. Перевощиков подробно описывает посессивные значения R_x и указывает «особые случаи употребления», а именно выражение ласкательного значения (1SG), интимного отношения к объекту речи (2SG) и определенность (2SG, 3SG) (ГСУЯ 1962: 84–5). Употребление 2SG и 3SG в качестве определенного артикля отмечают А. И. Емельянов (1927: 130), Б. А. Серебрянников (1963: 129–138), М. А. Каракуловой и Б. И. Каракулова (2001: 110–1). 1SG, по мнению некоторых исследователей, выполняет также вокативную функцию (Каракулов 2000; Каракулова, Каракулов 2001: 111). Последние считают, что область непосессивного употребления R_x в современном языке расширяется.

Мы предлагаем несколько иную классификацию на основе дистрибуции R_x как (1) спецификаторов обладаемого и (2) спецификаторов обладателя или референта.

Спецификация обладаемого происходит на основе его прецедентного (1.а) посессивного отношения с другим элементом, представленного или не представленного в дискурсе. Спецификация также происходит на основе (1.б.) ассоциативной связи компонентов дискурса. При этом она осуществляется только в случае, если обладаемое выражено именем, обладающим свойствами существительного. (1.в.) Если R_x в функции посессивного спецификатора употребляются с другими частями речи, происходит их субстантивация.

R_x указывают на спецификацию референта, в первую очередь, в сочетании с несубстантивными элементами или с такими компонентами, которые нуждаются в грамматической установке связи с субъектом (герундии, некоторые местоимения, числительные, наречия). Возможна также спецификация референта у имен, выраженных существительным с семантикой

неотчуждаемости в синтаксической функции обстоятельства (см. п. 3.1.1.4.). При спецификации референта R_x обозначает грамматическое согласование реферируемого элемента и референта, который является аргументом предложения.

3.1.3.1 Спецификация обладаемого

R_x специфицируют именные компоненты предложения, обозначающие предметы, явления, понятия и т. д. Как отмечалось во второй главе, в соответствии с мировоззрением удмуртов предметы не могут существовать самостоятельно, а существуют лишь относительно своего пользователя, манипулятора, контролера или относительно целой части. Такое понимание отражается и на уровне грамматики: имена в удмуртском предложении, как правило, требуют посессивной спецификации или грамматического выражения отношения к референту, которое зависит от степени посессивности предмета, называемого именем.

Спецификация наиболее актуальна, когда участники речевого события и их референтные отношения к моменту высказывания уже известны (напр., на основе посессивной и ассоциативной связи). Напр., конструкции типа X купил Y (посессивная связь): *ton kníga bašt-i-d* (ты книга-ACC купить-IPRET-2SG) 'ты купил книгу', X любит Y (ассоциативная связь): *ton Maša-jez jarat-iško-d* (ты Маша-ACC любить-PRES-2SG) 'ты любишь Машу' вводят нас в курс ситуации. В дальнейшем связь будет иметь грамматическое выражение, ср.: *ma sariš kníga-jed?* (что о книга-2SG) 'о чем твоя книга?', *kijtjn Maša-jed?* (где Маша-2SG) 'где твоя Маша?'

В некоторых ситуациях возможна спецификация неопределенного, нового участника ситуации, напр., в конструкции обладания или установки посессивного отношения, ср.: *tjn-ad kníga-jed van* (ты-GEN книга-3SG быть.EX) 'у тебя есть книга'. В такой связи, в первую очередь, нуждаются имена, называющие предметы со средней и низкой степенью посессивности, обладатель которых непостоянен. Имена объектов неотчуждаемой семантики и высокой степени посессивности не нуждаются в установке связи с обладателем, поскольку он является постоянным.

3.1.3.1.1. Посессивная функция

R_x выражает отношение посессивности, в основном, в сочетании с **существительными**, обозначающими объекты средней и низкой степени посессивности с семантикой отчуждаемости. В этом случае R_x выражает ситуативную принадлежность, которая, как правило, уже установлена к моменту речи конструкциями типа X купил/получил/украл/взял/ Y и т. д. или устанавливается конструкциями *у X есть Y* или генитивными конструкциями. Об отношениях обладания может быть известно и из более широкого контекста. Если обладателем является действительное лицо, в особенности 1SG, такая установка необязательна.

Имена, обозначающие предметы высокой степени посессивности (напр., термины родства, социальные отношения), также могут не иметь такой установки, достаточно непосредственного или дейктического выражения опорного референта (*anchor*), ср.: *anaj-ez no ataj-ez pi-zj-lj nań s'ot-o* (мать-3PX и отец-3PX сын-3PL-DAT хлеб-ACC дать-PRES.3PL) 'мать и отец подают сыну хлеб'.

Имена объектов неотчуждаемой семантики могут получать посессивную спецификацию, если выступают в синтаксической функции субъекта или прямого объекта, напр., *pijaš-len jjr-iz viš-e* (мальчик-GEN голова-3SG болеть-PRES.3SG) 'у мальчика болит голова'.

Грамматической особенностью такой спецификации является возможность представления посессора в качестве генитивного модификатора в функции внутреннего атрибута (обычно). В эгоцентрическом дискурсе грамматическое маркирование может отсутствовать.

Местоимения, которым присущи свойства существительного, могут вступать в посессивные отношения. При этом местоимения, выражающие одушевленное лицо, присоединяют Rх на *-e*, выражающие неодушевленный — на *-i*, а местоимения, указывающие на часть тела или предмета — маркер *-j*, ср.: неодуш. *ma?*, *mar?* 'что?', одуш. *kin?* 'кто?', часть тела или предмета *kjti?* 'где? какая часть?', *tati* 'здесь, в этой части', *oti* 'там, в той части' → *ma-id?* 'что-твое?', *kin-ez?* 'кто-его?', *kjti-ij?* 'где у тебя?', *tati-j* 'здесь у меня', *oti-iz* 'там у него'. Точно также ведут себя производные местоимения, ср.: *nota-i* (*ńema-i*) (*no*) 'ничто-мое', *nokin-ez no* 'никто-его', *olokjti-iz* 'где-то у него', *ma-i ke* 'что-нибудь-мое', *kin-ed ke* 'кто-нибудь-твой', *kjti-iz ke* 'где-нибудь у него'; *końma-i* 'все-мое', *końkin-ed* 'все-твой', *końkjti-iz* 'езде у него' и т. д.

Изредка в притяжательном значении могут употребляться и указательные местоимения *so* 'то' и *ta* 'то', указывающие как на одушевленный, так и на неодушевленный, предмет. В ед. ч. они присоединяют Rх на *-i*.

Местоимения, как правило, могут принимать формы субъектно-объектных падежей и показатель мн. ч.

(147) *сюлм-а-д ма-ид вань, вера.*
 сердце-INES-2SG что-2SG быть.EX сказать.IMPER.2SG
 'Что есть у тебя на сердце, скажи' (Красильников 1991: 176).

(148) *Со-лэн нокин-эз өвёл.*
 он-GEN никто-3SG отр.EX
 'У него никого нет' (Удмурт дунне № 6–7, 18.01.2008).

(149) *«со-мы-лэн шыкыс-эз но тырттэм на-ай» шу-о.*
 он-1PL-GEN сундук-3SG и пустой еще-же сказать-PRES.3PL
 '«У нее [дочери] и сундук еще пустой» говорят' (1981: 104).

(150) *Кытй-ыд вис-е, кемалась-а уни?*
 где-2SG болеть-PRES.3SG давно-INTER уже
 'Где болит, давно ли?..' (Красильников 1991: 8).

Отношение посессивности может выражаться и конструкциями с местоимениями, обозначающими пространственные отношения, но окказионально употребляющиеся в функции имени, напр., *kitin?* ‘где?’, *kitis* ‘откуда?’, *oijn* ‘там’, *taijs* ‘отсюда’ и т. д. В случае сочетания с Сх, Рх к этим местоимениям присоединяется, как к существительным.

- (151) *Полинька со-лэсь кытын-з-э- мар-з-э тоды-тэк*
 ЛИ он-ABL где-3SG-ACC что-3SG-ACC знать-GER
ул-й-э.
 жить-1PRET-1SG
 ‘Полинька не знала, где он и что с ним’. (Красильников 1991: 41).

Таким же образом в функции существительного употребляются имена **числительные**, указывающие на конкретные понятия, ср.:

- (152) *четверть понна одйг ке но «ньыл-е» пот-э*
 четверть за один хоть четыре-1SG выходить-PRES.3SG
вал.
 вспом.гл.1PRET
 ‘За четверть хоть одна «четверка» выходила’ (Удмурт дунне № 138–139, 12. 09.2008).
- (153) *Вить ар дышескы-тозя-м, «вить-ёс-ы» пёл-ы одйг пол гинэ*
 пять лет учиться-GER-1SG пять-PL-1SG среди-ILLAT один раз только
 «куинь» басьт-й.
 три получить-1PRET.1SG
 ‘За пять лет обучения только один раз получил «тройку» к моим «пятеркам»’
 (Удмурт дунне № 49–50, 06. 04.2007).
- (154) *Берпуметй куинь сюрс-с-э но, вань ке — сю сюрс-с-э*
 последний три тысяча-3SG-ACC и быть.EX если сто тысяча-3SG-ACC
но потт-о-э.
 и вынести-FUT-3SG
 ‘Последние свои три тысячи, а если есть, и сто тысяч отдаст’ (Удмурт дунне № 33–34, 13. 03.2009).

Примеры (152) и (153) обозначают конкретное понятие «оценка», которое может являться предметом обладания, поскольку преподаватель в праве «давать» оценку. В примере (153) грамматическое оформление слов, называющих оценки, говорит о том, что к моменту высказывания «пятерки» уже находятся в посессии говорящего, а посессивная связь с «тройкой» устанавливается актом высказывания. В (154) имя числительное выражает понятие «деньги», предполагающее принадлежность по закону.

Употребление Рх с **послелогам** характеризуется следующими особенностями: (а) суффикс может присоединяться к знаменательному слову, ср.: *žek-ed ul-in* ‘под твоим столом’, (б) суффикс может присоединяться к послелогу *žek ul-a-d* ‘под твоим столом’, либо (в) может употребляться без знаменательного слова только с послелогом, ср.: *ula-d* ‘под тобой’. Сочетание Рх с послелогам известно многим уральским и другим языкам. В самодийских языках — ненецком, энецком, нгансанском — связь Рх с послелогам осуществляется по типу (б) (Терещенко

1966: 390), а в селькупском возможны все три комбинации (Ким 1986а: 111–2). В мордовских языках также возможны все три типа, ср.: мокш. *сельме инголе-н* и *сельме-н икелев*, эрзян. *сельме икеле-нь* ‘перед моими глазами’, мокш. *вакса-н* ‘мимо меня’ и эрзян. *ало-н* ‘подо мной’ (Феоктистов 1963: 150–155). Ср. в мар.: *книга-м гыч* ~ *книга гыче-м* ‘из моей книги’, а также *умбалне-м* ‘на мне’ (Суханова 1963: 82; Кокла 1963: 163–183). В коми языке, как правило, Рх присоединяется к знаменательному слову, если оно называет одушевленный предмет, ср.: *Видзöдö пи-ыс вылö* ‘Смотрит на своего сына’, и к послелогу, если — неодушевленный —, ср. *Пиöй дум выла-м усис* ‘Сын (мой) вспомнился’, букв. ‘мой сын упал на мою думу’. Возможен также тип (в): *выла-с* ‘на нем’, *орда-с* ‘при нем’ (Суханова 1963: 81). В финском языке Рх (если он есть) присоединяется к главному слову: *talo-ni edessä* ‘перед моим домом’, ср. также *edessä-ni* ‘передо мной’, *kanssa-si* ‘с тобой’; венг. *a háza-m elött* ‘перед моим домом’, *a barátó-m elött* ‘перед моим другом’, *elötte-m* ‘передо мной’.

Как отмечалось в п. 3.1.2.6., в удмуртском языке Рх присоединяется к знаменательному слову в случае спецификации главного компонента послеложной конструкции. В таком сочетании Рх определенно выполняет семантическую функцию принадлежности, а в сочетании с послелогом — функцию грамматического согласования. Такого же мнения придерживается и А. П. Феоктистов (1963: 155).

Посессивная функция реализуется, в первую очередь, с послелогам, (а) не выражающими пространственных отношений и сочетающимися с одушевленным знаменательным словом, ср.: *už-e ronna* ~ **už ronna-m* ‘за мою работу’, *už-e sariš* ~ *už sarištj-m* ‘о моей работе’, (б) с некоторыми послелогам, требующих формы инструментала, напр., *už-enj-m jirin* ~ **už-en jirinj-m* ‘из-за моей работы’, *seren* ‘из-за, по причине’, *čoš* ‘вместе’; (в) с некоторыми пространственными послелогам, ср.: *vamen* ‘через’, *šorj* ‘(смотреть) на’, *kuža* ‘вдоль’ и т. д.

(155) *Со сяна, мон со-е визьм-ыз понна гажа-сько.*
 это кроме я он-ACC ум-3SG за уважать-PRES.1SG
 ‘Кроме того, я его уважаю за ум’ (Красильников 1991: 44).

(156) *Со али ас-ла-з висён-эн-ыз йырин дуринчи*
 он сейчас свой-GEN-3SG болезнь-INSTR-3SG из-за оса
 кадь леком-емын.
 как сердиться-PART
 ‘Он сейчас из-за своей болезни, как оса, сердитый’ (Красильников 1991: 56).

(157) *Соос ми-лям уж-мы сярись номыр ö-з тодыл-э.*
 они мы-GEN работа-1PL о ничего отр.1PRET-3PL знать-NEG.PL
 ‘Они ничего не знали о нашей работе’ (Бадретдинов 2007: 46).

(158) *Колхоз-зы пум-ысь чошен район-э кошк-и-зы.*
 колхоз-3PL конец-ELAT вместе район-ILLAT уходить-1PRET-3PL
 ‘Они вместе ушли в райцентр по вопросу своего колхоза’ (Медведев 2006: 32).

- (159) *Пи-ез шор-ы абдра-са учк-и-з.*
сын-3SG на-ILLAT удивляться-GER смотреть-1PRET-3SG
‘С удивлением посмотрела на сына’ (Кизили 03.2008).

В конструкциях с послелогом с семантикой части, напр., *vil-ijn* ‘на’, *ul-ijn* ‘под’, *šor-ijn* ‘в середине, центре’, *dor-ijn* ‘около’ специфицируется, как правило, референт, а Rх следует за послелогом (см. 3.1.3.3.).

Rх в сочетании с **(e)t-овым причастием** выражает как функцию посессивности, так и функцию грамматического согласования. Согласно В. К. Кельмакову и С. Хянникяйнен такое причастие выполняет множество синтаксических функций: (а) образует форму 3 л. ед. ч. второго претерита, ср.: *so vetl-em-ez* ‘он ходил, оказывается’; (б) является атрибутом, ср.: *kema vožma-m kuno* ‘долгожданный гость’; (в) является частью предиката в темпоральных конструкциях, ср.: *so, užis bert-em bera-z,...* ‘после того, как он пришел с работы,...’; (г) на основе *-(e)t*-причастия существует омонимичное образование, которое ученые обозначают как *имя действия* (фин. *teonnimi* или лат. *nomen acti*). В предложении такая форма выступает в функции субъекта или объекта: *tjnad uža-m-ed solj jaraz* ‘ему понравилось, как ты работал (твоя работа)’, *solen ši-jem-ez pote* ‘он хочет есть’, (Kel’makov, Hännikäinen 1999: 206–208, 211–213, см. также Калинина 1969). Далее именем действия мы будем называть такие **(e)t**-овые формы, которые имеют свойства существительного.

Имя действия встречается в большей части финно-угорских языков, ср.: мар. *мыйым малы-м-ем шуэш* ‘мне хочется спать’ (Kokla 1963: 232); мокш. *Машась кулхондозе тидяңц и тиезе сонь мярькфонц* ‘Маша послушала матери и исполнила то, то она сказала’ (Феоктистов 1963: 143), коми *Чукöстis коймöд вöвсö, аслыс сет-öм-с-ö* ‘Позвал третью лошадь, которая дана ему’ (Суханова 1963: 85), фин. *juo-ma-ssa-ni* ‘когда я пил’, селькуп. (тазовский диалект) *pe-ku-ny kunty* ‘во время моих поисков’ (Ким 1986а: 107) и т. д.

На наш взгляд, при сочетании со вторым претеритом, с конструкцией **-(e)t+послелог+Rх** и именем действия в функции обстоятельства причины и образа действия Rх выполняет функцию грамматического согласования (см. 3.1.3.3.). В остальных случаях — отношение принадлежности (действия субъекту).

Однако П. Кокла в сочетаниях *имя действия+Rх* в марийском языке видит функцию грамматической идентификации Rх, поскольку суффикс указывает на фактический субъект действия, названного именем, которое можно перефразировать релятивным предложением, ср. мар.: *miñ toltemlan oда išane* ‘вы не верите в мой приход’ и ‘вы не верите, что я приду’ (Kokla 1963: 219–220). А. А. Ким, рассматривая употребление Rх с именами действия в селькупском языке, пришла к такому же заключению (1986а: 106–8).

На наш взгляд, в современном языке **(e)t**-овое имя действия по своим функциям и свойствам соответствует имени существительному, когда

заменяет сказуемое релятивной клаузы, в том числе основной глагол в модальных выражениях и конструкциях перфекта, и R_x в сочетании с ним выражает отношение посессивности. Представители генеративной грамматики утверждают, что именная посессивность зачастую представляет трансформационное отношение субъект-предикат, ср.: *Bill's death: Bill died* 'смерть Билла: Билл умер' (Lyons 1968: 296-7). R_x однозначно выполняет посессивную функцию, если имя действия имеет субъектно-объектное отношение в предложении (161), (162), (163), (164) или выступает в качестве обстоятельства (160).

- (160) *Нош Соснов со-лэн вера-м-ысьты-з номыр-з-э*
 а ЛИ он-GEN сказать-PART-ELAT-3SG ничего-3SG-ACC
вала-мтэ, шёдске.
 понимать-PART.NEG видимо
 'А Соснов, кажется, ничего не понял из того, что он [Световидов] сказал' (Красильников 1991: 17).
- (161) *Фаина со-лэсь умм-е ус-ем-з-э*
 ЛИ он -ABL сон-ILLAT падать-PART-3SG-ACC
ё-з ни шёд-ы.
 отр.1PRET-3SG уже чувствовать-NEG.SG
 'Фаина уже не почувствовала, как она [Тамара] заснула' (Красильников 1991: 7).
- (162) *кышка-м-эны-с кыз йыл-э*
 испугаться-PART-INSTR-3SG ель конец-ILLAT
туб-эм-з-э но вала-мтэ ни.
 подниматься-PART-3SG-ACC и понимать-PART.NEG уже
 'С испугу и не заметил, как взобрался на ель' (1990: 141).
- (163) *Со-лэн шумпот-эм-ез-лы шумпот-э.*
 Он-GEN радоваться-PART-3SG-DAT радоваться-PRES.3SG
 'Радуется [Нина] тому, что он [Иван] радуется' (Перевошиков 1994: 19).
- (164) *Юля-ед тод-й-з ке ана-ез- ата-ез дор-тй*
 ЛИ-2SG знать-1PRET-3SG если мать-3SG отец-3SG к-PROL
юон утча-са ветл-эм-д-э?
 выпивка.ACC искать-GER ходить-PART-2SG-ACC
 'А если твоя Юля узнает, что ты ходиш к ее родителям просить выпить?' (Бадретдинов 2007: 211).

Имена действия соответствуют существительным и в особенности сочетания с послелогоми. В этом случае R_x выполняет точно такие же функции, как и с именами существительными. Такие комбинации зачастую формируют разного рода темпоральные и обстоятельственно-причинные конструкции. При этом в темпоральных конструкциях R_x чаще следует послелогу и выражает функцию грамматического согласования, а в причинных — имени действия и имеет посессивную функцию, ср.:

- (165) *Исаськ-ем-зы понна.*
 дразнить-PART-3SG за
 'За то, что дразнили' (Бадретдинов 2007: 8).

- (166) *Янгыш-о материал-эз тыро-пыдо эскеры-тэк*
 ошибка-DER материал-ACC хорошо проверять-GER
печатла-м-ез понна.
 напечатать-PART-3SG за
 ‘За то, что напечатал недобросовестно проверенную статью’ (Перовщиков 1994: 128).
- (167) *Татчы ветл-эм-ды сярысь нокин у-з*
 сюда ходить-PART-2PL о никто отр.FUT-3SG
тод-ы.
 знать-NEG.SG
 ‘О том, что вы приходили сюда, никто не узнает’ (Красильников 1991: 140).
- (168) *налог тыры-мтэ-йэ понна корка-м-э*
 налог платить-PART.NEG-1SG за дом-1SG-ACC
вуза-ло был-эм оз.
 продавать-PRES.3PL вспом.гл.-2PRET так
 ‘За то, что не заплатил налоги, мой дом, оказывается, продают’ (1981: 47).

В (168) используется отрицательный вариант причастия *-mte*.

Однако в сочетаниях с послелогоми, выражающими пространственно-временные отношения, *Px* присоединяется к послелогу и обозначает грамматическое согласование, ср.:

- (169) *пэрэс-эм бэр-а-мы тазы мөзми-са но*
 стареть-PART после-ILLAT-1PL так скучать-GER и
ой у-л-сал-мы.
 отр. жить-COND-1PL
 ‘На старости лет вот так бы и не скучали’ (1981: 250).

Субъект релятивного темпорального предложения может выражаться именем в форме номинатива, при этом *Px* не появляется (170). Настоящий факт свидетельствует о функциональном характере *Px* (см. п. 3.1.3.2.).

- (170) *сэрэ, тóди-ос кошк-эм бэрэ, быдэс чэкаш но, ачмэ гурт*
 затем белый-PL уходить-PART после весь ЛИ и свой деревня
но со-йэ ват-и-з.
 и он-ACC хоронить-1PART-3SG
 ‘Затем, когда «белые» ушли, вся [деревня] Чекаш и наша деревня похоронили его’ (1990: 170).

Имена действия в качестве субъекта употребляются в модальных конструкциях: при выражении желания и способности действовать, и *Px* выполняют possessивную функцию. В таких сочетаниях субъект действия выражается формой генитива, а желаемое действие — (*e*)*m*-овым именем действия и *Px*, указывающим на лицо субъекта. Предикаты *rote* от *rotijnj* (здесь) ‘хотеть’ (букв. ‘выходить’) и *lue* от *luinj* (здесь) ‘мочь, быть способным’ имеют форму 3 л., ед. ч., ср.:

- (171) *Мын-ам тий-ляд отряд-а-ды ыр-ем-е*
 я-GEN вы-GEN отряд-ILLAT-2PL заходить-PART-1SG
пот-э...
 выходить-PRES.1SG
 ‘Я хочу стать членом вашего отряда...’ (Бадретдинов 2007: 79).
- (172) *Соин туннэ мын-ам вераськ-ем-е пот-э*
 поэтому сегодня я-GEN говорить-PART-1SG выходить-PRES.3SG
литература форма-ос сярись.
 литература форма-PL о
 ‘Поэтому сегодня я хочу поговорить о литературных формах’ (Инвожо 11.–12.2006: 28).
- (173) *Мын-ам со сярись вераськ-ем-е ик у-э*
 Я-GEN это о говорить-PART-1SG даже отр.PRES-3SG
пот-ы.
 выходить-NEG.SG
 ‘Я даже не хочу об этом говорить’ (Моя Удмуртия 02.01.2010).
- (174) *Мын-ам лу-э мын-эм-е...*
 я-GEN мочь-PRES.1SG идти-PART-1SG
 ‘Я могу идти...’ (Инвожо 02.–03.2006: 32).
- (175) *Таки тод-а-э ва-ем-ез у-э*
 никак память-ILLAT-3SG принести-PART-3SG отр.PRES-3SG
лу-ы.
 мочь-NEG.SG
 ‘Никак не может вспомнить’ (Красильников 1991: 18).

Рассматриваемое имя имеет качества существительного и в конструкциях, выражающих перфект: субъект действия выступает в форме генитива, совершенное действие выражается *(e)t*-овым именем и P_x, а предикат — глаголом *van* ‘есть, имеется в наличии’ или отрицательным глаголом — *evl* ‘нет, не имеется в наличии’ (см. также п. 4.4.1.), ср.:

- (176) *Тий-ляд одйг книга-е сярись коть*
 вы-GEN один книга-1SG о хоть
кыл-эм-ды вань-а?
 слышать-PART-2SG быть.EX-INTER
 ‘Вы слышали хотя бы об одной моей книге?’ (Удмурт дунне № 118–119, 08.08.2008).
- (177) *ас-лам ёвёл вэгл-эм-э дак, йёскаб у-к*
 сам-GEN отр.EX ходить-PART-1SG дак хорошо отр.-1SG
то`д-иск-ы.
 знать-PRES-NEG.SG
 ‘Сама не ходила, как следует, не знаю’ (1981: 98).

В эгоцентрическом дискурсе P_x, выражающий отношение посессивности, может опускаться. В случаях, когда суффикс имеет функциюграмматического согласования, такое невозможно, ср.:

- (178) *туж дышэтак-эм пот-э вал.*
 очень учиться-PART выходить-PRES.3SG вспом.глагол.1PRET
 ‘Очень мне хотелось учиться’ (1990: 46).

тельное значение Рх, ср. коми: *kerka-ys* 'дом его' — *kerka-ys* 'дом определенный, уже упомянутый' (Серебрянников 1963: 129).

Опираясь на современные подходы исследования категорий дефинитности и демонстративности, а также учитывая особенности связи дискурсивных элементов, некоторые ученые предлагают нетрадиционную классификацию непосессивных функций Рх, напр., К. Фраурюд исследует функции Рх в удмуртском, коми, турецком и майя языках (Fraugrud 2001), М. Лейнонен в коми языке (Leinonen 2006), а И. Николаева — в уральских языках (Nikolaeva 2003).

Опираясь на опыт предшественников, приведем следующую классификацию функций Рх:

(1) Рх 1 и 2 л. (функция указания на ассоциативную связь с дейктическим референтом):

(1. а.) ассоциативная связь, устанавливаемая в речи;

(1. б.) экстралингвистическая ассоциативная связь;

(2) Рх 3 л.

(2. а.) ассоциативная анафора, устанавливаемая в речи;

(2. б.) экстралингвистическая ассоциативная связь;

(2. в.) выделительно-указательная функция.

На наш взгляд, исследователи (Fraugrud 2001; Nikolaeva 2003; Leinonen 2006) правы в том, что непосессивные функции Рх 2 и 3 л. не могут сводиться к роли определенных артиклей. Напр., в типичной определенной ситуации в конструкциях принадлежности Рх не может употребляться, ср. прим. (40): *вий-эм зэзэк-Ø со-лэн выл-эм* 'убитый гусь его оказался'. С другой стороны, Рх выступают в обязательном порядке в типичных неопределенных ситуациях, напр., в конструкциях обладания, ср. прим. (35): *Тын-ад пасека-ед но вань, шу-о* 'говорят, у тебя и пасека имеется'.

(1) Как уже было сказано (см. 2.3.7.), установка ассоциации зачастую основывается на контакте или связи элементов (физическое воздействие, слуховой, визуальный, вербальный контакт, пространственное включение, физическое сопровождение). Ассоциативные связи характерны, прежде всего, именам, обозначающим объекты низкой степени посессивности с неингерентным референтом. С другой стороны, типичным ассоциативным референтом является дейктическое лицо (1 и 2 лицо) благодаря своему активному характеру.

(1. а.) Говорящий ассоциирует с собой или адресатом те предметы, к которым прикасался, среди которых жил и т. д. Такая связь очевидна из контекста речевой ситуации и является актуальной во время высказывания, ср.:

(182) *Нош магазин-а-ды ма-из вань?*
а магазин-ILLAT-2PL что-3SG быть.EX
'А что есть в вашем магазине?' (Первошиков 1994: 25)

(183) *Кытын та́че Никитич-ед?*
где такой ЛИ-2SG
'Где это твой Никитич?' (Первошиков 1994: 81).

- (184) *ми вырзэлы-тэк пук-ко-м, и вэб мил-ам пужым-мы*
 мы шевелиться-GER сидеть-PRES-1PL и ведь мы-GEN сосна-1PL
ул-ти ик кошк-и-зы.
 под-PROL прямо уйти-1PRET-3SG
 ‘Мы сидим, не шелохнувшись [на сосне], и ведь прямо под нашей сосной
 прошли’ (1990: 45).

Пример (182) 2PL указывает на группу адресата, которая не является фактическим владельцем магазина, а ассоциируется с ним по локализации: магазин в деревне, в которой живет группа адресата. В ситуации (183) некто Никитич сопровождал адресата, поэтому говорящий ассоциирует его с адресатом. В примере (184) говорящий в момент речи ассоциируют дерево, на которое он залез с компаньоном, с собой и товарищем.

Ассоциативная связь предметов с адресатом (2SG) может осуществляться на основе **активного слухового или речевого** контакта. Удмуртскими лингвистами такие примеры интерпретируются как реализация функции определенности. Однако 2SG употребляется не во всех случаях определенности, а лишь если дискурсивный элемент является известным и при этом находится в фокусе высказывания (185), или появляется в сфокусированном высказывании (186), ср.:

- (185) *Кыл-йсько: та-ос-ыд жуч сямен*
 слышать-PRES.1SG этот-PL-2SG русский по
вераськ-о.
 разговаривать-PRES.3PL
 ‘Слышу, они говорят по-русски’ (Удмурт дунне № 73, 26.05.2009).
- (186) *Та пи-ед мунчо дор-ы ву-эм но...*
 этот мальчик-2SG баня к-ILLAT прибыть-2PRET.3SG и
 ‘Парень этот дошел до бани и...’ (Уйиллям-вылйлям 1983: 18).

Контекст примера (185) таков: говорящий рассказывает о своих друзьях и о том, как он с ними познакомился. Будучи за границей, он видит людей и слышит, что они говорят по-русски. В высказывании говорящему важно обозначить, что по-русски говорили именно те люди, которые стали его друзьями, о которых он говорил до этого.

Редко подобная установка ассоциации маркируется и 1SG, ср.:

- (187) *бэрыкк-и, нэ, учкын со адами-м-э но —*
 вернуться-1PRET.1SG де смотреть. INF этот человек-1SG-ACC и
со мэстэ-э из лу-эм.
 он место-ILLAT камень стать-2PRET.3SG
 ‘Обернулся, говорит, посмотреть на того человека, и вместо него — камень’
 (1981: 243).

В (187) рассказчик ассоциирует *человека* с собой, поскольку обращает внимание адресата на то, что речь идет о том человеке, о котором он только что говорил.

(1. б.) Кроме того, есть ситуации, когда ассоциация не устанавливается в дискурсе, а имеет экстралингвистический контекст, напр., случаи

- (191) *Осто, инмар-е, ни-е?!*
 бог-1SG сын-1SG
 ‘Боже мой, сынок?!’ (Медведев 2006: 8).
- (192) *Ой, мискин-е...*
 ой бедный-1SG
 ‘Ах ты бедненький мой...’ (Бадретдинов 2007: 8).
- (193) *мусо кола-йэ тон, нырыс тон мын-ым вай*
 милый ЛИ-1SG ты сначала ты я-DAT давать. IMPER.2SG
зарни зундэс-т-э.
 золотой кольцо-2SG-ACC
 ‘Милый Коленька, ты сперва мне дай золотое кольцо’ (1981: 70).
- (194) *э, нуни-йэ, вачкала улон сарыс-а тод-эм-эт*
 эх ребенок-1SG древний жизнь о-INTER знать-PART-2SG
пот-и-з?
 выходить-1PRET-3SG
 ‘Эх, детка, о прежней жизни узнать захотела?’ (1981: 233).
- (195) *ой, эш-йос-ы, ти вы дэ-лэ...*
 ой друг-PL-1SG вы ложиться. IMPER-2PL
 ‘Ой, друзья, вы ложитесь...’ (1981: 237).

Необходимо отметить, что подобные обороты наиболее характерны разговорной речи. В примерах (188), (189) из текстов песен синтаксис высказывания соответствует прямому обращению, однако ситуация представляет косвенное обращение говорящего через песню.

В. К. Кельмаков также отмечает плеонастическое употребление Рх 1 л. ед. ч. с другими суффиксами субъективной оценки в препозиции, ср. *дяд-и-е* ‘папенька’; в пре- и постпозиции, ср. *сюлм-ы-кай-э* ‘сердечко’. Он также отмечает плеонастическое употребление обеих форм *-е* и *-i*, ср. *ос-ы-е* ‘дверца моя’, ср. пример (63) (Кельмаков, 1996: 135). Такое употребление способствует еще более экспрессивному характеру специфицируемого элемента.

Сходную функцию субъективной оценки может выполнять и **2SG**, однако в этом случае интимность выражается по отношению к адресату. Обычно такое употребление интерпретируется как «средство повышения индивидуализации, ее выражение путем непосредственного обращения к собеседнику для устранения эпической дистанции и вовлечения слушателя в процесс разворачивающихся событий» (Schlachter 1927: 112; Сидоров 1945: 48; Поздеева 1949: 4–5; Серебренников 1958а; 1963: 136). Такое употребление в удмуртском языке чаще встречается в поэтических текстах (песнях) и реже в разговорной речи, ср.:

- (196) *тол-эд орчч-о-з, гужэм-эд ву-о-з, тылобурдо*
 зима-2SG пройти-FUT-3SG лето-2SG прийти-FUT-3SG птица
чир кар-о-з.
 зв.подр. делать-FUT-3SG
 ‘Зима пройдет, лето настанет, птицы зачирикают’ (1981: 43).
- (197) *шунды-йэд ной, ой, эсужа-ло-з, лёл. тыр-*
 солнце-2SG да ой взойти-FUT-3SG алый. полный

- л'ол. тыр пишты-са.*
 алый. полный светить-GER
толэз-эд но, ой, жужа-ло-з, пилэм-йос-ты сайкы-са.
 месяц-2SG и ой взойти-FUT-3SG облако-PL-ACC очищать-GER
 'Солнце, ой, да взойдет, алым-ало сияя. Месяц, ой да, взойдет, облака разгоняя' (1981: 174).
- (198) *Куаз-ед я ныр-ез ишкалт-э, я веник-тэк*
 погода-2SG то нос оторвать-PRES.3SG то веник-ABES
пар-е.
 парить-PRES.3SG
 'Погода-то то нос оторвет, то парит без веника' (Удмурт дунне № 104, 17.07.2007).
- (199) *Мын али шедьты Атабай-ысьты-д*
 идти.IMPER.2SG сейчас найти.IMPER.2SG ЛИ-ELAT-2SG
капрон чулка...
 капроновый чулки.ACC
 'Поди найди теперь в этом Атабаеве капроновые чулки...' (Красильников 1991: 84).
- (200) *Выль ар-ед кыче узыр кутск-е: ми-лям*
 новый год-2SG как богатый начаться.PRES-3SG мы-GEN
отделени-я-мы туннэ кыкто-ос вордйськ-и-зы!
 отделение-INES-1PL сегодня близнец-PL родиться-1PRET-3PL
 'Как богато начинается новый год: в нашем отделении сегодня родились близнецы!' (Красильников 1991: 189)

На наш взгляд, в этих примерах так же, как и в рассмотренных выше, 2SG выполняет функцию фокусирования внимания на известном элементе. Однако здесь компонент является известным или определенным не в силу дискурсивной установки, а благодаря универсальному свойству быть определенным, напр., такую особенность имеют слова, обозначающие природные явления, ср.: *солнце, небо, месяц*, в артиклевых языках они, как правило, употребляются с определенным артиклем. С другой стороны, напр., в песенных текстах в фокусе высказывания находятся такие явления, о которых все имеют представление, ср.: *зима проходит, лето приходит* (196), *солнце заходит, месяц восходит* (197), то же самое происходит и в разговорной речи, ср.: *погода бывает холодной и жаркой* (198).

Статус определенности может достигаться привлечением фоновой информации. Напр., в высказывании (199) говорящий ведет монолог с самим собой о капроновых чулках. Из более обширного контекста известно, что Атабаево — это село. Для понимания необходима фоновая информация о неразвитой сельской инфраструктуре. Для автора и потенциального адресата из того же культурного пространства это очевидно. Потому на момент высказывания есть пресуппозиция невозможности найти капроновые чулки в Атабаеве.

(2.) В отличие от Rx 1 и 2 л. **Rx 3 л.** указывает не на дейктического, а **анафорического референта**, антецедент которого, как правило, присутствует в тексте.

(2.а.) Как и при 1 и 2 лице, Рх может обозначать ассоциативную связь одного элемента дискурса с другим на основе контакта, однако референт в настоящем случае обязательно присутствует в тексте, является идентифицируемым, имеет установку ассоциации с реферируемым элементом, и Рх выражает **ассоциативную анафору**, ср.:

- (201) *Сари ним-о шур-зы пичи гинэ.*
 ЛИ имя-DER река маленький только
 ‘Их река по имени Сари маленькая’ (Бадретдинов 2007: 29).
- (202) *как тэчч-эм борд-ысты-с со тодмотэм адами-йэз!*
 как прыгнуть-2PRET край-ELAT-3SG тот незнакомый человек-3SG
 ‘Как отскочит от него [почтальона] тот (его) незнакомец!’ (1981: 95).
- (203) *эшио бо лишэ дыш-э на ук бэн зичы-зы*
 еще больше привыкнуть-PRES.3SG и же ведь лиса-3PL
зэзэг-йос-мы дор-ы.
 гусь-PL-1PL к-ILLAT
 ‘Еще больше приваживается (их) лисица-то к нашим гусям’ (1981: 98).

В примере (201) референтом и основным топиком дискурса являются жители деревни, где протекает река Сари; ассоциация здесь происходит по принципу пространственной близости, ср.: река протекает в деревне, где живут люди. В (202) ассоциация происходит на основе сопровождения: почтальон (основной топик текста) едет на лошади и к нему подсаживается человек. В тексте, откуда взят пример (203), речь идет о лисе и мужчинах, которые проводят моления для того, чтобы отвадить лису от гусей, на этом основании лиса получает ассоциацию с мужчинами.

В некоторых случаях ассоциативный референт может не присутствовать в тексте, напр., в поговорках, в загадках, где предметы и понятия ассоциативным образом связаны с предполагаемым референтом. Ассоциация происходит на основе аналогии форм, функций, цвета и т. д.:

- (204) *кык кулчо-йэз, кык йыл-ыз, а шор-а-с кортчок. —*
 два кольцо-3SG два вершина-3SG а середина-INES-3SG гвоздь
качы.
 ножницы
 ‘Два кольца, две вершины, а посередине гвоздь. — Ножницы’ (1981: 58).
- (205) *дис-с-э кыл-ко-д кэ, бөрзыт-э. —*
 одежда-3SG-ACC снять-PRES-2SG если заставить плакать-PRES.3SG
сугон.
 лук
 ‘Если снимешь его одежду, вгонит в слезы. — Лук’ (1990: 156).

Ассоциация может происходить по признаку локализации одного предмета в пространстве другого, напр., в бытийных предложениях место может мыслиться как референт, ср. *луг* в (206). В каноническом бытийном предложении в удмуртском языке локализатор выполняет функцию топика, а субъект и предикат представляют фокус. Судя по всему, пространственная ассоциация в этих предложениях частично получила грамматический статус согласования локлизатора-топика и субъекта-фокуса.

При одушевленном локализаторе такое предложение грамматикализовалось в предикативную конструкцию обладания, ср.:

- (206) *атас с'ион воэ* *выл-ын ошмэс-эз* *выл-эм.*
 петух еда луг на-INES родник быть.EX-2PRET
 'На лугу Атас Сион («луг, где едят петуха») был родник' (1990: 113).
- (207) *Отын зэмзэ но ошмес-эз вань.*
 там правда и родник-3SG быть.EX
 'Там и вправду есть родник' (Бадретдинов 2007: 46).
- (208) *Нунал чебер вордйськ-и-з: куазь шунды-ё,*
 день красивый родиться-1PRET-3SG погода солнце-DER
тёл-ыз ёвл.
 ветер-3SG отр.EX
 'День хороший удался: солнечно, ветра нет' (Красильников 1991: 7).
- (209) «*нош уробо-йа-з но кин-эз но-а ой вал?*» —
 а телега-INES-3SG никто-3SG и-INTER отр.1PRET быть.EX.1PRET
 «*ма-ис кэ но вал но...*»
 что-3SG то и быть.EX-1PRET и
 '«А на телеге никого не было?» — «Что-то было, но...»' (1990: 141).
- (210) *жал потъл-и-з но, мар кар-о-д: сьчэ*
 жаль выходить-1PRET-3SG но что делать-FUT-2SG такой
улон-эз вал.
 жизнь-3SG вспом.гл.1PRET
 'Жаль было его, но что поделаешь: жизнь такова была' (1981: 41).
- (211) *Бен муг-ез но вань.*
 да причина-3SG и быть.EX
 'Да и причина есть' (Перевошиков 1994: 73).
- (212) *ко т. кызы шу-ис-эз ван.*
 хоть как говорить-PART-3SG быть.EX
 'По-всякому говорят' (букв. 'хоть как говорящий есть') (1990: 217).

В примерах (206) и (207) присутствует лексический топик (*луг, там*). В (194) потенциальный референт (*погода*) находится за рамками клаузы с субъектом *ветер*, поэтому референция является слабой. В (209) предполагаемый одушевленный референт (*управляющий телегой*) отсутствует в предложении. В примерах (210), (211) и (212) референта нет в дискурсе вообще. Однако Rx в этих предложениях, видимо выступают по аналогии или как часть конструкции.

В рассматриваемых случаях, 3SG, видимо, также выполняет функцию *катафорической анафоры* (антицедент следует за анафором), напр., в (206), (207), (211), (212). 3SG, присоединяясь к субъекту бытийных предложений, сигнализирует, что настоящее понятие является основным топиком последующего текста и его конкретные референтные отношения будут установлены в будущем.

(2. б.) Rx 3 л. может указывать на ассоциативную связь с предметами, которые не упоминаются в речи, но присутствуют в речевой ситуации. Удмуртский пример *guždor vulyн turyn-ез чебер* букв. 'на лугу трава-его красивая' И. Николаева рассматривает как ситуацию, где референт может

быть идентифицирован без ассоциативного отношения, как в известном примере из коми языка: группа людей в лесу видит медведя и восклицает *ošk-ys!* ‘букв. медведь-его’. На наш взгляд, этот пример относится к только что описанному типу: ассоциативным референтом здесь является место луг. Если локализатор бытийного предложения присутствует в коммуникативной ситуации, напр., речь идет на лугу, то он может опускаться, ср.: *turiŋ-ez čeber uk!* ‘а трава-то какая красивая! (на лугу)’. Такая же особенность характерна и для конструкций обладания (214).

(213) *учк-э* *но, нук-ын* *скал* *сиск-э.*
 смотрит-PRES.3SG и овраг-INES корова есть-PRES.3SG
нош *турын-эз* *жужыт.*
 а трава-3SG высокий
 ‘Смотрит, а в овраге корова пасется. А трава высокая’ (1981: 144).

(214) *Я* *учк-о-м,* *кыл-ыд* *вань* *на меда...*
 давай смотреть-FUT-1PL язык-2SG быть.EX еще ли
 ‘Давай посмотрим, есть ли у тебя еще язык...’ (Красильников 1991: 144).

По мнению И. Николаевой, имена, выражающие время, напр., *утро*, *лето*, *год* имеют универсальный референт и при сочетании с 3SG имеют дефолтную интерпретацию «этим утром», «этим летом», «в этом году» (2003: 133).

(215) *Яратон* *кызыпу-зы доры* *со* *бертон* *жыт-а-з*
 любимый береза-3PL к-ILLAT он возвращается-PART вечер-INES-3SG
ик васьк-и-з.
 же спуститься-1PRET-3SG
 ‘К их любимой березе он спустился сразу в вечер своего возвращения’ (Первошиков 1994: 12).

(216) *Нунал-а-з* *кык пол у-д* *жечбурьяськ-ы.*
 день-INES-3SG два раз отр.FUT-2SG здороваться-NEG.SG
 ‘Не будешь же здороваться два раза в день’ (Бадретдинов 2007: 37).

Как уже говорилось, время в удмуртском языковом сознании мыслится как неотчуждаемое обладаемое. В высказываниях, содержащих одушевленный референт, 3SG вероятнее всего указывает на него, ср.: *в вечер его возвращения* (215) (см. 3.1.3.3.). Видимо, такие наречия со временем потеряли референтную связь, но в силу семантики неотчуждаемости, по инерции продолжают употребляться как релятивный элемент или конструкция грамматикализовалась для обозначения выражений типа *два раза в день*, *раз в году* и т. д. (216).

Показатель 3SG зачастую принимают родовые понятия (217), (218). Видимо, суффикс здесь указывает на включенное видовое множество.

(217) *сюрес-а-д* *вал* *котьма-из:* *бёрдон-эз,*
 дорога-INES-2SG быть.EX.1PRET все-3SG плачь-3SG
шумпотон-эз, *даньяськон-эз.*
 радость-3SG слава-3SG

‘На твоём жизненном пути было все: и слезы, и радость, и слава’ (Удмурт дунне № 118–119, 08.08.2008).

- (218) *Трос кый-ёс, сьбод зыр-о-ез но, чуж зыр-о-ез но...*
много змея-PLчерный голова-DER-3SG и желтый голова-DER-3SG и
‘Много змей, [есть] и черноголовые, и желтоголовые...’ (Бадретдинов 2007: 9).

3SG в качестве прямой анафоры в современном языке не употребляется, однако можно встретить примера типа (219). На наш взгляд, пример не представляет случай прямой анафоры, 3SG здесь скорее имеет указательную функцию.

- (219) *соос из-и-зы йу пöлын, быдэс уй-эз*
они спать-1PRET-3PL зерно среди весь ночь-ACC
тоды-тэк. ныл-ыз сайка-з но бöрдыны
знать-GER девушка-3SG проснуться-1PRET.3SG и плакать-INF
кутск-и-з...
начать-1PRET-3SG
‘Они [девушка и парень] проспали всю ночь в хлебах, не заметив. Девушка проснулась и заплакала...’ (1981: 71).

Анализируемый материал демонстрирует, что 3SG и 2SG выражают (а) скорее ассоциативное отношение, чем отношение определенности, (б) 2SG также выполняет скорее функцию фокусирования известного и идентифицируемого элемента, чем функцию определенности.

(2. г.) То, что мы называем **выделительно-указательной функцией**, И. Николаева обозначает как контраст или эмфазис. Ученая отмечает, что функция идентификации у суффикса является независимой, референт в таком случае отсутствует. Здесь важным является наличие контрастивного элемента (2003: 140–2). Маркер *-ez/-iz* в удмуртском языке рассматривается как показатель самостоятельной выделительно-указательной категории, свойственной, в основном, прилагательным (ГСУЯ 1962: 129–130; Алатырев 1970; Вахрушев 1980: 164–5).

Другие авторы утверждают, что выделительно-указательный суффикс имеет, в первую очередь, функцию субстантивизации (Bartens 2000: 131–133; Winkler 2001: 43–44), о чем свидетельствует согласование в числе и падеже прилагательных в сочетании с *-ez*, а также вторичное согласование уже оформленных Сх существительных и др. имен, ср.: *pič'i-os-iz-li* (маленький-PL-3PL-DAT) ‘тем, которые маленькие’, *ásme-len-jos-iz-leś* (свой-GEN-PL-3SG-ABL) ‘от тех, которые принадлежат нам самим’.

По мнению В. И. Алатырева, основной функцией суффикса *-ez* в сочетании с прилагательными является указание, а выделительное значение — сопутствующим (1970: 4).

На наш взгляд, наличие контрастивного элемента усиливает значение выделительности, однако он не является обязательным, ср.:

- (220) *Туннэ одйг куар-ез чужект-э, чужаке мукет-ыз,*
сегодня один лист-3SG желтеть-PRES.3SG завтра другой-3SG,

куине-тй-ез . . .

три-ORD-3SG

‘Сегодня один лист желтеет, завтра другой, третий’ (Красильников 1991: 8).

- (221) *Буран. гурт-ъёс — пичи-ез но, бадзым-ез но — телевизор*
ЛИ. деревня-PL маленький-3SG и большой-3SG и телевизор
сьёр-ын пук-и-зы.

за-INES сидеть-1PRET-3PL

‘Жители деревни Бураново — и молодые, и старики, — сидели перед телевизорами’ (Моя Удмуртия 13.03.2010).

- (222) *«быз-о, быз-о, — шу-ко-д вал*
бежать-FUT.1SG бежать-FUT.1SG говорить-PRES-2SG вспом.гл.1PRET
но, — сапэг-эн ветл-ис-эз-лы». *быз-и-д,*
и сапог-INSTR ходить-PART-3SG-DAT бежать-1PRET-2SG
быз-и-д, лэса, бигэр кут-эн ветл-ис-эз-лы.
бежать-1PRET-2SG кажется татарин лапоть-INSTR ходить-PART-3SG-DAT
‘«Выйду, выйду замуж, — говорила ты, — за того, кто ходит в сапогах».
Вышла, вышла, кажется, за того, кто носит татарские лапти’ (1990: 231).

В приведенных высказываниях контрастивный элемент в есть. Однако он может и не обозначаться в тексте, но содержаться в пресуппозиции высказывания, ср.:

- (223) *Ми-лямь-ёс-ыз но соос пёл-ы кариськыны кулэ вал.*
мы-GEN-PL-3PL и они среди-ILLAT сделаться-INF надо вспом.гл.1PRET
‘И те, которые наши, должны были к ним присоединиться’ (Бадретдинов 2007: 24).

- (224) *тон со-уъ тъл сот, со тъл*
ты он-DAT огонь.ACC давать.IMPER.2SG он огонь.ACC
но кут-о-з, — шў-эм оди’ визмэ-эз.
и взять-FUT-3SG сказать-2PRET.3SG один умный-3SG
‘Ты ему огонь подай, он и огонь схватит, — ответил кто-то из умных’ (1992: 122).

- (225) *Чылкак чуда-сь-тэм-ъёс-ыз укно выл-э ик кечырск-о.*
совсем терпеть-PART-DER-PL-3SG окно на-ILLAT же повисать-PRES.3PL
‘Те, кто совсем нетерпелив, лезут прямо в окно’ (Красильников 1991: 115).

В примере (223) контрастивным элементом являются «не наши», в (224) — «не умные», а в (225) — «терпеливые».

Однако, как было сказано, в случаях выделения контрастивный элемент необязателен, ср.:

- (226) *Нош одйг-ез пёл-ысьты-зы пот-й-э но*
а один-3SG среди-ELAT-3SG выйти-1PRET-3SG и
ву-э пыр-и-з.
вода-ILLAT зайти-1PRET-3SG
‘А одна [утка] отделилась от них и зашла в воду’ (Бадретдинов 2007: 21).

В настоящем примере *они* представляет скорее совокупность, чем контрастивный элемент по отношению к *одна*.

Предположительно, суффикс со значением указательности образовался на базе указательных местоимений и не имеет отношения к посессивным суффиксам.

3.1.3.1.3. Субстантивация

Спецификация обладаемого, выраженного другими частями речи, кроме существительного, приводит к эффекту субстантивизации. Таким образом, с помощью Rх в класс существительных могут привлекаться прилагательные, числительные, имена действия, глагольные образованиями, служебные слова и др., ср.:

- (227) *чэбэр-мы* *пөрмы-тоз:* *бэр* *эус* *выл-ын ми*
 красивый-1PL получить-GER задний скамья на-INES мы
пук-и-м.
 сидеть-1PRET-1PL
 'Пока красавица наша принаряжалась, мы сидели на задней лавке' (1990: 26).
- (228) *Коть тын-ад азьвыл* *тодмо-ед,* *эш-ед* *куке-соку*
 хоть ты-GEN прошлый знакомый-2SG друг-2SG когда-тогда
тын-эсьтыд *дул-д-э* *ут-и-з.*
 ты-ABL душа-2SG-ACC спасти-1PRET-3SG
 'Хоть и спас когда-то твой прежний знакомый, друг, тебе душу' (Красильников 1991: 41).
- (229) *вуж* *дукэс-лэн* *шуныт-эз* *өжыт.*
 старый зипун-GEN теплый-3SG мало
 'От старого зипуна мало тепла' (1990: 299).
- (230) *Жаль-д-э* *у-г* *ворм-иськ-ы* *ук, ныл-ы.*
 жаль-2SG-ACC отр.-1SG победить-PRES-NEG.SG же дочь-1SG
 'Мне так тебя жаль, доченька' (Перевошиков 1994: 193).
- (231) *Со ке,* *таче-м-е* *адэ-о-з...*
 он если такой-1SG-ACC увидеть-FUT-3SG
 'А если это он, увидит меня в таком виде...' (Красильников 1991: 80).
- (232) *собрэ со-йэ* *пэри* *шукк-и-з,* *кул-и-з*
 потом он-ACC паралич ударить-1PRET-3SG умереть-1PRET-3SG
ини-з-э.
 уже-3SG-ACC
 'Потом ее парализовало, умерла уже' (1990: 57).

В некоторых случаях Rх изменяет лексическое значение слова, к которому присоединяется. По этой модели, напр., образуются многие термины родства: *pi* 'мальчик' — *pi-jez* 'сын-его', *njl* 'девушка, девочка' — *njl-ід* 'дочь-твоя', *agaj* 'дядя' — *agaj-e* 'старший брат, родной дядя-мой', *araj* 'тётя' — *araj-ed* 'старшая сестра, родная тётя-твоя', *mužik* 'мужчина' — *mužik-e* 'муж-мой', *pešanaј* 'старушка' — *pešanaј-e* 'родная бабушка (мать отца)-моя' и т. д. (см. также о бесермянском языке: Тепляшина 1975: 195). Н. М. Терещенко отмечает такое же явление в нганасанском языке: *ны* 'женщина' в сочетании с Rх обозначает 'жена', *бай''ка* 'старик' и *коудуму* 'мужчина' с Rх обозначают 'муж', *коптуа* 'девушка' — при при-

соединении Rх ‘дочь’ или ‘сестра’ и т. д. (Терещенко 1979: 99). Такая словообразовательная модель свойственна и другим финно-угорским языкам (Ким 1986а: 92; Кузнецова 2003: 255).

Широко известен пример В. К. Кельмакова, демонстрирующий образование новой лексемы в кукуморском говоре с помощью 3PL: *ataj* ‘отец’ — *ataj-zø* ‘свекор’, *anaj* ‘мама’ — *anaj-zø* ‘свекровь’, *agaj* ‘старший брат’ — *agaj-zø* ‘деверь’. Причем такие имена, в свою очередь, могут присоединять Rх для выражения посессивности, ср.: *ataj-zi-je* ‘свекор-мой’, *ataj-zi-jet* ‘свекор-твой’, *ataj-zi-jez* ‘свекор-ее’, *ataj-zø-mø* ‘свекор-наш’, *ataj-zø-dø* ‘свекор-ваш’, *ataj-zø-zø* ‘свекор-их’ (Кельмаков 1970: 267–268).

(233) *со-лэн анай-зъ үркийа н’им-о лү’эм.*
 он-GEN мать-3PL ЛИ имя-DER вспом.гл.-2PRET
 ‘Его тещу звали Уркия’ (1992: 145).

В примере (233) референт *он* и Rх обладаемого *мать* не согласуются в числе, поскольку Rх выполняет словообразовательную функцию.

3.1.3.2. Спецификация референта

Спецификация референта актуальна, если в предложении он является аргументом (чаще всего субъектом) и имеет грамматическую связь с другими элементами предложения, напр., субъект главного и релятивного предложения, выражаемого герундием либо именем действия в темпоральной конструкции, совпадают. В спецификации референта нуждаются также местоимения, числительные, наречия, если имеют референтное отношение к субъекту. Спецификация обладаемого осуществляется и в ситуациях, когда реферируемый элемент представлен именем понятия неотчуждаемой семантики (см. п. 3.1.1.4.).

При спецификации референта: (а) грамматический референт в рамках единой именной фразы или клаузы может выражаться только один раз (либо именем, либо Rх); (б) референт, на который указывает Rх, всегда является внешним; (в) референт, как правило, выражается формой номинатива, (г) в эгоцентрическом дискурсе использование Rх обязательно.

Rх выполняют функцию идентификации в сочетании с **местоимениями**, которые замещают некое лицо или группу лиц (личные, возвратные, собирательные местоимения) (см. 3.1.2.5.). Настоящие имена в высказывании часто выполняют не основные, а дополнительные функции и реже попадают в фокус высказывания. Личные местоимения 1 и 2 л., как правило, употребляются и для обозначения референта, и для выражения его роли в высказывании (234), (235).

Точно так же возвратное местоимение указывает на роль субъекта в высказывании, а Rх идентифицирует субъект (234). Собирательные *van’-mi* ‘все-мы’ и некоторые вопросительные местоимения *kud-dj* ‘который из

вас' сами по себе не обозначают лица, поэтому нуждаются в дополнительном его выражении. Возвратные и собирательные местоимения иногда употребляются вместе с именем, обозначающим референт, ср.:

(234) *Мын-а-м ас-ла-м, ач-им улэн дырь-я-м умой*
 я-GEN-1SG сам-GEN-1SG сам-1SG живой время-ILLAT-1SG хорошо
ул-эм-е ном-э!
 жить-PART-1SG выходить-PRES.3SG

'Я сам, пока я жив, хочу жить хорошо!' (Красильников 1991: 133).

(235) *Соку ми вань-мы кусп-а-мы эшьяськ-и-м кадь.*
 тогда мы все-1PL между-INES-1PL дружить-1PRET-1PL как
 'Тогда мы как будто все сдружились между собой' (Удмурт дунне № 154-155, 16.10.2009).

Количественные **числительные** с основой на *-na-* также могут с помощью R_x указывать на лицо. В грамматике современного удмуртского языка эти числительные называются собирательно-личными (ГСУЯ, 1962: 160). Другие называют их счётно-личными местоимениями (см., напр., СКЯ 1955: 188, 193), собирательными (совместными) (Максимов 1999: 129). К основе *ogna-* 'один' могут присоединяться показатели как единственного, так и множественного числа, ср.: *ogna-t* 'я один', *ogna-d* 'ты один', *ogna-z* 'он один' и *ogna-ti* 'мы одни', *ogna-di* 'вы одни', *ogna-zi* 'они одни'. К основам числительных, начиная с двух, могут присоединяться только показатели множественного числа: *kikna-ti* 'мы вдвоем', *kuinna-di* 'вы втроем', *niina-zi* 'они вчетвером' и т. д. (см. также сочетание с S_x в п. 3.1.2.5. и табл. № 9).

(236) *Та дунне выл-ын со али огна-з.*
 этот мир на-INES он сейчас один-3SG
 'Он сейчас один на этом свете' (Инвожо 04.-05.2006: 59).

(237) *Кыкна-зы ик егит-эсь.*
 два-3PL же молодой-PL
 'Они оба молодые' (Красильников 1991: 34).

По наблюдениям С. А. Максимова, в среднечепецком говоре северного диалекта такие числительные могут употребляться без R_x, ср.: *къкна кыны-м* 'обеими руками-моими', *нылна пид-ыны-з* 'всеми четырьмя ногами-его', *парспи нылна пидыныз тусэ пыриз* 'Поросенок всеми четырьмя ногами залез в корыто' (Максимов 1999: 129). Безсуффиксальное употребление зафиксировано и в бесермянском диалекте, ср. *tatəсна valen vii zə* 'Приехали на восьми лошадях' (Тепляшина 1970: 212).

R_x, присоединяясь к **послелогу**, как правило, выполняет функцию грамматического согласования. Как уже отмечалось, такое употребление возможно, если знаменательное слово обозначает неодушевленный предмет и не занимает позицию фокуса. Чаще всего такая функция реализуется при выражении пространственно-временных отношений (239), (240),

(241). Но не только (238). При выражении темпоральных отношений с именами действия на *-(e)t*, R_x также следует послелогу (242), ср.:

- (238) *Дор сярэсьты-з малпа-ку-з. . .*
дом о-3SG думать-GER-3SG
‘Думая о своем доме...’ (Красильников 1991: 127).
- (239) *Тани-тани эйбк сьбрысены-з со выл-э тэтч-о-з кадь.*
вот вот стол за-3SG он на-ILLAT прыгнуть-FUT-3SG как
‘Как будто вот-вот прыгнет на него из-за своего стола’ (Красильников 1991: 43).
- (240) *Весь син аз-я-д возь...*
постоянно глаз перед-INES-2SG держать-IMPER.2SG
‘Постоянно следи...’ (Бадретдинов 2007: 8).
- (241) *Дэрэм полэс со геры борд-а-з кырмиськ-ем.*
рубашка только он плуг к-ILLAT-3SG сжимать-2PRET.3SG
‘В одной рубашке он ухватился за плуг’ (Медведев 2006: 60).
- (242) *кыу-э-э мыч-эм дырй-а-з иван пурт*
язык-3SG-ACC высунуть-PART время-ILLAT-3SG ЛИИ нож-ACC
кут-эм но со-ид-лэс кыу-э-э ванд-эм.
взять-2PRET.3SG и он-2SG-ABL язык-3SG-ACC резать-2PRET
‘Когда он высунул язык, Иван схватил нож и отрезал ему язык’ (1981: 209).

В случаях, когда референтом является 1, 2 или 3 лицо, знаменательное слово может опускаться, на него указывает только R_x, присоединяющийся к послелогу. Такое образование в литературе называют по-разному: «формы личных местоимений» (К. Е. Майтинская), «образованное на базе послелога личное местоимение» (Бубрих 1949: 104), «послеложное местоимение» (Ким 1986а: 110–111). Кроме того, данное образование рассматривается и в разряде наречий (Kokla 1963: 170), ср.:

- (243) *Борд-а-м кин-э ке эш сёт-э вал.*
к-ILLAT-1SG кто-ACC то друг-ACC дать-IMPER.2SG бы
‘Дали бы кого-нибудь мне в товарищи’ (Красильников 1991: 23).
- (244) *Нош пумит-а-з вазылыны ё-з дйсьты-лэ...*
а против-ILLAT-3SG сказать-INF отр.1PRET-3PL сметь-NEG.PL
‘А высказаться против него никто не осмеливался’ (Бадретдинов 2007: 26).
- (245) *Мын-о, мон но сьбр-ысьты-ды у-г кыль-ы.*
идти-FUT.1SG я и за-ELAT-2PL отр.FUT-1SG отставать-NEG.SG
‘Пойду, и я от вас не отстану’ (Медведев 2006: 60)
- (246) *ми йэгит дыр-йа-мы кызы гинэ у-м*
мы молодой время-LOC-1PL как только отр.-1PL
га’датт-иск-э вал.
гадать-PRES-NEG.PL вспом.гл.1PRET
‘Мы, когда были молодыми, как только не гадали’ (1981: 101).

Некоторые одиночные послелоги, оформленные R_x, могут иметь двойственный характер: в зависимости от положения в предложении специцироваться может либо обладатель, либо послелог, ср.: (а) *śer-a-m eš-e sīle* ‘за мной стоит мой друг’ — (б) [*mon*] [*śer-a-m*] *purt bašti* ‘[я] взял [с собой] нож’. В случае (а) спецификацию скорее получает послелог, а в (б) —

лицо. Случай (а) соответствует конструкции личное местоимение+послелог, где Рх, как правило, не появляется, ср.:

- (247) *Табере тйни следователь мон шор-ы мыжыкъ-ёс-с-э*
 теперь вон следователь я на-ILLAT кулак-PL-3SG-ACC
сэзья-са кесяськ-е...
 махать-GER кричать-PRES.3SG
 'Теперь вот следователь кричит на меня, размахивая кулаками...'
 (Красильников 1991: 45).
- (248) *Тон лыкт-й-д мон дор-ы...*
 ты прийти-PRET-2SG я к-ILLAT
 'Ты пришел ко мне...' (Бадретдинов 2007: 6).
- (249) *ми тинал дыр-йа кут-эн вэтлыл-и-м.*
 мы молодой время-LOC лапти-INSTR ходить-1PRET-1PL
 'Мы в молодости в лаптях ходили' (1981: 90).

В отличие от конструкции послелог+Рх такое сочетание имеет более выразительный характер. Однако в конструкции личное местоимение+послелог Рх иногда может следовать за послелогом. В. М. Вахрушев, напр., такие конструкции называет 3 типом изафета, ср.: *Мон кия-м номыр но ёвёл* 'в моих руках (у меня) ничего нет', *Тон кия-д со* 'в твоих руках (у тебя) это', *Ми кия-мы кык книга* 'у нас в руках (у нас) две книги' (Вахрушев 1970: 104). На наш взгляд, сочетание личное местоимение+послелог+Рх не характерно для литературного языка. Видимо, употребление Рх в такой конструкции свойственно некоторым северным и срединным диалектам удмуртского языка, ср. кезский:

- (250) *кык пьд йыл-а-з лыкт-э ми дин'-а-мы.*
 два нога конец-INES-3SG идти-PRES.3SG мы к-ILLAT-1PL
 'На двух лапах приближается к нам' (1981: 90).

А также в произведениях Г. К. Перевощикова (срединный диалект) ср.:

- (251) *Тон-э мон инты-я-м пукт-оно вьл-эм.*
 ты-ACC я место-ILLAT-1SG посадить-PART вспом.гл.-2PRET
 'Тебя бы на мое место посадить' (Перевощиков 1994: 109).
- (252) *Вот таре мон сярысьты-м кычак тод-ко-ды.*
 вот теперь я о-1SG все знать-PRES-2PL
 'Вот теперь обо мне знаете все' (Перевощиков 1994: 228).

Такое употребление отмечается и в диалектах коми языка, ср.: *те pesna-t* 'моими дровами', *су керкаа-с* 'в его доме', *Миан водзаным вёлі сук пемыд вёр* 'Перед нами был густой темный лес' (Baker, R. 1985: 165; Bartens 2001: 121; Суханова 1963: 81).

Рх в литературном языке следует послелогу, если личное местоимение в форме номинатива является не атрибутом, а аргументом предложения, ср.: [*мон* *śer-ĵn*] 'за мной' — [*мон*] [*śera-m*] '[я] [с собой] (взял)', [*мон* *vil-ĵn*] 'на мне' — [*мон*] [*vila-m*] '[я] [на себя] (одел)' и т. д. В трехкомпонентных конструкциях (имя в форме генитива + имя + послелог) генитивный модификатор, как правило, является внешним в случаях присоеди-

нения Рх к послелогу, и внутренним — когда он следует за главным словом, ср.: (106) [*зэзэг-лэн зын-ыс*] [*кузя*] ‘по запаху гуся’ и (253) [*мын-ам*] [*син дура-м*] ‘у меня в глазу’. Однако статус внутреннего или внешнего окончательно определяется коммуникативным статусом посессора и обладаемого: посессор имеет внутренний характер, если послеложное сочетание находится в фокусе высказывания, и наоборот. Напр., в примере (254) в фокусе высказывания послеложная конструкция, соответственно, посессор *человек* имеет скорее внутренний, чем внешний характер.

(253) *нъл дыр-йа-м мън-ам син дур-а-м чэм йъдь*
 девушка время-LOC-1SG я-GEN глаз край-ILLAT-1SG часто ячень
потъл-и-з.
 выходить-1PRET-3SG
 ‘В девичестве у меня на [веках] глаз часто выскакивал ячень’ (1981: 42).

(254) *вайобыж адами-лэн йуртйэр котыр-а-с*
 ласточка человек-GEN дом вокруг-ILLAT-3SG
карийаск-и-з — шудбур-лы.
 гнездиться-1PRET-3SG счастье-DAT
 ‘Ласточка построила гнездо в подворье человека — к счастью’ (1990: 161).

В сочетании с местоимением *as* ‘свой’ Рх присоединяется к послелогу, если местоимение указывает на конкретное лицо дискурса, ср.: *as роппа малпаскiнi* ‘думать про себя’ (обобщенное лицо), но:

(255) *ас понна-м ачим малпаск-и но...*
 сам про-1SG сам думать-1PRET.1SG и
 ‘Сама про себя я подумала и ...’ (1990: 242).

(256) *Õ-й адзыл-ы на ас выл-ысьты-з*
 отр.1PRET-1SG видеть-NEG.SG еще сам верх-ELAT-3SG
дэрэм-з-э кылы-са мукет мурт-лы
 рубаха-3SG-ACC снять-GER другой человек-DAT
сёт-йсь адями-ез!
 дать-PART человек-ACC

‘Не видал еще человека, готового снять с себя рубашку и отдать другому!’ (Красильников 1991: 32).

Однако при сочетании с формами мн. ч. *ас-те* ‘мы сами’, *ас-те* ‘вы сами’, *ас-се* ‘они сами’ послелог может не присоединять Рх, поскольку Рх воспринимается как часть производной основы местоимения и уже выражает лицо референта (см. также п. 3.2.3.), ср.:

(257) *Быгат-йсько-ды-а озьы шуыны ась-тэ сярись?*
 мочь-PRES-2PL-INTER так сказать-INF сам-2PL о
 ‘Можете ли так сказать о себе?’ (Удмурт дунне № 30–31, 05.03.2010).

Рх в сочетании с наречием выражает фнукцию грамматического согласования, ср.: *азрал-а-т* ‘впереди (меня)’, *mat-a-d* ‘вблизи тебя’, *поkитiн-а-з* ‘нигде (у него)’, *олоkитiн-а-т* ‘неизвестно где (у меня)’, *отiн-а-d* ‘там (у тебя)’, *tapal-йsti-d* ‘здесь (у тебя)’, *sopal-ti-d* ‘по той твоей стороне’, *kiknapal-a-d* ‘у тебя с обеих сторон’ и т. д., ср.:

- (258) *Нош главной врач-лы улыны ним-а-з корка*
 а главный врач-DAT жить.INF имя-LOC-3SG дом.ACC
пукт-й-зы.
 строить-1PRET-3PL
 ‘А главному врачу для жилья построили отдельно дом’ (Красильников 1991: 37).
- (259) *Пинал-ъёс понна ним-ысьты-з сеанс-ъёс карыл-й-з.*
 ребенок-PL для имя-ELAT-3SG сеанс-PL делать-1PRET-3SG
 ‘Для детей специально сеансы проводил’ (Бадретдинов 2007: 33).
- (260) *Ярам нош, нокытчы-я-м ё-з йёт-ы...*
 хорошо хоть куда-ILLAT-1SG отп.1PRET-3SG коснуться-NEG.SG
 ‘Хорошо еще, никуда не попало [мне]...’ (Медведев 2006: 42).

Для удмуртского языка характерно посессивное оформление обстоятельства времени в конструкциях типа *два раз в день, на завтра, за ночь* и т. д. Такое же употребление отмечается и в эрзянском языке (Цыганкин, Киушкина 1985: 50).

- (261) *нунал-а-з куйн пол дис-с-э воит-э.*
 день-ILLAT-3SG три раз одежда-3SG-ACC менять-PRES.3SG
 ‘Трижды в день одежду меняет’ (1981: 211).
- (262) *шуказэ-йа-з пийосмурт нош ик бусь-йэ мьн-эм...*
 завтра-ILLAT-3SG мужчина и же поле-ILLAT идти-2PRET
 ‘На другой день мужчина снова пошел в поле’ (1982: 167).

В приведенных примерах референт в дискурсе отсутствует. Как мы писали в п. 3.1.3.1.2., имена, обозначающие время, имеют семантику неотчуждаемости и в примерах типа *[so] [berton nunal-az]...* ‘он в день своего приезда...’ (261), (262) обозначают врожденное качество одушевленного референта — участника высказывания. Однако в безличных высказываниях, видимо, настоящая конструкция стала употребляться по аналогии, ср.: (218).

Рх в функции идентификации широко представлены в **глагольных формах**. Во многих уральских языках исследователи выделяют употребление притяжательных суффиксов с инфинитивами, напр., в марийском, ср.: *kajaše-t* ‘чтобы я пошел’ (Kokla 1963: 138–146, 215–216, 1964). В коми-зырянском Рх присоединяются к инфинитивам с показателем *-ны*, ср.: *сьывны-м* (диал. *сьывн-ой*) ‘мне петь’, *сьывны-д* ‘тебе петь’, *сьывны-с* ‘ему петь’, такой инфинитив употребляется в функции объекта или обстоятельства (СКЯ 1955: 240; Суханова 1963: 85; Прокушева 1979). Ср. также в венгерском: *tanulno-m kell* ‘мне нужно учиться’ (Stipa 1960: 172–3), в диалекте финского: *Minä pyysin mennä-ni* ‘Я попросил (разрешения) уйти’ (Kokla 1964: 108). П. Кокала также отмечает употребление Рх в мордовских языках с инфинитивами *-то, -те, -та*, которые выступают в роли сказуемого, а Рх указывает не на субъект, а на объект действия, ср.: *Карман шномонзо* ‘Стану хвалить его’ (Kokla 1964: 108). Иногда Рх следует за инфинитивом в тазовского диалекта селькупского языка (Ким 1986а: 108–110), то же встречается в нганасанском (Терещенко 1979: 272–

Кроме того, обстоятельство образа действия также может образоваться на базе (о)n-ового причастия с показателем адвербиала **-(o)n-ja-Px**, а в некоторых срединных диалектах также **-(o)n-na-Px**, ср.:

- (268) *Вõt-анъ-я-з*, *уйбырт-онъ-я-з* *гадь* *тыр*
 видеть сон-PART-ADV-3SG бредить-PART-ADV-3SG грудь полный
кесък-и-з. . .
 крикнуть-1PRET-3SG
 'Во сне, в бреду крикнул во всю грудь' (Медведев 2006: 19).
- (269) *одот* *кышка-н-на-з* *пэгз-эм* *ури-бэ`ри*.
 ЛИ испугаться-PART-LOC-3SG убежать-2PRET быстро
 'Одоть с перепугу убежала стремглав' (1981: 118).

Употребление Px с **герундиями** свойственно некоторым уральским языкам: северной группе самодийских языков, напр., ненецкому, энецкому, нганасанскому (Ким 1986а: 110), также, напр., фин. *lukie-ssa-ni* 'читаю я'. В коми языке Px употребляются с формами *-иг/-иг*, *-тöдз*, *-мön* и *-тöг*: *лыдд-иг-а-ным* 'когда мы читаем' (СКЯ 1955: 245; Суханова 1963: 87). Личный показатель герундия в марийском языке (мар. *толмешке-м* 'до того, как я приду') (см. Kokla, 1963: 146–159, 216–218), П. Кокла обозначает как Px, поскольку видит в основе герундия именное образование (Kokla 1963: 146).

Px в рассматриваемых случаях обозначают как «лично-притяжательные формы» (Первошиков 1959: 60; 1962: 285), «посессивные суффиксы» (Bartens 2000: 254; Kel'makov, Hännikäinen, 1999: 227, 230, 232; Шутов 2006: 270). Некоторые исследователи утверждают, что современный герундий исторически является падежной формой девербиального имени (Uotila 1933: 129; Fokos-Fuchs 1958: 318; Первошиков 1959: 74; Bartens 2000: 250). На наш взгляд, структура рассматриваемых показателей герундия является прозрачной: большинство из них образуются путем контаминации падежных показателей или представляют собой древние падежные формы. Наиболее часто посессивное оформление имеют показатели *-ku* и *-toz*, однако в редких случаях оформляются также *-mon*, *-tek*, *-sa* (Первошиков 1959: 73).

В сочетаниях с формами герундия с показателем **-ku** (северный, срединные диалекты) или **-ki** (южный и периферийно-южные диалекты) Px присоединяется непосредственно к конечному гласному показателя, ср.: *vera-ku-t* 'когда я говорил', *vera-ku-zj* 'когда они говорили' и т. д. Px появляется здесь только в том случае, если клауза не имеет выраженного именем или местоимением субъекта, т. е. Px в настоящем случае выполняет синтаксическую роль субъекта (289). Антецедент Px может являться субъектом главного предложения (270), (271), (272), но не обязательно (273).

- (270) *шунды пуксы-кы-з* *гордэқты-са* *пукс'-э* *кэ*,
 солнце садиться-GER-3SG краснеть-GER садиться-PRES.3SG если
куаэ *вочк-э*.
 погода меняться-PRES.3SG
 'Если солнце, когда садится, красное, погода переменится' (1981: 212).

- (271) *мон но школа-е* *мыны-ку-м,* *одйг буква-ез* *но у-г*
 я и школа-ILLAT идти-GER-1SG один буква-ACC и отр.-1SG
тод-йськ-ы *вал.*
 знать-PRES-NEG.SG вспом.гл.1PRET
 'Я тоже, когда пошел в школу, ни одной буквы не знал' (Бадретдинов 2007: 25)
- (272) *Гурт-э* *берты-ку-д,* *огтол* *ке но форма-д-э*
 дом-ILLAT приходит-GER-2SG один. раз хоть форма-2SG-ACC
дйся *вал.*
 надеть-IMPER.2SG бы
 'Когда возвращаешься домой, хоть раз надела бы форму' (Удмурт дунне № 82–83, 11.06.2009).
- (273) *куинэ -ти уй-а-э* *жйок сйорын* *сйскы-ку-зы,*
 три-ORD ночь-ILLAT-3SG стол за кушать-GER-3PL
кышномурт-лэн пуны-эз муз-э ус-и-з.
 женщина-GEN ложка-3SG земля-ILLAT падать-1PRET-3SG
 'В третью ночь, когда ужинали за столом, у женщины ложка упала на пол' (1981: 143).

Если субъект выражен в одной клаузе с герундием, Рх не появляется, ср.:

- (274) *тат-эд* *воркы-кы,* *колхоз-ын* *ужса-ско-м*
 отец-2SG родиться-GER колхоз-INES работать-PRES-1PL
вал *ини.*
 вспом. гл.1PRET уже
 'Когда родился твой отец, мы уже работали в колхозе' (1990: 330).
- (275) *Мон дыкты-ку,* *со жсуа* *вал* *ни.*
 я приходит-GER это гореть-PRES.3SG вспом.гл.1PRET уже
 'Когда я пришел, оно [сено] уже горело' (Бадретдинов 2007: 83).

К показателю герундия **-tož'** (см. диалектные варианты в Перевошиков 1959: 76–8) Рх присоединяется подобно показателю терминатива с помощью гласной *-а* и имеет точно такие же синтаксические особенности, как и показатель *-ки*:

- (276) *гурт-э* *бэрты-чоза-м,* *узыр-йос* *ву-ил'лам*
 дом-ILLAT возвращаться-GER-1SG богатый-PL приходит-2PRET.3PL
но ил'ла поп-эз йё ул-э куит-ил'лам.
 и ЛИИ поп-ACC лед низ-ILLAT бросить-2PRET.3PL
 'Пока я ехал домой, богачи пришли и попа Илью бросили под лёд' (1981: 48).
- (277) *Таёе-ос-с-э* *мон та* *виссы-тозя-м,* *оло,* *быдэс*
 такой-PL-3SG-ACC я этот болеть-GER-1SG наверно целый
бекче-з-э ю-и ни.
 бочка-3SG-ACC пить-1PRET.1SG уже
 'Таких [лекарств] я уже, наверное, целую бочку выпил, пока болел' (Красильников 1991: 78).
- (278) *Редакци-ын* *планёрка* *мыны-тозь,* *мон лифт-ын*
 редакция-INES планерка идти-GER я лифт-INES

тук-и...

сидеть-1PRET.1SG

‘Пока в редакции шла планерка, я сидел в лифте...’ (Удмурт дунне № 15–16, 05.02.2010).

П. Н. Перевошиков также отмечает употребление Рх с другими показателями герундия, напр., **-мон-а-Рх**, ср.: *Тани мон солы тысь изй туж уно жадьы-мона-м* ‘Вот я ему зерна намолот так много, что устал’ (Перевошиков 1959). В некоторых северных диалектах суффиксы присоединяются также к показателю **-sa** с помощью гласной **-a**, ср. **-sa-a-Рх**:

(279) *Їуказе-я-з* *їукна, та сярись* *председатель-зы-лы*
завтра-ILLAT-3SG утро это о председатель-3PL-DAT
мадьы-са-а-з. *Алексей Кузьмич юа-з...*
рассказывать-GER-LOC-3SG ЛИ ЛИ спросить-1PRET.3SG
‘Следующим утром, когда [Иван] говорил об этом их председателю, Алексей Кузьмич спросил...’ (Перевошиков 1994: 28).

Форма **второго претерита** обозначает совершенное и законченное в прошлом действии, очевидцем которого говорящий не был, хотя в некоторых случаях может обозначать и очевидное действие. При его образовании для обозначения лица субъекта действия употребляются суффиксы, идентичные Рх. В литературе они обозначаются по-разному: или как «суффиксы, выражающие категорию лица» (ГСУЯ 1962: 202) или называются посессивными суффиксами (Bartens 2000: 204, 206–207). В пользу последнего Р. Бартенс утверждает, что основой образования второго претерита является глагольное имя (Bartens 2000: 202, 206). Б. А. Серебренников утверждает, что перфект (второй претерит) появился на базе отпричастных имен существительных, снабженных притяжательными суффиксами (Серебренников 1963: 258). В пользу Рх свидетельствует также то, что (а) эти показатели формально равны Рх, ср.: *-e, -ed, -ez; -mĭ, -dĭ, -zĭ*; (б) отрицательная форма образуется с помощью отрицательной частицы именного предиката *evel* или суффикса *-mte*, образующего причастие со значением отрицания; (в) выражение действия в форме перфекта может иметь грамматическую связь с категорией притяжательности: действие, которое уже совершилось, может принадлежать (см., напр., Бенвенист 1974: 217–224; Категория 1989: 178–185; Heine 1997: 191–195). С другой стороны, глагольная форма с показателем *-(e)t* имеет синтаксическую функцию предиката, который совместно с субъектом в форме номинатива составляет сочетание субъект-предикат. Интересно, что в коми языке в той же функции используются глагольные показатели лица, а не посессивные суффиксы: коми *мун-ӧм-(a)* ‘я ушел, оказывается’, *мун-ӧм-ыд* ‘ты ушел, оказывается’, *мун-ӧм-(a)* ‘он ушел, оказывается’ (Максимов 1999: 128).

Основа второго претерита на *-(e)t* может (а) присоединять или (б) не присоединять Рх. Употребление Рх с формой второго претерита не имеет

регулярного характера, они варьируются как в диалектах, так и в литературном языке, поэтому в разных грамматиках они отмечаются по-разному, ср. табл. № 14. а.:

Таблица № 14. а.

<u>Утвердительная форма</u>			
1SG	<i>mon ul-išk-em</i> ~ <i>mon ul-em-e</i>	1PL	<i>mi ul-išk-em-mj</i> ~ <i>mi ul-em-mj</i>
	‘я жил, оказывается’		‘мы жили, оказывается’
2SG	<i>ton ul-em-(ed)</i>	2PL	<i>ti uli-ll̄a-m-(dj)</i> ~ <i>ti ul-em-dj</i>
	‘ты жил, оказывается’		‘вы жили, оказывается’
3SG	<i>so ul-em-(ez)</i>	3PL	<i>soos uli-ll̄a-m-(zj)</i> ~ <i>soos ul-em-zj</i>
	‘он жил, оказывается’		‘они жили, оказывается’

В форме 1 л. ед. ч. Рх, как правило, не употребляется, во мн. ч. 1 л. Рх появляется регулярно. В формах мн. ч. 2 и 3 л. Рх употребляется в северном говоре и бесермянском диалектах, а в литературном отмечается как факультативный (ГСУЯ 1962: 205; Kel'makov, Hännikäinen 1999: 181). В некоторых южных диалектах в формах 1 и 2 л. ед. и мн. ч. (а также 3 л. мн. ч.) показатель *-(e)t* может присоединяться прямо к (краткой) основе глагола, в этом случае на лицо указывает обязательный Рх, а в форме 3 л. ед. ч. суффикс является факультативным (см. подробнее Kel'makov, Saarinen 1994: 134), ср.:

- (280) *Ныл-д-э* *визьмо* *будэт-эм-ед...*
 дочь-2SG-ACC умный растить-2PRET-3SG
 ‘Дочь умной вырастила...’ (Красильников 1991: 125).
- (281) *со сайка-м* *но, соку* *ик бызььы-са,* *укно*
 она проснуться-2PRET.3SG и тогда же бежать-GER окно
дор-ы мын-эм.
 к-ILLAT идти-2PRET.3SG
 ‘Она проснулась, и тут же бегом подошла к окну’ (Удмурт дунне № 6, 20.01.2010).
- (282) *Та-з-э* *но* *умой-тэм* *вала-ллям-ды!*
 это-3SG-ACC и хорошо-DER понять-2PRET-2PL
 ‘И это вы поняли неправильно’ (Перевошиков 1994: 226).
- (283) *о́з* *кутор-йос,* *починка-ос* *пёрмытия-лла-м-зы.*
 так хутор-PL.ACC починок-PL.ACC сделать-2PRET-3PL
 ‘Так они создавали хутора, починки’ (1981: 58).

Образование форм отрицания второго претерита возможно двумя способами: (а) аналитическим путем с помощью глагола *evel* ‘нет, нет в наличии’; (б) синтетическим способом путем добавления суффикса причастия *-mte*. Первый способ свойственен северным, второй — южным диалектам. На сегодняшний день оба варианта признаны литературными.

Таблица № 14. б.

Отрицательная форма

1SG <i>mon evel ul-išk-em ~ mon uli-ški-mte-(je)</i> 'я не жил, оказывается'	1PL <i>mi evel ul-išk-em-mi ~ mi ul-išk-i-mte-mi</i> 'мы не жили, оказывается'
2SG <i>ton evel ul-em-(ed) ~ ton uli-mte-jed</i> 'ты не жил, оказывается'	2PL <i>ti evel ul-išša-m-(di) ~ ti ul-išša-mte-(di)</i> 'вы не жили, оказывается'
3SG <i>so evel ul-em-(ez) ~ so uli-mte-(jez)</i> 'он не жил, оказывается'	3PL <i>soos evel ul-išša-m-(zi) ~ soos ul-išša-mte-(zi)</i> 'они не жили, оказывается'

Образование отрицательной формы в южных диалектах происходит путем добавления *-mte* и последующего Rх, который в таком случае употребляется чаще, иногда появляется и в 1SG, ср.: *mon ul-išk-i-mte-je* 'я не жил, оказывается', *ul-išk-i-mte-mi* 'мы не жили, оказывается', *ton uli-mte-jed* 'ты не жил, оказывается', *ti ul-išša-mte-(di)* и т. д. (Kel'makov, Saarinen 1994: 134). Кроме того, форма с Rх может употребляться и в литературном языке (Kel'makov, Hännikäinen 1999: 181). Аналитическая отрицательная форма характерна для северных диалектов; образуется добавлением к утвердительной форме причастия препозиционной частицы *evel*, Rх появляются менее часто.

- (284) Чик вошт-йськы-мтэ-ед. а!
совсем меняться-2PRET-NEG-2SG а
'А ты совсем не изменился!' (Красильников 1991: 22).
- (285) одик пиосмурт о́вёл ужаны мын-эм.
один мужчина отр. работать.INF идти-2PRET.3SG
'Один мужик не пошел на работу' (1981: 51).

В некоторых диалектах субъект в может выражаться в форме генитива:

- (286) Ма, та-е синйылт-эм Иван-лэн но.
да это-ACC заметить-2PRET.3SG ЛИ-GEN и
'Да и Иван это заметил' (Перевошиков 1994: 181).

Примерно такая же парадигма употребления Rх наблюдается в формах второго плюсквамперфекта (Kel'makov, Hännikäinen 1999: 245).

Приведенный материал говорит о гибридном характере форм прошедших времен: видимо, они образовались на базе имен действия, при которых Rх выражал значение принадлежности действия субъекту. На каком-то этапе, скорее всего, произошел морфосинтаксический сдвиг: конструкция с субъектом в форме номинатива грамматикализовалась как второй претерит или очевидное прошедшее время (288), а с субъектом в форме генитива — как перфект очевидного действия (287). Пример (286) указывает на промежуточный характер.

- (287) *Кыче кемалась вал* *ини [ми-лям] адэ-исык-ем-мы!*
как давно быть.EX.1PRET уже мы-GEN видеть-REFL-PART-1PL
‘Как давно [мы] уже не виделись!’ (Красильников 1991: 21).
- (288) *[ми] йыром-искэм-мы, сурэс*
мы-NOM заблудиться-2PRET-1PL дорога.ACC
о-м шэ тт-э сэрэ.
отр.1PRET-1PL найти-NEG.PL потом
‘[Мы] заблудились, не нашли уже дороги’ (1981: 201).

3.1.3.3. Грамматическое выражение спецификации

Анализ показывает, что сочетание имя+Px может рассматриваться в ряду посессивных конструкций только в случае, если спецификацию получает обладаемое. Если спецификацию имеет референт, она не имеет отношения к семантической категории посессивности, исключая некоторые случаи.

Еще раз рассмотрим случаи **спецификации референта** и обладаемого и опишем особенности ее грамматического выражения.

Референт специфицируется в следующих случаях:

(1) Реферируемое —

(1. а) герундий, обозначающий обстоятельство времени и образа действия, ср.:

(1. б) имя действия, образующее обстоятельство причины, темпоральную конструкцию в сочетании с послелогом, ср.: *mon kiška-m-eni-m keški* ‘я крикнул от сипуга’;

(1. в) местоимение, числительное, наречие или послелог: *mon ogna-m uliško* ‘я живу один’, *ti kikna-di mīnodj* ‘вы пойдете оба’.

Референт здесь, как правило, является субъектом, в редких случаях — прямым объектом: *kurišk-em-išti-zi ležillam soostj* ‘оттого, что просились, отпустили их’.

(2) реферируемое — обстоятельство, выраженное существительным, обозначающим объект неотчуждаемой семантики в форме локативного падежа:

(2. а) референт — субъект: *mon vjl-a-m vu kišt-i* ‘я вылил на себя воду’, *mon ki-ja-m kniga vož-iško* ‘я в руках держу книгу’;

(2. б) референт — прямой объект: *Petjr Maša-jez ki-ja-z šukk-i-z* ‘Петя ударил Машу в руку’, *Petjr Maša-jez ki-ti-z kut-i-z* ‘Петя взял Машу за руку’, *Petjr Maša-jez jjr-išenj-z pjd-oža-z učk-i-z* ‘Петя осмотрел Машу с головы до ног’.

(2. в) референт — локализатор: *mjn-am ki-ja-m kniga* ‘у меня в руке книга’;

(3) реферируемое — прямой объект, выраженный именем неотчуждаемого объекта в форме посессивного аккумулятива, референт — субъект, ср.: *Petjr šin-z-e ušt-i-z* ‘Петя открыл глаза’.

(4) реферируемое — косвенное дополнение, выраженное именем неотчуждаемого объекта в форме инструментала, референт — субъект, ср.: *Petjr Maša-jez ki-ijnj-z šukk-i-z* ‘Петя ударил Машу рукой’.

Во всех перечисленных случаях, за исключением (3) и (4), реферируемое, как правило, является обстоятельством и не находится в фокусе высказывания. Референт представляет топик высказывания, чаще всего занимает позицию в начале предложения, имеет статус активного (напр., является типичным одушевленным лицом), в предложении выполняет функцию субъекта или реже прямого объекта, локализатора. Спецификация референта с именами существительными возможна только в том случае, если реферируемое обозначает часть референта; при этом R_x выполняет двоякую функцию: грамматического согласования и посессивного спецификатора.

При спецификации референта его грамматическое маркирование в рамках одной именной фразы или клаузы происходит только один раз: либо R_x, либо именем в форме номинатива. В эгоцентрическом дискурсе R_x не может опускаться, ср.:

- (289) (а) [. . X_i-SUB...[герундий-х_i]]
(б) [. . X_i-SUB ...[X_j-NOM .. герундий-ø]]

В примере (289 а.) основной субъект предложения (X_i) и субъект релятивной клаузы, выражаемой герундием, совпадают, в силу чего он маркируется R_x, ср.: [*mon [školaje mini-ku-m] ...*] ‘идя в школу, я ...’. Если субъект предложения (X_i) и субъект герундия (X_j) не совпадают (289 б.), то субъект герундия выражается именем в форме номинатива, при этом R_x не присоединяется, ср.: [*mon [ton školaje mini-ku-ø] ...*] ‘я, когда ты шел в школу, ...’.

Та же закономерность проявляется и с именами существительными, обозначающими неотчуждаемые объекты, ср.:

- (в) [. . X_i-SUB/OBJ/LOC...[имя-LOC]-х_i....]
(г) [. . X_i-SUB...[имя-LOC]-х_j....]
(д) [. . X_i-SUB...[X_j-NOM имя-LOC]-ø....]

В примере (в) субъект/объект/локализатор (X_i) является референтом обстоятельства (объекта неотчуждаемой семантики), поэтому здесь достаточно R_x: субъект *mon [vɨla]-m derem dišaj* ‘я на себя одела платье’, объект *mon ton-e [ki-ja]-d šukki* ‘я ударил тебя в руку’, локализатор *min-am [ki-ja]-m kniga* ‘у меня в руке книга’.

В (г) субъект (объект и локализатор здесь невозможны) не является референтом обстоятельства, но референта можно идентифицировать (напр., он дейктический): *mon [vɨla]-d derem dišaj* ‘я надел на тебя платье’.

Если субъект и референт обстоятельства не совпадают, и референта невозможно идентифицировать с помощью R_x (напр., в случае 3 л.), возникает необходимость спецификации этого имени с помощью именного референта (д), при этом R_x не употребляется, ср.: *Petjr [so vɨl-e] derem*

di'saz 'Петя надел на нее (напр. Машу) платье'. Спецификация имени возможна и при известном референтом, если на него падает логическое ударение: *mon [ton vijl-e] derem di'saj* 'я одел платье на тебя (а не на Машу)'.

Обладаемое получает посессивную спецификацию в случае, если:

(1) Оно обозначает известный объект с семантикой отчуждаемости средней или высокой степени посессивности, который в конкретном высказывании находится в фокусе. При этом в момент высказывания его референтная связь, установленная ранее в дискурсе, актуальна. Посессор в таком случае — также известный элемент, который может быть собственно обладателем, если установка была посессивной (*ты купил книгу*), или ассоциативным референтом, если установка была ассоциативной (*ты любишь Машу*).

(2) Оно — неопределенный объект под логическим ударением (напр., в бытийных предложениях). Спецификация необходима для обозначения основного топика последующего дискурса, ср.: *vož vijljin ošmes-ez van'* 'на лугу есть родник';

(3) Оно является объектом высокой степени посессивности, выражает субъектно-объектное отношение в предложении, и находится в синтаксической близости от называемого референта: *anaj-ez no ataj-ez pi-zij-li' nan' set-o* 'мать и отец подают сыну хлеб'. Здесь наличие R_x обязательно, однако иногда он может опускаться, а именно: (а) в эгоцентрическом дискурсе в литературном языке, если он имеет место в рамках одной семьи или коллектива, см. пример (13) *анай, малы агай-лэн вож-ез пот-эм?* 'мама, почему (старший) брат рассердился?'; в диалектах в эгоцентрическом дискурсе, если он имеет место в рамках более широких, чем семья/коллектив: (398) *ми-лэскъм зурт-эз лугъ въжъ шу-о* 'нашу деревню считают выселком из [деревни] Люги' (1992: 147), либо если обладаемое неотчуждаемо: (346) *сычэ ини мын-ам сам* 'таков уж мой характер' (1990: 267); (б) говорящий и адресаты являются кореферентами, напр., брат спрашивает сестру *kijin anaj?* 'где мама?'.

(4) Спецификация обладаемого происходит с помощью других или дополнительных средств, если нельзя идентифицировать лицо посессора. В этом случае спецификация обладаемого осуществляется с помощью атрибута, выраженного именем в форме: (а) номинатива: *Petir [so vijl-e] derem di'saz* 'Петя одел на нее (напр. Машу) платье', (б) генитива: *Maša [so-len derem-enj-z] vetle* 'Маша ходит в ее (напр. Оли) платье' и (в) аблатива: *Maša [so-leš derem-z-e] di'saz* 'Маша одела ее (напр. Оли) платье'. В примерах (б) и (в) R_x имеет функцию посессивного спецификатора, однако в современном языке он полностью грамматикализовался в составе генитивной и аблативной конструкций и выполняет также роль грамматического согласования.

(5) Спецификация обладаемого происходит в случаях *ложного грамматического согласования*, напр., когда референт является локализатором, а обладаемое — отчуждаемым объектом в функции несфокусированного обстоятельства, ср.: [Petjir-len] [azbar-a]-z kiz'pu bude 'У Пети во дворе растет береза'. В этом примере посессор и обладаемое скорее выражают отношение ситуативной посессивности. Поначалу R_x в такой конструкции, видимо, появлялся по аналогии неотчуждаемых объектов, т.е. действительного согласования, ср.: *mjn-am ki-ja-m kniga* 'у меня в руке книга'. В современном языке локализатор в форме генитива (исторически адессив) и R_x образовали конструкцию установки посессивной связи, ср.: *Petjir-len azbar-a-z* 'во дворе Пети'. В современном языке все имена, следующие такому локализатору автоматически присоединяют посессивный суффикс.

(6) С другой стороны, видимо, по аналогии спецификации референта у неотчуждаемых имен (когда референт являлся локализатором, ср.: *mjn-am ki-ja-m kniga* 'у меня в руке книга'), произошла *ложная (вторичная) посессивная спецификация* неотчуждаемого имени, ср.: *Pijaš-len pin'-iz više* 'у мальчика болит зуб-3SG', что было мотивировано формой генитива.

Особенностью «ложных» случаев является нерегулярность спецификации, напр., в диалектах в эгоцентрическом дискурсе R_x не используется. В коми языке в таких случаях посессивное оформление не является обязательным.

Если референт идентифицируем, посессивная маркировка соответствует схемам в (289), ср.: (290 а.) *mon punj-jeni-m šudiško* 'я играю со своей собакой' и (290 б.) *mon punj-jeni-d šudiško* 'я играю с твоей собакой'.

- (290) (а) [. . . X_i...[имя-_{x_i}-OBL] ...]
 (б) [. . . X_i...[имя-_{x_i}-OBL...]

Если референта невозможно идентифицировать с помощью R_x, он может появляться в качестве генитивного атрибута (290 в.), ср.: *Petjir Maša-len punj-jeni-z šude* 'Петя играет с собакой Маши', однако R_x при этом не опускается (см. п. 3.2.2.), а также номинативного атрибута (289 д.), ср.: *mon [ton vjil-e] derem dišaj* 'я одел платье на тебя (а не на Машу)'.

- (в) [. . . X_i...[X_j-GEN имя-_{x_j}-OBL]...]

Особый случай представляет **прямое дополнение** (см. п. 3.1.2.6.): с одной стороны спецификацию получает обладаемое, с другой стороны — референт (см. п. 3.2.2.). Референт получает спецификацию, если является аргументом, напр., субъектом (291 а.), ср.: *Petjir šin-z-e ust-i-z* 'Петя открыл глаза'. Если референта невозможно идентифицировать, он появляется в качестве аблативного атрибута, а объект обязательно оформляется R_x (291 г.), ср.: *mon so-leš ki-z-e čepjlti* 'я ущипнул ему руку'. Такое сочетание — подобно генитивным — представляет собой синтаксическую конструкцию, в которой форма аблатива атрибута зависит от статуса

прямого дополнения главного слова, а посессивное маркирование последнего — от маркера аблатива. Референт также может быть представлен в качестве внешнего посессора, а именно в функции аблативного локализатора-источника (291 д.), ср.: *Petir Maša-les knīga-z-e bašt-i-z* ‘Петя взял у Маши книгу’.

- (291) (а) [. . . X_i-SUB...[имя-_{X_i}-DO] ... транзитивный глагол]
 (б) [. . . X_i-SUB...[имя-_{X_i}-DO] ... транзитивный глагол]
 (г) [. . . X_i-SUB...[X_j-ABL имя-_{X_j}-DO] ... транзитивный глагол]
 (д) [. . . X_i-SUB...[X_j-ABL] [имя-_{X_j}-DO] ... транзитивный глагол]

Необходимо отметить, что вне зависимости от функции (согласование, спецификация посессивности) R_x выступает в качестве рефлексивного суффикса, если субъект предложения и референт обладаемого совпадают, см. (289 в.), (290 а.), (291 а.), (292 а., д.).

- (292) (а) *mon ki-ja-m šukki* ‘я ударил себя в руку’
 (б) **mon mon-e/as-m-e ki-ja-m šukki* ‘я ударил меня/себя в руку’
 (в) *mon ki-ja-d šukki* ‘я ударил тебя в руку’
 (г) ?*mon ton-e ki-ja-d šukki* ‘я ударил тебя в руку’
 (д) *so ki-ja-z šukkiz* ‘он ударил себя в руку’,
 но
 (е) *so so-je ki-ja-z šukkiz* ‘он ударил его в руку’

Учитывая материал, приведенный в разделе 3.1., проанализируем текст, в котором женщина рассказывает односельчанину (студенту) историю, которая произошла с одной жительницей их деревни (1981: 126–127).

- (293) *роман картин-лэн, пэ, ок. пол коз-эз ыш-эм...*
 ЛИ ЛИ-GEN де один.раз коза-3SG пропасть-2PRET.3SG
 ‘У Екатерины Романовны, говорят, однажды коза пропала...’
- (294) *ну, пэ, курэкт-э ук ни картин-эд.*
 ну де горевать-PRES.3SG уж уже ЛИ-2SG
 ‘Ох и горюет уж Екатерина-то’
- (295) *оло. кы'-ти но учча-ллам — өвөл шэт-и-ллам.*
 хоть. где-PROL и искать-2PRET.3PL отр. найти-2PRET.3PL
 ‘Где только ни искали — не нашли’.
- (296) *сик-ыс' но учча-ллам — нокыт-ын но, пэ, өвөл*
 лес-ELAT и искать-2PRET.3PL нигде-INES и де отр.EX
коза-зы...
 коза-3PL
 ‘И в лесу искали — нигде нет козы...’
- (297) *тарэ санко ванка мунчо-э пу ну-э*
 теперь ЛИ ЛИ баня-ILLAT дерево.ACC нести-PRES.3SG
выл-эм.
 вспом.гл.-2PRET
 ‘Вот Санко Ванька нес в баню [охапку] дров’.

- (298) соку ай санко-ос роман-йос-ын ёош ул-о
 тогда еще ЛИ-PL ЛИ-PL-INSTR вместе жить-PRES.3PL
 на вал.
 еще вспом.гл.1PRET
 'Тогда еще семья Санко жила в одном доме (вместе) с семей Романа'.
- (299) йа, тарэ ванка, пичи макэ ай, ну, нэ,
 ладно, теперь ЛИ маленький что-то еще дерево.ACC де
 ну-э.
 нести-PRES.3SG
 'Ну вот, Ванька, еще маленький, дрова несет'.
- (300) ну-он самэн-ыс со-ид мунчо укно-э учкыны
 нести-PART по-3SG он-2SG баня окно-ILLAT смотреть.INF
 ёвёл-а шэйт-эм.
 отр.-INTER найти-2PRET.3SG
 'Неся [вязанку], тот нечаянно взглянул в банное окошко'.
- (301) ну-эз но та-ид-лы кулэ ёвёл ни, нэ, до-л-дол
 дерево-3SG и этот-2SG-DAT надо отр. уже де все все
 шултыр-ша лтыр кушты-са кэлт-эм.
 грохот бросить-GER оставить-2PRET.3SG
 'И дров ему не нужно стало, с грохотом бросил и оставил'.
- (302) кук-йос-ыз но, нэ, у-г ни йотыл-о.
 нога-PL-3SG и де отр.PRES-3PL уже касаться-NEG.PL
 'Только пятки и засверкали («и ноги [земли]-де не касаются»)'.
- (303) озы гурт-а-з бэрт-эм.
 так дом-ILLAT-3SG прийти-2PRET.3SG
 'Так побежал домой'.
- (304) тарэ мум-из-лы мад-э ни: вот озы-озы
 теперь мать-3SG-DAT рассказать-PRES.3SG уже вот так так
 мунчо кукник-эз аэ-и.
 баня дух-ACC видеть-1PRET.1SG
 'Теперь уже рассказывает матери: так [мол], и так банника увидел'.
- (305) ымныр-ыс, нэ, сёд, туш-эз но, нэ, ван, ач-ис, нэ, быдэс
 лицо-3SG де черный борода-3SG и де быть.EX сам-3SG де весь
 коза самэн бёкс-э.
 коза как бляеть-PRES.3SG
 'Лицо-де черное, и борода-де есть, а сам, дескать, совсем по-козлиному
 блеет'.
- (306) ма ишан та шуы-са, нэ, мунчо-а-зы
 что привидение это сказать-GER де баня-ILLAT-3PL
 кошк-иллам.
 уйти-2PRET.3PL
 'Что за напасть такая, — пошли в баню'.
- (307) ёс-с-эс уст-иллам но, коза-зы, нэ, урткыч
 дверь-3PL-ACC открыть-2PRET.3PL и коза-3PL де летучая мышь
 кад лоба-са кошк-и-з.
 как лететь-GER уйти-1PRET-3SG
 'Дверь [только] открыли, и коза стрелой («летучей мышью») вылетела
 [оттуда]'.

- (308) *ва́н* *вэ́ник-с-эс* *су́-эм,* *йы́рй-эм.*
 весь веник-3PL-ACC есть-2PRET.3SG грызть-2PRET.3SG
 ‘Все веники поела, обглодала’.
- (309) *ко́на* *котол-а-зы* *ву-зы* *выл-эм,* *до́л-дол*
 сколько котел-ILLAT-3PL вода-3PL быть.EX-2PRET все все
со-э *но* *йу-эм.*
 это-ACC и пить-2PRET.3SG
 ‘Сколько в котле воды было, и это все выпила’.
- (310) *стэ́на-ос-ы́с* *жу́й-з-э* *но* *чи́сто* *ишк-эм.*
 стена-PL-ELAT мох-3SG-ACC и все рвать-2PRET.3SG
 ‘И мох в пазах («из стены») начисто выщипала’.

В примере (293) субъект *коза* — имя со средней степенью посессивности — специфицируется аппелляцией к известному адресату референту *Екатерина*. Генитивный маркер локализатора требует посессивного оформления объекта *коза*. В (294) автор также с помощью 2SG устанавливает ассоциацию слушателя с известным и активным топиком *Екатерина*. В (295) активируется еще один референт — *они*, однако в этом случае говорящий полагает, что слушатель понимает о ком идет речь — о Екатерине и ее семье. В (296) субъект *коза* с одной стороны уже имеет установленного референта, но с другой стороны определяется уже относительно нового референта *они*, который является активированным и не имеет синтаксического выражения. Пример (297) вводит или активирует новые дискурсивные элементы: *Санко Ванька*, *баня* и *дрова*, при этом обозначается физический контакт: мальчик несет дрова. В (298) происходит отступление, поскольку говорящий догадывается, что адресат не может установить связь между новым топиком *Санко Ванька* и известным — *они*, таким образом, активизируется новый референт *они* — семья Екатерины и Вани, — при этом идентификация происходит по отчеству участников, а также с помощью PL. В (299) происходит возвращение в дискурс. В (300) топиком является глагольное выражение *когда он нес*, а фокусом — *он посмотрел в банное окно*. Однако антецедент *он* является известным, активным элементом, поэтому оформляется 2SG. Послеложное обстоятельство *сямены-с* ‘бук. образом, манерой’ имеет грамматическое согласование с референтом *он*, выраженном в предложении. Конструкция типа *банное окно* традиционно определяется выражением принадлежности неопределенному обладателю. Однако понятие *баня* уже встречалось в дискурсе и в рассматриваемом случае речь идет о конкретной определенной бане. На наш взгляд, понятие *баня* в момент высказывания является известным, но недостаточно активированным — с одной стороны (напр., не является дискурсивным топиком), и выражает пассивную посессивную связь с обладателем (отношение целого и части) — с другой. Далее (301) в фокусе внимания находится целое высказывание. Активный топик *Ванька* (*он*) употребляется в третий раз, поэтому известное понятие оформляется не только 2SG, но и выражается другим местоимением *та* ‘этот’, которое обозначает также пространственную близость. Здесь *дрова* — известный

элемент, имеющий ассоциативную связь с референтом *Ваня*, которая была установлена в предложениях (297) и (299), ср.: *мальчик нес дрова*. В дальнейшем (302), (303) и (304) активный топик (*Ваня*) опускается, однако референтные имена объектов неотчуждаемой семантики (*ноги*), высокой (*мать*) и средней (*дом*) степени посессивности находятся в фокусе высказываний и их посессивная спецификация актуальна. В (304) появляется или активизируется новое понятие — *банник*, которое является основным топиком в следующем предложении (305) и получает только суффиксальный маркер, поскольку синтаксически располагается близко. Возвратный субъект *ачиз* 'сам' указывает на последний активный топик, местоимение *со* 'он' в этом случае провоцировало бы двоякость antecedента: либо *банник*, либо *Ваня*. Понятие *коза* здесь не возводится в топик, поскольку участники событий еще не идентифицируют *банника* как *козу*. Далее (306) вновь появляется известный референт — *они* (семья Романовых и Александровых). Следующие понятия *баня*, *дверь*, *веники*, *котел* и *вода* все получают посессивную спецификацию (307), (308) и (309). В примере (310) объект ассоциируется со *стеной* по принципу локализации.

3.1.4. Из истории грамматикализации конструкции

Материал части 3.1. настоящей работы демонстрирует, что посессивная конструкция N-Px развилась на базе грамматического согласования. Видимо, в древнепермском языке, а возможно еще раньше, личные местоимения или местоименные клитики присоединялись к членам предложения для их грамматической связи с субъектом. Грамматическое согласование с субъектом поначалу наблюдалась только у герундий, некоторых местоимений и числительных, а также у имен объектов неотчуждаемой семантики в функции обстоятельства, что характерно и для современного языка. С именами существительными они употреблялись также для дифференциации атрибута и аргумента, ср.: *тон ki-ĵn purt* 'в моей руке нож' и *тон ki-ja-m purt vožiško* 'я в руке держу нож'. Иными словами, основной их функцией было грамматическое маркирование статуса аргумента референта и обозначение синтаксической связи с ним, поэтому местоименный клитик присоединялся к концу падежного показателя имени. Px в некоторых случаях был не единственным маркером посессора-аргумента, в статичных предложениях аргумент обозначался адессивом, ср.: *mĵn-am ki-ja-m purt* 'у меня в руке нож'.

Со временем по аналогии возникло «ложное» согласование и у имен объектов отчуждаемой семантики, напр., в примерах типа [*Petĵr-len*] [*azbar-a*]-z *kĵzpu bude* 'У Пети во дворе растет береза', что стало прецедентом появления посессивной функции местоименных клитиков. В новой посессивной функции суффиксы присоединялись и к косвенным падежам, следовали прямо основе слова, предшествовали Sx. Таким образом, связь клитика и имени стала намного теснее, чем в случае граммати-

ческого согласования. В результате переразложения в состав суффикса был вовлечен конечный гласный основы. На наш взгляд, посессивная функция R_x появилась в конце общепермского периода, о чем свидетельствуют разный фонетический состав и разный принцип дистрибуции R_x в удмуртском и коми языках.

Как известно, в пермских языках имел место процесс утраты конечного гласного основы. Судя по всему, в коми языке процесс переразложения происходил быстрее, о чем свидетельствуют примеры типа удм. *gubi*, коми *gob* 'гриб', удм. *tułi* и коми *toł* 'ягода', а также *i*-mobile¹⁷ в удмуртских диалектах, ср.: *žuj* ~ *žuj*i** 'мох', *mej* ~ *mej*i** 'взрослый' (Кельмаков 1993: 28), т. е. конечный *-i* в коми языке выпал значительно раньше, чем в удмуртском. Благодаря этому доминирующим гласным в коми R_x является *-i*. Судя по текстам, еще в XIX в. в удмуртском языке конечный *-i* некоторых слов воспринимался как конечный гласный основы, ср.: *мынамъ гажамъ Пу* 'Сынъ мой возлюбленный' и *мынамъ мылы-кыды* 'мое благоволение' (Евангелие 1947: 15). Основы на *-e* подверглись расщеплению значительно раньше, в силу чего огласовка на *-e* стала доминирующей; *-i* отошел к суффиксу и грамматикализовался поздно (до сих пор варьируется). При этом он грамматикализовался в показатель принадлежности множества предметов ед. обладателю. Конечный *-i*, который перешел в состав суффикса позже всего, видимо, был характерен для основ имен определенной лексико-семантической группы (названия частей тела, предметов), а также фонетического состава типа CVC*i* и одного синхронного среза. В силу этого, в результате фонетического перераспределения возник эффект морфологического выделения неотчуждаемой посессивности, становление которого описали В. К. Кельмаков (1993: 26–27) и В. И. Лыткин (1970). Следовательно, морфологическое маркирование неотчуждаемой посессивности в удмуртском языке — явление сравнительно позднее.

В случае 1SG отсутствие согласного *-m* в номинативе и большинстве косвенных падежей можно объяснить тем, что его никогда там и не было. Формант *-m* появлялся в случаях грамматического согласования, но не в посессивной функции. В. И. Лыткин предполагает, что в древнепермском языке 1SG не появлялся в парадигме посессивных суффиксов вообще, он имел место в форме одиночного гласного *-e* только в номинативе и фонетически совпадал с формой вокатива (Лыткин 1952: 106–7). Наш материал свидетельствует также о том, что в современном языке в эгоцентрическом дискурсе рассматриваемый показатель может опускаться, а в некоторых диалектах это является правилом. Это же утверждалось первой научной грамматикой: «Когда выговаривается съ симъ мѣстоименіемъ *мынамъ*, мой, тогда окончаніе при имени остается тоже [то же] *мынамъ сясыка*, мой *цвѣтокъ*» (Сочиненія: 1). По-видимому, в древнепермском языке в

¹⁷ Наличие или отсутствие *-i* в корне слова.

эгоцентрическом дискурсе R_x грамматически не выражался. Возможно, в эпоху переразложения основ еще до появления посессивной функции R_x, конечный гласный в эгоцентрическом дискурсе стал выполнять функцию субъективной оценки: *-e*, *-i*, а в случае неэгоцентрического дискурса вошел в состав R_x, *-ed/-iz*, *-ez/-iz*. Впоследствии под влиянием аналогии, *-e* стал выполнять посессивную функцию и в 1SG.

В современном коми языке функционирование R_x в качестве спецификаторов посессивности, на наш взгляд, имеет более архаичные черты, чем в удмуртском. В современном удмуртском языке дистрибуция R_x получила интенсивный характер, видимо, в силу его грамматикализации в состав генитивных конструкций N-GEN N-R_x. Возможно, (но не обязательно) этому способствовало влияние тюркских языков.

3.2. Генитивные конструкции

Особенностью генитивных конструкций является оформление генитивного модификатора маркером *-len*, а обладаемого в обязательном порядке соответствующим лицу и числу R_x (в коми языке доминирует конструкция без R_x) — в случае, если обладаемое не выступает в функции прямого дополнения: *student-len kniga-jez* (студент-GEN книга-3SG) ‘книга студента’. Генитивный модификатор маркируется аблативом *-leś*, а обладаемое принимает R_x и показатель аккузатива — в случае, если обладаемое выступает в функции прямого дополнения: *student-leś kniga-z-e ližž-iško* (студент-ABL книга-3SG-ACC читать-PRES.1SG) ‘я читаю книгу студента’.

Генитивный модификатор на *-len* не всегда имеет функцию атрибута — он может быть либо *внешним (external possessor)* и являться аргументом предложения, либо *внутренним (internal possessor)* и нести функцию атрибута по отношению к именной фразе обладаемого (термин Payne, Barshi: 1999: 3), см. п. 1.4.2. Д. Пейн и И. Барши предполагают, что статус обладаемого связан с семантикой предиката и его характеристиками, а именно зависит от валентности и залога глагола, которые отражают когнитивное выражение действия, напр., интранзитивный предикат предполагает наличие двух аргументов, а транзитивный — трех (Payne, Barshi 1999: 15-6). Б. Хайне полагает, что рассматриваемое явление скорее связано с прагматикой и зависит от спецификации компонентов: посессор, как правило, является внешним, если подлежаит спецификации (Heine 1997: 167-171).

Основная проблема выявления внешнего и внутреннего посессора в удмуртском языке заключается в их морфологической недифференцированности, в то время как, напр., в русском они формально различаются, ср.: (а) У Петю новая машина, (б) Петя поранил Маше руку, (в) Маша Петина сестра и (г) Книга Петю лежит на столе. Посессор в примерах

(а) и (б) принято рассматривать как внешний, при этом в (а) внешний посессор маркируется локативом, а в (б) — дативом. В примерах (в) и (г) он считается внутренним и маркируется генитивом или притяжательным суффиксом *-ин*. Если перевести примеры на удмуртский язык, посессор будет морфологически маркирован генитивом на *-len* (при прямом объекте — аблативом на *-les'*), ср.: (а) *Petiř-len viľ mařina-jez vań*, (б) *Petiř Maša-les' ki-z-e seřirtiz*, (в) *Maša Petiř-len suzer-ez*, (г) *Petiř-len kniġa-jez žek viľjn kiľle*.

В описательных грамматиках удмуртского языка у генитивного модификатора отмечаются функции определения или косвенного дополнения, но, к сожалению, нет подробных объяснений, в каких случаях реализуется та или иная функция (Aminoff 1896: 25; Емельянов 1927: 138-139; ГСУЯ 1962: 95-98; 1970: 170; Kel'makov, Hännikäinen 1999: 73; Bartens 2000: 93-96). Некоторые ученые отмечают, что генитивный посессор может выступать в функции субъекта в некоторых модальных высказываниях и номинализованных релятивных клаузах (Bertens 2000: 94; 329-331). В Грамматике современного удмуртского языка предлагаются следующие примеры:

- (311) *Колхоз-лэн бусы-ез вожект-э.*
 колхоз-GEN поле-3SG зеленеть-PRES.3SG
 'Поле колхоза зеленеет'.
- (312) *Председатель колхоз-лэсь бусы-з-э возмат-й-з.*
 председатель колхоз-ABL поле-3SG-ACC показать-1PRET-3SG
 'Председатель показал поле колхоза'.
- (313) *Коля-лэн си-ем-ез пот-э.*
 ЛИ-GEN есть-PART-3SG выходить-PRES.3SG
 'Коле хочется есть'.
- (314) *Уж дор-ын строитель-лэн ваньмыз дась мед лу-о-з.*
 работа у-INES строитель-GEN все готовый пусть быть-FUT-3SG
 'На работе у строителей все должно быть готово'.
- (315) *Чабей пызь-лэсь нянь пыж-и-м.*
 пшеница мука-ABL хлеб.ACC печь-1PRET-1PL
 'Из пшеничной муки мы испекли хлеб'.

В примерах (311) и (312) имена, оформленные показателями *-len* и *-les'* рассматриваются как определения, а в примерах (313), (314) и (315) — как косвенное дополнение (ГСУЯ 1970: 170).

Эта проблема есть и в родственных финно-угорских языках, напр., в марийском языке. Внешний посессор здесь Э. Кангасмаа-Минн обозначает как *адвербиальный генитив* (в традициях финно-угроведения некоторые ученые также предлагают обозначать внешний посессор как *датив*, напр., Веке 1913-1918: 11), который зависит от глагола, в то время как *прямой адноминальный генитив* (внутренний посессор) зависит только от определяемого слова, ср.: (а) *mari-n erge šoćən* 'Сын человека родился' и (б) *mari-n erge šoćən* 'У человека родился сын', (в) *im'ən oza kajen* 'Хозяин уехал на лошади'. По мнению Кангасмаа-Минн, в (а) обладатель является

атрибутом, в (в) — аргументом предложения, а в (б) имеет двойственный характер (нет определенной границы между статусом атрибута и аргумента) — такой тип она определяет как *непрямой адноминальный генитив*. В случае (а) посессор находится рядом и предшествует обладаемому, в случае (б) и (в) может занимать любое положение, но чаще предшествует глаголу (Kangasmaa-Minn 1966: 21, 23; 1969: 7). Посессор-генитивный модификатор может быть внешним и в финском языке, ср.: *minu-n on kylmä* ‘мне холодно (букв. мой холод есть)’, *minu-n tulee kylmä* ‘мне холодно (букв. мой холод приходит)’ (Kangasmaa-Minn 1969: 8). В мордовских языках, ср.: *Петя-нь ули цёра-ц* ‘У Пети есть сын’ и *Петя-нь цёра-ц якай школав* ‘Сын Пети ходит в школу’. В венгерском посессор-генитивный модификатор с показателем *-nak* является внутренним в примере *János-nak a könyv-e* ‘книга Яноша’ и внешним в *János-nak ellopták a könyv-ét* ‘У Яноша украли книгу’ (Szabolcsi 1981; 1983; Kiss 2002: 157; Nikolaeva 2002; Хонти 2008).

На наш взгляд, особенности функционирования и дистрибуции R_x коррелируют с поведением его антецедента или генитивного модификатора. В соответствии с таким допущением, можно предположить, что именно посессор в форме генитива является внешним, если он специфицирован, и внутренним — в случае спецификации обладаемого.

- (316) [Petjɹ-len]_{TOP} [viʃ mašina-jez van]_{FOC}
 ЛИ-GEN новый машина-3SG быть.EX
 ‘У Пети есть новая машина’
- (317) [Petjɹ-len]_{TOP} [mašina-jez]_{TOP} [viʃ]_{FOC}
 ЛИ-GEN машина-3SG новый
 ‘У Пети машина новая’
- (318) [Petjɹ]_{TOP} [Maša-leś ki-z-e]_{FOC} ćepʃlt-i-z
 ЛИ ЛИ-ABL рука-3SG-ACC ущипнуть-1PRET-3SG
 ‘Петя ущипнул Маше руку’
- (319) [Petjɹ]_{TOP} [Maša-leś knīga-z-e]_{FOC} bašt-i-z
 ЛИ ЛИ-ABL книга-3SG-ACC читать-PRES.3SG
 ‘Петя взял у Маши книгу’
- (320) [Petjɹ-len]_{TOP} [azbar-a-z]_{TOP} [mašina sij-e]_{FOC}
 ЛИ-GEN двор-INES-3SG машина-3SG стоять-PRES.3SG
 ‘У Пети во дворе стоит машина’
- (321) [Petjɹ] [Maša-len azbar-a-z]_{FOC} pɹjɹ-e
 ЛИ ЛИ-GEN двор-ILLAT-3SG заходить-PRES.3SG
 ‘Петя заходит во двор Маши’

Примеры свидетельствуют о том, что внешний или внутренний характер посессора-генитивного модификатора зависит от дискурсивного статуса посессора: он выступает в качестве атрибута, т. е. внутреннего посессора, если его существования не продиктовано пресуппозицией. Такая конструкция типична, если определяемый компонент находится в фокусе высказывания, ср. (318), (319), (321). Если посессор предопределен пресуппозицией, т. е. является аргументом, то он — внешний (316), (317), (319).

Статус аргумента, таким образом, связан с типом высказывания или, точнее, типом предиката: бытийный тип предложения чаще всего предполагает объект и локативное обстоятельство, поэтому генитивный модификатор в таких предложениях выполняет функцию локализатора или экспериенсера применительно к неотчуждаемым объектам, ср.: (316) и (317). Транзитивные или каузативные высказывания требуют эффектора, объекта и пациенса: посессор здесь может выступать в роли пациенса, если обладаемый компонент обозначает часть посессора (318).

3.2.1. Конструкции с генитивом *-len* N_{Pr}-Gen N_{Pm}-Px

Генитивный модификатор с показателем *-len* в современном удмуртском языке может выполнять функции: (I) аргумента, (II) атрибута или (III) иметь двойственный характер. Функциональной дистрибуция задается дискурсивным статусом компонентов, типом высказывания и содержанием предиката предложения.

I. Генитивный модификатор, как правило, является аргументом и выполняет функцию обстоятельственного дополнения в некоторых типах статических высказываний, в которых предикат предполагает объект и его локализацию. Напр., типичный случай конструкции обладания представляет собой бытийное предложение типа *у X есть Y* (316). Кроме того, обстоятельственное дополнение в форме генитива может быть аргументом некоторых статических глаголов, которые предполагают одушевленного локализатора и обозначают ситуацию типа *у кого-то что-то происходит*, ср. (322).

Наиболее часто внешний посессор проявляется в отношении часть — целое, напр., (323), (324), (325). Здесь генитивный модификатор выполняет функцию *экспериенсера*. В подобных конструкциях объект посессивности является субъектом, а посессор — косвенным обстоятельственным дополнением.

Обладатель скорее имеет внешний статус *личного локализатора* (термин Арутюновой и Ширяева 1983), когда он употребляется совместно с неодушевленным пространственным локализатором, который не находится в фокусе высказывания, напр., (320), (326), (327). Такая конструкция отличается от типа (321) тем, что пространственный локализатор является не зависит от глагола (в отличие от аргумента динамического глагола). Если оба локализатора являются одушевленными, то они представляют единую именную фразу, ср.: [*Petj̄r-len eš-ez-len*] *azbar-a-z mašina s̄j̄l-e* ‘У Петиного друга во дворе стоит машина’.

(322) *Агнесса-лэн ваньм-ыз нӧрм-е.*
 ЛII-GEN все-3SG получаться-PRES.3SG
 ‘У Агнессы получается все’ (Инвожо 02.–03.2006: 32).

(323) *супьлт-ис мурт-лэн кыл-ыс, нэ, пулд-э.*
 болтать-PART человек-GEN язык-3SG де опухать-PRES.3SG

- ‘У болтливого человека на языке мозоль, говорят, появляется’ (1990: 151).
- (324) Сол-эн йыр-ыз ик вильысь жонгетыны шот-а.
он-GEN голова-3SG даже снова гудеть.INF начинаться-PRES.3SG
‘У него даже голова снова начинает гудеть’ (Перевошиков 1994: 13).
- (325) Дійськит-эз-лэн кӧс синьыс-эз гинэ но
одежда-3SG-GEN сухой нитка-3SG только и
кыльы-мтэ ни.
остаться-2PRET.NEG.3SG уже
‘На одежде даже сухой нитки не осталось’ (Бадретдинов 2007: 7).
- (326) Кин тод-э, мар со-лэн йыр-а-э?
кто знать-PRES.3SG что он-GEN голова-INES-3SG
‘Кто знает, что у него в голове’ (Удмурт дунне № 39, 19.03.2008).
- (327) Ми-лам жӧк выл-ын котма но ван, нан-лэс
мы-GEN стол на-INES все и быть.EX хлеб-ABL
баӟым-эз ӧвӧл.
большой-3SG отр.EX
‘У нас на столе есть все, только дороже хлеба ничего нет’ (1982: 20).

Генитивный посессор в трехкомпонентных послеложных конструкциях имеет внутренний статус, когда R_x следует за главным словом, ср.: (329). Если R_x присоединяется к послелогу, то статус посессора зависит от коммуникативного статуса послеложного сочетания: если оно не в фокусе высказывания, то выходит за рамки именной фразы обладаемого, ср.: (328).

- (328) Соснов-ӧёс-лэн корка пушк-а-зы котькуд-лэсь но
ЛИ-PL-GEN дом внутрь-INES-3PL всегда-ABL и
чалмыт вал.
тихо вспом.гл.1PRET
‘В доме у Сосновых было тихо, как никогда’ (Красильников 1991: 41).
- (329) Больница-лэн азбар-ез вамен ӧош пот-й-зы.
больница-GEN двор-3SG через вместе выйти-1PRET-3PL
‘Перешли вместе двор больницы’ (Красильников 1991: 12).

Одним словом, посессор-генитивный модификатор внешний в случаях, когда обладаемое является субъектом в статических высказываниях, или несфокусированным обстоятельством, а посессор выступает в роли локализатора, экспериенсера, а в некоторых случаях также семантического субъекта (см. ниже).

II. Атрибутивная функция чаще всего проявляется в случаях, когда посессор семантически и синтаксически не связан с предикатом. В этом случае генитивный модификатор является спецификатором обладаемого.

Атрибутивная функция может проявляться в высказываниях любого типа. Однако наиболее характерна она для генитивного модификатора, определяющего или специфицирующего зависимый от глагола компонент предложения, напр., косвенные дополнения (330), (331), зависимые обстоятельства в динамических предложениях (334). Если обладаемое является субъектом, то не всегда возможно определить статус посессора. Посессор скорее является внутренним:

- (а) если глагольный предикат не имеет генитивной валентности;
 (б) если обладаемое не обозначает часть посессора;
 (в) если генитивная конструкция является предикатом, и предикат находится в фокусе высказывания (335).

Генитивный маркер никогда не появляется, если обладаемое выполняет в предложении роль прямого дополнения.

- (330) *Со колхоз-лэн председател-ез-лэсь коньдон порт-э*
 он колхоз-GEN председатель-3SG-ABL деньги.ACC сверлить-PRES.3SG
выл-эм.
 вспом.гл.-2PRET
 ‘Он, оказывается, у председателя колхоза денег выпрашивал’ (Перовщиков 1994: 47).
- (331) *Борис-лэн ана-ез-лы Аня соку ик кельш-ем.*
 ЛИ-GEN мать-3SG-DAT ЛИ тогда же нравиться-2PRET.3SG
 ‘Аня сразу понравилась маме Бориса’ (Удмурт дунне № 165, 29.10.2008).
- (332) *Мукет урам-тй вамышья «Югыт сюрес»*
 другой улица-PROL шагать.PRES.3SG светлый путь
газет-лэн редактор-ез.
 газета-GEN редактор-3SG
 ‘По другой улице идет редактор газеты «Светлый путь»’ (Красильников 1991: 111).
- (333) *сод нууэс-эз лугыт кар-э с’од*
 черный лес-ACC светлый делать-PRES.3SG черный
л’омпу-уэн с’аскай-эз.
 черемуха-GEN цветок-3SG
 ‘Освещают темный лес цветы черной черемухи’ (1982: 20).
- (334) *со нунал-э мын-о ныл-лэн корка-э.*
 это день-ILLAT идти-PRES.3PL девушка дом.ILLAT-3SG
 ‘В тот же день отправляются в дом невесты’ (1990: 39).
- (335) *Со Иоханна-лэн карт-эз.*
 он ЛИ-GEN муж-3SG
 ‘Он муж Иоханны’ (Инвожо 11.2004: 36).

III. В некоторых случаях генитивный модификатор может обозначать фактический субъект действия, выраженный отглагольным именем. По мнению Э. Кангасмаа-Минн, в конструкциях с номинализированным глаголом генитивный модификатор может рассматриваться **и как атрибут, и как аргумент**, напр., марийское предложение *imñan kajatet ižep* она предлагает переводить как ‘он увидел ход лошади’ и ‘он увидел, как лошадь шла’ (Kangasmaa-Minn 1966: 22).

В удмуртском языке следует выделять несколько типов подобных конструкций: (а) номинализированные конструкции, обозначающие субъекта и его действие (336), (б) модальные конструкции желания (337) и способности действовать (338), (в) образования с перфектом (339) (см. п. 3.1.3.1.1.). Вслед за Э. Кангасмаа-Минн генитивный модификатор в таких конструкциях можно рассматривать как внешний и как внутренний, ср.:

- (336) *Удмурти-лэн Росси-е пыр-ем-ез дыр-ысен 450 ар*
 ЛИ-GEN ЛИ-ILLAT войти-PART-3SG время-EGRES 450 лет
тырмон-лы сйзы-са, эшио кыче ке бадзым но туж
 исполнение-DAT посвятить-GER еще какой-то большой и очень
чебер книга поттыны малта-ло.
 красивый книга.ACC издать-INF думать-PRES.3PL
 ‘В честь исполнения 450 лет с момента вхождения Удмурти в состав России
 хотят издать какую-то большую и очень красивую книгу’ (Удмурт дунне №
 59, 23.04.2008).
- (337) *Пиыш-лэн летчик лу-эм-ез пот-э.*
 мальчик-GEN летчик быть-PART-3SG выходить-PRES.3SG
 ‘Мальчик хочет стать летчиком’ (Инвожо 06.-07.2006: 39).
- (338) *Тй-ляд султ-эм-ды лу-о-з-а?*
 вы-GEN встать-PART-2PL мочь-FUT-3SG-INTER
 ‘Вы сможете встать?’ (Красильников 1991: 81).
- (339) *Мын-ам но събр-а-з ветл-эм-е вань.*
 я-GEN и за-ILLAT-3SG ходить-PART-1SG быть.EX
 ‘Я тоже ходила за ним [соседом]’ (Удмурт дунне № 48, 07.04.2010).

В независимости от внутреннего или внешнего характера посессора, в генитивных конструкциях обладаемое, как правило, согласуется с посессором в лице и числе. Необходимо, однако, указать на некоторые особенности этого согласования. Напр., при множественном обладателе имена объектов неотчуждаемой семантики, а также высокой степени посессивности не оформляются показателем множественного числа (10), либо при множестве обладателей принимают P_x единичного обладателя (340). Показатель множественного числа при единичном обладателе возможен у таких имен в качестве поэтического приема, ср.: (11).

- (340) *куд-ог адами-ос-лэн колхоз-э пырыны*
 некторый человек-PL-GEN колхоз-ILLAT заходить.INF
мылкыд-ыз ой вал.
 настроение-3SG отр.1PRET быть.EX.1PRET
 ‘Некоторые не имели желания вступить в колхоз’ (1990: 94).

По мнению Т. И. Тепляшиной, в бесермянском диалекте обладаемое в рассматриваемых конструкциях не приобретает P_x (1970: 176), ср.:

- (340) *nəl-len anaj-lə səl judⁿno ponna sət-o*
 девушка-GEN мать-DAT мясо.ACC нарезать.INF за дать-PRES.3PL
no so si-e sət-e zek kədo-lə
 и он это-ACC дать-PRES.3SG большой кум-DAT
 ‘Матери невесты подают мясо, чтобы нарезать на кусочки, но она сама не
 нарезает, а дает тысяцкому’ (Тепляшина 1970: 176).

Генитивный атрибут, в свою очередь, может присоединять P_x, что говорит о его особом статусе и референтной связи с другими элементами дискурса, напр., (349). На наш взгляд, это свидетельствует о том, что генитивный модификатор в качестве атрибута сохраняет свой автономный статус, что обусловлено особенностью его происхождения.

Rx у обладаемого может опускаться в некоторых случаях, а именно: (а) когда обладаемое определено и предшествует посессору, который находится в фокусе высказывания: (40) *вий-эм жазэк со-лэн выл-эм* ‘Убитый гусь его оказался’; (б) когда в фокусе находится все предложение и посессор имеет внешний статус (341)–(347); (в) когда посессор является внешним в эгоцентрическом дискурсе. В некоторых диалектах такое употребление скорее является правилом, нежели исключением, напр., в кукморском говоре, ср.: (344), (345), см. также (3.2.3). По мнению В. М. Вахрушева (1970: 100-1), имена объектов неотчуждаемой семантики иногда могут не оформляться Rx (см. п. 1.7.1.), что он рассматривает как «второй тип изафета». Однако, на наш взгляд, такое употребление возможно только в случае (б), когда в фокусе оказывается все предложение. Судя по всему, субъект здесь имеет определенный характер и поэтому не оформляется Rx, такой характер он получает благодаря его дополнительному определению в следующем предложении, ср. (примеры из Вахрушев 1970: 101):

- (341) *Лина-лэн бен пель-ёс кылыны дась: шурали-лэн саклык-ез-лэсь*
 ЛИ-GEN уж ухо-PL слышать.INF готовый сова-GEN чуткость-3SG-ABL
но бере у-з кыль, дыр.
 и после отр.FUT-3SG отстать.NEG.SG наверно
 ‘А у Лиины уши наготове все услышать: наверно, чувствительнее, чем у совы’.
- (342) *Шунды-лэн уж одйг – жадён-эз вала-тэк*
 солнце-GEN работа один усталость-ACC понимать-GER
берга.
 крутиться.PRES.3SG
 ‘У солнца одна работа – крутиться без усталости’.
- (343) *Гондыр-лэн сюлэм уката куаля-з.*
 ЛИ-GEN сердце еще дрожать-1PRET.3SG
 ‘У Гондыра сердце еще больше задрожало’.
- (344) *Семон-лэн Наталья ужаны туж шаплы.*
 ЛИ-GEN ЛИ работать.INF очень шустрый
 ‘Наталья у Семена на работу очень расторопна’.
- (345) *Вася-лэн уж-ёс умой мын-о.*
 ЛИ-GEN работа-PL хорошо идти-PRES.3PL
 ‘Дела у Василия идут хорошо’.

Ср. примеры эгоцентрического дискурса:

- (346) *сычэ ини мын-ам сам.*
 такой уж я-GEN характер
 ‘Таков уж мой характер’ (1990: 267).
- (347) *Ми-лям татын больница сярсы критической материал вань.*
 мы-GEN тут больница о критический материал быть.EX
 ‘У нас тут есть критический материал о больнице’ (Красильников 1991: 109).

В редких случаях обладаемое имеет нереферентное значение, ср.:

- (348) *Со-лэн кадь висён шудон уж ёвёл.*
 он-GEN как болезнь игра работа отр.
 ‘Такая болезнь, как у него, не пустяк’ (Красильников 1991: 74).

Компоненты рассматриваемой конструкции в предложении могут занимать разное положение: посессор в функции атрибута предшествует обладаемому и, как правило, не может от него дистанцироваться. Если есть дополнительные определения (выраженные прилагательными, числительными и т.д.), то они занимают позицию за генитивным атрибутом, ср.:

- (349) *Лозовыр-е район-зы-лэн выль кузё-ез Кудрявцев*
 ЛИ-ILLAT район-3PL-GEN новый хозяин-3SG ЛИ
лыкт-й-з.
 приходить-1PRET-3SG
 ‘В д.Лозовыр прибыл новый хозяин района Кудрявцев’ (Первошиков 1994: 44).
- (350) *Таллин-лэн вашкала люкет-а-з ву-исько-д ке,*
 ЛИ-GEN древний часть-ILLAT-3SG прибыть-PRES-2SG если
шор даур-е сюр-ем кадь пот-оно.
 средний век-ILLAT попасть-PART как выходить-PART
 ‘Если попадаешь в старинную часть Таллинна, то чувствуешь себя как в средних веках’ (Эчбур! № 20-25, 05.2006: 4)

В случае нескольких генитивных атрибутов происходит обычное согласование: последующий генитивный атрибут оформляется Рх, указывающим на лицо и число первого, при этом посессоры имеют внутренний характер, ср.:

- (351) *Парти-лэн райком-ез-лэн секретар-ез Долых*
 Партия-GEN райком-3SG-GEN секретарь-3SG ЛИ
пыр-и-з.
 зайти-1PRET-3SG
 ‘Зашел секретарь райкома партии Долых’ (Медведев 2006: 55).
- (352) *Алексей Кузьмич райисполком-лэн председател-ез-лэн*
 ЛИ ЛИ райисполком-GEN председатель-3SG-GEN
воштис-ез лубы-са ужа-з.
 заместитель-3SG быть-GER работать-1PRET.3SG
 ‘Алексей Кузьмич работал заместителем председателя райисполкома’ (Первошиков 1994: 41).
- (353) *Георгий Ильич-лэн комната-ез-лэн укно-ос-ыз сюрес пала*
 ЛИ ЛИ-GEN комната-3SG-GEN окно-PL-3SG дорога на
пот-о.
 выходить-PRES.3PL
 ‘Окна комнаты Георгия Ильича выходят на дорогу’ (Красильников 1991: 30).

Внешний посессор является свободным и может занимать разное положение в предложении: чаще всего (а) он предшествует обладаемому и может отделяться от него другими членами предложения и (б) следует за объектом посессивности. Посессор выступает в препозиции и зачастую

занимает начальное положение, когда является топиком, а обладаемое находится в фокусе высказывания. В таком случае посессор и обладаемое могут разделяться определениями обладаемого (354), вводными словам (355), глаголами (356), местоимениями (357) и т.д.

- (354) *Кык ар ортчы-са, эке-лэн но школа-е мын-он*
 два год проходить-GER млад.брат-GEN и школа-ILLAT идти-PART
дыр-ыз ву-и-з.
 время-3SG приходить-1PRET-3SG
 ‘Через два года пришло время и младшему брату идти в школу’
 (Бадретдинов 2007: 27).
- (355) *толэз-лэн но атас-лэн нэзнай мар-зы тупа-мтэ —*
 месяц-GEN и петух-GEN не знаю что-3PL подходить-2PRET.NEG.3SG
йаш кэрэтыны кутк-иллам.
 шум ссориться.INF начинать-2PRET.3PL
 ‘Месяц и петух отчего-то не поладили друг с другом — шумно начали ссориться’ (1990: 140).
- (356) *соос-лэн был-эм ныл-зы.*
 они-GEN быть.EX-2PRET дочь-3PL
 ‘У них была дочь’ (1990: 144).
- (357) *ко ткуд нулэс-лэн ас-лаз ним-ыз ван.*
 каждый лес-GEN свой-GEN имя-3SG быть.EX
 ‘Каждый лес имеет свое название’ (1981: 81).

Обратный порядок посессора и обладаемого приводит к фокусированию высказывания на первом. Такая необходимость может возникать из-за того, что обладаемое является определенным предметом, а референт в дискурсе не активирован, поэтому обладаемое в препозиции зачастую не оформляется Rх. Типичным случаем является конструкция принадлежности.

- (358) *пильп ил’-эс тодыны кулэ на ай тон, одного док мын-ам.*
 ЛИ ЛИ-ACC знать.INF нужно еще пока ты, одногодка я-GEN
 ‘Филиппова Илью ты еще должен знать, мой однолеток’ (1990: 54).
- (359) *вож бадар кад вож мугор та пинал калык-лэн.*
 зеленый клен как зеленый тело это молодой народ-GEN
 ‘Как зеленый клен, строен станом этот молодой народ’ (1990: 298).

Однако когда в фокусе высказывания все сочетание (посессор и обладаемое), то Rх появляется, ср.:

- (360) *Паймоно кадь характер-ез асьме-лэн главврач-мы-лэн!*
 удивительный как характер-3SG свой-GEN главврач-1PL-GEN
 ‘Удивительный же характер у нашего главврача!’ (Красильников 1991: 18).

Реверсия происходит и в случае, когда обладаемое является топиком следующего дискурса, или последующее действие связано с ним:

- (361) *пинал’-ос-сы соос-лэн ой вал.*
 ребенок-PL-3PL они-GEN отр.1PRET. быть.EX.1PRET
 ‘Детей у них не было’ (1981: 249).

- (362) коркэ-эс со-лэн вылы-мтэ.
 дом-3SG он-GEN быть.EX-2PRET.NEG
 ‘Дома у него не было’ (1990: 135).

Такое же порядок характерен в случае, когда обладатель получает логическое ударение:

- (363) вал-эз онтон-лэн пэрэс’ ни, мырдэм ас
 лошадь-3SG ЛИ-GEN старый уже еле свой
лы-з-э нулл-э.
 кость-3SG-ACC носить-PRES.3SG
 ‘Лошадь у Антона уже старая, еле носит свое тело’ (1981: 54).
- (364) Бен, дан-эз врач-лэн бадзым.
 да честь-3SG врач-GEN большой
 ‘Да, почесть у врачей большая’ (Красильников 1991: 29).
- (365) ана-ез со-лэн сыче кильтро у-г
 мать-3SG он-GEN так модно отр.PRES-3SG
дйсяськ-ы...
 одеваться-NEG.SG
 ‘Мама у нее так модно не одевается...’ (Инвожо № 3–4, 2007: 63).
- (366) «со ми-лам пичи на- ай» иу-о.
 он мы-GEN маленький еще пока сказать-PRES.3PL
 ‘«Она у нас мала еще» говорят’ (1981: 104).

На наш взгляд, глагольные и атрибутивные генитивные конструкции имеют совершенно разный принцип дистрибуции: в первую очередь, их употребление предопределено синтаксическими или дискурсивными особенностями компонентов. Посессор в обеих конструкциях имеет свойство одушевленного или активного понятия, а обладаемое в случае атрибутивной посессивности редко употребляется с именами неотчуждаемых объектов. Кроме того, генитивный модификатор в функции аргумента выполняет строго определенную семантическую и синтаксическую роль и не может заменяться другими посессивными конструкциями, в то время как атрибутивный генитив может заменяться другими посессивными сочетаниями.

Особенность дистрибуции атрибутивных генитивной конструкции с показателем *-лен* на сегодняшний день объясняется определенным характером посессора и противопоставляется конструкциям примыкания, в которых обладатель является неопределенным (см. п. 1.7.3.).

От сочетания Rх+имя генитивная конструкция отличается тем, что обладаемое специфицируется с помощью атрибута, так как посессор является недостаточно идентифицируемым элементом. Это сближает сочетание с генитивом с конструкцией примыкания. Однако их отличает то, что генитив указывает на конкретного посессора, или на известный адресату элемент. Рассматривая в разделе 3.1.3.4. в пример (300) *мунчо укно* ‘банное окошко’, мы указывали, что здесь определяющее является известным элементом, однако *мунчо* ‘баня’ не является активным или основным топиком всего дискурса, упоминается только несколько раз.

Судя по всему, генитив, в отличие от номинатива, *указывает* также *на статус основного дискурсивного топика*, ср.:

- (367) *Мон түйр-лэн тышк-ыны-з майыз-ез йыганы*
 я топор-GEN тыльная сторона-INSTR-3SG кол-ACC стучать.INF
кутск-и.
 начинать-1PRET-1SG
 ‘Я начал колотить кол тыльной стороной топора’ (Бадретдинов 2007: 10).
- (368) *Түйр-лэн лэчыт пал-ыз йыр-а-м*
 топор-GEN острый сторона-3SG голова-ILLAT-1SG
ййт-й-э.
 коснуться-1PRET-3SG
 ‘Острая сторона топора попала мне в голову’ (Бадретдинов 2007: 10).

В тексте рассказывается о том, как мальчик-рассказчик поранил себя топором. Элемент *топор* является основным топиком в тексте. В момент высказывания он имеет высокую активизацию, поэтому это имя в качестве известного определяющего элемента получает маркер генитива.

Тем не менее, нельзя утверждать, что единственным принципом распространения генитивной конструкции является активный и определенный характер обладаемого. Определенность может передаваться и элативным модификатором, ср.: (28) *Гурт-ысьты-мы калык туж яратыллз инди фильмъесты.* ‘Народ нашей деревни очень любил индийские фильмы’ (Бадретдинов 2007: 36). В настоящем случае генитивная конструкция отличается тем, что *указывает на активную посессивную связь*: посессор прилагал определенные усилия для овладения неким предметом, или он имеет полное право использовать и контролировать его, пользуется предметом на протяжении долгого времени, либо ассоциируется с предметом по признаку активного контакта.

Если установка активной связи происходит в дискурсе, то, скорее всего, посессор и обладаемое имеют характер отчуждаемости, неингерентности. В «ситуациях установки» они оба являются аргументом, таким образом активизируются и приобретают статус определенных, известных. «Ситуация установки» также может означать момент установления ассоциации (напр., активного контакта между неингерентными предметами).

- (369) *Иван-лэн автомат-эз лек тыл-ын шоканы*
 ЛИ-GEN автомат-3SG злой огонь-INSTR дышать.INF
одья-э.
 начать-1PRET.3SG
 ‘Автомат Ивана стал дышать озлобленным огнем’ (Перевозииков 1994: 5).
- (370) *Олег-лэн кыл-ъёс-ыз со-лы улон-вылон шор-ы мур-гес*
 ЛИ-GEN слово-PL-3SG он-DAT жизнь на-ILLAT глубоко-COMP
учкыны юртт-й-зы.
 смотреть.INF помогать-1PRET-3PL
 ‘Слова Олега помогли ему [Ивану] лучше смотреть на жизнь’ (Перевозииков 1994: 25).

В тексте примера (369) был обозначен физический контакт обладаемого и обладателя, ср.: *Иван держит в руке автомат*. Это позволяет адресату понять, что предполагаемый является активным манипулятором объекта, и далее ассоциировать объект с ним. В дискурсе примера (370) описывается беседа Олега с Иваном, далее слова, произносимые Олегом, ассоциируются с ним, но не выражают буквальной принадлежности.

Объекты с высокой степенью посессивности (напр., термины родства, социальные отношения), как правило, требуют генитивного посессора. При этом установление активной посессивной связи в дискурсе необязательно. Посессор с рассматриваемыми именами является опорным референтом и появляется тогда, когда в момент высказывания он неизвестен или не выступает в предложении в качестве аргумента, ср.:

(371) *Соку ата-е* плотник-ъёс-лэн бригадир-зы *вал.*
 тогда отец-1SG плотник-PL-GEN бригадир-3PL вспом.гл.1PRET
 ‘Тогда мой отец был бригадиром плотников’ (Бадретдинов 2007: 5).

(372) *Римма-лэн* ата-ез *валэктыны* *кутск-и-з...*
 ЛИ-GEN отец-3SG объяснять.INF начать-1PRET-3SG
 ‘Отец Риммы начал объяснять...’ (Красильников 1991: 12).

(373) *Тйни* мын-ам *эш-е,* кõрыш-е.
 вот я-GEN друг-1SG сосед-1SG
 ‘Вот мой друг, сосед’ (Бадретдинов 2007: 15).

В этих примерах посессор является точкой референции, относительно которой определяется статус обладаемого, напр., семейный (372), социальный статус (373), отношение контролера (371).

Генитивный модификатор в сочетании с именами объектов высокой степени посессивности возможен вне зависимости от дискурсивной установки, если он является известным элементом, напр., благодаря Px, ср.:

(374) *Олокыт-ысь- мар кылй ськ-и-з* ана-е-лэн куара-ез...
 откуда-ELAT что слышаться-1PRET-3SG мать-1SG-GEN голос-3SG
 ‘Непонятно откуда послышался голос моей матери...’ (Бадретдинов 2007: 9).

Активным контролером может быть и неодушевленное понятие. Здесь типичными являются случаи, когда обладаемое выражено одушевленным именем, выполняющим, проецируемую на объект, функцию фактического контролера (напр., организация и руководитель, владелец имущества по закону, автор и произведение и т.д.), ср. (375), (376). Посессор может иметь «одушевленный» характер, ср.: (377).

(375) *Люкаськ-ем-ъёс-ты* *зечкыла-з* *Жужгес гурт*
 собраться-PRET-PL-ACC поздравить-1PRET.3SG ЛИ деревня
администраци-лэн йыр-ыз *Светлана* *Морозова.*
 администрация-GEN голова-3SG ЛИ ЛИ
 ‘Собравшихся поздравил глава Жужгесской сельской администрации
 Светлана Морозова’ (Удмурт дунне № 182, 05.12.2006: 6).

- (376) *Удмурт кун университет-ысь искусство-я но дизайн-ья*
 удмурт государство университет-ELAT искусство-AVD и дизайн-ADV
институт-лэн музей-я-з устьтйськ-и-з Вячеслав
 институт-GEN музей-INES-3SG открыться-1PRET-3SG ЛИ
Михайлов-лэн адъютант-эз.
 ЛИ-GEN выставка-3SG
 ‘В музее института искусств и дизайна удмуртского государственного университета открылась выставка Вячеслава Михайлова’ (Удмурт дунне № 182, 05.12.2006: 4).
- (377) *Росси-лэн кикбоксинг-ъя чемпион-эз*
 ЛИ-GEN кикбоксинг-ADV чемпион-3SG
 ‘Чемпион России по кикбоксингу’ (Зечбур! № 4, 01.01.2007: 1).

В примере (376) отношения *университет* и *институт* имеют пассивный характер, а *институт* и *музей* — активный. На наш взгляд, это объясняется более очевидной ролью контролера у посессора (*институт*) во втором случае, чем в первом (*университет*); *университет* скорее обозначает пространство и не может непосредственно контролировать самостоятельную организацию, а институт имеет полное право контролировать музей. Кроме того, в первом случае *институт* может означать и не единственный объект принадлежности, а одного из нескольких, напр., университет имеет несколько институтов. Видимо, в современном языке генитивная конструкция предполагает обладание единственным и уникальным объектом, напр., институт имеет единственный музей. Такое же значение частично реализуется в примере (377).

Пассивная или неотчуждаемая принадлежность имеет тенденцию выражаться примыканием, однако при спецификации посессора дополнительными определениями, напр., в примере (378) числительным, употребляется генитив, ср.:

- (378) *XVI даур-лэн шор-а-з*
 16 век-GEN середина-INES-3SG
 ‘в середине XVI в.’ (Инвожо № 3-4, 03.-04.2007: 56).

В коми-зырянском языке генитивная конструкция, как правило, употребляется с одушевленными именами, а обладаемое оформляется Rх только в случаях эмфасиза. В коми-пермяцком генитивный модификатор иногда сочетается и с неодушевленными именами, ср.: удм. *Урал-лэн уйпал-а-з*, коми-зырян. *Урал войвыл-ö*, коми-перм. *Урал север-ö* ‘на север Урала’ (Turku-Izhevsk-korpus/PavlikMorozov/Udm/Komi/Permj: 60), удм. *пужымъёс-лэн но кызь-ёс-лэн йыль-ёс-сы*, коми-зырян. *пожом да коз йывь-яс*, коми-перм. *пожумм-ез-лөн да көзз-эз-лөн йывь-ез* ‘верхушки сосен и елей’ (Turku-Izhevsk-korpus/PavlikMorozov/Udm/Komi/Permj: 25). В современных коми языках генитивом не оформляется также одушевленный посессор, обозначающий целое, ср.: удм. *Павел-лэн пельмуп выл-а-з*, коми-з. *Павел пельпом выл-ö, Павел-ыс пельпом выл-ö* ‘на плечо Павла’ (Turku-Izhevsk-korpus/PavlikMorozov/Udm/Komi/Permj: 103). Однако В. И. Лыткин, на материале древнепермских текстов, приходит к выводу, что в

древнем коми языке генитив употреблялся с неодушевленными именами, ср.: *ас ч'ом-лөн өз'өс дорыс* 'от дверей своей палтки', а также обозначал целое, ср.: *борда идог-лөн гора-өн* 'во глазе архангелов' (1952: 118).

Атрибутивная генитивная конструкция образовалась на основе двух когнитивных моделей локативности и топика: случаи внешней посессивности в определенный момент грамматикализовались в атрибутивный или внутренний. В современном языке внешний посессор является аргументом и выполняет функцию локализатора, экспериенсера и семантического субъекта, занимает типичное место топика — начальную позицию в предложении. В прапермском языке, судя по всему, он еще не имел функции генитива. Ученые утверждают, что в эту эпоху показатель выражал локативную функцию адессива (Szinyei 1910: 73–74; Tauli 1956: 214; Collinder 1960: 292, 1965: 125; Серебренников 1963: 9–10, 53; Майтинская 1974: 261–262 и др.). В составе генитивного показателя принято выделять элемент *-l*, и локатив **-na/*-nä* (ср. финский адессив **-lna/*-lnä*) (Szinyei 1910: 73–74; Wichmann 1924: 161; Uotila 1933: 199, 313–314; Tauli 196: 214; Collinder 1960: 292; Rédei 1962: 199–200; Майтинская 1974: 261–262; Тепляшина 1976: 149; Baker 1985: 146; Bartens 2000: 82–4). Б. А. Серебренников полагает, что генитивный показатель образовался путем контаминации суперэссива *-l* и окончания адессива *-en*, и называет современный показатель «вторичным адессивом», который со временем приобрел функцию генитива (1963: 53–55).

С другой стороны, как уже говорилось в разделе 3.1.4., в прапермском языке, имело место грамматическое согласование субъекта, которое указывало на спецификацию аргумента. Возможно, конструкция образовалась следующим образом:

Подобно локативным конструкциям *žek viĭ-in purt* 'на столе нож', образовывались личные конструкции *mon ki-in purt* 'в моей руке нож'. Для определения статуса аргумента личного местоимения привлекалась схема топика, ср.: *mon ki-ja-m purt bašti* 'я взял в руки нож'.

В именных конструкциях «аргументизация» местоимения поначалу не могла происходить путем грамматического согласования, возможно, в силу того, что объект находился в фокусе высказывания. Скорее всего, «аргументизация» произошла путем локативного оформления местоимения в типичных бытийных предложениях: *mĭn-am ki veś* 'у меня рука больная'. Здесь грамматического согласования не происходило, поскольку обладатель уже был представлен в качестве обстоятельства или аргумента. Затем локативная или адессивная форма местоимения получила распространение и в других предложениях для дифференциации статуса аргумента *у меня* от атрибута *мой*, ср.: *mĭn-am ki-in purt* 'у меня в руке нож'.

В пермских языках грамматическое согласование распространилось и на отчуждаемые предметы, ср.: *mĭn-am [azbar-a]-m kĭzpu bude* 'У меня во дворе-1SG растет береза', что, по сути, представляет собой «ложное» согласование. Такое употребление стало прецедентом для возникновения

посессивной конструкции имя+Px. Далее в удмуртском языке конструкции *у меня* и *имя+Px* начинают мыслиться как одна конструкция. Сочетание было нерегулярным, о чем свидетельствуют тексты XIX в., напр., Ф. Видеман приводит примеры конструкций обладания, в которых обладаемое не имеет посессивного оформления, ср.: *odig adami-len kik pi val* ‘у одного человека было два сына’ (Wiedemann 1851: 57).

Подобно личным местоимениям, адессивный показатель *-len*, видимо, указывал на именной локализатор части, т.е. экспериенсера или целый предмет, ср.: *adami-len ki ves'* ‘у человека рука больная’. В настоящих именных высказываниях адессивное обстоятельство было предопределено структурой предложения бытийного или именного типа. На начальном этапе, скорее всего, адессивное оформление получал только одушевленный локализатор.

Однако на определенном этапе — скорее всего, еще в общепермское время — происходит синтаксический сдвиг адессивного локализатора: в высказываниях со статическими предикатами, семантически не связанными с адессивным аргументом, адессивное обстоятельство получает статус самостоятельного или автономного элемента и может прикрепляться в качестве спецификатора к субъекту, обстоятельствам динамических предикатов, косвенному дополнению, ср.: *adami-len ki-iz vis'e* ‘у человека болит рука’. В настоящей позиции обстоятельственный модификатор, семантически не зависимый от глагола, становится зависимым от имени и грамматикализуется в атрибут.

Как пишет Б. Хайне (1997: 157-158), при спецификации обладаемого на ранней стадии грамматикализации обстоятельство употребляется для дополнительной спецификации предмета, ср.: *adami-len ki-ja-z purt* ‘у человека в руке нож’. На втором этапе прагматическая связь переходит в синтаксическую, но все еще имеет связь с первичной функцией, напр., *adami-len purt-ez leč'it* ‘у человека нож острый’ или ‘нож человека острый’. На третьем этапе обстоятельство полностью концептуализируется и ассоциируется только с новой функцией. В нашем случае заключительный этап был достигнут, когда адессивный модификатор стал специфицировать имена, находящиеся в фокусе высказывания, напр., в функции косвенного дополнения, и окончательно грамматикализовался в генитив, ср.: *adami-len purt-eni-z šudiško* ‘я играю ножом человека’, функции которого со временем расширились и конструкции стали употребляться и с неодушевленным посессором.

На наш взгляд, полная грамматикализация сочетаний N-GEN и N-Px в состав одной конструкции произошла в конце XIX – начале XX вв. В коми языке N-Px до сих пор имеет прагматичный характер распространения.

3.2.2. Конструкции с аблативом *-leś N_{Pr}-AbI N_{Pm}-Px-Acc*

Формы аблатива в удмуртском языке, как правило, выступают в качестве аргумента предложения и выражают косвенное дополнение. Аблативный модификатор, являясь аргументом глагола, выражает значение источника (379), причины (380), материала (381). Употребляется с некоторыми глаголами (380), (382) и послелогоми (383). Аблатив грамматикализовался также в конструкциях сравнения (384), (385) и т.д. (см. ГСУЯ 1962: 95–98; Kel'makov, Hännikäinen 1999: 113–114; Bartens 2000: 95–96; Winkler 2001: 22–23).

- (379) *соос, пэ, атай-йос-сы-лэс' йуа-ло, мар со сыче шуы-са.*
они де отец-PL-3PL-ABL спросить-PRES.3PL что это такое сказать-GER
'Они-де спрашивают у родителей, что это такое' (1990: 95).
- (380) *Гурт-э-лэсь мөзмы-са но пытса-м-зы-лэсь шугомь-са,*
дом-1SG-ABL скучать-GER и закрыть-PART-3PL-ABL страдать-GER
бордор-ъёс-ты жуэ-и.
стена-PL-ACC бить-1PRET.1SG
'Скучая по дому и страдая от заключения, я била стены (Инвожо 06.–07.2006: 60).
- (381) *Нимаз висъяськ-о кызьпу туй-лэсь, пу-лэсь, басма-лэсь*
отдельно выделяться-PRES.3PL береза кора-ABL дерево-ABL ткань-ABL
лэсьт-эм арбери-ос.
делать-PART вещь-PL
'В особенности выделяются изделия, изготовленные из бересты, дерева, ткани' (Инвожо № 3–4, 03.–04.2007: 68).
- (382) *Адями-лэсь кышка-м но нюлэск-ы*
человек-ABL испугаться-2PRET.3SG и лес-ILLAT
лобат-эм!
улететь-2PRET.3SG
'Испугался человека и убежал в лес' (Удмурт дунне № 199–200, 30.12.2008).
- (383) *Умм-е ус-ем-ед-лэсь азьло тани та эмъюм-ез*
сон-INES упасть-PART-2SG-ABL перед вот это лекарство-ACC
ву-эн гыльты-са ньыл али.
вода-INSTR полоскать-GER глотать-IMPER.2SG сейчас
'Перед тем как заснуть, проглоти-ка, запив водой, вот это лекарство' (Красильников 1991: 13).
- (384) *Али мын-ам витьтон-лэсь но уно кылбур-ъёс-ы.*
сейчас я-GEN пятьдесят-ABL и много стихотворение-PL-1SG
'Сейчас у меня больше пятидесяти стихотворений' (Инвожо 02. –03.2006: 33).
- (385) *ворскэм дор пал-мы-лэс' шулдыр-эз өвёл.*
родной дом сторона-1PL-ABL веселый-3SG отр.EX
'Лучше родных краев нет [ничего]' (1990: 186).

Аблатив также употребляется в «хабетативно-когнитивных конструкциях отчуждения» и указывает на источник (термин из Kel'makov, Hännikäinen 1999: 113), ср.:

(386) *Мон* *чүжса-е-лэсь* *түр-з-э* *басьт-й.*
 я тетя-1SG-ABL топор-3SG-ACC взять-1PRET.1SG
 ‘Я взял у тети топор’ (Бадретдинов 2007: 10).

(17) *Колхоз-лэсь* *музьем-з-э* *аренда-е* *басьт-й-мы.*
 колхоз-ABL земля-3SG-ACC аренда-ILLAT взять-1PRET-1PL
 ‘Мы взяли у колхоза в аренду землю’ (Инвожо № 3–4, 03.-04.2007: 37).

Аблатив имеет функцию генитивного модификатора, ср.:

(387) *Ньлли-ос-лэн* *вистэм-вожтэм* *чилек-ьясь* *коньки-ос-сы*
 ребенок-PL-GEN непрерывно сверкать-PART коньки-PL-3PL
Иван-лэсь *син-ъёс-с-э* *ик* *мальдыт-о.*
 ЛИ-ABL глаз-PL-3SG-ACC даже ослеплять-PRES.3PL
 ‘Непрерывно сверкающие коньки детей ослепляют Ивану глаза’
 (Перевозищikov 1994: 96).

(388) *Тон-тэк соос у-г* *адэ-о* *шат* *страна-лэсь*
 ты-ABES они отр.-PRES видеть-NEG.PL разве страна-ABL
вормонь-ёс-с-э?
 победа-PL-3SG-ACC
 ‘Разве без тебя они не видят побед страны?’ (Красильников 1991: 42).

На наш взгляд, аблативный модификатор, как правило, имеет внутренний статус, в качестве внешнего посессора обладаемого в функции прямого дополнения может выступать субъект предложения, ср.: [*so*] [*sin-z-e*] *ústiz* ‘он открыл глаза’ и *so* [*so-leś sin-z-e*] *ústiz* ‘он открыл ему глаза’. Необходимо отметить, что дополнительные посессоры имеют маркер генитива *-len*, ср.:

(388) (а) *Petjr eś-ez-leś* *kniga-z-e* *ližž-e.*
 ЛИ друг-3SG-ABL книга-3SG-ACC читать-PRES.3SG
 ‘Петя читает книгу друга’

(б) *Petjr Maša-len vjn-iz-len* *eś-ez-leś* *kniga-z-e*
 ЛИ ЛИ-GEN брат-3SG-GEN друг-3SG-ABL книга-3SG-ACC
ližž-e.
 читать-PRES.3SG
 ‘Петя читает книгу друга Машиного младшего брата’

(в) **Petjr Maša-leś vjn-iz-leś* *eś-ez-leś* *kniga-z-e*
 ЛИ ЛИ-ABL брат-3SG-ABL друг-3SG-ABL книга-3SG-ACC
ližž-e.
 читать-PRES.3SG

Аблативный модификатор может иметь двойственный характер, если обозначает фактический субъект релятивных клауз, предикат которых выражен (*e*)*t*-овым именем действия, ср.:

(389) *мама-йэт шур дур-ын гыляаск-э* *выл-эм* *и*
 мама-2SG река у-INES полоскать-PRES.3SG вспом.гл.-2PRET и
кион-лэс *зазэг-эз ну-эм-з-э* *аžž-эм.*
 волк-ABL гусь-ACCунести-PART-3SG-ACC увидеть-2PRET.3SG
 ‘Твоя мама полоскала у реки и увидела, как волк унес гуся’ (1990: 225).

Аблативный модификатор является внешним (аргументом) в конструкциях отчуждения. Такие конструкции имеют посессивное значение только тогда, когда объект оформлен Px, ср.: (386), (387). При этом внешний статус зависит от значения глагола. В (390) объект не имеет посессивного оформления, что определяет функцию аблативного дополнения как источника. Такие конструкции возможны только применительно к отчуждаемым предметам.

- (390) *Алигес Москва-ын ул-йсь эш-е-лэсь электрон*
 недавно ЛИ-INES жить-PART друг-1SG-ABL электронный
гожтэт ву-и-з.
 письмо прибыть-1PRET-3SG
 ‘Недавно пришло письмо от живущего в Москве друга’ (Удмурт дунне № 30-31, 06.03.2009).

Однако когда обладатель не имеет семантической связи с глаголом, модификатор приобретает статус атрибута и посессивное маркирование обязательно, ср.:

- (391) *Эш-е-лэсь гожтэт-ъёс-с-э паймы-са*
 друг-1SG-ABL письмо-PL-3SG-ACC удивляться-GER
лыдзыл-й.
 читать-1PRET.1SG
 ‘Я с удивлением читала письма моего друга’ (Вордскем кыл № 9, 2008: 26).

Наши примеры свидетельствуют о том, что выбор генитивного или аблативного маркера *-len* ~ *-les'*, в первую очередь, зависит от характера предиката — интранзитивного или транзитивного. Однако маркер аблатива в современном языке скорее зависит не от глагола, а от формы аккузатива определяемого имени. Семантическая связь с глаголом осуществляется только в случаях внешнего посессора. Тем не менее, в некоторых диалектах существуют статические высказывания с посессором, оформленным аблативом, ср.:

- (392) *мама-йэ-лэс' мон огнам вал.*
 мать-1SG-ABL я один вспом.гл.1PRET
 ‘Я была одним [ребенком] у матери’ (1990: 294).
 (393) *соос-лис' одик пи вордиск-эм.*
 они-ABL один мальчик родиться-2PRET
 ‘У них родился один сын’ (1992: 145).

Еще до недавнего времени дистрибуция аблативного и генитивного модификатора происходила по принципу семантической связи с глаголом, а не по принципу прямой — не прямой объект. Об этом свидетельствуют удмуртские и коми письменные памятники, ср.:

- (394) *Иусь Христось-лэнь вордсконь-эзь ози валъ: курамъ-*
 ЛИ ЛИ-GEN рождение-3SG так вспом.гл.1PRET обручение
бере Мумиш-з-э Со-лэнь Марія-эзь Иосифъ-лы...
 после мать-3SG-ACC он-GEN ЛИ-ACC ЛИ-DAT

‘Рождество же Иисуса Хрисата было такимъ образомъ: по обрученіи Матери Его Маріи съ Іосифомъ ...’ (Евангеліе 1847: 4).

- (395) *Ми бенъ адз-и-мы* *кизили-з-э* *Со-лэнъ шунды*
мы же видеть-1PRET-1PL звезда-3SG-ACC он-GEN солнце
джужанъ- пала-нъ...
восход сторона-INES

‘Ибо мы видѣли звѣзду Его на востокѣ...’ (Евангеліе 1847: 6).

Ср. пример из письменных памятников коми языка:

- (396) *кыласны гора-с-ѳ сы-лѳн* ‘услышат голос его’ (Лыткин 1952: 118).

В этих же текстах маркер аблатива употребляется в конструкциях с глаголами, которые имеют семантику отчуждения, ср.:

- (397) *Вера-са:* *Султы,* *басьты* *пиналь-з-э,*
говорить-GER встать.IMPER.2SG взять.IMPER.2SG ребенок-3SG-ACC
мум и-з-э *но со-лэсь...*
мать-3SG-ACC и он-ABL

‘И говорит: встань, возьми младенца, и матерь Его...’ (Евангеліе 1847: 10).

Согласование в аблативных конструкциях происходит точно таким же образом, как в генитивных. Иногда в диалектах при эгоцентрическом дискурсе Rх может опускаться, ср.:

- (398) *ми-лэскъм* *гурт-эз* *лугъ въжъ* *шу-о.*
мы-ABL деревня-ACC ЛИ корень.ACC говорить-PRES.3PL
‘Нашу деревню считают выселками от [деревни] Люги’. (1992: 147).

Как мы уже отмечали, если посессор имеет семантическую связь с глаголом, Rх опускается в случаях, когда источник и предмет не имеют прагматического отношения посессивности, напр., источник не является местом постоянной локализацией объекта, источник является промежуточным передающим звеном и т.д., ср.: (390).

Аблативный модификатор, видимо, грамматикализовался в атрибут довольно поздно, в силу чего он часто может отделяться от определяемого другими компонентами речи, ср.:

- (399) *Лыдѳ-ем-ды* *вань,* *дыр,* *Крылов-лэсь* *кион но тури*
читать-PART-2PL быть.EX наверно ЛИ-ABL волк и журавль
сярысь *басня-з-э.*
о басня-3SG-ACC

‘Вы читали, наверно, басню Крылова о волке и журавле’ (Красильников 1991: 70).

- (400) *Больница-ын* *сол-эсь, кѳня* *ужа-ло* *ни, нокин-лэн но*
больница-INES он-ABL сколько работать-PRES.3PL уже никто-GEN и
кыл-эм-ез *ѳвѳл* *тышкаськ-ем-з-э.*
слышать-PART-3SG отр.EX ругаться-PART-3SG-ACC
‘В больнице, как бы долго ни работали, никто еще не слышал, как он ругается’ (Красильников 1991: 98).

- (401) *Со туалa кивалтiсь-ёс-лэсь но умой-тэм*
 это современный руководитель-PL-ABL и хороший-DER
уж-ёс-с-эс ватыны юртт-э.
 работа-PL-3PL-ACC скрывать.INF помогать-PRES.3SG
 ‘Это помогает скрывать неправильные действия и современных
управленцев’ (Первошиков 1994: 71).
- (402) *удмурт-йос-лэс та лушкэм уж-з-эс тот-са*
 удмурт-PL-ABL этот тайный работа-3SG-ACC знать-GER
лыкт-о был-эм чино вник-йос но жуго-о
 приходить-PRES.3PL вспом.гл.-2PRET чиновник-PL и бить-PRES.3PL
был-эм удмурт-йос-ты.
 вспом.гл.-2PRET удмурт-PL-ACC
 ‘Зная об этих тайных делах удмуртов, приезжали чиновники и били
 удмуртов’ (1990: 262).

В рассматриваемых конструкциях возможна инверсия компонентов, ср.:

- (403) *со-йиз эш-йос-ыны-з вэ`раскы но уй-ин мунчо*
 он-3SG друг-PL-INSTR-3SG говорить.IMPER.2SG и ночь-INES баня
бурго-з-эс со пиосмурт-лэс — ну со ныл-лэн азбар-ысты-з —
 сруб-3PL-ACC это мужчина-ABL ну это девушка-GEN двор-ELAT-3SG
сэртты-са гурт пум-э нулл-иллам.
 расплести-GER деревня конец-ILLAT носить-2PRET.3PL
 ‘Тот сговорись с друзьями, и ночью банный сруб у того мужика – ну, со
 двора той девушки – разобрав, отнесли на конец деревни’ (1981: 243).
- (404) *pid-z-e iopan-les vand-i'-zj.*
 нога-3SG-ACC ЛИ-ABL резать-1PRET-3PL
 ‘Ногy Степану ампутировали’ (1994: 156).

Инверсия происходит по такому же принципу, что в генитивных конструкциях с показателем *-len*.

При наличии нескольких посессоров маркер аблатива приобретает только последний, ср.:

- (405) *Иван рос-прос мад-и-з, кызьы соос специалист-ёс-сы-лэсь,*
 ЛИ складно рассказать-1PRET-3SG как они специалист-PL-3PL-ABL
бригадир-ёс-сы-лэсь, ферма-ос-лэн кивалтiсь-ёс-сы-лэсь
 бригадир-PL-3PL-ABL ферма-PL-GEN руководитель-PL-3PL-ABL
уждун-з-эс колхоз-ын потт-эм ваньбур-ен
 зарплата-3PL-ACC колхоз-INES выводить-PART имущество-INSTR
герзан-о кариськ-и-зы.
 связать-PART сделаться-1PRET-3PL
 ‘Иван основательно рассказал, как они решили связать зарплату
 специалистов, бригадиров, руководителей ферм с имуществом,
 произведенным колхозом’ (Первошиков 1994: 315).

Рассматриваемая конструкция имеет синтаксические особенности дистрибуции: генитивный модификатор заменяется в случае, если обладаемое является прямым дополнением.

Сочетание имеет такие же семантические и дискурсивные особенности, как конструкции с генитивом на *-len*. Конструкции свойственно выражать активную посессивность, поэтому типичным посессором является одушевленное лицо, ср.: (406), (407). В качестве активного обладателя может выступать и неодушевленный предмет в тех же условиях, что в конструкциях с генитивом на *-len*. Напр., на посессора проецируется статус контролера обладаемого (410), обладаемое является присущим свойством посессора (408), (409), обладатель имеет «одушевленный» характер (411).

- (406) *Эш-ъёс-ы-лэсь* *тодмо* *ымныр-ъёс-с-эс* *но отысь*
 друг-PL-1SG-ABL знакомый *лицо-PL-3PL-ACC* и оттуда
адз-исько.
 видеть-PRES.1SG
 ‘И знакомые лица моих друзей вижу там [на улице]’ (Бадретдинов 2007: 13).
- (407) *Удмурт калык-лэсь дано пи-з-э сй-лы*
 удмурт народ-ABL изветный сын3SG-ACC слава-DAT
карыны тыри-и.
 делать-INF стараться-1PRET.1SG
 ‘Я старался прославить сына удмуртского народа’ (Инвожо 02.–03.2006: 38).
- (408) *Учкись-ёс чида-тэк возьма-зы жыт-лэсь*
 зритель-PL терпение-GER ждатель-1PRET.3PL вечер-ABL
кутск-ем-з-э.
 начинаться-PART-3SG-ACC
 ‘Зрители с нетерпением ждали начала вечера’ (Инвожо 06.–07.2006: 4).
- (409) *таз сёд.бар-лэс ним-з-э нималла-зы...*
 так ЛИ-ABL имя-3SG-ACC называть-1PRET.3PL
 ‘Седьяр («черный берег») назвали [деревню] оттого...’ (1981: 51).
- (410) *Можга-ысь бур-е ва-ён-ья калык музей-лэсь*
 ЛИ-ELAT память-ILLAT приносить-PART-ADV народ музей-ABL
кивалтись-с-э тод-йсь-тэм-ез ик овёл, дыр.
 руководитель-3SG-ACC знать-PART-DER-3SG даже отр.EX наверно
 ‘Наверно, нет такого [человека], кто не знал бы руководителя народного музея памяти [города] Можги’ (Удмурт дунне № 165, 29.10.2008).
- (411) *Петр Долгов, Кияса ёрос-ысь Вуж Салья школа-лэсь*
 ЛИ ЛИ ЛИ район-ELAT ЛИ ЛИ школа-ABL
сайт-с-э кылдыт-йсь
 сайт-3SG-ACC делать-PART
 ‘Петр Долгов, создатель сайта Вуж Сальинской школы Киясовского района’
 (Моя Удмуртия 20.09.2007).

В некоторых диалектах аблативный модификатор также выражает партиципальность, ср. пример (392) и (393).

В коми языках, аблатив, как правило, употребляется с одушевленным посессором, ср.: удм. *ата-ез-лэсь кесяськ-ем-з-э кылзйз*, коми-з. *кывзис бать-лысь горз-ём-с-ё*, коми-п. *кывзис ай-ыс-лись ыждад-ём-с-ё* ‘слушал крики отца’ (Turku-Izhevsk-korpus/PavlikMorozov/Udm/Komi/Permj: 303), удм. *шкаф-лэсь ёсь-ёс-с-э усьтэ*, коми-з. *восьтё шкап одзось-яс*, коми-п. *осьтё шкап ыбёс-ок* ‘открывает двери шкафа’ (Turku-Izhevsk-korpus/PavlikMorozov/Udm/Komi/Permj: 252).

В составе показателя аблатива принято выделять элементы *-l* и *-s* (Szinyei 1910: 73-74; Wichmann 1924: 161; Uotila 1933: 199, 313-314; Tauli 1966: 214; Collinder 1960: 292; Гуляев 1960: 152-153; Rédei 1962: 199-200; Майтинская 1974: 261-262; Тепляшина 1976: 149; Baker, R. 1985: 146; Bartens 2000: 82-84). Гласный рассматривается или как остаток падежного показателя (Серебренников 1963: 46-77), или как конченный гласный древней основы (Uotila 1936: 473).

По мнению Б. А. Серебренникова, древнепермский язык не имел аблативной формы в примерах типа *адза бать-лөн керка* 'вижу дом отца'. Современная конструкция появилась на основе предложений типа *босьта морт-лысь пурт* 'возьму у человека нож', которая, в свою очередь образовалась от высказывания типа *босьта морт-ысь пурт* 'возьму от человека нож'. По мнению ученого, замена элатива аблативом произошла в случаях, когда первый выполнял функцию генитива, ср.: *Со аре народоволец Вера Засулич Петербург-ысь градоначальникез, эксэйлэсь осконо жандармзэ Треповез вииз* 'В том году народоволец Вера Засулич убила верного жандарма царя — петербургского градоначальника Трепова'. Согласно ученому, в примере употребляется элатив *-iś* вместо аблатива на *-leś*. (Серебренников 1958б:195; 1963: 50-52).

На наш взгляд, процесс грамматикализации аблативного генитива соответствует образованию адессивного генитива. В то время как адессивный локализатор выступал в статических высказываниях, аблатив являлся локализатором и указывал на источник в транзитивных предложениях, ср.: *адами-leś purt basti* 'я взял нож у человека'. Аблативная форма на начальном этапе напрямую зависела от семантики предиката, см. (397).

С другой стороны, конструкция образовалась на основе грамматического согласования субъекта и прямого дополнения, ср.: *тон ki-m-e šukki* 'я ударил себя по руке', *тон ki-d-e šukki* 'я ударил тебя по руке'. Если субъект предложения и референт обладаемого, выраженного прямым дополнением, не совпадали, то референта было необходимо специфицировать атрибутом, ср.: *so adami-leś ki-z-e šukkiz* 'он ударил человека по руке'. Спецификатор форму аблатива получал в силу того, что в удмуртском языке переходный глагол требует обстоятельства в форме источника (см. п. 3.4.). Впоследствии, видимо, аблативная форма закрепилась в качестве маркера атрибута прямого дополнения и утратила семантическую связь с глаголом. Это способствовало окончательному оформлению синтаксической конструкции N-Abl N-Px-Асс и вытеснило генитив на *-len* в препозиции прямого дополнения.

3.2.3. Местоименные конструкции

Для начала рассмотрим дистрибуцию конструкций с **личными местоимениями**. Как показано в табл. № 11, показатели притяжательных местоимений 1 и 2 л. ед. и мн. числа не совпадают с современным показателем

генитива *-len* и аблатива *-leś* (ср., *m̄jn-am* ‘мой’, *t̄jn-ad* ‘твой’, *mi-lam* ‘наш’, *ti-lad* ‘ваш’; *m̄jn-eśt̄jm* ‘от меня’, *t̄jn-eśt̄jd* ‘от тебя’, *mi-leśt̄jm* ‘от нас’, *ti-leśt̄jd* ‘от вас’), а показатели местоимения 3 л. ед. и мн. ч. совпадает (*so-len* ‘его/её’, *soos-len* ‘их’; *so-leś* ‘от него’ и *soos-leś* ‘от них’). На основании этого в Грамматике современного удмуртского языка выделяются притяжательные местоимения (ГСУЯ 1962: 172-5) как отдельный класс. Мы, однако, придерживаемся мнения, что рассматриваемые формы представляют личные местоимения в форме генитива и аблатива, которые в силу более древнего происхождения имеют иную форму (напр., Перовошиков 1957: 90; Bartens 2000: 149-151 и др.).

Предполагается, что посессивные конструкции с личным местоимением в качестве определяемого компонента являются синонимичными и конкурирующими с словосочетаниями имя+Рх, ср.: *gurt-e* ~ *m̄jnam gurt-e* ‘моя деревня’, *korka-jed* ~ *t̄jnad korka-jed* ‘твой дом’, *j̄ir-iz* ~ *solen j̄ir-iz* ‘его голова’ (Перовошиков 1957; Вахрушев 1970, 1984: 70-78). По мнению В. М. Вахрушева и П. Н. Перовошикова, местоименные конструкции имеют более поздний характер и появились (а) для конкретизации отношения принадлежности, подчеркивания лица, (б) из-за необходимости дифференциации притяжательных от омонимичных форм, напр., от формы ласкательного обращения, от формы винительного падежа непритяжательного существительного (Вахрушев 1984: 71-2; Перовошиков 1957: 91-2). На наш взгляд, однако, современный материал убедительно показывает, что дистрибуция двух рассматриваемых типов конструкций имеет синтаксическую и дискурсивную дифференциацию. В первую очередь, местоименный генитивный модификатор выступает в случаях внешнего посессора и является аргументом высказывания, т. е. выполняет синтаксическую роль и в то же время является семантическим посессором, ср.:

- (412) *Тын-ад* *висьыны* *право-ед* *өвёл!*
 ты-GEN болеть.INF право-2SG отр.EX
 ‘У тебя нет права болеть!’ (Медведев 2006: 7).
- (413) *Со-лэн* *литературной талант-эз* *вань.*
 он-GEN литературный талант-3SG быть.EX
 ‘У него есть литературный талант’ (Красильников 1991: 59).
- (414) *мын-ам карт-э* *лапкачи* *вал.*
 я-GEN муж-1SG продавец впом.гл.1PRET
 ‘Муж у меня был продавцом’ (1990: 258).

Местоименный посессор также возможен и в функции атрибута в случае, если определяемое имя находится в фокусе высказывания. Это характерно, напр., для ситуации идентификации или конструкциям принадлежности, напр., (420), ср.:

- (415) *мон тын-ад* *ныл-ыд* *өвёл, өвёл, өвёл, өвёл...*
 я ты-GEN девушка-2SG отр. отр. отр. отр.
 ‘Я не твоя девушка, не [твоя], не [твоя], не [твоя]... (1981: 193).

- (416) *аскы-йа-з* *нош ик* *лука́ск-и-`зы* *мын-э́стым*
 завтра-ILLAT-3SG опять собраться-1PRET-3PL я-ABL
корка-м-э *вузаны.*
 дом-1SG-ACC продать.INF
 ‘Назавтра снова собрались продать мой дом’ (1981: 48).
- (417) *Тй-лесътыд* *гожтэт-ъёс-т-эс* *газет бам-е* *печатла-са*
 вы-ABL письмо-PL-2PL-ACC газета страница-ILLAT печатать-GER
потты-ло-зы.
 выносить-FUT-3PL
 ‘Ваши письма будут публиковать на страницах газеты’ (Бадретдинов 2007: 39).
- (418) *Со-е* *тй-ляд* *отделени-я-ды* *интыя-ллям*
 он-ACC вы-GEN отделение-ILLAT-2PL поместить-2PRET.3PL
шу-и-зы, *лэся.*
 сказать-1PRET.3PL кажется
 ‘Кажется, сказали, что его поместили в ваше отделение’ (Красильников 1991: 12).
- (419) *Мын-ам яратон-э* *вань-з-э* *йõнат-о-з!..*
 я-GEN любовь-1SG все-3SG-ACC вылечить-FUT-3SG
 ‘Моя любовь вылечит все!..’ (Первошиков 1994: 14)
- (420) *Аля шу-и-з,* *тй-ляд* *председатель-ды,* *пе,* — *мын-ам*
 ЛИ сказать-1PRET-3SG вы-GEN председатель-2SG де я-GEN
çужмурт-э.
 дядя-1SG
 ‘Аля сказала, ваш председатель, говорит, — мой дядя’ (Первошиков 1994: 160).
- (421) *Шордин* — *со ми-лям урам-мы.*
 ЛИ это мы-GEN улица-1PL
 ‘Шордин — это наша улица’ (Бадретдинов 2007: 4).

Мы уже писали о том, что, если субъект высказывания совпадает с посессором объекта, то атрибутивный посессор, выраженный личным местоимением, невозможен (см. п. 3.1.3.4.), ср.: **mon tijn-estim ki-m-e çepilti* ‘я ущипнул мне руку’. Однако местоимение 3 л. в настоящем случае может употребляться, если оно обозначает другого референта, ср.: *so ki-z-e çepiltiz* ‘он ущипнул себе руку’ и *so so-leš ki-z-e çepiltiz* ‘он ущипнул ему руку’.

В предыдущих параграфах мы также писали о том, что при эгоцентрическом дискурсе Rx может опускаться, при этом: (а) посессор может грамматически не маркироваться (7); (б) посессор может выражаться только местоименным модификатором, а Rx опускается, напр.: (346), (347), (398) и др. В некоторых диалектах, напр., в кукморском говоре, тип (б) является скорее правилом, а в литературном языке — исключением. В первой грамматике удмуртского языка отмечается, что при личном местоимении 1 л. ед. ч. оформление обладаемого Rx невозможно (Сочинения 1775: 1).

Зачастую конструкция с рефлексивным местоимением *as* ‘свой’ рассматривается как особый случай грамматического маркирования посессивности — сочетание, где генитивный маркер опускается (Первошиков 1962: 78; Вахрушев 1970: 104-6, 1984: 73-4 и т.д.). В. М. Вахрушев обозначает их как «третий тип изафета» (1970: 104).

Согласно данным табл. № 13 местоимения, оформленные маркером генитива и аблатива, ср.: *as-la-m* ‘у меня самого’, *as-me-len* ‘у нас самих’, *as-les’ij-d* ‘от тебя самого’, *as-te-les’* ‘от вас самих’, в высказывании являются аргументом и, соответственно, не относятся к именной фразе обладаемого.

Форма *as* ‘свой’ выполняет функцию атрибута и не имеет дополнительных маркеров, а *Rx* указывает на другого референта, ср. примеры В. М. Вахрушева (1970: 105): *ac ni-m-es* ‘нашего собственного сына’, *ac ni-d-es* ‘вашего собственного сына’, *ac ni-z-es* ‘их собственного сына’ и т.д. *Rx* в примерах указывает не на посессор *as*, а на другой референт — *мы*, *вы*, *они*. Однако формы множественного числа в своей основе уже имеют показатель лица, поэтому, как правило, *Rx* к определяемому имени уже не прибавляется.

Местоимение *as* ‘свой’ в форме генитива на *-len* и *-les’* может употребляться в качестве аргумента, ср.:

(423) *pot-i* *с’урэс* *выл-э,* *нош ас-лам* *йыр-а-м*
 выйти-1PRET.1SG дорога на-ILLAT а сам-GEN голова-ILLAT-1SG
олокы’чэ но малпан-йос лыкт-о.
 какой-то и мысль-PL прийти-PRES.3PL
 ‘Вышла я в дорогу, а у самой какие только мысли не приходят в голову’
 (1990: 171).

(424) *Ma собере ас-лад* *но бер-ыд* *вань.*
 да потом свой-GEN и зад-2SG быть.EX
 ‘Да и потом у тебя у самого тоже есть «хвост»’ (Первошиков 1994: 87).

(425) *ву с’урэс-эд* *йö кынм-и-с* *кэ,* *асмэ-лэн* *улон*
 вода дорога-2SG лед застыть-1PRET-3SG если свой-GEN жизнь
шуг лу-о-з.
 трудный быть-FUT-3SG
 ‘Когда вода на дорогах в лед замерзнет, трудная жизнь для нас настанет’
 (1990: 276).

Местоимение в форме генитива употребляется и в функции атрибута, ср.:

(426) *асмэ-лэс гурт-м-эс* *зуч-йос* *туймат шу-о,*
 сам-ABL деревня-1PL-ACC русский-PL ЛИ.ACC говорить-PRES.3PL
нош удмурт-йос — муйбо.
 а удмурт-PL ЛИ
 ‘Нашу деревню русские называют Туймат, а удмурты — Муйбо’ (1990: 215).

(427) *окол олэ байа, ас-лам* *бай-э-лэн* *брат-эз,* *нимыстыз*
 однажды ЛИ дядя свой-GEN отец-1SG-GEN брат-3SG специально

- пуконн-э* *пот-э* *выл-эм.*
 посиделка-ILLAT выходить-PRES.3SG вспом.гл.-2PRET
 ‘Однажды дядя Оле, брат моего отца, специально вышел, чтобы идти на посиделки’ (1981: 242).
- (428) *Матвеев ас-лаз* *бумага-ос-ыз* *пöлын* *бугарьяськ-и-з.*
 ЛИ свой-GEN бумага-PL-3SG среди рыться-1PRET-3SG
 ‘Матвеев копался в своих бумагах’ (Красильников 1991: 43).
- (429) *Умой ул-о,* *асьсэ-лэн юрт-сы.*
 хорошо жить-PRES.3PL свой-GEN дом-3PL
 ‘Хорошо живут, свой дом имеют’ (Красильников 1991: 23).

Рефлексивное местоимение зачастую употребляется с референтом, выраженным местоимением или именем, ср.:

- (430) *Мын-ам ас-лам* *визьм-ы вань, ас* *тод-эм-е-я*
 я-GEN свой-GEN ум-1SG быть.EX свой знать-PART-1SG-ADV
ул-эм-е *пот-э.*
 жить-PART-1SG выходить-PRES.3SG
 ‘У меня есть своя голова, хочу жить по своему усмотрению’ (Красильников 1991: 68).
- (431) *ко`ткуд` нүлэс-лэн ас-лаз* *нүм-ыз* *ван`.*
 каждый лес-GEN свой-GEN имя-3SG быть.EX
 ‘Каждый лес имеет свое название’ (1981: 81).

Возвратное местоимение *ас* употребляется тогда, когда необходимо указать на дополнительные синтаксические функции аргумента предложения, ср. (423)–(425). Функционирование *ас* в качестве атрибута возможно в специфических ситуациях, в которых также может употребляться внешний посессор:

- (а) в контрастивных высказываниях (424);
- (б) в случае, если говорящий и адресат являются кореферентами (425), (426);
- (в) настоящее местоимение употребляется для эмфатизации собственности, ср.: (428), (429), (430) и (431).

В атрибутивных конструкциях местоимение *ас* не может употребляться с именами объектов неотчуждаемой семантики, а сочетается, в основном, с именами объектов средней или низкой степени посессивности для обозначения перманентной принадлежности.

По мнению ученых, формы личных местоимений 1 и 2 л. ед. ч. представляют собой архаичную локативную форму, которая была усложнена Рх, а именно форму инессива, ср. *kar-am* ‘в моем городе’, *kar-ad* ‘в твоём городе’ (Uotila 1936: 473, Серебренников 1963: 185-6). Формы аблатива личных местоимений Б. А. Серебренников связывает с показателем элатива (1963: 186-7). У исследователей нет единого мнения о происхождении форм косвенных падежей личных местоимений 1 и 2 л. мн. ч.: некоторые отождествляют показатель *-la* с элементом *l* л-овых падежей — адэссива и аллатива (Uotila 1936: 469). Другие — отождествляют его с суффиксом относительных прилагательных *-a* (Серебренников 1963: 193).

Удмуртское местоимение *as* ‘свой’ соотносится с финн. *itse* ‘свой’, морд. *eš*, мар. *-əš*, *-iš*, хант. *is* ‘душа’, манс. *is*, *jis* ‘тень’, значение праформы определяется как «душа» (Серебренников 1963: 201).

На наш взгляд, рассматриваемые местоимения в прошлом не употреблялись в качестве атрибута; даже в современном языке они, в основном, выполняют функцию аргумента.

3.3. Конструкция примыкания N_{Pr} - Nom N_{Pm}

Рассматриваемая конструкция представляет собой сочетание имен, в котором первый компонент, выступающий в форме *номинатива*, называет посессора и является определяющим; второй, называющий объект посессивности, — главным, т. е. определяемым словом, напр.: *tir njd* ‘рукоятка топора (букв. топор рукоятка)’, *skal jir* ‘голова коровы’ или ‘коровья голова (букв. корова голова)’. Конструкция примыкания представляет собой типичный случай спецификации обладаемого: посессор примыкает к объекту посессивности и специфицирует его. Конструкция примыкания считается самой древней синтаксической посессивной конструкцией и встречается в большинстве уральских языков (Sebestyén 1957: 339; Kokla 1963: 279, 280; Феоктистов 1993: 46–57; Андуганов 1992: 26 и т.д.), а также в других языках мира, напр., в тюркских (Майзель 1957; Языки 1997) и семитских языках, бретонском, гэльском, мальтийском и т.д. (Кортъевская-Тамм 2003а: 649–653; Nichols 1986).

То, что мы здесь называем формой *номинатива*, в литературе имеет также терминологические варианты *абсолютная форма* (Бубрих 1947: 12, 1953: 40; Феоктистов 1963: 48), *основная форма* (Майтинская 1974), *nominativus absolutus* (Nakulinen 1968: 451). Другие оперируют термином *номинатив* (Aminoff 1896: 24; Андуганов 1991: 23–25 и т.д.). В традиции удмуртской грамматики настоящую форму принято обозначать как *неопределенная форма* (ГСУЯ 1962: 90–92; Вахрушев 1980: 130 и т.д.). Подобная вариативность терминов связана с тем, что определяющее в рассматриваемой конструкции, согласно Д. В. Бубриху, не может описываться в именных категориях (падеж, число, указательность, притяжательность) и всегда остается в неизменной форме (1947: 12). А. П. Феоктистов абсолютную форму определяет как определительную функцию *номинатива*, отличающуюся от назывной функции (1963: 48). Однако, в коми языке в подобных конструкциях определяющее слово иногда может иметь маркер множественности или R_x , ср.: *вок-ъяс керка-ын* ‘в доме братьев’ и *батъ-ыд керка-ö* ‘букв. в дом отца твоего’ (СКЯ 1955: 140). В удмуртском подобное сочетание невозможно, ср.: **vjn-jos korka-n* ‘в доме младших братьев’ или **ataj-ed korka* ‘в дом отца твоего’.

Основной проблемой в определении притяжательных словосочетаний примыкания является проблема дифференциация посессивных от непос-

сивных конструкций. Так, напр., конструкции примыкания могут представлять собой:

(а) сочетание с относительным прилагательным, ср.: *šor ul'ča* 'срединная/центральная улица';

(б) объектное сочетание с отглагольным существительным, ср.: *korka pukton* 'стройка дома';

(в) послеложное образование, ср.: *ton šor-in* 'перед тобой', *žek vi-l-in* 'на столе';

(г) составные слова, ср.: *šorkar* 'столица (букв. середина/ центр+город)', *bakča šijon* 'овощ (букв. огород+еда)';

(д) псевдопартитивные конструкции, называющие количество вещества, ср.: *tuštj šjd* 'тарелка супа', *stakan vu* 'стакан воды';

(е) сочетание, в котором определяемое имя является референтом или посессором, ср.: *korka šor* 'середина дома';

(ж) сочетание, в котором первый компонент является субъектом номинализованного действия, выражаемого вторым компонентом в форме (*e*)*m*-ового причастия, ср.: *učj čird-em* 'пение соловья', *šundj puks-em* 'закат (букв. закат солнца)' и т.д.

Из перечисленных конструкций в качестве посессивных мы рассматриваем только случаи (е) и (ж).

В примере типа (б) форма номинатива совпадает с нулевой формой аккумулятива, обусловленной управлением глагола, от которого образовалось главное слово. В п. 2.1.2. уже говорилось о том, что номинализация объектных отношений в удмуртском языке не может выражать отношения посессивности, и приводился пример *John's killing of Bill* 'убийство Билла Джоном', что переводится на удмуртский как *žon-len bil-ez vi-jem-ez* (Джон-GEN Билл-ACC убивать-PART-3SG). Ср. также другие примеры: *korka-Ø puktjnj* 'строить дом-ACC' → *korka-Ø pukt-on/pukt-em* 'стройка дома-ACC'; *korka-jez žikjtani* 'убирать дом-ACC' → *korka-jez žikjtan/žikjta-m* 'уборка дома-ACC'. Примеры дают основание не рассматривать конструкцию типа *korka pukton* 'стройка дома' в качестве посессивной. Однако, напр., в русском, финском и эстонском языках в настоящих случаях может употребляться посессивная конструкция, ср.: эстонский *maja ehitamine*, финский *talo-n rakentaminen* 'стройка дома'.

Послеложные конструкции (в), исторически восходящие к посессивным конструкциям примыкания (Kokla 1963: 209), в современном языке имеют иные грамматические особенности: первый компонент является главным словом, второй — зависимым, выражающим пространственные и другие отношения. Кроме того, об особом статусе послеложных конструкций говорит особенность их сочетания с Рх: в то время как определяющий компонент конструкции N-Nom N не может присоединять каких-либо показателей, в послеложных конструкциях Рх может присоединяться к обоим компонентам (см. также разделы 3.1.3.1.1., 3.1.3.3.).

Некоторые ученые относят к посессивным конструкции типа (г), напр., в северных диалектах шведского языка, ср.: *pap-bok-a* ‘книга папы’, а также в чукотском языке (Кортъевская-Тамм 2003а: 652-654). Подобное словосложение наблюдается и в эстонском языке, ср.: *vankri.ratas* ‘колесо телеги’, *mere.rand* ‘морское побережье’, *päikese.valgus* ‘свет солнца’ (ЕКГ 1995: 461; ЕЕК 2000: 325; Sazhina 2005: 50).

В удмуртском языке с подобными сочетаниями связаны орфографическая проблема слитного и раздельного написания, и проблема семантического единства сочетаемых понятий. Словосложение в древнем и современном удмуртском языке являлось и является одним из наиболее продуктивных способов словообразования, поэтому множество современных слов образовалось путем полного семантического сращения двух самостоятельных слов, ср.: *peł.pum* ‘плечо’ (букв. ‘ухо+конец’), *pid.čini* ‘палец ноги’, *jir.sí* ‘волосы’ (букв. ‘голова+волосинка’), *jm.dur* ‘губа’ (букв. ‘рот+край’). Многие из них со временем подверглись фонетической адаптации, ср.: *ыб.ес* ‘проезд в поле’ (букв. *ыб* ‘поле’ и *өс* ‘дверь’), *ты.быр* ‘спина’ (букв. *ты* ‘легкие’ *бер* ‘зад’), *табань* ‘блины, лепешки’ (букв. *таба* ‘сковорода’ и *нянь* ‘хлеб’) (Алатырев 1949: 33, 38; Баушев 1929: 5-6, 41-46) и т.д. Согласно последним правилам орфографии, сочетания слов, выражающих единое семантическое понятие, пишутся слитно, а другие — раздельно (УКШГК 2002: 15-16).

Сложные имена мы не рассматриваем в качестве притяжательных конструкций, поскольку компоненты уже не имеют самостоятельного характера, при этом мы руководствуемся семантическим и дискурсивным принципом, т.к. современная орфография имеет разногласия.

Примеры типа (д) М. Копчевкая-Тамм предлагает обозначать как «псевдопартитивные». Рассматриваемые сочетания отличаются от партитивных тем, что определяемое здесь является не определенным предметом, а квантификатором, ср.: *bekče sur* ‘бочка пива’, *zurod turjn* ‘стог сена’, *mešok piž* ‘мешок муки’, *kjrim emez* ‘горсточка малины’ и т.д. В партитивных конструкциях определяемое, как правило, имеет определенный статус и во многих языках Европы определяющее приобретает падежные показатели, напр., в венгерском — аблатива, в финском — партитива, элатива, ср.: *pala tä-tä kakkuu* ‘кусочек этого торта’ (Кортъевская-Тамм 2001, 2008).

Наиболее сложно дифференцировать сочетания типа (а), в которых в качестве определяющего может выступать любое имя и выразить качество или свойство определяемого компонента, ср.: *pu korka* ‘деревянный дом’, *zarńi zundes* ‘золотое кольцо’, *skal gid* ‘коровий хлеб’, *turjn zurod* ‘стог сена’, *aji žážeg* ‘гусак (букв. отец+гусь)’. Абстрактные понятия зачастую могут иметь значения прилагательного и существительного, ср.: *kultúra užrad* ‘культурное мероприятие’, *kultúra jurt* ‘дом культуры’, *teatr ulon* ‘театральная жизнь’ или ‘жизнь тетра’ и т.д. Здесь дифференциация случаев *посессивного* (*anchoring*) и *непосессивного* (*non-anchoring*) отно-

шения происходит, как правило, на семантическом уровне. Пытаясь разрешить настоящую проблему, В. М. Вахрушев приводит перечень посессивных и непосессивных случаев. По его мнению, первое значение реализуется в случаях обозначения:

- (а) принадлежности предмета обладателю, ср.: *атай юрт* ‘дом отца’;
- (б) принадлежности по родству, ср.: *Петыр Анна* ‘Анна Петра’;
- (в) неотчуждаемой принадлежности, ср.: *Зазег тылы* ‘гусиное перо’;
- (г) отношения части к целому, ср.: *тйр ныд* ‘топорище’;
- (д) отношения одного предмета к другому по месту, ср.: *школа азбар* ‘школьный двор’;
- (е) отношения предмета к источнику или творцу, ср.: *ошмес ву* ‘родниковая вода’;
- (ж) отношения признака к его носителю, ср.: *духи зын* ‘запах духов’;
- (з) отношения лица к коллективу, ср.: *колхоз председатель* ‘председатель колхоза’;
- (и) отношение предметов по назначению, ср.: *сур бекче* ‘пивная бочка’;
- (к) отношения предметного содержания к предметной форме, ср.: *куро зурод* ‘стог сена’, *скал сйль* ‘коровье мясо, говядина’, *етйн вйй* ‘льняное масло’ (Вахрушев 1980: 134–138).

Непосессивное значение выражается в сочетаниях, в которых:

- (а) определяющее является приложением, ср.: *Иж шур* ‘река Иж’;
- (б) видовое понятие выделяется из родового (напр., обозначает пол), ср.: *айы Зазег* ‘гусак’;
- (в) обозначается материал, ср.: *лымы корка* ‘снежный дом’, *зарни час* ‘золотые часы’;
- (г) зависимое слово обозначает меру измерения, ср.: *мешок пызь* ‘мешок муки’;
- (д) есть зависимы еотглагольные имена, ср.: *ужан нунал* ‘рабочий день’ (Вахрушев 1980: 138–140).

Подобная проблема существует и в родственных финно-угорских языках, напр., марийском, мордовских (см. классификацию в Андуганов 1991: 27, 54–62; Феоктистов 1963: 53–54). По мнению ученых, посессивные случаи возможно заменить генитивными конструкциями.

Можно согласиться с тем, что посессивное значение рассматриваемых слов в первую очередь реализуется в случаях отношения целое-часть, где определяющее обозначает целое, а определяемое — неотчуждаемую часть (см. 2.1.1., 3.1.1.2.), напр.,

- (а) часть тела: *val jir* ‘лошадиная голова’
- (б) психическое свойство человека, живого существа: *adami lul* ‘человеческая душа’;
- (в) составляющая деталь предмета: *vedra kal* ‘ручка ведра’;
- (г) присущее свойство: *kniga dun* ‘стоимость книги’, *saška zjin* ‘запах цветка’;
- (д) отрезок времени: *aran dir* ‘время жатвы’;

(е) родство *pi* ‘сын’ и *njl* ‘дочь’: *Koła pi* ‘Николаев сын’, *Koła Pedor* ‘Николаев Федор’.

В случае обратного порядка компонентов определяющее адъективизируется, ср.: *uĺća šor* ‘середина улицы’ и *šor uĺća* ‘серединая/ центральная улица’.

Посессор в сочетаниях, вторым компонентом которых являются названия частей тела, часто указывает на определенный вид животного или характеризует человека по полу возрасту и т.д.

(432) *экт-и-зы,* *экт-и-зы* *но, пэ, пыд-йос-сы*
танцевать-1PRET-3PL танцевать-1PRET-3PL и де нога-PL-3PL
кунан пыд лу-и-зы.
теленоск нога стать-1PRET-3PL
‘Плясали, плясали-де, и ноги у них превратились в телячьи’ (1981: 242).

(433) *у-к ты рм-о вал пиосмурт*
отр.-PRES хватать-NEG.PL вспом.гл.1PRET мужчина
ки-ос. рука-PL
‘Не хватало мужских рук’ (1990: 96).

Интересно, что слово *ki* ‘рука’ в современном удмуртском языке в некоторых конструкциях примыкания имеет свойство послелого и выражает в сочетании с элативом аблативное, а в сочетании с инессивом — адессивное отношение, реже встречается в сочетании с иллативом в функции аллатива, ср.:

(434) *Ата-ез ки-ысь чипе-ез адэ-и-з.*
отец-3SG рука-ELAT шука-ACC увидеть-1PRET-3SG
‘У отца [мальчик] увидел шуку’ (Инвожо № 1-2, 01-02.2007: 67).

(435) *Палатка – ми ки-ын!*
палатка мы рука-INES
‘Палатка – у нас!’ (Бадретдинов 2007: 66)

(436) *Лудйёж Володя ки-е сюр-и-з.*
утка ЛИ рука-ILLAT попасться-1PRET-3SG
‘Утка попалась Володе’ (Бадретдинов 2007: 22).

О статусе послелого говорит то, что в (434) Рх может присоединяться к определяющему, которое здесь является знаменательным словом, в (436) определяющее является конкретным понятием.

Конструкции примыкания, компонентом которых являются имена, называющие стороны предметов, как правило, представляют собой послеложные образования. Однако такие сочетания можно рассматривать как посессивные при условии, что последний компонент получает спецификацию. В этом случае определяемое является прямым или косвенным объектом либо субъектом предложения, ср.:

(437) *ныр йыл кэ лыд-э, кул-эм*
нос конец если чесаться-PRES.3SG умереть-PART
мурт-эз кыл-о-д.
человек-ACC слышать-FUT-2SG
‘Если кончик носа чешется, услышишь о покойнике’ (1981: 265).

- (438) *ву* выл *соос-ын* *тöды-тöды* *тырм-э*
 вода поверхность они-INSTR белый белый заполняться-PRES.3SG
вал.
 вспом.гл.1PRET
 ‘Вся водная гладь от них [лебедей] белым-бела становилась’ (1990: 139).
- (430) *Нош* *тон ас* ныр ул-д-э *гинэ* *тод-йсько-д.*
 а ты свой нос низ-2SG-ACC только знать-PRES-2SG
 ‘А ты только и знаешь, что у тебя под носом [творится]’ (Перовщиков 1994: 246).
- (440) *бöрдь-са* *гордэкт-эм* *син-ъёс-с-э* айшет
 плакать-GEN краснеть-PART глаз-PL-3SG-ACC передник
пум-ыны-з *чушыл-й-э* *Анна* *кенак.*
 конец-INSTR-3SG вытирать-1PRET-3SG ЛИ тетя
 ‘Тетя Анна вытерла кончиком передника покрасневшие от слез глаза’
 (Удмурт дунне № 183, 02.12.2008).

Примыкание наиболее типично для имен, называющих части или ингредиенты качества предметов:

- (441) *Сир* зын-зы *ныр-эз* *ик* *бичат-э* *кадь.*
 смола запах-3PL нос-ACC даже щекотать-PRES.3SG как
 ‘Запах смолы [щепок] как будто щекочет нос’ (Бадретдинов 2007: 5).
- (442) *шукк-э* пурт ныд-ын. *вэчки* *уксо-эн.*
 бить-PRES.3SG нож рукоятка-INSTR тонкий деньги-INSTR
 ‘Он [призывник] вбивает [чук] черенком ножа при помощи мелкой монеты’
 (1990: 40).

Как уже неоднократно отмечалось, некоторые временные понятия также мыслятся как неотчуждаемые, ср.: *djɨr-ɨz* ‘время-его’, *nɨnal-ɨz* ~ *nɨnal-ez* ‘день-его’. В словосочетаниях, связанных примыканием определяемое называет время:

- (443) *Туннэ* *нунал* – *выль* *улон-лэн* *кутскон-эз.*
 сегодня день новый жизнь-GEN начало-3SG
 ‘Сегодняшний день – начало новой жизни’ (Инвожо 02–03, 2006: 29).
- (444) *йэгит* *дырйа* инвожо дыр-э *кылзиск-он-йос-ы* *ми*
 молодой время святки время-ILLAT слушать-PART-PL-ILLAT мы
чош *вэтл-иско-м* *вал...*
 вместе ходить-PRES-1PL вспом.гл.1PRET
 ‘В молодости во время святок мы гуртом ходили слушать...’ (1981: 150).

Конструкции примыкания, включающие термины неотчуждаемого родства, имеют назывную функцию. В рассматриваемом сочетании оба компонента чаще всего выражаются именами собственными. Объектом могут выступать только дети (дочь и сын). Посессор — мать, отец или другой старший представитель. Напр.: *Пылька Сандыр* ‘Филиппов Александр’, *Педот Сергей* ‘Федотов Сергей’ (Медведев 2006), *Микта Огаши* ‘Николаева Агафья’ (Перовщиков 1994), *роман картин* ‘Романова Екатерина’ (Образцы 1981: 126), *Veñera Gaía* ‘Венерина Галя’ и т.д.

- (445) *ми нъл куза вал: онтон миша, габн пекла,*
 мы четыре вместе вспом.гл.1PRET ЛИ ЛИ ЛИ ЛИ
кузмовыр но мон.
 ЛИ и я
 ‘Мы были вчетвером: Антонова Маша, Гаврилова Фекла, Кузьмовыр
 (девушка из деревни Кузьмовыр) и я’ (1981: 102).

Если слова *njl* ‘дочь’ и *pi* ‘сын’ употребляются в значении несобственно родства ‘девушка’ и ‘мальчик, юноша’, то определяющим в этом случае выступает либо название деревни, либо семейное божество, тотем: *karsa pi* ‘юноша из деревни Карсашур’, *omga njl* ‘девушка из рода Омга’, *kuč'iran juri* ‘Юрий из рода Сова’. Подобные сочетания К. М. Баушев рассматривает как сложные слова (1929: 5), ср.:

- (446) *пъсък пэдор да огросин.пи миколай мэмет-э*
 ЛИ ЛИ и ЛИ.сын ЛИ ЛИ-ILLAT
вэгл-иллам.
 ходить-2PRET.3PL
 ‘Пысыков Федор и Абросимов сын Николай в Меметово ездили’ (1982: 119).

С реализацией значения несобственно родства конструкция может выражать и ненарицательное значение, ср.:

- (447) *Асьсэ гурт пи, самой матысь эш-ез.*
 свой деревня мальчик самый близкий друг-3SG
 ‘Парень из их деревни, его самый близкий друг’ (Первошиков 1994: 9).
 (448) *Со шордйн пи лу-э, мон-э ванна.пал*
 он центр мальчик быть-PRES.3SG я-ACC верхняя.часть
адями кар-исько-ды...
 человек.ACC делать-PRES-2PL
 ‘[Значит, по-вашему] Он в центре живет, а меня причисляйте к жителям
 верхней улицы...’ (Бадретдинов 2007: 67).

Отчуждаемые имена, обозначающие объекты высокой степени посессивности, также часто выступает в конструкции в качестве определяемого, ср.:

- (449) *Кышномурт чик ё-з кыл-ы вёз-ысьты-з*
 женщина совсем отр.1PRET-3SG слышать-NEG.SG рядом-ELAT-3SG
пыд куара-ос-ты.
 нога звук-PL-ACC
 ‘Женщина совсем не услышала звуков шагов возле себя’ (Бадретдинов 2007: 59).
 (450) *Котьма мед лу-о но, пипу куар кадь*
 все пусть быть-FUT.3SG но осина лист как
эн куалекъя.
 отр.IMPER дрожать.NEG.2SG
 ‘Что бы ни было, не дрожи как осиновый лист’ (Первошиков 1994: 239).

- (451) *корка* *õс-йос-м-э* *усты-са* *пыр-и* *но,*
дом дверь-PL-1SG-ACC открыть-GER зайти-1PRET.1SG и
сузэр-э *корка-з-э,* *ой, йуж-э.*
сестра-1SG дом-3SG-ACC ой мести-PRES.3SG
‘Вошла я, отворив дверь дома, — сестренка моя дом, ой, подметает’ (1990: 321).

Термины родства с семантикой отчуждаемости в сочетании с личными именами имеют ограниченное употребление: семейной субординации подчиняются понятия *kjʃno* ‘жена’, *ken* ‘сноха, невестка’. В первом случае старшим в иерархии является муж, во втором — свекровь, ср.:

- (452) *мама вера* *вал,* *прак,* *пэ,* *сэ́нка*
мама говорить.PRES.3SG вспом.гл.1PRET прямо де ЛИ
пэ́да *кышно* *жил-жил, жил-жил* *гынэ* *бёрд-э.*
ЛИ жена звукоподр. только плакать-PRES.3SG
‘Мама рассказывала, жена Сенькина Феде так и, мол, обливалась, так и обливалась слезами’ (1990: 77).
- (453) *кани* *кышно* *коза* *ба́т-са* *бэрт-э*
ЛИ жена коза.ACC купить-GER возвращаться-PRES.3SG
въл-эм...
вспом.гл.-2PRET
‘Жена Кани [однажды], купив козу, возвращалась домой...’ (1992: 121).

В сочетаниях с другими терминами родства первый компонент, выраженный именем собственным, означает личное имя, а второй — семейный статус данного человека.

- (454) *марпа* *кэнак* *туж* *йарат-э* *вал*
ЛИ тетя очень любить-PRES.3SG вспом.гл.1PRET
вина *пóстын.*
самогон.ACC варить-INF
‘Тетя Марфа очень любила варить самогон’ (1981: 114).
- (455) *Миколай агай,* *тон кызьы* *малпа-сько-д?*
ЛИ дядя ты как думать-PRES-2SG
‘Дядя Николай, а ты как думаешь?’ (Медведев 2006: 28).

Для обозначения отношений лица с родственниками употребляется генитивная конструкция, ср.: *marpa-len kenak-ez* ‘тетя/жена брата Марфы’, *mikolaj-len agaj-ez* ‘дядя/старший брат Николая’ и т.д.

Отношения родства передаются конструкцией примыкания, если определяемое не выражено именем собственным, ср.:

- (456) *Солдат* *анай-ёс* *пõл-ын* *Валентина Суворова* *но.*
солдат мать-PL среди-INES ЛИ ЛИ и
‘Среди солдатских матерей и Валентина Суворова’ (Удмурт дунне № 182, 05.12.2006: 6).

В рассмотренных выше примерах примыкание выражает пассивную или естественную посессивность: посессор не прилагает усилий для овладения объектом, поскольку последние являются его естественной частью.

Однако если **обладаемое выражено именем, обозначающим объект средней или низкой степени посессивности**, то выражение посессивности имеет прагматический характер и зависит от особенностей дискурса и лексико-семантического содержания слова в позиции обладателя.

Отношение посессивности у имен объектов средней или низкой степени посессивности реализуется в случаях, когда посессор мыслится как активный обладатель, ср.: *gondīr gu* ‘берлога (которую соорудил медведь)’, *kuaka kar* ‘гнездо вороны (которое сделала сама птица)’, *nīlkīšno ogažejaškon-jos* ‘женские организации, (которые создали или которыми управляют женщины)’, *škola už-jos* ‘школьные дела (которыми заведует школа как учреждение)’. Конструкция примыкания может выражать и посессивность, установленную юридически, ср.: *škola mašina* ‘школьная машина (которая официально принадлежит школе)’, *eļkun rīules* ‘республиканский лес (которым распоряжается республика как административная единица)’, ср.:

- (457) *Трос-эз* *нылкышно* *огазеяськон-ъёс* *вань* *кужым-з-эс*
 много-3SG женщина организация-PL весь сила-3PL-ACC
сёт-о...
 отдать-PRES.3PL
 ‘Многие женские организации отдают все свои силы...’ (Удмурт дунне № 182, 05.12.2006: 1).
- (458) *Соин* *ик тын-ыд колхоз* *юрт-м-ес* *висьян-о*
 поэтому же ты-DAT колхоз дом-1PL-ACC выделить-PART
кариськ-и-м.
 сделаться-1PRET-1PL
 ‘Поэтому мы решили выделить тебе колхозный дом’ (Перевощиков 1994: 16).
- (459) *Комсомол секретарь-зы жожен* *выльысь куара-з-э*
 комсомол секретарь-3PL быстро снова голос-3SG-ACC
сёт-й-з.
 давать-1PRET-3SG
 ‘Вскоре секретарь комсомола снова подал голос’ (Перевощиков 1991: 77).
- (460) *Со-я-з* *улон.тй-я-м* *кунокуа*
 тот-INES-3SG место жительства-INES-1SG квартира
кузё-ены-м *нерад* *лу-и.*
 хозяин-INSTR-1SG проблемный статья-1PRET-1SG
 ‘На бывшем месте жительства я замучалась с хозяйкой квартиры’ (Перевощиков 1994: 91).

На наш взгляд, примеры, которые В. М. Вахрушев рассматривает как посессивные, ср.: *сур бекче* ‘пивная бочка’, *куро зурод* ‘стог сена’, *скал сйль* ‘говядина (букв. коровье мясо)’, *етйн вйй* ‘льняное масло’, не следует так интерпретировать, поскольку у референта нет признака активности, напр., пиво не может владеть или манипулировать бочкой, также как и корова своим мясом, а лен маслом. Кроме того, мясо и масло не являются собственно частью. Так же следует расценивать случаи типа *kureg suri*

‘шест для курицы, насест’, *skal gid* ‘хлев для коровы’. В современном официальном стиле для выражения более специфических значений именных сочетаний стали употребляться новые конструкции, напр., с показателями датива для выражения назначения, ср.: *udmurt kijl-lj dišetiš* ‘преподаватель удмуртского языка-DAT’, адвербиала для обозначения специализации, ср.: *udmurt kijl-ja urok* ‘урок удмуртского языка-ADV’ и т.д.

Такой же прагматический характер имеет и посессор, означающий пространство. Судя по всему, конструкция примыкания употребляется для обозначения как внешнего пространственного отношения (455), так и внутреннего (453) и (454). Посессивная связь в данном случае устанавливается по принципу пространственной локации или включенности, ср.:

- (461) *Викторина-ын сёт-эм юан-ъёс гурт калык-ез*
 викторина-INES дать-PART вопрос-PL деревня народ-ACC
туж ик ё-з шугъяськыт-э.
 очень же отр.1PRET-3PL затруднить-NEG.PL
 ‘Заданные на викторине вопросы особо не затруднили деревенский народ’
 (Удмурт дунне № 182, 05.2006.: 6).
- (462) *Школа библиотека-ын Серге-ен ёош Леонид Ильич-лэсь*
 школа библиотека-INES ЛИ-INSTR вместе ЛИ ЛИ-ABL
книга-ос-с-э бугырья-сько-м.
 книга-PL-3SG-ACC рыть-PRES-1PL
 ‘Вместе с Сергеем в школьной библиотеке роемся в книгах Леонида Ильича’
 (Бадретдинов 2007: 77).
- (463) *бусы но капка-тій, ой, поты-кы-м...*
 поле да ворота-PROL ой выходить-GER-1SG
 ‘Ой, да выезжая через полевые ворота...’ (1982: 19).

Временные отношения, как мы отметили чуть выше, выражаются в первую очередь такими понятиями как *день, время*, ср.: *čukaže nunal* ‘завтрашний день’, *tunne nunal* ‘сегодняшний день’. Иногда используются сочетания и с другими словами: *čukna šískon* ‘утренняя трапеза, завтрак’, *žit šudon* ‘вечерние гулянья’. Слово *ar* ‘год’, как правило, употребляется в генитивных конструкциях, ср.: *ar-len dij-jos-iz* ‘времена года’ и т.д.

Особенностью словосочетаний, связанных примыканием, является неразделимое синтаксическое единство. Однако в народных песнях возможно разделение компонентов междометиями, ср. (463).

Конструкция может сочетаться с дополнительными атрибутами: если обладаемое не выражает отношения неотчуждаемой принадлежности, то качественное прилагательное следует за обладателем (464). Если главное слово выражено неотчуждаемым именем, то качественное прилагательное предшествует посессору (465).

- (464) *жэлатт-и-з вэт, жэлатт-и-з вэт ньл дыр*
 желать-1PRET-3SG ведь желать-1PRET-3SG ведь девушка время

бурччин лэнта-з-э...
шелковый лента-3SG-ACC
'Захотела ведь, захотела ведь [подать] шелковую ленту своей девичьей поры...' (1990: 147).

- (465) быз-и, туб-и бадар йыл-э,
бежать-1PRET.1SG подняться-1PRET.1SG клен вершина-ILLAT
бадар тир ныт кожа-са...
клен топор рукоятка предполагать-GER
'Побежал, взобрался я на клен, полагая [найти] кленовое топориче' (1990: 252).

Если в конструкции несколько семантически равнозначных определяемых, то идентификация референта устанавливается порядком их расположения — референт предшествует обладаемому, ср.:

- (466) тикон пэдор кышно сьлау-ль мьн-э
ЛИ ЛИ жена соль-DAT идти-PRES.3SG
въл-эм кэбит-э.
вспом.гл.-2PRET магазин-ILLAT
'Идет [однажды] жена Тихонова Федора в магазин за солью' (1992: 121).

Однако интерпретация зависит от семантических особенностей компонентов: в примере (466) все компоненты имеют одинаковый статус, а в (467) второй компонент является неотчуждаемым, поэтому атрибутом обладаемого *вода* является все предыдущее сочетание:

- (467) тисэй укно дур вү-эз ю-э кэ,
кошка окно край вода-ACC пить-PRES.3SG если
иуныт лу-о-з.
тепло быть-FUT-3SG
'Если кошка лакает воду с края окна, станет тепло' (1990: 188).

Отличительной чертой конструкций примыкания является то, что обладаемое никогда не маркируется R_x, указывающим на посессора. Суффиксальное оформление объекта посессивности возможно и обязательно в случаях, если в предложении есть или подразумевается второй референт, ср.:

- (468) Заки йыр-ыз кур-ен сапег ныр-ыны-з
ЛИ голова-3SG злость-INSTR сапог нос-INSTR-3SG
поглян борд-ы чыж-и-з.
колесо к-ILLAT пнуть-1PRET-3SG
'Заки от злости пнул кончиком сапога колесо' (Красильников 1991: 91).

В данном примере R_x указывает не на посессор *сапег* 'сапог', а на другого референта — Заки. R_x здесь не может присоединяться к определяющему компоненту сочетания **Zaki sapeg-ez nyr-in* 'Заки сапог-3SG нос-INSTR'.

Иногда в качестве определяемого компонента может выступать личное местоимение. Однако в современном языке такое встречается редко, ср.:

- (469) *кэмалас' дыр-йос-ы ул-эм ми зурт-ын одиг*
 давно время-PL-ILLAT жить мы деревня-INES один
 зуч адами.
 русский человек
 'В стародавние времена жил в нашей деревне один русский' (1990: 135).
- (470) *Моң чакла-м-ья, котькуд калык-лэн ас-лаз*
 я наблюдать-PART-ADV каждый народ-GEN свой-GEN
чеберлык-ез но аспортэмлык-ез вань.
 красота-3SG и особенность-3SG быть.EX
 'По моим наблюдениям, у каждого народа есть своя красота и особенность'
 (Инвожо 02.-03.2006: 38).

В таких сочетаниях, так же, как в сочетаниях с послелогоми, употребление Rх невозможно.

Однако, как говорилось в разделе 3.1.3.3., В. М. Вахрушев утверждает, что иногда определяемый компонент может присоединять Rх, апеллирующий к определяющему, напр.: *Тон кия-д со* 'В твоих руках (у тебя) это', *Ми кия-мы кык книга* 'В наших руках (у нас) две книги' (Вахрушев 1970: 104). Такое сочетание возможно с послелогоми в некоторых северных диалектах (250), а также при спецификации обладателя (251), (252) и при внешнем посессоре (253), ср. также:

- (471) *тон кызьы йыр-а-д кельт-й-д?*
 ты как голова-ILLAT-2SG оставить-1PRET-2SG
 'Как ты запомнил?' (Удмурт дунне №14, 04.02.2009).

Примеры с оформленным Rх обладаемым встречаются в северных диалектах коми языка, ср.: *sy kerkaas* 'в его дом', *sy kerkaezys* 'до его дома' (Bartens 2000: 121). Р. Бэйкер утверждает, что такие сочетания имеют эмфатический характер (Baker, R. 1985: 165).

В. М. Вахрушев конструкции с усилительно-личным местоимением *as* 'свой' относит к разряду особых сочетаний, где нет генитивного маркера, но есть Rх (1970: 104-5). Однако, как мы указывали в разделе 3.2.3., компоненты такой конструкции связаны примыканием. Местоимение здесь выступает в функции атрибута и не выражает референции, на референта указывает Rх, ср.: (472), (473), (474). Во множественном числе в основе местоимения появляется показатель лица (*asme* 'наш свой', *aste* 'ваш свой', *asse* 'их свой'), поэтому определяемое необязательно оформляется Rх, ср.: (475) и (476), но он может появляться, ср.: (477).

- (472) *Соснов Алексей ас зурт-а-з берт-й-з*
 ЛИ ЛИ свой деревня-ILLAT-3SG вернуться-1PRET-3SG
но чылкак пайм-и-з.
 и совсем удивиться-1PRET-3SG
 'Соснов Алексей вернулся в свою деревню и очень удивился' (Красильников 1991: 34).
- (473) *Вань-з-э ас ки-ос-ыны-д лэсьт-оно.*
 все-3SG-ACC свой рука-PL-INSTR-2SG делать-PART
 'Все нужно делать своими руками' (Бадретдинов 2007: 45)

- (474) *ва'кчиак мад'-о ас гурт-э-лэс'*
 вкратце рассказать-FUT-1SG свой деревня-1SG-ABL
кылд-эм-э-э.
 возникнуть-PART-3SG-ACC
 'Вкратце расскажу о происхождении своей деревни' (1981: 222).
- (475) *Асьме пинал-ъёс-ты дышет-о ук!*
 свой ребенок-PI-ACC учить-PRES.3PL же
 'Наших же детей учат!' (Перовошиков 1994: 38).
- (476) *асмэ гурт-эз вэра-л'лам-а...*
 свой деревня-ACC сказать-2PRET.3PL-INTER
 'О нашей ли деревне рассказывали...'. (1992: 113).
- (477) *тужэ кэмалас, кукэ асмэ гурт-мы инты-ын пэймыт тэл'*
 очень давно когда свой деревня-1PL место-INES темный лес
вал ай...
 быть.EX.1PRET еще
 'Очень давно, когда на месте нашей деревни был еще дремучий лес...' (1990: 257).

Синтаксис конструкции примыкания отличается тем, что определяемый компонент практически всегда является внутренним и не может выступать в качестве аргумента глагола, в то время как в генитивных конструкциях определяющее часто является аргументом глагола или внешним посессором. Это говорит о том, что синтаксическая связь между посессором и обладаемым при примыкании более тесная, чем в генитивных сочетаниях. Однако в некоторых случаях компоненты могут иметь внешнее синтаксическое отношение: в именных предложениях, где целое является субъектом, а часть — предикатом. Такая связь свойственна только ограниченному кругу сочетаний со словами *zɨn* 'запах', *ʃɛm* 'вкус', *tus* 'вид', ср.: *tatɨn ʃɨn zɨn* 'здесь пахнет дымом', но *ʃɨn zɨn likte* 'доносится запах дыма', *ʃɨd ʃorig ʃɛm* 'у супа есть привкус рыбы', но *ʃorig ʃɛm tɨnɨm ug jara* 'мне не нравится вкус рыбы', *so anaj-ez tus* 'он похож на мать-3SG', но *kuzo tus* 'хозяйский вид'.

- (478) *Пи-ез но быдэсак ана-ез тус...*
 сын-3SG и совсем мать-3SG вид
 'И сын весь в мать...' (Удмурт дунне № 157, 15.10.2008).

Конструкцию примыкания объединяет с генитивной то, что обе выражают спецификацию обладаемого. Посессор при этом является неидентифицируемым референтом, что отличает обе конструкции от сочетания имя+Рх. Примыкание возможно в следующих случаях:

(1) Посессор является *неспецифичным* или *неконкретным референтом*. Здесь обладаемое может выражаться как отчуждаемым, так и неотчуждаемым объектом. Посессивная связь с отчуждаемым объектом средней и низкой степени посессивности осуществляется на основе активного отношения (напр., гнездо вороны — ворона сама построила гнездо).

(2) Посессор может быть конкретным референтом (440), (447), (449), (460), связь в этом случае происходит на основе отношения целое — часть. Однако в случаях, когда посессор является топиком дискурса, с неотчуждаемыми именами употребляется и генитивная конструкция:

(479) *пиосмурт-лэн йыр-ыс* кур лу-эм...
 мужчина-GEN голова-3SG злой быть-2PRET.3SG
 ‘Мужик рассердился...’ (1990: 160).

(480) *Со буб-из-лэн ки-ысьты-э* мозм-и-э.
 он отец-3SG-GEN рука-ELAT-3SG освободиться-1PRET-3SG
 ‘Он высвободился из рук отца’ (Перевошиков 1994: 97).

Конструкция N-Nom N имеет особые функции, напр., функцию идентификации и назывную функцию для образования (а) собственных имен, (б) топонимов, (в) новых понятий, явлений и т.д. По такому принципу образованы, напр., названия мифологических существ: первый компонент зачастую указывает на место, а второй — статус данного существа в этом месте, напр., *vi.kužo* ‘водяной (букв. воды хозяин)’, *korka.kužo* ‘домовой (букв. дома хозяин)’, *ńules.murt* ‘леший (букв. леса человек)’ и т.д., ср.:

(481) *пэрэ'-йос тод-ил'лам,* со дор-ы *гит* *күžo*
 старый-PL знать-2PRET.3PL он к-ILLAT хлев хозяин
вэтл-эм шу-са.
 ходить-2PRET.3SG сказать-GER
 ‘Старик со старухой узнали, оказывается, что к ней ходил хлевник’ (1990: 144).

Названия местности или топонимы образуются по принципу ассоциативной или несобственно посессивной связи, напр., место может ассоциироваться с кем-либо, кто осуществлял какие-либо действия на этом месте, или с чем-либо по принципу включенности, ср.:

(482) *мар'я ты.* та ты-э *мар'я* *ńим-о* *пинал*
 ЛИ озеро это озеро-ILLAT ЛИ имя-DER молодой
ныңл *вий-эм.*
 девушка утонуть-2PRET.3SG
 ‘Марьино Озеро. В этом озере утонула молодая девушка по имени Марья’ (1990: 137).

(483) *агэй гон.* *а'зло* со гон-э *агэй* кулак *жуг-жаг-з-э*
 ЛИ овраг раньше то овраг-ILLAT ЛИ кулак мусор-3SG-ACC
куйа *выл-эм.*
 бросать.PRES.3SG вспом.гл.-2PRET
 ‘Агеев Овраг. Раньше в тот овраг кулак по имени Агей выбрасывал мусор’ (1990: 137).

(484) *часом'на.бам.* *ва'чкала* *дыр-йос-ы* *гурэз* *йыл-ын*
 часовня склон древний время-PL-ILLAT гора вершине-INES
часо`вна *сыл-эм.*
 часовня стоять-2PRET.3SG
 ‘Склон с часовней. В древности на горе стояла часовня’ (1990: 136).

Материал демонстрирует, что примыкание чаще встречается в живой разговорной речи. В языке средств массовой информации эти же смыслы зачастую выражаются более сложными конструкциями, видимо, для передачи более специфических отношений, ср.: *šurkiŋmon pum-ŋn* ~ *šurkiŋmon-len pum-a-z* ‘в конце ноября’, *ekton kružok* ~ *ekton-ja(ADV) kruzok* ‘танцевальный кружок’, *udmurt kił* ~ *udmurt urok* ~ *udmurt kił-ja(ADV) urok* ‘урок удмуртского языка’, *filologi fakultet* ~ *filologičeskoj fakultet* ~ *filologi-ja(ADV) fakultet* ‘филологический факультет’, *moda festivał* ~ *moda-ja(ADV) festivał* ‘фестиваль моды’ ~ *moda-lj(DAT) sizem festivał* ‘посвященный моде фестиваль’ и т.д.

Как мы уже говорили, конструкция примыкания считается одной из древнейших посессивных конструкций в уральских языках. Основным доводом в пользу такого утверждения служит засвидетельствованность конструкции во многих финно-угорских и самодийских языках. «Древнейшим способом выражения притяжательных связей было простое расположение одного имени перед другим и произношение их одним речевым тактом. Вероятно, не только у «обладателя», но и у «обладаемого» отсутствовал оформитель, указывающий на другой член сочетания: отсутствовали как падежные («генитивные»), так и лично-притяжательные окончания» (Sebestyèñ 1958: 339; Феоктистов 1963: 56). Определяющий компонент в прошлом имело функцию атрибута и, кроме отношения посессивности, обозначал также вещество, меру, назначение и т.д. (Феоктистов 1963: 55). По мнению В. М. Вахрушева, в удмуртском языке немаркированная конструкция выражала как определенную, так и неопределенную посессивность. Позднее для дифференциации таких значений определенная посессивность стала маркироваться генитивом (Вахрушев 1970: 82). Другими словами, конструкция примыкания представляла собой типичную схему спецификации обладаемого.

На наш взгляд, конструкция примыкания имела и имеет в своей когнитивной основе атрибуцию. Однако дифференциация собственно посессивных и адъективных конструкций произошла из-за лексико-семантических особенностей его компонентов: скорее всего, атрибутивное сочетание имени, называющего целое, с именем, называющим часть, образовало естественное посессивное отношение, а имена с другими лексико-семантическими особенностями — другие отношения. Такие сочетания легли в основу конструкций примыкания, выражающих принадлежность неконкретному посессору.

Тем не менее, видимо, существовали и такие конструкции, где посессор не являлся атрибутом, а выполнял роль аргумента предложения, напр., в примерах типа *purt [čorig] [zjn]* ‘Нож пахнет рыбой’. В некоторых ситуациях конструкция приобретала двусмысленную синтаксическую интерпретацию, ср.: *čorig zjn jardur-ŋn* ‘Запах рыбы на берегу’ или ‘Рыбой пахнет на берегу’. Конкретный номинативный посессор имеет широкое распространение и в современных коми языках, ср.: коми-зырянский

Павел пельном выл-ö и коми-пермяцкий *Павел-ыс пельном выл-ö* ‘на плечо Павла’ (Turku-Izhevsk-korpus/PavlikMorozov/Udm/Komi/Permj: 103). Видимо, конкретный номинативный посессор грамматикализовался в атрибут в случаях спецификации обладаемого компонента, ср.: *vi vil* ‘поверхность воды’, благодаря чему определяемое сохранило именной статус. А в случае спецификации определяющего компонента, ср.: *vi vil-ijn* ‘на воде’, обладаемое утратило самостоятельность и превратилось в послелог.

3.4. Конструкция с элативом N_{Pr} -Elat N_{Pm}

Конструкции N-Px, N-Gen N-Px, N-Abl N-Px-Асс, N-Nom N традиционно рассматриваются в рамках категории посессивности, а именные конструкции с элативом только в рамках атрибутивных словосочетаний, которые в литературе принято отмечать как определительные или определительно-обстоятельственные словосочетания. Определяющее слово в таких сочетаниях оформляется показателем элатива *-iś*, а определяемое имя не имеет обязательных показателей, ср.: *космос-ысь герой-ёс* ‘герои космоса’, *магазин-ысь витрина-ын* ‘в витрине магазина’, *яг-ысь пужым-ъёс* ‘сосны леса’, *Глазкар-ысь завод-ъёс* ‘заводы г. Глазова’ и т.д. (ГСУЯ 1970: 21,160; ГСУЯ 1962:109; Kel'makov, Hännikäinen 1999:46; Bartens 2000:106; Winkler 2000:26). Элатив в определительных конструкциях может встречаться и в некоторых других финно-угорских языках, напр., эстон. *naiissoost õppetaja linna-st*, коми-зырян.: *kar-iś, niṽbajjas-iś veled-iś* ‘учитель-женщина из города’ (Sazhina 2005: 89).

Основная синтаксическая функция элатива — обстоятельство, характеризующее направление динамического действия, а именно — начальную точку движения. В таких высказываниях имя в форме элатива является аргументом глагола и обозначает обстоятельство места. Элативный модификатор употребляется с глаголами с семантикой удаления или движения от начальной точки, напр., *выходить, уходить, отдаляться* и т.д., а также с другими многовалентными глаголами, напр., *прыгать, приходить, возвращаться откуда? и куда?* и т.д., ср.:

- (485) *Малы тон уж-ысьты-д кошке-и-д?*
 почему ты работа-ELAT-2SG уйти-1PRET-2SG
 ‘Почему ты ушел с работы?’ (Красильников 1991: 101).
- (486) *Дэри ёросысь конкурс-э ньыль коллектив*
 ЛИ район-ELAT конкурс-ILLAT четыре коллектив
 ву-эм.
 прибыть-2PRET.3SG
 ‘Из Завьяловского района на конкурс прибыли четыре коллектива’ (Удмурт дунне № 182, 05.12.2006: 4).
- (487) *тан ву дур-ыс кышно лъкт-о-с, пэ.*
 вот вода край-ELAT женщина прийти-FUT-3SG де
 ‘Вот, мол, с реки придет женщина’ (1992: 101).

Кроме того, элатив в удмуртском языке является типичным обстоятельством переходных глаголов, ср.:

- (488) малы тон мын-ам ву-ысты-м чорык кут-иско-д?
 почему ты я-GEN вода-ELAT-1SG рыба.ACC взять-PRES-2SG
 ‘Почему ты в моей воде рыбу ловишь?’ (1990: 145).
 (489) бичаск-он сам-эны-з, лиал вылыс туж
 собирать-PART характер-INSTR-3SG пень на-ELAT очень
 бадзын кый-эз адз-эм.
 большой змея-ACC видеть-2PRET-3SG
 ‘Собирая [малину], он увидел на пне огромную змею’ (1990: 140).

Элатив употребляется в некоторых конструкциях с *em*-овым именем действия: при обозначении двух действий с основным глаголом *dugdĭnj* ‘перестать, остановиться’, *sultĭnj* ‘встать’, *saikaniĭ* ‘проснуться’, ср.: *uža-m-iś dugdĭnj* ‘перестать работать’, *iz-em-iś saikaniĭ* ‘проснуться (букв. проснуться из сна)’, *keĭ-em-iś sultĭnj* ‘встать с постели (букв. встать со сна)’, ср.: (490). В некоторых случаях, как отмечалось в разделе 3.1.3.3., маркер элатива может выражать обстоятельство причины, ср.: (491).

- (490) Со понна йыр висьыл-эм-ысь дугд-й-з.
 это за голова болеть-PART-ELAT остановиться-1PRET-3SG
 ‘А зато голова перестала побаливать’ (Перевозищikov 1994: 112)
 (491) öwöl-ысты-з быдэс колхоз-эз жут-и-зы.
 отр.EX-ELAT-3SG целый колхоз-ACC поднять-1PRET-3PL
 ‘Из-за его отсутствия весь колхоз подняли’ (1981: 126).

В редких случаях элатив употребляется для обозначения материала. Необходимо отметить, что в современном литературном языке в данном случае, как правило, выступает аблатив. Элатив в настоящей функции встречается, напр., в некоторых северных и прикильмезьских говорах (Загуляева 1980: 11):

- (492) а гондыр ку-ыс дак шуба вур-и́ла́ м-зы.
 а медведь шкура-ELAT дак шуба.ACC шить-2PRET-3PL
 ‘А из медвежьей шкура сшили шубу’ (1981: 61).
 (493) ludkeč lešt-em korka ru-iś.
 заяц делать-2PRET.3SG дом.ACC дерево-ELAT
 noš žičĭ je-iś.
 а лиса лед-ELAT
 ‘Заяц сделал дом из дерева, а лиса – из льда’ (Загуляева 1980: 11).

Редко элативный модификатор указывает на происхождение, ср.:

- (494) тэ́н фэддо́ тов-йос, нэ, о́лок васа-ос-нъс пот-эмын.
 вон ЛИ-PL де ЛИ ЛИ-PL-ELAT выйти-PART
 ‘Вот Федотовы-де вышли из рода Василия сына Александра’ (1982: 122).

В приведенных примерах элатив семантически связан с глаголом. В транзитивных конструкциях элатив, видимо, грамматикализовался как обстоятельство транзитивного глагола. Элативное обстоятельство может

иметь самостоятельный характер и не зависеть от глагола, напр., в конструкциях детерминации, обозначения причины (491), ср.:

- (495) Со нёл-ысь ньыльдон-эз висись-ёс котыр-ын
 он среди-ELAT сорок-3SG больной-PL около-INES
ортч-емын.
 провести-PART
 ‘Из них сорок [лет] проведено с большими’ (Красильников 1991: 18).
- (496) сэмйа-ысты-зы са мой пичи-йэз выл-эм со..
 семья-ELAT-3PL самый маленький-3SG вспом.гл.-2PRET он
 ‘В семье она была самой младшей’ (1981: 267).

Элативный модификатор употребляется в функции атрибута при имени и является определяющим компонентом сочетания. В такой функции он не имеет семантической и синтаксической связи с глаголом, ср.:

- (497) Школа-ысь дышетісь-мы Иван Алексеевич но озьы ик
 школа-ELAT учитель-1PL ЛИ ЛИ и так же
боды-ен ветл-э.
 палка-INSTR ходить-PRES.3SG
 ‘Наш школьный учитель Иван Алексеевич тоже так же ходит с палкой’
 (Красильников 1991: 14).
- (498) со кыз-ыс’ гырк-эз, пэ, ёэм адамш-ос-ты нуллыл-э.
 то ель-ELAT дупло-3SG де часто человек-PL-ACC носить-PRES.3SG
 ‘Дупло-де в той ели часто уносит людей’ (1981: 129).
- (499) Фаина бжытак ёжжект-й-з, халат борд-ысьты-з
 ЛИ немного краснеть-1PRET-3SG халат край-ELAT-3SG
бирды-з-э чиньы виск-а-з бергатыны
 пуговица-3SG-ACC палец между-INES-3SG крутить-INF
кутск-и-з.
 начать-1PRET-3SG
 ‘Фаина немного покраснела, стала крутить между пальцами пуговицу халата’ (Красильников 1991: 15).
- (500) Кыйкар гурезь бам-ысь кезьыт ошмес-лэн кутскон-эз
 ЛИ гора склон-ELAT холодный родник-GEN начало-3SG
син аз-я-з пукс-и-з.
 глаз перед-ILLAT-3SG садиться-1PRET-3SG
 ‘Перед его глазами предстало начало холодного родника с горы Кыйкар’
 (Медведев 2006: 35).
- (501) ог-з-эс- ог-зы ву-э куйа-ло,
 один-3PL-ACC один.3PL вода-ILLAT бросить-PRES.3PL
толалтэ нош колонка-ыс’ или колодэц-ыс’ ву-эн.
 зимой а колонка-ELAT или колодец-ELAT вода-INSTR
 ‘Друг-друга бросают в воду, ведрами поливают, а зимой — водой из колонки
 или колодца’ (1990: 39).
- (502) Соос-ты райцентр-ысь кинотеатр-ын гинэ
 они-ACC район-ELAT кинотеатр-INES только
возьматъя-зы.
 показывать-1PRET.3PL
 ‘Их показывали только в кинотеатре района’ (Бадретдинов 2007: 36).

- (503) *Световидов папирос пум-з-э* *фикус горшок-ысь*
 ЛИ сигарета конец-3SG-ACC *фикус горшок-ELAT*
сю-е мур выйыт-й-э.
 земля-ILLAT глубокий топить-1PRET-3SG
 ‘Световидов ткнул окурочок папиросы глубоко в землю в горшок с фикусом’
 (Красильников 1991: 16).
- (504) *Фаина ки-ысьты-з час-эз шоры учк-и-з.*
 ЛИ рука-ELAT-3SG часы-3SG на смотреть
 ‘Фаина посмотрела на ручные часы’ (Красильников 1991: 10).

Примеры демонстрируют, что определяемое в настоящих конструкциях может быть любым членом предложения: субъектом (497) и (498), прямым дополнением (499), косвенным дополнением (500) и (501), а также обстоятельством (502) и (503), и употребляться в трехкомпонентных послеложных конструкциях (504).

Однако нередко встречаются конструкции, в отношении которых возможна двоякая интерпретация: элативный модификатор можно рассматривать и как атрибут, и как аргумент:

- (505) *Больница-ысьты-ды главной врач-ез Соснов-ез кемалась-а*
 больница-ELAT-2PL главный врач-ACC ЛИ-ACC давно-INTER
адэ-и-ды?
 видеть-1PRET-2PL (Красильников 1991: 161).

Настоящий пример возможно интерпретировать как ‘Давно ли вы видели главного врача вашей больницы Соснова?’, и как ‘Давно ли вы видели в вашей больнице главного врача Соснова?’. Двойное прочтение здесь обусловлено переходным глаголом *видеть*, который, как правило, требует элативного локализатора. Однако, с другой стороны, он может специфицировать имя *главный врач* и интерпретироваться в качестве определения.

Некоторые ученые утверждают, что элатив в рассматриваемых случаях имеет функцию генитива (Серебренников 1958б:195, 1963:51-52; Тепляшина 1976:166-167). В приведенных выше примерах элативная конструкция в принципе может быть заменена в некоторых случаях посессивными генитивными конструкциями либо примыканием, ср.: *škola dišetis'mj ~ škola-mj-len dišetis'-ez* ‘наш школьный учитель’, *kjz-len gjrk-ez* ‘дупло ели’, *kolodec vu-en ~ kolodec-len vu-enj-z* ‘колодезной водой’ и т.д.

Судя по всему, элативная конструкция, подобно генитивным и конструкциям примыкания, является типичной конструкцией спецификации обладаемого, зачастую определяемое конструкции находится в фокусе высказывания. Видимо, как и генитивный модификатор, имя оформленное элативом было вовлечено в атрибутивную конструкцию для спецификации главного слова. Во многих европейских языках элативный модификатор в функции аблатива грамматикализовался в генитив, ср.: англ. *of*, нем. *von*, фран. *de* (Heine 1997: 158) и т.д. Однако в удмуртском языке он не развил аблативного значения и грамматикализовался только в качестве атрибута, выражающего пассивную пространственную принадлежность.

Иными словами, пространственная неодушевленная посессивность в удмуртском языке получила когнитивное выражение пространственного отношения источника.

Элативная конструкция представляет собой именную фразу, компоненты которой, как правило, не могут располагаться в предложении свободно: определяющий компонент предшествует определяемому и является внутренним. При наличии дополнительных адъективных атрибутов, они следуют за элативным модификатором, напр., (491) и др. В редких случаях элативный модификатор может выполнять функцию предиката, ср.:

(506) *Со выл-ысь урам-ысь гой.*
 он верх-ELAT улица-ELAT же
 'Он же с верхней улицы' (Бадретдинов 2007: 83).

Однако, как и в генитивной конструкции, настоящий атрибут имеет более свободный характер, чем компоненты примыкания, поэтому может иметь грамматическую связь с другими элементами предложения, т.е. принимать R_x, см. (499), (504), ср. также: (28) *Гурт-ысьты-мы калык туж яратыл-й-з инди фильм-ъёс-ты.* 'Народ нашей деревни очень любил индийские фильмы' (Бадретдинов 2007: 36). На наш взгляд, это говорит о диахронических особенностях данной конструкции, а именно о том, что имя в форме элатива еще недавно было самостоятельным членом предложения или обстоятельством.

Наиболее часто R_x присоединяют неотчуждаемые имена, которые выступают в качестве определяющего компонента. В таких случаях часто оформляются оба компонента, ср.:

(507) *Ымдур-ысьты-з помада-ез пинь борд-а-з вир*
 губа-ELAT-3SG помада-3SG зуб край-ILLAT-3SG кровь
кадь пукс-ем.
 как сесть-2PRET.3SG
 'Губная помада как кровь отпечаталась на ее зубах' (Красильников 1991: 12).

В основе дистрибуции элативной конструкции лежит семантический и прагматический фактор: в первую очередь употребление сочетания предопределено пространственным значением обладаемого. Типичным посессором здесь является предмет, имеющий внутреннее пространство: (а) географические реалии или административно-географические пункты (*лес, река, город, деревня, улица, страна*): (502), (508); (б) здания, сооружения, помещения ((здание) *школы, университета, театра, завода, дом*): (509); (в) более абстрактное место, напр., учреждение, заведение (*школа, институт, организация*) (497), (510); (г) предметы, имеющие физическое внутреннее пространство (*ведро, бочка, машина, туннель* и т.д.): (498), (501), (503); (д) абстрактные предметы и понятия, которые имеют свойство внутреннего пространства (*книга, роман, стихотворении, жизнь, история, литература*): (511). (е) Имена объектов неотчуждаемой семантики также могут выступать в качестве референта (*шапка с головы, сапоги с ног, ручные часы* и т.д.), ср.: (499), (5) и (498). Кроме того, элативная конструк-

ция обозначает принадлежность (ж) ко времени (*детство, эпоха, столетие, век*) (512) и в редких случаях (з) обозначают происхождение (*род, село, деревня*), ср.: (513).

В качестве определяемого компонента чаще употребляются неодушевленные и одушевленные существительные с низкой степенью посесивности, называющие предмет, который имеет свойство находится внутри другого предмета, но не быть его частью или контролером, напр.:

- (а) обитатели некоторого локуса, или предметы находящиеся на определенной территории (*звери и деревья в лесу, жители города, деревни*), ср.: (502);
- (б) отчуждаемые предметы, находящиеся внутри здания (*школьный спортзал, заводской станок*), ср.: (509);
- (в) лица, временно пребывающие в здании или выполняющие служебные обязанности (*школьный учитель, студент университета, корреспондент газеты, рабочий завода*), ср. (510);
- (г) предметы, хранятся внутри других предметов (*вода из ведра, пиво из бочки*), ср.: (508);
- (д) предметы и лица, наполняющие абстрактное пространство (*герои романа, факты (из) истории*), ср.: (511);
- (е) понятия, относящиеся к определенному промежутку времени (*воспоминания детства, писатели XX века*), ср. (512);
- (ж) лица, принадлежащие к определенному роду или местности (*невеста из рода Омга, юноша из д. Карсашур*), ср.: (513).

- (508) *Толалтэ йё ул-ын ты-ысь ву зынмыны*
 зимой лед под-INES озеро-ELAT вода тухнуть-INF
кутск-е.
 начинать-PRES.3SG
 ‘Зимой подо льдом вода из озера начинает тухнуть’ (Бадретдинов 2007: 29)
- (509) *Одйг пол со-е класс-ысьты-зы доска выл-э*
 один раз он-ACC классELAT-3PL доска на-ILLAT
суред-з.
 рисовать-1PRET.3SG
 ‘Однажды он нарисовал ее на их классной доске’ (Перевощиков 1994: 11)
- (510) *Со-е татчы ётьыны исторической факультет-ысь*
 он-ACC сюда пригласить-INF исторический факультет-ELAT
научной методист юртт-й-з.
 научный методист помогать-1PRET-3SG
 ‘Пригласить его сюда помог научный методист исторического факультета’
 (Инвожо № 1–2, 01.–02.2007: 26).
- (511) *Выжыкыл-ъёс-ысь герой-ёс пинал-ъёс-лы шёдскымон*
 сказка-PL-ELAT герой-PL ребенок-PL-DAT значительно
матэкт-о...
 приблизиться-PRES.3PL
 ‘Герои сказок становятся значительно ближе детям...’ (Удмурт дунне № 176, 19.11.2008).

- (512) *Таёе суред коть.кин-лы но дуно — пичи дыр-ысь*
такой картина хоть.кто-DAT и дорогой маленький время-ELAT
вунонтэм нунал-ъёс.
незабываемый день-PL
‘Такая картина дорога каждому – забываемые дни детства’ (Инвожо № 1-2, 01.–02.2007: 36).
- (513) *Возьмамтэ шорысь серект-й-з Пыжвай-ысь Назаров.*
внезапно рассмеяться-1PRET-3SG ЛИ-ELAT ЛИ
‘Внезапно усмехнулся Назаров из Пыжвая’ (Перовошиков 1994: 225).

Однако, как отмечалось в разделе 2.3.3.1., элативная конструкция имеет и прагматическую мотивацию: компоненты сочетания выражают пассивную принадлежность на основе пространственной включенности или пространственной ассоциации. Напр., отношение сотрудника к заведению — с одной стороны, и руководителя к заведению — с другой, в удмуртском языке выражаются в разной морфосинтаксической кодировке, ср.:

- (514) *удмурт филологи факультет-лэн декан-эз Федорова Л. П.*
удмурт филология факультет-GEN декан-3SG ЛИ
‘Федорова Л. П., декан факультета удмуртской филологии’ (Инвожо № 3–4, 2007: 24).
- (515) *Удмурт кун университет-ысь дышетісь.*
удмурт государство университет-ELAT учитель
доцент Загуляева Б.Ш.
доцент ЛИ
‘Загуляева Б. Ш., преподаватель, доцент удмуртского государственного университета’ (Инвожо № 3–4, 2007: 25).

Если в примере (515) элативную конструкцию заменить генитивной, то будет означать, что преподаватель учит университет, или, что он является единственным преподавателем университета.

Соответственно, элативной конструкции, как правило, не образуют имена, обозначающие владельца по закону или контролера. И, наоборот, в элативную конструкцию входят имена, называющие должность сотрудника учреждения. При этом элативная конструкция передает дополнительный семантический оттенок — выделение одного лица из группы лиц. Напр., пример (515) предполагает, что объект не является единственным, ср. также (497), (502) и (510). Возможно, коннотация обусловлена детерминационной функцией элатива, см. пример (497) и (498). Кроме того, значение выделения одного лица из группы пересекается с функцией партитивности: в случаях, когда обладаемое представлено во множественном числе, элативная конструкция выражает принадлежность неопределенного количества предметов, ср.:

- (516) *Та огазеяськон-ысь ёзчи-ос шулдыр ул-о.*
это организация-ELAT член-PL весело жить-PRES.3PL
‘Члены этой организации живут весело’ (Зечбур! № 20, 25.05.2006: 2).
- (517) *Иремель гурезь-ысь бамал-ъёс*
ЛИ гора-ELAT склон-PL

‘Склоны горы Иремель’ (Инвожо № 1–2, 01.–02.2007: 64).

Таким образом, конструкция N-Elat N противопоставляется генитивной по признаку (а) пассивной, (б) неодушевленной пространственной и (в) частичной принадлежности. Рассматриваемое сочетание отличается от конструкций примыкания по признаку (а) отчуждаемой, (б) определенной или конкретной принадлежности (последний признак является ситуативным).

В рассматриваемых случаях в коми-зырянском языке употребляется деривационный суффикс *-sa*, ср.: *сикт-са асыв* ‘деревенское утро’, *Сыктывкар-са ныв* ‘девушка из Сыктывкара’, *вөр-са керка* ‘лесная избушка’, *посёлок-са клуб* ‘поселковый клуб’, *колхоз-са бригадир* ‘колхозный бригадир’ и т.д. (СКЯ 1955: 172). В коми-пермяцком языке, судя по всему, выступает инессив, либо элатив, либо номинатив, ср.: коми-перм. *вөр тук*, коми-зырян. *вөр-са туй*, удм. *нюлэск-ысь сюрес* ‘лесная дорога’, коми-перм. *Тавда-ись пристав*, коми-зырян. *Тавда-са пристав*, удм. *Тавда-ысь пристав* ‘пристав из Тавды’ (Turku-Izhevsk-korpus/PavlikMorozov/Udm/Komi/Permj: 66). Однако коми языки не дифференцируют активную и пассивную посессивность, ср.: коми-перм. *сельсовет-ын председатель*, коми-зырян. *сельсöвет-са председатель*, удм. *сельсовет-лэн председател-ез* ‘председатель сельсовета’ (Turku-Izhevsk-korpus/PavlikMorozov/Udm/Komi/Permj: 196). В марийском языке употребляется деривационный суффикс *-се*, ср.: *ола-се айдеме* ‘городской человек’.

Эти факты свидетельствуют о том, что элативная конструкция является довольно поздней и грамматикализовалась в удмуртском языке свмостоятельно. Кроме того, современный материал демонстрирует, что наиболее употребительно элативное сочетание в официальном стиле для обозначения названий институтов, должностей официальных лиц и т.д.

В современном языке часто можно наблюдать чередование элативной, генитивной конструкций и конструкции примыкания. Чередование обусловлено, экспансивностью генитивных конструкций и расширением значения элативных сочетаний, ср.:

- (518) *Асьсэ зурт ни, самой матысь эш-ез.*
свой деревня мальчик самый близкий друг-3SG
‘Парень из их деревни, его самый близкий друг’ (Перевошиков 1994: 9).
- (519) *Дыртыт-й-з со асьсэ зурт-ысь эш-с-э.*
торопить-1PRET-3SG он свой деревня-ELAT друг-3SG-ACC
‘Поторопил он друга из их деревни’ (Перевошиков 1994: 5).

В настоящих примерах элативное сочетание и конструкция примыкания являются синонимичными; точно так же в (29) *кун дума-ысь депутат* ‘депутат государственной думы’ (Удмурт дунне № 129, 29.08.2007) и генитивная конструкция:

- (520) *Туэ Шаркан ёрос дума-лэн депутат-эз лу-и-ды.*
этот год ЛИ район дума-GEN депутат-3SG быть-1PRET-2PL

‘В этом году вы стали депутатом Шарканской районной думы’ (Инвожо № 3–4, 03.–04.2007: 40).

В прапермском языке генитивная конструкция, выражая значение активной принадлежности, закономерно не могла применяться к ситуации пассивной принадлежности к месту или времени. Для выражения принадлежности к месту и времени, видимо, было достаточно примыкания. Но с развитием морфологической системы, ростом числа оборотов, появлением необходимости в употреблении нескольких определений одновременно возникла необходимость специального оформления пространственного и временного посессора. Удмуртский и коми выбрали для этого разные средства. В удмуртском языке элативный модификатор путем синтаксического сдвига потерял семантическую связь с глаголом и стал определяемым. Однако с другими элементами предложения он утратил грамматическую связь еще не полностью, в силу чего может присоединять показатель посессивности и некоторые другие грамматические показатели.

Кроме того, элативные и генитивные конструкции дифференцировались семантически: для разграничения обладания частью и целым. Такая семантика, видимо, продиктована первоначальными функциями падежей: партитивная функция элатива выделилась на основе конструкций типа *soos pel-ǰś odig-ez* ‘один из них’, см. (497) и (498).

Вероятнее всего конструкция в первую очередь грамматикализовалась с именами, выражающими конкретное пространство, но со временем получила семантическое расширение — стала обозначать также отношение к абстрактному пространству.

3.5. Конструкция с инструменталом N_{PM} -Instr N_{Pr}

Подобно конструкции с элативом, именное сочетание с инструменталом принято рассматривать только в рамках атрибутивных словосочетаний (ГСУЯ 1962: 104; ГСУЯ 1970: 20-1; Vartens 2000: 101; Winkler 2001: 25; Каракулова, Каракулов 2001 и т.д.). Однако, как мы заметили в разделе 2.3.5., настоящая конструкция имеет непосредственное отношение к категории посессивности: выражает принадлежность на основе физической ассоциации или сопровождения.

От рассмотренных выше конструкций сочетание отличается тем, что в данном случае происходит спецификация посессора. Эта особенность проявляется и на морфосинтаксическом уровне: обладаемое предшествует обладателю, оформляется показателем инструментала *-en/-in* и является зависимым компонентом, ср.: *oŕki-jen piosmurt* ‘мужчина в очках’.

В других уральских языках такая конструкция встречается значительно редко. В коми-зырянском языке, инструментал не может выступать в качестве атрибута в именных фразах. В ограниченных случаях конструк-

ции с комитативом можно встретить в эстонском, ср.: *punase kleidi-ga naine* ‘женщина в красном платье’.

Основная функция инструментала — обозначение инструмента действия, в этом случае он зависит от глагола и в предложении является косвенным дополнением:

(521) *ta inty kopak täl-эн котырт-эмын был-эм.*
 это место весь лес-INSTR окружить-PART вспом.гл.-2PRET
 ‘Эти места были сплошь покрыты лесами’ (1990: 292).

(522) *mon tilēdd-ыс вина-эн сэкта-ло*
 я вы-ACC самогон-INSTR поить-FUT.1SG
 ‘Я вас вином угощу’ (1981: 133).

В отличие от коми языка, удмуртский не имеет специального маркера комитатива. Настоящую функцию выполняет показатель инструментала, ср.:

(523) *пэ рвой полэкар сэмйэ-эны-с, нэ, лыкт-эм.*
 первый ЛИ семья-INSTR-3SG де прийти-2PRET.3SG
 ‘Первым пришел-де Поликarp со своей семьей’ (1990: 224).

(524) *Кудйз — ог-ен-на-з, кудйз бускел-ены-з,*
 который один-INSTR-LOC-3SG который сосед-INSTR-3SG
чыжы-выжы-ос-ыны-з...
 родственник-PL-INSTR-3SG
 ‘Некоторые — в одиночку, некоторые — с соседом, родственниками...’
 (Перевощиков 1991: 74).

Инструментал зачастую употребляется в оборотах, выражающих причину, и является синонимичным причинным элативным конструкциям, ср. (263) и (265).

В приведенных выше примерах форма инструментала семантически и синтаксически детерминирована глаголом. Однако в функции обстоятельства образа действия или причины имя может иметь независимый характер, а именно, ср.:

(525) *Чуказе-я-з Иван контора-е лек пороз*
 завтра-ILLAT-3SG ЛИ контора-ILLAT злой бык
мылкыд-ын ву-и-з.
 настроение-INSTR прибыть-1PRET-3SG
 ‘Назавтра Иван зашел в контору в настроении разъяренного быка’
 (Перевощиков 1994: 66).

(526) *со угос пыд-ын но сэрыт-гэс ву-эм...*
 он ведь нога-INSTR и быстро-COMP прибыть-2PRET.3SG
 ‘Он ведь и пешком добрался быстрее...’ (1990: 43).

Кроме того, компонент является независимым от глагола в комитативных словосочетаниях сопровождения типа *брат с сестрой, муж и жена* и т.д. Здесь оба компонента имеют равнозначный статус и являются одним членом предложения, чаще всего субъектом. В этом случае маркируется или первый компонент (527), (528), или оба (529). Сочетание может выполнять также функцию прямого дополнения (530).

- (527) *Сүзэр-ен* *вын-ъёс дышетскон-з-эс бёрсь-ысь бёрс-е*
 сестра-INSTR брат-PL учеба-3PL-ACC после-ELAT после-ILLAT
ар-ъёс-ы быдт-й-зы.
 год-PL-ILLAT закончить-1PRET-3PL
 ‘Брат с сестрой закончили учебу один за другим’ (Красильников 1991: 61).
- (528) *Семен-эн* *Исьтапан* *калык-ез сура-ло.*
 ЛИ-INSTR ЛИ народ-ACC мешать-PRES.3PL
 ‘Степан с Семеном народ путают’ (Медведев 2006: 32).
- (529) *Нош* *корка* *укно-ысь пулемёт-эн автомат-эн*
 а дом окно-ELAT пулемет-INSTR автомат-INSTR
дугдылы-тэк тычырт-о.
 остановиться-GER стучать-PRES.3PL
 ‘А пулемет с автоматом стрекочут, не переставая, из окна’ (Перевощиков 1994: 6).
- (530) *...Нош* *кочыш-эн-ды* *но* *зычы-эн-ды* *этын*
 а кошка-INSTR-ACC и лиса-INSTR-ACC звать-INF
луткэч-эз лэж-и-зы.
 заяц-ACC пустить-1PRET-3PL
 ‘...А пригласить кота с лисой отправили зайца’ (1990: 106).

В именных словосочетаниях имя в форме инструментала является атрибутом. В этом случае оно синтаксически и семантически не связано с глаголом и является компонентом именной фразы определяемого имени. Определяемый компонент или посессор при этом может быть любым членом предложения: субъектом (531), прямым объектом (532), косвенным объектом (533) и обстоятельством (534).

- (531) *Боды-ен* *врач* *Римма* *дор-ы* *матэ* *лыкт-й-з...*
 палка-INSTR врач ЛИ к-ILLAT близко прийти-1PRET-3SG
 ‘Врач с тростью близко подошел к Римме...’ (Красильников 1991: 14).
- (532) *буш* *вэдр-эн* *адами-эс* *пумита-т* *кэ,*
 пустой ведро-INSTR человек-ACC встретить-1PRET.2SG если
сурэс-эд у-з удалт-ы.
 дорога-2SG отр.FUT-3SG удалиться-NEG.SG
 ‘Если встретишь человека с пустым ведром, дорога будет неудачной’ (1990: 159).
- (533) *Соку* *халат-эн* *кышномурт-лэн* *вож-ез* *пот-й-з.*
 тогда халат-INSTR женщина-GEN злость-3SG выходить-1PRET-3SG
 ‘Тогда женщина в халате рассердилась’ (Красильников 1991: 12).
- (534) *Горюче-ен* *бак-е* *йёт-эм,* *шодске.*
 горючее-INSTR бак-ILLAT коснуться-2PRET.3SG видимо
 ‘Видимо, [снаряд] попал в бак с горючим’ (Перевощиков 1994: 6).

В атрибутивных конструкциях с инструменталом, как правило, только первый компонент может иметь дополнительные определения, ср. (532), а второй не может от него отделяться. Очевидно, в рассматриваемых случаях определяющий компонент не может быть грамматически связан с другими элементами высказывания. В случае, напр., оформления Рх или PL, компонент имеет внешний характер, ср.:

- (535) *Ачиз но со пи-ены-э* *кен-э-э* *весь*
сам и он сын-INSTR-3SG сноха-3SG-ACC все
шунтыны туртт-й-э.
греть.INF стараться-1PRET-3SG
‘И сама она все время старалась поддержать сына со снохой’ (Первошиков 1991: 20).

Имя в форме инструментала является типичным аргументом в позиции после слова-референта, ср.:

- (536) *нош бугро шор-ын парс парспи-ос-ыны-с*
а сруб середина-INES свинья поросенок-PL-INSTR-3SG
кылл-э, пэ.
лежать-PRES.3SG де
‘А внутри сруба лежит-де свинья со своими поросятами’ (1990: 245).
(537) *Анай-атай-ёс-ыз пи-ены-зы вордскем кыл-ыны-зы*
мать-отец-PL-3SG сын-INSTR-3PL родной язык-INSTR-3PL
вераськ-илля-мтэ.
говорить-2PRET.NEG
‘Родители с сыном, оказывается, не говорили на своем родном языке’ (Инвожо 04.–05.2006: 58).

Иногда имя в форме инструментала может выполнять функцию предиката, ср.:

- (538) *Куин-етий-ез — тодьы дэрем-ен, сьодд пинжак-ен.*
три-ORD-3SG белый рубашка-INSTR черный пиджак-INSTR
‘Третий — в белой рубашке, черном пиджаке’ (Красильников 1991: 34).

Определительные конструкции с инструменталом выражают *ограниченную во времени физическую посессивность*, или указывают на физическую близость предметов в момент речи (см. 2.3.5). При этом для говорящего не важно указать законного владельца предмета. Или конструкция выражает ситуативную физическую ассоциацию: определяющий предмет не является постоянным признаком другого предмета, а лишь ассоциируется с ним в течение определенного отрезка времени.

Наиболее типичным посессором в таких конструкциях является человек, а обладаемым — его одежда и аксессуары (530), бытовые предметы и орудия труда (532) и др. В качестве обладаемого в конструкциях с инструменталом употребляется также понятие *ребенок*. Неодушевленные существительные могут выступать в качестве обладателя, если обладаемое называет содержимое (534), (539). Одним из типичных примеров таких конструкций являются названия блюд с указанием ингредиентов блюд, напр., *sil-ijn šid* ‘суп с мясом’, ср. (38), (540).

- (539) *кошкон аз-а-зы пирдан-эн сандык-с-эс*
уход перед-INES-3PL приданое-INSTR сундук-3PL-ACC
потт-о.
вынести-PRES.3PL
‘Перед отъездом [из дома невесты] выносят сундук с приданым’ (1990: 39).

- (540) Ялан *ог.пöртэм:* сйль-ын шыд, жук, вöй-ын
 постоянно один.разный мясо-INSTR суп каша масло-INSTR
картофка...
 картофель
 ‘Все время однообразно: мясной суп, каша, картошка с маслом...’
 (Красильников 1991: 113).

В названиях блюд некоторые диалекты отдают предпочтение другим моделям. Напр., в татышлинском диалекте используются конструкции при-мыкания: *ĉorǎ' nǎn'* ‘рыбный пирог’. В некоторых срединных и северных говорах — формы с деривационным суффиксом *-o*: *ĉorig-o nǎn'* ‘рыбный пирог’, *žuk-o miĭm* ‘блины с кашей’. В языке коми к названию ингредиента прибавляется деривационный суффикс *-a*, соответствующий удмуртскому *-o*, ср.: *йöл-а шыд* (удм. *jel-in šid*) ‘молочный суп’ и т.д. (СКЯ 1955: 171).

Конструкция N_{pm} -*Instr* N_{pr} не является конкурирующей по отношению к конструкциям, рассмотренным ранее, поскольку выражает иные прагматические отношения, а именно специфицирует обладателя. Однако сочетание с инструменталом является синонимичным конструкциям с деривационным суффиксом *-o*. Первые, как правило, выражают отчуждаемую ограниченную во времени физическую посессивность. Вторые — постоянную физическую близость или перманентное обладание и, как правило, неотчуждаемую посессивность¹⁸. Кроме того, сочетание с инструменталом указывает на обладание или сопровождение конкретным предметом, или предметом, который присутствует в момент речи, т.е. является дейктическим.

Необходимо отметить, что в близкородственном коми языке инструментал не образует определительных конструкций. Для передачи соответствующих значений, как правило, употребляются сочетания с деривационным суффиксом *-a*, ср.: *ружьё-а морт* (удм. *ričal-en murt*) ‘человек с ружьём’ (СКЯ 1955: 171), *чер-а морт* (удм. *tir-en murt*) ‘человек с топором’ (Бубрих 1949: 81). Такие же суффиксальные конструкции в коми языке соответствуют удмуртским сочетанием типа *сузэр-ен вынь-ёс* ‘брат с сестрой’, *Семон-эн Исъяпан* ‘Степан с Семеном’, ср.: *ая-ниа* ‘отец и сын’, *чоя-вока* ‘сестра и брат’, *ныла-ниа* ‘дочь и сын’, *руча-кöина* ‘лисица и волк’ (Бубрих 1949: 82) и т.д.

Таким образом, можно заключить, что атрибутивная конструкция с инструменталом в удмуртском языке также, как элативное сочетание, образовалась в эпоху самостоятельного развития языка. Понятие физической ограниченной во времени посессивной ассоциации получило когнитивное выражения на основе модели сопровождения. Видимо,

¹⁸ Однако одни и те же предметы в разных ситуациях могут мыслиться и как объекты перманентной, и как объекты ограниченной во времени принадлежности (см. п. 3.6.).

аналогично выражениям типа *Семон-эн Исътапан* ‘Степан с Семеном’, сочетания семантически неэквивалентных имен стали зоной синтаксического сдвига и грамматикализовались в атрибутивные.

3.6. Конструкция с деривационным суффиксом -о N_{PM}-о N_{PT}

Конструкция с деривационным суффиксом -о является типичным адъективным словосочетанием, поэтому в грамматиках рассматривается в разделе словообразования прилагательных (Aminoff 1896: 22; ГСУЯ 1962: 142, 144; ГСУЯ 1970: 13; Kel'makov, Hännikäinen 1999: 115-117; Bartens 2000: 140; Каракулова, Каракулов 2001 и т.д.).

Чуть выше мы указали на сходства этой конструкции и сочетания с инструменталом. В ходе этого сравнения, по сути, были описаны и основные свойства конструкции N_{PM}-о N_{PT}: (а) спецификация обладателя; (б) обладаемое является зависимым элементом, а посессор — главным или определяемым словом; (в) обладаемое предшествует обладателю; (г) обладаемое имеет комитативное значение. Напр.: *сир-о тиспу* ‘смолистое дерево’, *лыс-о нюлэс* ‘хвойный лес’, *жук-о мильым* ‘блины с кашей’, *йёл-о скал* ‘молочная корова’, *шунды-ё нунал* ‘солнечный день’ и т.д. (ГСУЯ 1962: 142).

В коми языке, как тоже уже говорилось, удмуртскому суффиксу -о соответствует -а, ср.: *синм-а морт* ‘зрячий человек’, *шонди-а лун* ‘солнечный день’, *вёр-а места* ‘лесистая местность’ и т.д. Суффиксы с аналогичным значением есть и в других финно-угорских языках, напр., мар. *галстук-ан пёръен* ‘мужчина в галстук’, *канде шинч(а)-ан ўдыр* ‘девушка с голубыми глазами’, эст. *sinisilm-ne naine* ‘голубоглазая женщина’, фин. *tumatukka-inen mies* ‘темноволосый мужчина’ и т.д.

Основной функцией деривационного суффикса -о является образование имен прилагательных из существительных. Как правило, суффикс присоединяется к именам с конкретным или отвлеченным значением и выражает значение обладания чем-либо, каким-либо свойством. Многие абстрактные понятия полностью грамматикализовали этот суффикс в свой состав, ср.: ср.: *šud* ‘счастье’ → *šud-о* ‘счастливый’, *kužim* ‘сила’ → *kužm-о* ‘сильный’, *viž* ‘ум’ → *vižm-о* ‘умный’, *dun* ‘цена’ → *dun-о* ‘дорогой’ и т.д.

(541) *шуд-о* мурт-лэн шуд-эс ко тку но ачпала-н.
счастье-DER человек-GEN счастье-3SG всегда еще перед-INES
‘У счастливого человека счастье всегда впереди’ (1990: 135).

Однако показатель может присоединяться и к прилагательными, которые в этом случае часто выступают в функцию предиката:

(542) *Яблок горд-о*, *яблок-лэсь* но *горд-о* *бам-ъёс-ы...*
яблоко красный-DER яблоко-ABL и красный-DER щека-PL-1SG

‘Яблоко красно, а краснее яблока щеки мои’ (слова из народной песни).

В некоторых случаях суффикс могут присоединять и числительные, ср.:

- (543) *Колхоз, не, матысь дыр-е* *ог дас-о* *куз куас*
колхоз де близкий время-ILLAT один десять-DER пара лыжа.ACC
басьт-о-з.
купить-FUT-3SG
‘Колхоз, говорит, в ближайшее время купит около десяти пар лыж’
(Перевощиков 1991: 27).

В редких случаях показатель может употребляться и с глаголами, ср.:

- (544) *Ван-ё* *кресян* *калык-ез* *Сибир-е* *я кытчы*
быть.EX-DER крестьянин народ-ACC ЛИ-ILLAT то куда
келя-зы.
отправить-1PRET.3PL
‘Богатых крестьян отправляли то в Сибирь, то куда’ (Перевощиков 1991: 70).

Как в типичных атрибутивных конструкциях, определяющее имеет тесную связь с определяемым и не может позиционно отделяться от него. Определяющее часто имеет дополнительные атрибуты, которые предшествуют ему, ср.:

- (545) *Шор-а-зы* *востэм* *тус-о,* *мыйык-о казакпи.*
середина-INSTR-3PL скромный вид-DER усы-DER юноша
‘Посередине скромный, уса́тый молодчик’ (Красильников 1991: 34).

Однако имя, оформленное деривационным суффиксом *-о*, в именных высказываниях может выполнять функцию предиката и не относится к главному слову. Такие предложения чаще имеют хабетативное значение и составляют конкуренцию конструкциям обладания (см. подробнее п. 4.3.1.), ср.:

- (546) *вал,* *бадзым* *йыр-о* *ке но, у-г* *малтаськ-ы.*
лошадь большой голова-DER если и отр.PRES-3SG думать-NEG.SG
‘Хоть у лошади голова большая, не думает’ (Медведев 2006: 24).

Рассматриваемая конструкция выражает перманентную физическую посессивность: предмет имеет постоянную или длительную физическую ассоциацию с другим предметом, или обладатель специфицируется по принципу постоянного сопровождения другим предметом. Мы уже писали в разделе 2.3.5., что в силу этого обладаемое зачастую выражается именами, обозначающими объекты неотчуждаемой, полуютчуждаемой семантики, или имеют высокую степень посессивности, а обладатель может быть как одушевленным, так и неодушевленным. Чаще всего компоненты имеют отношение (а) человек или живое существо и его части тела (547), (548); (б) человек и присущие ему качества (549), (550); (в) неодушевленный предмет и присущие ему качества и части (552). В качестве обладаемого также может выступать имя *ребенок*, ср.: (551). Все эти

примеры демонстрируют отношение естественной или пассивной посесивности.

- (547) *Собере нош ик шуныт ки-ё кышномурт лыкт-й-з.*
 потом опять же теплый рука-DER женщина прийти-1PRET-3SG
 ‘Потом снова пришла женщина с тёплыми руками’ (Красильников 1991: 13).
- (548) *Пал синм-о йёж-м-ес али но*
 один из пары глаз-DER утка-1PL-ACC сейчас даже
тод-а-м вай-исько.
 память-ILLAT-1SG принести-PRES-1SG
 ‘До сих пор вспоминаю нашу одноглазую утку’ (Бадретдинов 2007: 24).
- (549) *ул-эм- выл-эм сирота, ката*
 жить-2PRET.3SG быть-2PRET сирота ЛИ
нш-о ныл.
 имя-DER девушка
 ‘Жила-была сиротка, девушка по имени Катя’ (1981: 82).
- (550) *Но Ефремов-ен, кузё мылкыд-о адыми-ен*
 а ЛИ-INSTR хозяин настроение-DER человек-INSTR
шуы-са, кылтум мыт-й-з вал.
 сказать-GER разговор.ACC начать-1PRET-3SG вспом.гл.1PRET
 ‘А с Ефремовым, как с человеком с хозяйской смекалкой, начал было разговор’ (Перевозицов 1994: 254).
- (551) *Трос нылпи-ё семья понна та но коньдон ук.*
 много ребенок-DER семья для это даже деньги же
 ‘А для многодетной семьи даже это деньги’ (Удмурт дунне № 181–182, 04.12.2009).
- (552) *Чучытурын — чуж сяська-ё но вож- вож куар-о*
 чистотел желтый цветок-DER и зеленый зеленый лист-DER
*будос.*растение
 ‘Чистотел – это растение с желтыми цветами и насыщенно-зелеными листьями’ (Удмурт дунне №78, 03.06.2009).

Однако определение понятия по его постоянному признаку является не совсем логичным, поэтому в рассматриваемых случаях, как правило, объект обладания имеет дополнительные атрибуты, напр., (551), (552). Имена необязательных ингерентных предметов широко употребляются и без указания на дополнительные признаки, ср.: *tuš-o piosmurt* ‘бородатый мужчина’. Особенности дистрибуции рассматриваемой конструкции с неотчуждаемыми и ингерентными именами соответствуют принципам дистрибуции предикативных конструкций обладания с неотчуждаемым субъектом (см. п. 4.1.1).

Тем не менее, рассматриваемое сочетание может выражать постоянный признак и в сочетании с именами объектов отчуждаемой семантики. При этом предполагается перманентное или долгосрочное пребывание объекта вблизи обладателя. В таких случаях обладаемое и посессор обычно выражают отношение (а) территории и предметов, которые постоянно находятся на этой территории (553), (554), (555); (б) предмета и его не естественного, но постоянного признака (556), (557); (в) природы и

ее постоянных явлений (558) и т.д. Посессивное отношение проявляется по принципу пространственной ассоциации или «включенности».

- (553) *Нан бус пыр-тй кадь возьматск-и-з луо-ё-*
 густой туман сквозь-PROL как показаться-1PRET-3SG песок-DER
из-о- выр-о пустыня.
 камень-DER холм-DER пустыня
 ‘Как сквозь густой туман, показалась покрытая песком, камнями и холмами пустыня’ (Перевощиков 1994: 3).
- (554) *соос йури пуксыл-о был-эм гурээ-о-*
 они специально садиться-PRES.3PL вспом.гл.-2PRET гора-DER
нук-о мэста-ас-ы.
 овраг-DER место-PL-ILLAT
 ‘Они нарочно селились в холмистых, овражистых местах’ (1981: 222).
- (555) *Отын, бериз-ё кызылу арама-ысь Кузь ты дур-ын.*
 там ива-DER береза роща-ELAT ЛИ озеро около-INES
 ‘Там, около Длинного озера из березовой рощи с ивами’ (Перевощиков 1991: 47)
- (556) *ван бо мийа со-уэн но кцрос-о манэт-ээ?*
 быть.EX да ли он-GEN и крест-DER монета-3SG
 ‘Имеются ли у нее монеты с крестами?’ (1982: 21).
- (557) *Пёстурын-о нян-ез мон но ой сив-сал.*
 перец-DER хлеб-ACC я и отр. есть-COND
 ‘И я бы не стал есть хлеб с перцем’ (Бадретдинов 2007: 71).
- (558) *Шунды-ё куаз-ен дыр-ез тодыны лу-э...*
 солнце-DER погода-INSTR время знать-INF мочь-PRES.3SG
 ‘В солнечную погоду время можно узнать...’ (Удмурт дунне №78, 03.06.2009).

Иногда одни и те же предметы в зависимости от конкретной ситуации могут связываться как перманентной, так и ограниченной во времени ассоциацией, ср.:

- (559) *Фаина-лэн отделени-я-з пичи нуны-ен*
 ЛИ-GEN отделение-ILLAT-3SG маленький ребенок-INSTR
кышномурт-э пон-й-зы.
 женщина-ACC клась-1PRET-3SG
 ‘В отделение Фаины положили женщину с маленьким ребенком’ (Красильников 1991: 53).
- (560) *Кöня ке кыл вера-з почта-ын ужа-сь*
 несколько слово.ACC сказать-1PRET.3SG почта-INES работать-PART
кышномурт — трос нълпи-ё маке.
 женщина много ребенок-DER что-то
 ‘Еще несколько слов сказала работающая не почте женщина — некто многодетная’ (Красильников 1991: 181).

В (559) описывается ситуация: женщина в момент поступления в больницу при себе имела ребенка, при этом ребенок не обязательно ее собственный. В (560): женщина имеет собственных детей, причем не говорится о том, что в момент речи они находятся при ней. Иными словами, отно-

шение перманентности и временности имеет прагматичный характер. Как типичное атрибутивное словосочетание, конструкция с *-o*, подобно конструкциях примыкания, выражает обладание неопределенным объектом, или объектом, который не является активным дискурсивным элементом, в то время как в сочетаниях с инструменталом обладаемое, как правило, является дейктическим элементом, т.е. присутствует в речевой ситуации, но необязательно.

Конструкция $N_{Pm}-o N_{Pr}$ также может выражать обладание большим количеством предметов. В этом случае в качестве объекта обладания употребляются имена объектов отчуждаемой семантики и множественности, ср.:

- (561) *шулдыр сад-о урам-йос-ы кыл-и-з*
 веселый сад-DER улица-PL-ILLAT остаться -1PRET-3SG
йаратон туган-э.
 любимый жених-1SG
 ‘На красивых садовых улицах остался мой любимый друг’ (1990: 131).
- (562) *күно-йо, күно-йо жок сөр-э но, соин шулдыр*
 гость-DER, гость-DER стол за-1SG и поэтому веселый
жок сөр-э.
 стол за-1SG
 ‘Гостей [полно] моё застолье, оттого и весело мое застолье’ (1990: 238).

Дистрибуция конструкции по диалектам неравномерна. Выше уже говорилось, что названия ингредиентов в наименованиях блюд, как правило, маркируются инструменталом, однако в некоторых диалектах могут употребляться с деривационным суффиксом, ср.: *žuk-o milim* ‘блины с кашей’. В некоторых говорах Базезинского района наблюдается инверсия компонентов, ср.: *milim žuk-o* ‘блины с кашей’ и т.д. Иногда в диалектах встречается фонетический вариант суффикса — *-a*, напр., такая форма отмечалась в прошлом в уфимском диалекте, ср. *kenyr-a-šyd* ‘суп с крупой’ (Aminoff 1896: 22). Такой же вариант у двух слов в кукморском диалекте отмечает В. К. Кельмаков, ср.: *šundi-ja* ‘солнечный’, напр., *šundi-ja kuaz* ‘солнечная погода, ведро’, *žəŋi-ja* ‘половинчатый, полоумный’, напр., *žəŋi-ja adami* ‘полоумный человек’ (Кельмаков 1969: 134).

Как мы писали в разделе 3.5., коми язык не дифференцирует перманентную и временную физическую посессивность. Однако в коми-зырянском наряду с показателем *-a* широко употребляется также другая конструкция — с суффиксом *-eś*, для выражения принадлежности множественного объекта, ср.: *gont-öcś* (удм. *gor-o*) ‘с ямами, ямистый’, *göra-öcś* (удм. *gurež-o*) ‘гористый’, *ludik-öcś* (удм. *pič-eś*) ‘изобилующий клопами’, *шыр-öcś* (удм. *?šjr-eś, šjr-o*) ‘изобилующий мышами’, *ошк-öcś* (удм. *gondjr-o, *gondjr-eś*) ‘полный медведей’ (СКЯ 1955: 171). Иногда в удмуртском встречаются примеры типа *pič-eś kočjš* ‘изобилующая клопами кошка’, *tej-eś viśiš* ‘изобилующий вшами больной’. Как в удмуртском, так и в коми языке показатель удм. *-eś*, ком. *-eś* выражает

также значение «испачканный чем-либо», ср.: *ca-öсь* (удм. *su-es'*) 'запачканный сажей', *vir-öсь* (удм. *vir-es'*) 'запачканный кровью', *cup-öсь* (удм. *śir-es'*) 'запачканный смолой', *lymī-öсь* (удм. *līmī-jeś'*) 'покрытый снегом' и т.д. (Вахрушев 1980: 164).

На наш взгляд, посессивная конструкция с суффиксом *-o* (коми *-a*) имеет общепермские корни. Однако в удмуртском и коми конструкция развила разные функциональные особенности. Соответственно, можно утверждать, что дифференциация ограниченной во времени и перманентной посессивности — собственно удмуртское явление.

По мнению ученых, исходной формой суффикса *-o* в удмуртском языке являлась огласовка *-a* (Емельянов 1927: 113; Серебренников 1963: 173; Тепляшина 1976: 155; Кельмаков 1969: 134). Некоторые возводят ее к прапермскому **-ak* (Тепляшина 1976: 155; Кельмаков 1969: 134). Р. Бартенс сравнивает этот показатель с коми наречным формантом *-a* в примерах *burā* 'хорошо' от *bur* 'хороший' и предполагает, что он возводится к **k*-лативу, который также выступает в иллативе (Bartens 2000: 140). Согласно Б. А. Серебренникову, *-a* представляет падежную форму локатива **-an*, генетически восходящую к уральскому **-na*, и соответствует формантам типа *gurt-am* 'в моей деревне', *gurt-az* 'в его деревне'. По мнению А. Б. Серебренникова, этот показатель имел значение творительного и совместного падежа. Функция совместного падежа способствовала превращению имен в относительные прилагательные. Он приводит примеры из монгольского языка, где показатель комитатива послужил словообразующим источником для образования прилагательных. По мнению исследователя, поначалу настоящее определение употреблялось только с одушевленным определяемым словом, а затем распространилось и на неодушевленные определяемые. Употребление имен с показателем *-o* было вообще ограничено, о чем свидетельствует его отсутствие в сложных словах, топонимах (1963: 171–176). Кроме этого, существуют и другие теории, объясняющие происхождение рассматриваемого показателя (см. подробнее в Серебренников 1963: 172–173).

Судя по всему, показатель *-o* в прошлом имел функцию падежа, а имя, оформляемое им, имело статус аргумента в предложении. Об этом свидетельствуют такие факты как: оформленные имена часто употребляются в функции предиката, диалектные материалы демонстрируют инверсию компонентов, а материалы Б. А. Серебренникова — отсутствие показателя в топонимах и др. сложных словах. Скорее всего, имя в сочетании с *-o* еще в прапермский период было грамматикализовано в качестве атрибута. Падежный показатель, видимо, полностью утратил грамматическую функцию и приобрел деривационную.

3.7 Конструкция с деривационным суффиксом -tem N_{PM}-tem N_{Pr}

Конструкции, обозначающие физическую посессивность, имеют противоположную по семантическому содержанию сочетание, указывающее на отсутствие предполагаемого объекта. Подобно предыдущим, конструкция специфицирует посессора, которому предшествует обладаемое и имеет деривационный маркер *-tem* с каритивным значением, ср.: *tuš-tem piosmurt* ‘мужчина без бороды’, *oški-tem murt* ‘человек без очков’. Конструкция широко встречается в коми языке, ср.: *тош-тӧм морт* ‘человек без бороды’, *ружье-тӧм морт* ‘человек без ружья’, а также в других финно-угорских языках, ср.: эст. *kodu-tu inimene*, фин. *kodi-ton ihminen* ‘бездомный человек’ и т.д.

Рассматриваемый суффикс является продуктивным и подобно показателю *-o* образует в основном прилагательное из существительного или отрицательный вариант прилагательного, ср.: *šud* ‘счастье’ → *šud-tem* ‘несчастный’, *viž* ‘ум’ → *viž-tem* ‘безумный’, *piń* ‘зуб’ → *piń-tem* ‘беззубый’, *peĺ* ‘ухо’ → *peĺ-tem* ‘глухой’, *dun* ‘цена’ → *dun-tem* ‘дешевый’, *umoj* ‘хороший, правильный’ → *umoj-tem* ‘нехороший, неправильный’ и т.д. Как видно из примеров, показатель *-tem* образует антонимы прилагательным с суффиксом *-o*, но не всегда.

Имя, оформленное суффиксом *-tem*, может иметь функцию предиката. В этом случае предложение является конкурентом отрицательным предикативным конструкциям обладания (см. п. 4.1.1.), ср.:

- (43) *Куд- ог-ез мон-э йыр-тэм кожа, лэся.*
 который один-3SG я-ACC голова-DER думать.PRES.1SG кажется
 ‘Некоторые, видимо, думают, что у меня головы нет на плечах’
 (Первошиков 1994: 107).

Рассматриваемые конструкции, в первую очередь, выражают отсутствие присущего или постоянного признака предмета, т.е. составляют отрицательную пару перманентной физической посессивности. Соответственно, в конструкции прежде всего участвуют (а) неотчуждаемые имена или предметы с высокой степенью посессивности, отсутствие которых получает актуализацию, ср.: (564). Однако в большинстве случаев их отсутствие невозможно, поэтому зачастую такие конструкции имеют переносное значение, ср.: (568). (б) Кроме того, здесь могут употребляться такие предметы, которые являются присущими, но необязательными или окказионально отчуждаемыми, ср.: (564), (565); а также (в) отчуждаемые предметы или неприсущие понятия, отсутствие которых в конкретной ситуации является подчеркнутым признаком, ср.: (567).

- (563) *Жаль пот-й-э со, суй-тэм- пыд-тэм кыл-ем*
 жаль выйти-1PRET-3SG он рука-DER нога-DER остаться-PART
нуны кадь.
 младенец как

‘Ему стало жаль ее, как ребенка, оставшегося без рук-ног’ (Медведев 2006: 10).

- (564) *Куар-тэм* *писпу*
лист-DER *дерево*
‘Голое дерево’ (Удмурт дунне № 25, 24.02.2010).
- (565) *Кисыри-ос-тэм* *ымныр-а-з* — *кузё тус*.
морщина-PL-DER *лицо-INES-3SG* *хозяин* *вид*
‘На его гладком (букв. без морщин) лице — хозяйское выражение’
(Медведев 2006: 33).
- (566) *Соос туж-гес* *но шуд-тэм адями-ос...*
они очень-COMP и *счастье-DER* *человек-PL*
‘Они особо несчастные люди...’ (Удмурт дунне № 128, 26.08.2008).
- (567) *Чик* *янгыш-тэм* *адями-ос* — *калык тушмон-ъёс, пе*.
совсем *ошибка-DER* *человек-PL* *народ* *враг-PL* *де*
‘Совершенно невинные люди — враги народа-де’ (Первошиков 1994: 72).
- (568) *Адями-ез* *кыл-тэм-* *ым-тэм* *ляльчи-* *медо*
человек-ACC *язык-DER* *рот-DER* *раб* *слуга*
кар-ем-ысь...
делать-PART-ELAT
‘Из-за того, что человека превратили в немого раба-слугу...’ (Первошиков 1994: 34).

Судя по всему, в коми языке конструкция с генетически соответствующим показателем *-tem* имеет тождественное функционально-семантическое употребление, что свидетельствует о том, что конструкция образовалась еще в общепермскую эпоху.

Показатель со значением каритива *-tem* известен во всех финно-пермских языках и восстанавливается одними учеными как **-ktAmA* (Bartens 2000: 140), другими — **-ttoma* (Тепляшина 1976: 156). Возможно, имя с настоящим показателем еще в финно-пермскую эпоху имело функцию атрибута.

3.8. Конструкция с абессивом *-tek*

Основным конкурентом предыдущей конструкции является сочетание с абессивом. Основная дифференциация этих конструкций проявляется на синтаксическом уровне — имя, оформляемое абессивом *-tek*, как правило, является только в качестве аргумента глагола и имеет функцию косвенного дополнения, ср.: (569), (570), (571) или обстоятельства образа действия, ср.: (572). В последнем случае он зачастую присоединяется к глаголам и рассматривается как герундий, ср.: (573), (574). Настоящее имя не может иметь функции атрибута и зависит от глагола.

- (569) *Со-лэн группа-ез* *«анай-тэк»* *кыл-и-з*.
он-GEN *группа-3SG* *мать-ABES* *остаться-1PRET-3SG*
‘Ее группа осталась «без матери»’ (Первошиков 1994: 60).

- (570) *Озъы* штан-тэк *кыл-ё-д.*
 так штаны-ABES остаться-FUT-2SG
 ‘Так и без штанов останешься’ (Перевошиков 1994: 27).
- (571) Сцена-тэк *Агнесса-лэн ул-эм-ез* *ик* *у-э*
 сцена-ABES ЛИ-GEN жить-PART-3SG даже отр.PRES-3SG
лу-ы *кадь.*
 мочь-NEG.SG кажется
 ‘Кажется, без сцены Агнесса жить не может’ (Инвожо 02–03.2006: 32).
- (572) Возьыт-тэк *утчаськ-ись* *синм-о* *кышномурт...*
 стыд-ABES искать-PART глаз-DER женщина
 ‘Женщина с нескромно обыскивающими глазами...’ (Красильников 1991: 80)
- (573) *ми* вырзылы-тэк *пукк-о-м...*
 мы шевелиться-GER сидеть-PRES-1PL
 ‘Мы сидим, не шелохнувшись...’ (1990: 45)
- (574) *Нунал-а-э* *пачка* кыскы-тэк *у-э*
 день-ILLAT-3SG пачка.ACC курить-GER отр.-1SG
кыл-иськ-ы...
 оставаться-PRES-NEG.SG
 ‘В день выкуриваю минимум по пачке’ (Красильников 1991: 74).

В приведенных примерах абессивное имя напрямую связано с глаголом и выражает осуществление действия без физического сопровождения какого-либо предмета или указывает на факт лишения предмета, выполнение одного действия без другого. Судя по всему, настоящий показатель является семантической и синтаксической парой инструментала, но, в отличие от которого, адессив не грамматикализовался в атрибут, ср.:

- (575) *Соин* *ик тын-ыд колхоз юрт-м-ес* *висьян-о*
 поэтому же ты-DAT колхоз дом-1PL-ACC выделить-PART
кариськ-и-м. Гидкуаен- *ма-ин.* Дун-тэк.
 делаться-1PRET-1PL хлев-INSTR что- INSTR цена-ABES
 ‘Поэтому мы решили выделить тебе колхозный дом. С хлевом. Бесплатно’
 (Перевошиков 1994: 16).

В настоящем примере приложение, оформленное с инструменталом, может интерпретироваться и как атрибутивное свойство слова *дом*, и как комитативный аргумент. Однако приложение *бесплатно* имеет однозначную интерпретацию обстоятельства образа действия.

В коми языке функционально-семантическая дистрибуция абессива соответствует удмуртскому языку, ср.: *уджала Ваня-төг* ‘работаю без Вани’, *гöрам трактор-төг* ‘пашем без трактора’ (СКЯ 1955: 143).

Можно предположить, что конструкции с абессивом и суффиксом *-tem* подобно сочетаниям с инструменталом и суффиксом *-о* имели в первую очередь синтаксическую дифференциацию. Имя с инструменталом в определенных ситуациях грамматикализовалось в атрибут и, видимо, стало семантической парой атрибуту с *-о* по принципу перманентного и временного физического сопровождения, а имя в форме абессива сохранило статус аргумента. В коми языке инструментал не получил функцио-

нального расширения, поэтому там не наблюдается такой семантической пары.

Показатель абессива пермских языков ученые сопоставляют с абессивом финского, см. *raha-tta* ‘без денег’, марийского языков, см. *oksa-δə* ‘без денег’ (Uotila 1933: 91). В составе показателя некоторые рассматривают каритивный элемент **ktV* и показатель древнего иллатива **k* (Bartens 2000: 84). Скорее всего, дифференциация деривационного суффикса *-tem* и абессива *-tek* по функциональному принципу атрибута и аргумента произошла еще в прафинно-угорский период, о чем свидетельствует материал финно-угорских языков.

3.9. Конструкции с деривационными суффиксами *-ala, -lo*

Иногда суффиксы *-ala, -lo* могут присоединяться к именам со значением времени для указания принадлежности ко времени. Однако они присоединяются только к определенным именам и имеют непродуктивный характер. Настоящие суффиксы в современном языке уже не употребляются в качестве словообразующих суффиксов, а только существуют в составе слов, обозначающих отношение ко времени, при этом они могут нести также функцию независимого обстоятельства времени, ср.:

- (576) *вот са мой со вукрыэм аз-ло туж бадзым*
 вот самый он овраг раньше-DER очень большой
выл-эм.
 вспом.гл.-2PRET
 ‘Тот самый вот овражек раньше был очень большим’ (1990: 182).
- (577) *бэр-ло та ним гурт борды лакиск-и-з.*
 поздно-DER это имя деревня к клеиться-1PRET-3SG
 ‘Впоследствии это название закрепилось за деревней’ (1990: 184).
- (578) *Мим-ала куро но си-иськ-и-з...*
 прошлый год-DER солома и есть-REF-1PRET-3SG
 ‘В прошлом году и солому съели (букв. съелась)’ (Удмурт дунне № 104, 17.07.2007).

Имена, оформляемые настоящими суффиксами, также выступают в качестве атрибута и указывают на принадлежность ко времени. В этом случае чаще всего употребляются с такими именами как: *ту-ала урожай* ‘нынешний урожай’, *мим-ала этйн* ‘прошлогодний лен’, *чюкна-ла лысву* ‘утренняя роса’, *тунн-ала уж* ‘сегодняшняя работа’, *валля-ла аръёсы* ‘в прошлые годы’, *вашка-ла адямиос* ‘древние люди’, *азь-ло аръёсы* ‘в прежние годы’, *бер-ло нуналъёсы* ‘в последние дни’, *тол-ло куно* ‘вчерашний гость’ (ГСУЯ 1962: 144), ср.:

- (579) *аз-ло дыр-йа кулэм мурт-э кур выл-ын*
 раньше-DER время-LOC мертвый человек-ACC лубок на-INES

- ми́ск-о* *выл-эм...*
 мыть-PRES.3PL вспом.гл.-2PRET
 ‘В старину покойника обмывали, оказывается, на лубке’ (1990: 332).
- (580) *та туалa* *жсужа-м* *ук пи* *нуни-йос-ыд...*
 это нынешний восходить-PART же мальчик младенец-PL-2SG
 ‘Ой, да эти нынешние выросшие парнишки...’ (1982: 17).
- (581) *Бер-ло* *ар-ъёс-ы* *муниципал* *кылдытэт-лэн*
 последний-DER год-PL-ILLAT муниципальный образование-GEN
депутат-эз *лу-исько*.
 депутат-3SG быть-PRES.1SG
 ‘В последние годы являюсь депутатом муниципального образования’
 (Удмурт дунне № 102–103, 17.07.2009).
- (582) *Тол-ло* *учыр* *сярысь* *дышетісь-ёс у-г*
 вчерашний-DER случай о учитель-PL отр.PRES-3PL
вераськ-о.
 говорить-NEG.PL
 ‘О вчерашнем случае учителя не разговаривают’ (Бадретдинов 2007: 36).

Как показывают примеры, определяемым словом в рассматриваемых ситуациях может быть имя, обозначающее время (579), (581), а также другие одушевленные (580) и неодушевленные понятия (582).

В. К. Кельмаков в кукморском говоре отмечает употребление показателя *-a* с некоторыми именами со значением времени, ср.: *azvâl* ‘раньше, прежде’ → *azvâl-a* ‘прежний’, *tolon* ‘вчера’ → *tolon-a* ‘вчерашний’, *vállan* ‘в древность, в старь’ → *vállan-a* ‘древний, традиционный, старинный’ (Кельмаков 1969: 133). Видимо, в этом диалекте маркер *-a* таким способом образует прилагательное от наречия.

- (583) *ва́ллан-а* *дър-йа* *вор-йос* *туж* *уно*
 древний-DER время-LOC вор-PL очень много
лү-и́ллам.
 быть.EX.2PRET.3PL
 ‘В старину воров очень много было, оказывается’ (1992: 124).

В окончаниях наречий типа *pydlo* ‘вглубь’, *azlo* ‘раньше’ (более древнее значение ‘вперед’), *berlo* ‘после’ (более древнее значение ‘взад’, напр., *berlo-azlo* ‘взад и вперед’) Б. А. Серебренников видит параллель с показателем направительного падежа (конзекутива) *-la* (1963: 49). Как видно из примеров, настоящие имена могут употребляться как в функции наречия, так и прилагательного. Скорее всего, данный формант являлся показателем лативного падежа и обозначал обстоятельство времени подобно иллативу в современном языке. Видимо, в препозиции с некоторыми именами, ср.: *ber-lo ar-jos-i* ‘в последние годы’ произошел синтаксический сдвиг и обстоятельство времени грамматикализовалось в атрибут, а грамматический маркер приобрел статус деривационного суффикса и сохранился только с именами, обозначающими время.

3.10. Выводы

Одним из основных принципов, определяющих особенности любой посессивной конструкции, может быть *спецификация*. В рассмотренных в третьей главе посессивных конструкциях спецификацию получает либо обладаемое, либо посессор. Если спецификацию получает обладаемое, то посессор, как правило, предшествует ему, имеет определенный маркер и является атрибутом или внутренним компонентом именной фразы обладаемого, напр., генитивный (N-Gen N-Px), аблативный (N-AbI N-Px-Acc) и элативный (N-Elat N) модификаторы, или же посессор в форме номинатива просто примыкает к обладаемому (N-Nom N). Если специфицируется посессор, то обладаемое предшествует посессору, является атрибутом и имеет морфологическое оформление, напр. N-Inst N, N-o N, N-tem N.

Особый тип спецификации представляет конструкция N-Px: здесь в случае спецификации обладаемого компонента морфологический показатель посессора в форме Px находится по возможности близко к основе имени и имеет начальную гласную в своем составе, ср.: N-Px(VC)-Cx. В случае спецификации обладаемого он замыкает цепочку грамматических отношений имени, является в форме одиночного согласного и выполняет функцию грамматического согласования, ср.: N-Cx-Px(C). Конструкция выражает отношение посессивности только в случае спецификации обладаемого.

Если рассматривать семантический или содержательный аспект конструкций, то можно утверждать, что в плане охвата посессивных значений, описанных во второй главе, самым распространенным является сочетание N-Px, поскольку выражает практически все типы рассматриваемых отношений, в том числе и непосессивное ассоциативное значение. Генитивные конструкции также выражают обширный спектр посессивных понятий, однако имеют ограничение: они могут обозначать активную посессивную связь или принадлежность конкретному референту. Конструкции примыкания также имеют семантическое ограничение: выражают либо пассивную неотчуждаемую принадлежность, либо указывают на принадлежность неконкретному посессору. Элативные конструкции ограничены неодушевленной отчуждаемой пространственной посессивностью, а сочетания с инструменталом и деривационными суффиксами *-o* и *-tem* — физической посессивностью. Некоторые конструкции употребляются только с узким кругом имен, напр., сочетания с деривационными суффиксами *-ala*, *-lo*.

Функционирование рассматриваемых конструкций зависит от прагматического отношения элементов или участников посессивной связи, которое могут обозначаться или устанавливаться в процессе речи или определяться экстралингвистическими средствами. При этом зачастую одни и те же имена могут обозначать разные посессивные отношения, напр.,

активную и пассивную посессивность, в зависимости от конкретной речевой ситуации.

Соотношение типов посессивных отношений и способов их грамматического выражения можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица № 15.

<i>Посессивное понятие</i>	<i>Грамматическое выражение</i>
активная	
личная	N-Px, Pron-Gen N-Px, Pron-Abl N-Px-Acc
одушевленная неличная	N-Gen N-Px, N-Abl N-Px-Acc, N-Px
неодушевленная	N-Gen N-Px, N-Abl N-Px-Acc, N-Px
пассивная	
неотчуждаемая неличная	N-Nom N
неотчуждаемая личная	N-Px
отчуждаемая принадлежность пространству	N-Elat N, N-Nom N
отчуждаемая принадлежность времени	N-Nom N, N-Elat N, N-lo/-ala N
физическая	
ограниченная во времени	N-Instr N
перманентная	N-o N
абстрактная	
временная	N N-tek V
перманентная	N-tem N

В своем исследовании Б. Хайне приводит посессивные понятия (см. 1.2.3.) и утверждает, что в процессе грамматикализации они являются *целью (targets)* «схем-источников» или конструкций, которые изначально обозначали другие конкретные отношения, напр., локализацию, сопровождение, а затем стали когнитивной основой для реализации упомянутых посессивных отношений. При этом в зависимости от семантической цели одна конструкция грамматикализовалась для выражения определенного посессивного понятия, напр., неотчуждаемой посессивности, а другая — для другого, напр., отчуждаемой (Heine 1997: 89).

Наш материал демонстрирует, что в основе когнитивного выражения посессивных конструкций удмуртского языка лежат такие явления как грамматическое согласование топики (N-Px, N-Gen N-Px, N-Abl N-Px-Acc), локализация (N-Gen N-Px), источник (N-Elat, N-Abl N-Px-Acc), сопровождение (N-Instr N), атрибуция (N-Nom N, N-o N, N-tem N). Некоторые конструкции образовались на основе сразу нескольких схем, напр., топики и локализации (N-Gen N-Px), источника и топики (N-Abl N-Px-Acc).

С другой стороны, мотивацией для грамматикализации настоящих грамматических категорий в притяжательные стали посессивные отношения, описанные во второй главе. Соотношение когнитивного источника и цели грамматикализации посессивных конструкций можно представить следующей схемой:

Таблица № 16.

<i>Когнитивный тип</i>	<i>Конструкция</i>	<i>Цель</i>
согласование топика	N-Px	личная посессивность
локализация+топик	N-Gen N-Px	отчуждаемая активная посессивность
источник+топик	N-Abl N-Px- Acc	отчуждаемая активная посессивность
атрибуция	N-Nom N	неотчуждаемая, неконкретная пассивная посессивность
источник-локализация	N-Elat N	неодушевленная пространственная, отчуждаемая, частичная посессивность
сопровождение	N-Instr N	физическая временно ограниченная посессивность
атрибуция	N-o N	физическая перманентная посессивность
атрибуция	N-tem N	абстрактная физическая перманентная посессивность
сопровождение	V N-tek V	абстрактная физическая временно ограниченная посессивность

Грамматикализация посессивных конструкций, видимо, имела парадигматический характер, основанный на иконическом принципе. Материал демонстрирует, что зачастую конструкции противопоставляются по семантическому признаку, напр., неотчуждаемая — отчуждаемая принадлежность, одушевленная — неодушевленная, личная — неличная, активная — пассивная, временная — перманентная, специфичная (конкретная, определенная) — неспецифичная (неконкретная, неопределенная), предметная — абстрактная и т.д. Парадигму семантической оппозиции можно представить следующим образом:

Таблица № 17.

<i>Семантическая оппозиция</i>	<i>Грамматическая оппозиция</i>
неотчуждаемая — отчуждаемая	N- <i>j</i> Px — N- <i>e</i> Px, N-Nom N — N-Gen N-Px, N-Elat N
одушевленная — неодушевленная	N-Gen N-Px — N-Elat N
личная — неличная	N-Px — Pron-Gen N-Px, N-Nom N, Pron-Gen N-Px — N-Gen N-Px, Pron-Nom N — N-Nom N
активная — пассивная	N-Gen N-Px — N-Elat N, N-Nom N
временная — перманентная	N-Instr N — N-o N, N-Abes N V — N-tem
конкретная — неконкретная	N-Gen N-Px — N-Nom N, N-Instr N — N-o N, N-Abes N V — N-tem
предметная — абстрактная	N-Instr N — N-Abes N V, N-o N — N-tem N

На наш взгляд, приведенный в настоящей главе материал убедительно демонстрирует, что категория посессивности представляет одну из основополагающих категорий удмуртского языка и является своеобразным отражением культурной концептуализации отношения посессивности удмуртами. Как мы только что продемонстрировали, эти отношения не являются простыми, а составляют комплексную и разнообразную систему референции объектов и явлений окружающей среды.

4. ПРЕДИКАТИВНАЯ ПОСЕССИВНОСТЬ

В предыдущей главе мы рассмотрели атрибутивный тип связи посессора и обладаемого. В настоящей главе кратко исследуем предикативные конструкции, выражающие отношение посессивности. В фокусе нашего исследования находятся, в первую очередь, конструкция обладания типа *Peter has a car* ‘У Пети есть машина’, ср. удм.: *Petj̄r-len mašina-jez vań*, а также конструкция принадлежности типа *The car is Peter's* ‘Это Петина машина’, ср. удм.: *Ta mašina Petj̄r-len*. Как отмечает Р. Бартенс (Bartens 2000: 121-2), в предикативной посессивности в пермских языках могут участвовать и другие посессивные схемы, напр., конструкции с деривационными суффиксами *-o*, ср.: *Piosmurt tuš-o* ‘У мужчины есть борода’ и *-tem*, ср.: *Piosmurt tuš-tem* ‘У мужчины нет бороды’. В подобных высказываниях могут являться и другие атрибутивные схемы, напр., в качестве предиката может выступать имя, оформленное инструменталом или элативом, однако они встречаются крайне редко. В отличие от атрибутивных сочетаний, в предикативной посессивности изредка может участвовать и датив, ср.: *So m̄jn-̄m eš* ‘Он мне друг’.

Как демонстрирует материал, атрибутивные и предикативные конструкции в удмуртском языке имеют схожие когнитивные схемы, однако они представляют разные функционально-семантические образования: в атрибутивных сочетаниях, в основном, происходит спецификация одного из компонентов посессивной связи путем его определения другим компонентом, а в предикативных высказываниях скорее происходит установка отношения между этими компонентами. В силу этого, в предикативных конструкциях посессор и обладаемое оба являются самостоятельными членами предложения или аргументами, а в атрибутивных определяющий элемент зависит от определяемого.

4.1. Конструкция обладания

Каноническое удмуртское предложение обладания имеет следующую морфолого-синтаксическую структуру: обладатель выражен генитивом *-len*, является косвенным дополнением в предложении; обладаемое имеет Рх, соответствующий лицу обладателя, и является субъектом; третий компонент представляет бытийный предикат *vań* ‘есть, имеется в наличии’, ср. *Student-len kn̄iga-jez vań* ‘У студента есть книга’. Посессор в такой конструкции является типичным топиком, а обладаемое совместно с предикатом — фокусом высказывания. Настоящая конструкция представляется ‘*mihi est liber*’ тип посессивных предикативных высказываний, или является таким предложением, где предикативное отношение обладания выражается на основе бытийного предложения, ср.: (206) *amac*

с[́]ион *воэ выл-ын ошмэс-эз выл-эм*. ‘На лугу атас с[́]ион был родник’ (1990: 113), ср. также:

- (584) *отын, нэ, т[́]о[́]бы а[́]бами-эз ван[́].*
там де белый человек-3SG быть.EX.
‘Там, говорят, белый человек есть’ (1981: 129).
- (585) *чэркол но ван[́] вал отън.*
церковь и быть.EX вспом.гл.1PRET там
‘И церковь там была’ (1992: 132).
- (586) *Шуг-секыт-ъёс вал но вань.*
трудность-PL быть.EX.1PRET и быть.EX.PRES
‘Трудности были и есть’ (Инвожо 03–04.2006: 15).

У некоторых исследователей, наличие Rх у обладаемого в конструкциях обладания, напр., в венгерском языке, вызывает сомнение о неопределенном статусе данного компонента, поскольку известно, что в типичных конструкциях обладания объект посессивности, как правило, не может быть определенным (Бенвенист 1974: 212; Арутюнова, Ширяев 1983: 21; Langacker 1995: 63; Heine 1997: 30). На наш взгляд, происхождение Rх в конструкциях обладания соответствует его употреблению с субъектом бытийных предложений.

В каноническом бытийном предложении локализатор имеет функцию топика, в силу чего субъект, как правило, получает индексацию Rх или ложное согласование (см. п. 3.1.3.1.2., 3.1.3.3.). Однако маркирование может и не происходить, напр., если локализатор имеет не типичную позицию топика, ср.: (585), если субъект не является основным топиком последующего дискурса, ср.: (586). Судя по всему, на основе подобного вторичного согласования в удмуртском языке образовались посессивные конструкции обладания, где Rх был полностью вовлечен в состав конструкции в силу семантических особенностей конструкции. В коми языке посессивное оформление субъекта, видимо, не грамматикализовалось и имеет прагматический характер, ср.: *Ёма-баб-л[́]өн в[́]ол-[́]ом-а ныв* (баба яга-GEN быть-2PRET-3SG дочь) ‘У бабы-яги была дочь’ и *Сап[́]өг вур-ись-л[́]өн сап[́]өг-ыс абу* (спог шить-PART-GEN сапог-3SG отр.EX) ‘У сапожника нет сапог’ (Образцы 1971: 53, 35).

Данная конструкция может иметь различные варианты, в частности, (а) с предикатом *ван[́]*, ср.: *Student-len kniga-jez van[́]* ‘У студента есть книга’ (б) предикат *ван[́]* может отсутствовать, ср.: *Student-len kniga-jez vijl[́]* ‘У студента книга новая’. Имя обладателя может быть не выраженным, ср. *Kniga-je van[́]* ‘букв. Книга-моя есть’, или посессивный суффикс может отсутствовать, ср. *Mil-am kotma-ø van[́]* ‘У нас есть все’.

4.1.1. Конструкция обладания с предикатом *van'*

В удмуртском языке слово *van'*, в диал. *van'*, может быть (а) полноценным знаменательным глаголом в настоящем времени (ГСУЯ 1962: 218) со значением 'существует, имеется в действительности', который не приобретает показателей лица и числа, и соответствует бытийным копулам рус. *есть*, англ. *there is*, фр. *il y a*, нем. *es gibt*, ср.: (587); (б) вспомогательным глаголом в аналитических формах прошедшего времени, ср.: (588); (в) местоимением со значением 'все, весь', ср.: (589).

- (587) *Бен, Москва-ын ваньм-ыз вань.*
 да ЛИ-INES все-3SG быть.EX.
 'Да, в Москве есть все' (Инвожо 02–03.2006: 21).
- (588) *Больница-е приём-е ветл-эм-зы вань, луоз.*
 больница-ILLAT прием-ILLAT ходить-PART-3PL быть.EX наверно
 'Вероятно, побывали уже в больнице на приеме' (Красильников 1991: 8).
- (589) *Калык хозяйство-лэн вань ёз-герзет-ъёс-ыз чигылыны*
 народ хозяйство-GEN весь связь-PL-3SG сломаться.INF
кутск-о.
 начинать-PRES.3PL
 'У народного хозяйства все суставы начинают рваться' (Первошиков 1994: 310).

Существуют высказывания, где слово может интерпретироваться двусмысленно, ср.:

- (590) *мын-ам ван' курэктон-э но, шумпотон-э но — ти.*
 я-GEN быть/весь горе-1SG и радость-1SG и вы
 (1990: 267)

Пример может интерпретироваться как 'Все мое горе и радость — [это] вы', также и 'У меня есть и горе, и радость. [Это] вы'.

Экзистенциальный предикат *van'* имеет форму первого претерита *val*, в диал. *vaц*, которая, (а) кроме выражения экзистенциального значения, ср. (591), (б) в качестве вспомогательного глагола участвует в формировании аналитического прошедшего времени (в этом случае форма обозначается как формообразующая частица (ГСУЯ 1960: 353)), напр., формы первого и второго плюсквамперфекта, а также дюратива и фреквентатива, напр., *тон тiнишко val* 'я было шел', ср.: (592); и (в) регулярно появляются в функции связки в именных предложениях, в которых в настоящем времени нет глагольного предиката (в этом случае данный глагол рассматривают как вспомогательный глагол¹⁹ (ГСУЯ 1960: 213)), ср.: (593); (г) кроме того, может употребляться и в качестве модальной частицы, ср.: *tijn val* 'пошел бы ты', *iz val* 'спал бы ты', ср.: (243), (594).

¹⁹ При глоссировании мы его также обозначаем как вспомогательный глагол.

- (591) *Отй-ыз-лэн одйг вал «янгыш-ез»...*
там-3SG-GEN один быть.EX ошибка-3SG
'У тех [раскулаченных крестьян] одна была ошибка...' (Первошиков 1994: 70).
- (592) *мон курегпуз жарить кар-и вал.*
я яйцо.ACC жарить.INF сделать-1PRET.1SG вспом.гл.1PRET
'Я было яичницу пожарила' (Красильников 1991: 84).
- (593) *Куара-ез со-лэн бадзьым вал.*
голос-3SG он-GEN большой вспом.гл.1PRET
'Звук у него [радио] был громкий' (Бадретдинов 2007: 21).
- (594) *Со музей туж бадзьым мед лу-о-з вал.*
тот музей очень большой пусть быть-FUT-3SG бы
'Пусть бы тот музей очень большим' (Моя Удмуртия 09.12.2009).

Глагол *van'* имеет форму второго претерита *vjl-em*, который может быть самостоятельным глаголом, вспомогательным глаголом и глаголом-связкой, ср.: (595). В функции знаменательного глагола или глагола-связки он согласуется с субъектом в числе, ср. форма мн. ч.: *vjl-illam*, ср.: (596).

- (595) *со пиосмурт-лэн ним-ыс чултэм выл-эм.*
тот мужчина-GEN имя-3SG ЛИ вспом.гл.-2PRET
'Того мужика звали Чультемом' (1990: 105).
- (596) *Бен, со-лэн но янгыш-ъёс-ыз выл-йллям.*
да он-GEN и ошибка-PL-3SG быть.EX-2PRET.3PL
'Да, и у него ошибки были' (Первошиков 1991: 168).

Форма будущего времени бытийного глагола *van'* выражается глаголом *lujni*, который как самостоятельный глагол имеет множество значений, напр., 'быть, бывать, являться, быть способным, получаться, случаться, происходить, становиться и т.д.'. В этом случае глагол *lujni* имеет обычное для глаголов спряжение в будущем времени, ср.:

- (597) *нан'-эт кэ ван', вй-ыт но лу-о-з.*
хлеб-2SG если быть.EX масло-2SG и быть.EX-FUT-3SG
'Если хлеб имеешь, и масло у тебя будет' (1990: 155).
- (598) *Адыми-лэн ваньм-ыз тырмыт лу-о-з.*
человек-GEN все-3SG полный быть.EX.-FUT-3SG
'У человека всего будет в достатке' (Инвожо 06–07.2006: 28).

В отрицательных предложениях обладания морфосинтаксическое выражение конструкции сохраняется, а вместо бытийной копулы *van'* в настоящем времени употребляется негативная копула *evel*, в диал. *evēl*, *ebew*, *evəl* 'нет, не имеется в наличии', которая служит в качестве отрицательного предиката в именных конструкциях и в литературе обозначается как отрицательная частица (ГСУЯ 1962: 345; Suihkonen 1995: 315; Winkler 2001: 65), ср. (599). Первый претерит имеет форму *ej val* 'не было', ср. (600). Второй претерит образуется либо аналитическим способом *evel vjlem*, ср.: (601), либо синтетическим *vjlijmte* 'не было, оказывается', ср.: (602). Последний также имеет формы мн. числа, ср.: *evēl*

vjililam и *vjililamte*, ср.: (603). Отрицательная форма будущего времени образуется согласно обычным глаголам, ср.: ед. ч. *uz luĵ* и мн. ч. *uz lue* ‘не будет’, ср.: (604).

- (599) *эгэс-лэн нум-ыз ѓвѓл.*
 обруч-GEN конец-3SG отр.EX.
 ‘Обруч не имеет конца’ (4: 152).
- (600) *Соку ведь азьтэм-ез-лэн гинэ номыр-из ѓй*
 тогда ведь лентяй-3SG-GEN только ничего-3SG отр.1PRET
вал.
 быть.EX.1PRET
 ‘Тогда ведь только у лентяя ничего не было’ (Перевошиков 1994: 74).
- (601) *Тй-ляд, пе, шу-э, чик но йырвизь-ды*
 вы-GEN де сказать-PRES.3SG совсем и мозг-2PL
ѓвѓл выл-эм.
 отр. быть.EX-2PRET
 ‘У вас, говорит, совсем мозгов нет’ (Удмурт дунне № 6, 21.01.2009).
- (602) *гурт-сы-лэн нум-ыз вылы-мтэ на ай.*
 деревня-3PL-GEN имя-3SG быть.EX-2PRET.NEG и еще
 ‘Их селение не имело еще названия’ (1990: 225).
- (603) *Вуз-лэн ветеринар ужскагаз-ѓс-ыз выл-йлля-мтэ.*
 вуз-GEN ветеринарный документ-PL-3SG быть.EX-2PRET.3PL-NEG
 ‘У вуза ветеринарных документов не оказалось’ (Моя Удмуртия, 12.10.2008).
- (604) *Со-лэн диплом-ез у-э лу-ы...*
 он-GEN диплом-3SG отр.FUT-3SG быть.EX-SG
 ‘У него не будет диплома...’ (Удмурт дунне № 6, 21.01.2009).

В кукморском говоре в речи старшего поколения глагол *vjilem* и *vjililam* в рассматриваемых случаях зачастую заменяется глаголом *liem* и *liililam*, причем только в форме второго претерита ед. и мн. ч., ср.:

- (605) *лў-эм мил-ам апай сокъ дърй-а, писай-мъ.*
 быть.EX-2PRET мы-GEN тетя тогда время-LOC бабушка-1PL
 ‘Была, оказывается, тетка у нас в то время, бабушка наша’ (1992: 139).
- (606) *луги-йън одиг бай, нэ, лў-эм, со-лэн одик къзмаччи-йэз*
 ЛИ-INES один богатый де быть.EX-2PRET он-GEN один работник-3SG
лў-эм, балчи-йэз, со-лэн одик нъл-ъз лў-эм.
 быть.EX-2PRET слуга-3SG он-GEN один дочь-3SG быть.EX-2PRET
 ‘В Люге был-де один богач, у него один работник был, слуга, у него была [еще] дочь’ (1992: 145).
- (607) *тин ѓш дър-йос лў-иллам татын.*
 вот такой время-PL быть.EX-2PRET.3PL здесь
 ‘Вот такие времена были здесь’ (1992: 118).

Р. Бартенс возводит глагол *van* к знаменательному глаголу *vijini* ‘быть’ (2000: 292), который, как правило, встречается в сочетании с глаголом *ilini* ‘жить’, ср.: (549) *улэм-вылэм сирота, катá нимо ныл* ‘Жила-была сиротка, девушка по имени Катя’ (1981: 82). В таком сочетании глагол имеет полную парадигму в настоящем и будущем времени, и имеет такое

же оформление, как и другие глаголы первого спряжения, ср.: *kuče ul-iško-d-vijl-iško-d?* (какой жить-PRES-2SG быть-PRES-2SG) ‘Как [ты] проживаешь?’, *ul-i-z-vijl-i-z odig adami* (жить-1PRET-3SG быть-1PRET-3SG один человек) ‘жил-был один человек’. Однако глагол *van’* в первом и втором претерите не имеет согласования с субъектом, а также имеет другую форму в прошедшем времени, т.е. является типичным супином. Настоящие факты говорят о том, что глагол *van’* не входит в парадигму глагола *vijl’ini*, по крайней мере, в синхронном срезе. С другой стороны, в парадигму бытийного глагола входит глагол *luj’ni* ‘быть’, однако ограничивается формами будущего времени или второго претерита в некоторых диалектах.

Как мы уже писали в п. 3.2.1., порядок компонентов в конструкции обладания может быть достаточно свободным в зависимости от информационной структуры высказывания. В настоящем разделе мы уже не будем отдельно останавливаться на этом.

В конструкции обладания объект посессивности в редких случаях может не иметь R_x, чаще всего это происходит в эгоцентрических высказываниях, ср.:

- (608) *Наш ми-лям сыће опыт вань.*
 а мы-GEN такой опыт быть.EX
 ‘А у нас есть такой опыт’ (Инвожо 02–03.2006: 27).

В конструкции зачастую может отсутствовать именной посессор, в этом случае на него указывает только R_x. Такое возможно, когда обладаемое присутствует в реальной речевой ситуации, что наиболее свойственно 1 и 2 лицу, ср.:

- (609) *Ана-ед вань-а? — юа-з Соснов.*
 мать-2SG быть.EX-INTER спросить-1PRET.3SG ЛИ
 ‘Мать есть [у тебя]? — спросил Соснов’ (Красильников 1991: 61).
- (610) *Ничего, скал-мы вань, сиён-лы ёрмы-са*
 ничего корова-1PL быть.EX еда-DAT нуждаться-GER
у-м ул-йськ-е.
 отр-1PL жить-PRES-PL
 ‘Ничего, корова есть [у нас], от голода не страдаем’ (Красильников 1991: 63).
- (611) *Гурт-а-ды вань-а арганчи-ды?*
 деревня-INES-2PL быть.EX-INTER гармонист-2PL
 ‘[У вас] в деревне есть гармонист?’ (Перовщиков 1994: 31).
- (612) *коза-йэ гинэ но вань, со мон-э йёл-ын*
 коза-1SG только и быть.EX он я-ACC молоко-INSTR
суд-э.
 кормить-PRES.3SG
 ‘Даже коза [у меня] имеется, она меня молоком поит’ (1981: 151).

Опущение посессора, как правило, наблюдается в формах диалога. Посессор не может опускаться, если он находится в фокусе высказывания или высказывание принадлежит другому типу дискурса, чем диалог.

Намного реже по такому же принципу может опускаться и объект посессивности, ср.:

- (613) *Мын-ам вань.*
 я-GEN быть.EX
 ‘У меня есть’ (Бадретдинов 2007: 70).

Рассматриваемые конструкции обладания, как мы уже отмечали, имеют особенность выражать посессивное значение обладания, при этом посессор наделен активным характером, а обладаемое имеет семантику отчуждаемости или необязательный характер. Одним словом, конструкция обладания является типичной установленной посессивностью. Она выражает обширный спектр посессивных значений, напр., активную, одушевленную и неодушевленную, личную, физическую перманентную и временную посессивность. Другими словами, в конструкции обладания могут участвовать одушевленный, активный неодушевленный посессор с одной стороны, и необязательный, отчуждаемый предмет, с другой стороны. Как мы уже писали, неотчуждаемые объекты не нуждается в дополнительных синтаксических и морфологических средствах установления посессивной связи (Чинчлей 1996: 102–103; Heine 1997: 172; Seiler 1983: 83–83, 2001: 28; Селиверстова 1973: 99 и т.д.). Тем не менее, неотчуждаемый объект может употребляться (а) в общих высказываниях (X принадлежит к классу предметов, где у каждого представителя есть часть Y, см. (614)), (б) в общих отрицательных высказываниях (X принадлежит к классу предметов, где ни у кого нет части Y, см. (599)), (в) в частных отрицательных высказываниях (Y X нет части Y, но ее наличие предполагается, см. (601), (615)), (г) в конструкциях, где обладаемое имеет атрибут (Y X есть/нет именно определенная часть Y, см. (616)) (Категория 1989: 52–53).

- (614) *Татын борддор-лэн но пельёс-ыз вань...*
 здесь стена-GEN и ухо-PL-3SG быть.EX
 ‘Здесь и у стены есть уши...’ (Красильников 1991: 79).
- (615) *суанчи-ос шу-о: «кулэ өвёл та-из*
 свадебщик-PL сказать-PRES.3PL надо отр. этот-3SG
молодушка-ды ми-лэм: ма та-лэн пин-ыз но өвёл...»
 молодушка-2SG мы-DAT ведь этот-GEN зуб-3SG и отр.EX
 ‘Свадебщики говорят: «Не надо нам этой вашей невесты: ведь у нее и зубов-то нет...» (1981: 226)²⁰.
- (616) *Яратон-лэн паймымон но ёжытак кескич-гес*
 любовь-GEN удивительный и немного хитрый-COMP
сям-ыз вань.
 характер-3SG быть.EX
 ‘У любви есть удивительный и немного хитрый характер’ (Красильников 1991: 76).

²⁰ По традиции на удмуртской свадьбе перед тем, как вывести настоящую невесту, принято выводить переодетую в невесту старую женщину.

В группе терминов родства есть как обязательные термины типа *мама, папа, бабушка, дедушка, родители*, так и необязательные термины типа *сестра, брат, ребенок, муж, жена, теща* и т.д. С необязательными употреблении обычное, ср. *So-len suzer-iz van'* 'У него/нее есть (младшая) сестра'.

По мнению Р. Бартенс, посессивно-бытийное предложения в удмуртском языке соответствуют подобным высказываниям тюркских языков: предложения имеют сугубо именной характер, бытийная копула выражает бытийный предикат 'есть, имеется в наличии', так и местоименное значение 'весь, все', последнее значение приобретает и бытийная копула в марийском языке (2000: 293). По мнению ученой, предикат *van'* в удмуртском языке был номинализирован из глагола *vilini* ср. **-lm->-lm->-nit-* (Uotila 1933: 342; Bartens 2000: 265). Удмуртский *van'* и коми *em*, по мнению некоторых ученых, имеет общую этимологию (Wichmann 1915: 43; Uotila 1933: 65, 342). По мнению Т. Уотилы, отрицательная форма образовалась с помощью именной формы отрицательного глагола и конегативной формы глагола **vole*, ср.: **zb vzl* (Uotila 1933: 196, 303; 1938: 62). Супплетивными формами настоящего глагола в императиве и оптативе является глагол *luynu* (Fokos-Fuchs 1954: 164).

4.1.2. Конструкции обладания без предиката *van'*

Одним из основных проблем в изучении посессивных предикативных конструкций в русском языке является дифференциация конструкций с экзистенциальным предикатом *есть* (у X *есть* Y) и нулевым предикатом (у X Y) (Категория 1983; Арутюнова, Ширяев 1983; Арутюнова 2002; Селиверстова 1973, 1977 и т.д.). По мнению О. Н. Селиверстовой, первый тип конструкции сообщает о наличии, существовании Y у X, а второй — какой именно Y имеется у X (1973: 97). Или в первом случае сообщается о постоянном наличии или существовании у посессора объекта, а во втором указывается, какой именно объект обладания (Категория 1989: 172-3). Н. Д. Арутюнова же это объясняет следующим образом: глагол не употребляется в тех случаях, когда не входит в состав фокуса (за исключением случаев актуализации локализатора), в этой ситуации в фокусе является обладаемое, качественное определение имени или количественное определение имени (Арутюнова, Ширяев 1983: 83, 87).

На наш взгляд, опущение бытийного глагола в случаях, где посессор представлен личностным локализатором (термин Н. Д. Арутюновой), в предложениях типа *У Пети машина, У них гости* удмуртскому языку несвойственно, ср.: **Petir-len mašina-jez* и **Soos-len kuno-os-sij*. Настоящие предложения возможны только с предикатом *van'*. Глагол может не появляться в ситуациях, когда обладаемое является абстрактным явлением, напр., болезнью (617) или другим абстрактным понятием (618). Либо одушевленный посессор имеет дополнительный неодушевленный

локализатор (619). Последний тип Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Ширяев называют совмещением пространственного и личностного локализаторов (1983). Такое отношение может проецироваться и на неодушевленного посессора (620).

- (617) *Туберкулёз со-лэн.*
 туберкулез он-GEN
 ‘У него туберкулёз’ (Красильников 1991: 45).
- (618) *Ми-лям — демократия!*
 мы-GEN демократия
 ‘У нас — демократия!’ (Первошиков 1994: 238).
- (619) *Нош тани мын-ам ки-я-м — кылем*
 а вот я-GEN рука-INES-1SG прошлый
даур-ысь песенник.
 век-ELAT песенник
 ‘А вот у меня в руках песенник прошлого века’ (Удмурт дунне № 6, 21.01.2009).
- (620) *Книгакуа-лэн борддор-ъёс-а-з 17-18-тй даур-ъёс-ты*
 библиотека-GEN стена-PL-INES-3SG 17 18-ORD век-PL-ACC
возьмат-йсь фреска-ос.
 показать-PART фреска-PL
 ‘На стенах библиотеки фрески с сюжетами 17–18 веков’ (Инвожо № 10, 11.2004: 39).

В случае наличия третьего компонента в предложении — определения или обстоятельства — наличие экзистенциального глагола зависит от функции настоящего компонента: если определяющий или обстоятельственный элемент находится в фокусе высказывания (621 б., в., д.), то глагол, как правило, опускается, поскольку позиция предиката занята этими компонентами. Если эти компоненты являются вторичным топиком либо атрибутом (621 а., г.), тогда необходим предикат *van’*. Бытийный предикат не появляется и в случае, когда в фокусе высказывания находятся обладатель и обладаемое (621 ж.). Предложение (621 е.) соответствует высказыванию (620), где личный и пространственный посессоры совпадают.

- (621) (а) *Maša-len [[čeber derem-ez] van’]FOC*
 ЛИ-GEN красивый платье-3SG быть.EX
 ‘у Маши есть красивое платье’
- (б) *Maša-len [derem-ez]TOP [čeber]FOC*
 ЛИ-GEN платье-3SG красивый
 ‘платье Маши красивое’
- (в) *Maša-len [čeber]FOC [derem-ez]TOP*
 ЛИ-GEN красивый платье-3SG
 ‘платье у Маши красивое’
- (г) *Petjŕ-len [mašina-ja-z]TOP [radio-jez van’]FOC*
 ЛИ-GEN машина-INES-3SG радио-3SG быть.EX
 ‘у Пети в машине есть радио’

- (д) *Petj̄r-len* [*radio-jez*]_{TOP} [*mašina-ja-z*]_{FOC}
 ЛИ-GEN радио-3SG машина-INES-3SG
 ‘радио у Пети в машине’
- (е) *Petj̄r-len* [*mašina-ja-z*]_{TOP} [*radio*]_{FOC}
 ЛИ-GEN машина-INES-3SG радио
 ‘в машине Пети радио’
- (ж) [*radio*]_{TOP} [*Petj̄r-len mašina-ja-z*]_{FOC}
 радио ЛИ-GEN машина-INES-3SG
 ‘радио в машине Пети’

Однако в некоторых случаях бытийный предикат возможен и при сфокусированном третьем элементе, а именно в случаях «актуализации бытийного глагола» в примерах типа *есть у меня один друг...* (см. в. Арутюнова, Ширяев 1983: 84–5). Глагол также возможен, когда он является топиком, ср.:

- (622) *Вань со-лэн студи-ос-ыз Удмурт кун*
 быть.EX он-GEN студия-PL-3SG удмурт государство
университет-ын но.
 университет-INES и
 ‘Есть у него студии и в Удмуртском государственном университете’ (Инвожо 06.–07.2006: 40).

В настоящем высказывании пресуппозиция предполагает, что у некоторого художника в некотором месте есть студии, а в конкретном высказывании говорящий утверждает наличие известных объектов также в другом месте.

Предложения без предиката *van'* представляют именные конструкции, где функцию предиката чаще всего несут определения, напр., указывают на качество (623) или количество обладаемого (229), или обстоятельства, обозначающие локализацию объекта посессивности (624), или элементы, тождественные обладаемому, идентифицирующие его (625).

- (623) *Ох, секыт ик та редактор-лэн улон-эз!*
 ох трудный же этот редактор-GEN жизнь-3SG
 ‘Ох, и трудная же жизнь у редактора!’ (Красильников 1991: 109)
- (229) *вуж дукэс-лэн шуныт-эз өжыт.*
 старый зипун-GEN тепло-3SG мало
 ‘У старого зипуна мало тепла’ (1990: 229).
- (624) *Вань калык-е уж дур-ын.*
 весь народ-1SG работа у-INES
 ‘[У меня] весь народ при деле’ (Инвожо 06.–07.2006: 65).
- (625) *сос-лэн торо-зы выл-эм НЬЛКЫШНО...*
 они-GEN начальник-3PL вспом.гл.-2PRET женщина
 ‘Предводителем у них была женщина’ (1990: 187).

Отрицательная форма конструкций без *van'* соответствует предложениям с глаголом *van'*, ср.:

- (626) *Выжыкыл-эд-лэн пуштрос-эз* *выль* *өвёл.*
 сказка-2SG-GEN содержание-3SG новый отр.
 ‘Содержание твоей сказки не ново’ (Бадретдинов 2007: 42).
- (627) *Сюлэм-ыз инты-я-з* *өвёл со-лэн.*
 сердце-3SG место-INES-3SG отр. он-GEN
 ‘У него сердце не на месте’ (Медведев 2006: 15).

Рассматриваемые конструкции не имеют глагольного предиката только в формах настоящего времени, однако при наличии категории прошедших или будущего времени глагол обязателен, при этом он полностью соответствует модификациям глагола *van* и выполняет роль глагола-связки, ср.:

- (628) *мын-ам пинал-йос-ы* *кык гинэ* *вал.*
 я-GEN ребенок-PL-1SG два только вспом.гл.1PRET
 ‘У меня было лишь двое детей’ (1990: 258).
- (629) *Со-лэн гожъя-м-ъёс-ыз* *трос* *выл-эм.*
 он-GEN писать-PART-PL-3SG много вспом.гл.-2PRET
 ‘У него написанного много, оказалось’ (Бадретдинов 2007: 77).
- (630) *Улон сюрес-эз со-лэн вакчи* *өй* *вал.*
 жизнь дорога-3SG он-GEN короткий отр.1PRET вспом.гл.1PRET
 ‘Жизнь у него была не короткая’ (Удмурт дунне № 181–182, 04.12.2009).
- (631) *Та пум-ысен мын-ам кыл-ы* *чурит* *лү-о-з.*
 это конец-EGRES я-GEN слово-1SG твердый вспом.гл.-FUT-3SG
 ‘По этому поводу я буду строг’ (Первошиков 1994: 108).

В случае, когда предикат выражен прилагательным, а субъект имеет форму мн. лица, происходит согласование в числе, ср.:

- (632) *Нош ки-ос-ыз та-из-лэн* *шуньит-эсь...*
 а рука-PL-3SG этот-3SG-GEN теплый-PL
 ‘А руки у этой теплые’ (Красильников 1991: 13).
- (633) *ой, укылтэм-эс* *кэ* *укылтэм-эс* *вал* *ай та*
 ох непослушный-PL если непослушный-PL вспом.гл.1PRET уж этот
кык-эз *ик* *ныл-йос-ы* *мын-ам!*
 два-3SG же дочь-PL-1SG я-GEN
 ‘Ох, и шалуны так шалуны были обе эти мои дочери!’ (1990: 258).

Наш материал демонстрирует, что в рассматриваемых конструкциях иногда может встречаться глагол *lujni* в качестве глагола-связки. С другой стороны, он также имеет модальный оттенок постоянности или дюративности, а также фреквентативности, ср.:

- (634) *вуко-лэн со кё-эс* *кык лү-э.*
 мельница-GEN это жернов-3SG два быть-PRES.3SG
 ‘У мельницы тех жерновов два бывает’ (1990: 331).
- (635) *со-лэн ёёл-ъс* *кэзът* *лү-э,* *шу-о.*
 он-GEN молоко-3SG холодный быть-PRES.3SG сказать-PRES.3PL
 ‘У нее [козы] молоко холодное бывает, говорят’ (1992: 121).

В основе функциональной дистрибуции рассматриваемых конструкций лежит принцип не обозначения факта принадлежности, а указание на наличие определенного предмета обладания, либо местонахождения предмета. Поэтому в отличие от предикативных высказываний с предикатом *van'* они совершенно свободно могут употребляться с неотчуждаемыми объектами, напр., (632), и выражают отношение активной, одушевленной, личной, физической принадлежности.

4.2. Конструкция принадлежности

Все языки так или иначе отличают значение принадлежности от значения обладания. Предикативные конструкции принадлежности не столь распространены, как конструкции, выражающие отношения обладания. В удмуртском языке в обеих конструкциях могут использоваться те же самые морфологические показатели, но в то же время синтаксическая и информационная структура конструкций не совпадает, в частности в конструкциях обладания в фокусе находится объект обладания, а в конструкциях принадлежности — посессор. В удмуртском языке мы бы выделили две основные конструкции со значением принадлежности: (1) первая представляет инверсию генитивной атрибутивной конструкции без *Rx*, ср.: *(Ta) kn'iga student-len* '(Эта) книга принадлежит студенту', а вторая сохраняет морфосинтакс и включает третий компонент, ср.: *So student-len kn'iga-jez* 'Это книга студента'.

4.2.1. Конструкция N_{pm} $N-Gen_{pr}$

В конструкции *kn'iga student-len* 'Книга принадлежит студенту' обладаемое предшествует обладателю, не имеет грамматического указания на посессора или не маркируется *Rx*, является субъектом. Посессор выражен формой генитива на *-len* и следует обладаемому, в предложении является предикатом и занимает положение фокуса в высказывании. В данной конструкции глагольный предикат отсутствует. Подобная структура представляет собой некую инверсию конструкции с *van'*. Как уже упоминалось, особенностью конструкций принадлежности является то, что объект обладания является всегда определенным. В удмуртском языке эффект определенности достигается путем немаркированности, а также указательных местоимений типа *ta* 'этот' и *so* 'тот', которые могут присутствовать в настоящем высказывании и занимать инициальное положение, предшествуя объекту обладания, однако наличие этих местоимений необязательно. В финно-угорских языках в этих случаях также выступает генитив, в финском языке их принято называть генитивами-предикатами, ср.: *Kirja on hänen* 'Книга его'. Рассматривая подобные примеры в марийском языке, Э. Кангасмаа-Минн обозначает их как *автономные генитивы* и предполагает, что маркер генитива здесь

имеет функцию деривационного суффикса (Kangasmaa-Minn 1966: 24).
Рассмотрим примеры:

(636) *мон анай-лэн-атай-лэн, анай-лэн- атай-лэн.*
я мать-GEN отец-GEN мать-GEN отец-GEN
'Я матери, отца [дочь], матери, отца' (1981: 193).

(637) *Со передача мын-ам.*
это передача я-GEN
'Эта передача моя' (Инвожо 02.–03.2006: 85).

П.Суйхконен отмечает конструкции, где обладаемое имеет R_x, ср.:
Kn'iga+ez piosmurt+len 'Книга принадлежит мужчине' (Suihkonen: 1995: 307).
На наш взгляд, в настоящем конкретном случае употребление R_x несвойственно. Такое употребление возможно только в исключительных случаях, а именно при эмфазисе, ср.:

(638) *Ну, шол, уж-ез со-лэн!*
ну вот дело-3SG он-GEN
'Ну, вот, дело его!' (Красильников 1991: 86).

Предложение принимает формы прошедших и будущих времен точно так же, как и другие именные конструкции, ср.:

(42) *мэми, мон тын-ад өвөл шат, кызы жал' у-г*
мама я ты-GEN отр. разве как жаль отр.-1SG
по т-к-ы?
выйти-PRES-NEG.SG
'Разве, маменька, я не твой [сын], как же [тебе] меня не жаль?' (1990: 206)

(639) *Лөзя бесмен ась-ме-лэн лу-о-з!..*
ЛИ ЛИ свой-1PL-GEN вспом.гл.-FUT-3SG
'Лөзя бесмен [название горы] будет нашим!' (Медведев 2006: 32).

(40) *вий-эм жазэк со-лэн выл-эм.*
убивать-PART гусь он-GEN вспом.гл.-2PRET
'Убитый гусь его оказался' (1990: 226).

Компоненты в настоящей конструкции не являются свободными, в случае инверсии (когда обладатель предшествует обладаемому), необходим R_x, ср.: *So tijn-am peredača-je* 'Это моя передача'.

4.2.2. Конструкция N N_r-Gen N_{pm}-R_x

Кроме того, для выражения отношений принадлежности инверсия компонентов необязательна. Отношение принадлежности может выражаться конструкциями, обозначающими тождество, которые состоят из трех компонентов: первый выражен именем, занимает инициальное положение и является субъектом предложения. Далее следует имя в генитиве с последующим объектом обладания с R_x, данное сочетание составляет предикат предложения, или в фокусе является вся посессивная конструкция. Часто первый компонент выражается местоимением (например,

личным, указательным, собирательным). Первый компонент может также обозначать предмет или личные имена.

- (640) *Со тын-ад кужым-ед!*
это ты-GEN сила-2SG
'Это твоя сила!' (Инвожо 02.2006: 64).
- (641) *Но со-из ини режиссер-лэн уж-ез...*
а это-3SG уже режиссер-GEN работа-3SG
'А это уже дело режиссера...' (Красильников 1991: 32).
- (642) *Та Римма-лэн ата-ез.*
это ЛИ-GEN отец-3SG
'Это отец Риммы' (Красильников 1991: 64).
- (335) *Со Иоханна-лэн карт-ез.*
он ЛИ-GEN муж-3SG
'Он муж Иоханны' (Инвожо № 10, 11.2004: 36).
- (420) *Аля шу-и-з, тй-ляд председатель-ды, пе, —*
ЛИ сказать-1PRET-3SG вы-GEN председатель-3PL де
мын-ам чужмурт-э.
я-GEN дядя-1SG
'Аля сказала, ваш председатель, говорит, — мой дядя' (Первошиков 1994: 160).

В некоторых случаях инициальное положение может занимать и обстоятельство, ср.:

- (643) *Отын Митрей-лэн но Семон-лэн ана-ос-сы?*
там ЛИ-GEN и ЛИ-GEN делянка-PL-3PL
'Там делянки Митрея и Семона' (Медведев 2006: 60).
- (644) *Тйни мын-ам бускел-е.*
вон я-GEN сосед-1SG
'Вон мой сосед' (Удмурт дунне № 6, 21.01.2009).

Формы будущего, прошедших времен и отрицания образуются подобно всем посессивным конструкциям без глагольного предиката, ср.:

- (645) *Нош зэм-з-э ке, тын-ад но, мын-ам но ёвёл ни —*
а правда-3SG-ACC если ты-GEN и я-GEN и отр. уже
колхоз-лэн.
колхоз-GEN
'А если по правде, то и не твое, и не мое — колхозное' (Первошиков 1994: 75).
- (646) *сурэс дур-ын лабрэс кызту-эд, со ду-о-з*
дорога возле-INES раскидистый береза-2SG он быть-FUT-3SG
мын-ам мызор-ыл.
я-GEN тело-1SG
'Возле дороги раскидистая береза растет, то будет моё тело' (1990: 291).

Конструкция имеет зафиксированное расположение слов, однако иногда идентифицируемый компонент может находиться между обладателем и обладаемым, что дает контрастивный эффект, посессор при этом остается в фокусе, ср.: *Iohanna-len so/Petjr kart-ez (Sara-len evgl)*. 'Он/Петр муж

Иоханны(, а не Сары)’, а также *Tjn-ad so kužim-ed, (mjn-am evel)*. ‘Твоя это сила(, а не моя)’. В некоторых ситуациях отождествляемое имя может следовать посессивной конструкции, ср.:

- (647) *вал’ланна-ос-лэн къл-зъ со.*
древний-PL-GEN слово-3PL это
‘Слова эти принадлежат древним людям’ (1992: 123).

Рассматриваемые конструкции особенно часто употребляются с глаголом *lujñi*, ср.:

- (648) *Со ик дивизи-лэн командир-ез лу-э.*
он же дивизия-GEN командир-3SG быть-PRES.3SG
‘Он же является командиром дивизии’ (Инвожо 04.–05.06: 37).
- (649) *...малы ке шу-оно, курегнуз-лы укиась форма*
почему если сказать-PART яйцо-DAT похожий форма
берган-лэн «нылпи-ез» луэ.
кружение-GEN ребенок-3SG быть-PRES.3SG
‘... Потому что яйцеобразная форма — это дитя [водо]ворота’ (Инвожо 04.–05.2006: 16).

Рассматриваемым в п.п. 4.2.1. и 4.2.2. конструкциям свойственен необязательный или отчуждаемый объект обладания. Семантическая нагрузка идет на то, что предложение идентифицирует или определяет известный определенный предмет по принципу его принадлежности другому предмету. Если в высказывании участвуют неотчуждаемые объекты, то они мыслятся отдельно от целого или от того предмета, неотчуждаемой частью которого являются, ср.: *Ta jirsí Takjan-len* ‘Этот волос принадлежит Тане’ и *So pin’ Pedor-len* ‘Тот зуб принадлежит Федору’. В данных примерах *волос* и *зуб* подразумеваются как отдельные предметы: волос, который выпал; зуб, который выпал или был вырван. Предикативные конструкции со значением принадлежностного отношения широко употребляются с терминами собственно и несобственно родства, ср.: *So Rimma-len ataj-ez* ‘Это отец Риммы’, *So Iohanna-len kart-ez* ‘Он муж Иоханны’.

4.3. Другие конструкции

Материал показывает, что в удмуртском языке наряду с рассмотренными конструкциями встречаются также другие высказывания, которые могут конкурировать с основными посессивными предложениями. В первую очередь, речь идет о конструкциях, где предикат выражен именем, оформленным деривационным суффиксом *-o* или *-tem*. В редких случаях в посессивных высказываниях вместо генитива может встречаться и датив.

4.3.1. Конструкция с деривационным суффиксом -о

Как мы писали в главе 3.6., словосочетания с суффиксом -о составляют парадигму атрибутивных посессивных отношений и выражают перманентную физическую посессивность. Однако, как и в случае генитивных сочетаний, определяемый компонент может приобретать и другие синтаксические функции, кроме атрибутивной. Так, обладаемое, оформляемое суффиксом -о, может следовать главному слову — обладателю, и является предикатом в предложении или находится в фокусе высказывания. Предикативная конструкция с суффиксом -о выражает посессивное значение обладания подобно конструкциям обладания. С конструкциями обладания без предиката *van* их объединяет то, что оба типа конструкций определяют, какой именно объект обладания имеет посессор, при этом оба сочетания могут неограниченно употребляться с объектами неотчуждаемой семантики. Конструкциям с предикатом *van* рассматриваемый тип предложения соответствует в случаях, когда обладаемое не имеет дополнительных определений, ср.:

- (650) *tóby kyśny vož k̄var-o no, marly so no gurij-o?*
 белый береза зеленый лист-DER и почему он и сережка-DER
 ‘У белой березы листья зеленые, так зачем у нее сережки?’ (1982: 20).
- (651) *Myн-ам йаратон-э купырэс ныр-о*
 я-GEN любимый-1SG курносый нос
 ‘У меня любимый курносенький’ (1981: 101).
- (652) *дышэтка-эм мурт — с̄инм-о мурт.*
 учиться-PART человек глаз-DER человек
 ‘Грамотный человек — зрячий человек’ (1981: 271).
- (653) *Агроном-зы отын с̄юлм-о, ет̄из.*
 агроном-3PL там сердце-DER шустрый
 ‘Агроном у них там старательный, шустрый’ (Перевошиков 1994: 42).
- (654) *Кузь, г̄убрес ныр-о со, пинал.*
 длинный горбатый нос-DER он молодой
 ‘Нос у него длинный горбатый, сам молодой’ (Медведев 2006: 55).
- (655) *Со ини чиг-ем с̄юрлы-ё.*
 он уже сломать-PART позвоночник-DER
 ‘Он уж пропаций человек’ (Перевошиков 1991: 59).
- (656) *Та-из мукет-гес с̄ям-о.*
 этот-3SG другой-COMP характер-DER
 ‘У этого чуть другой характер’ (Бадретдинов 2007: 36).
- (657) *Myн-ам вал-э Казак н̄им-о.*
 я-GEN лошадь-1SG ЛИ имя-DER
 ‘Мою лошадь зовут Казак’ (Инвожо 04.–05.2006: 37).

Все перечисленные примеры можно легко перефразировать конструкциями обладания, ср.: (651) *M̄ınam jaratone-len n̄ir-iz kupires* ‘У моего любимого курносый нос’, (652) *D̄išetkem murt-len s̄inm-iz van* ‘У грамотного человека есть глаза’, (653) *Agronomzi-len s̄ulm-iz van* ‘У их агронома есть

сердце’, (657) *Mınam vale-len nım-ız Kazak* ‘Мою лошадь зовут Казак’ и т.д. Кроме того, рассматриваемый тип конструкции пересекается с конструкциями обладания с предикатом *vanı* и в том, что образует экзистенциальные предложения, ср.:

- (194) *Hunal чебер вордйськ-и-з: куазь шунды-ё,*
 день красивый родиться-1PRET-3SG погода солнце-DER
töl-ыз ёвёл.
 ветер-3SG отр.ЕХ
 ‘День хороший удался: погода солнечная, ветра нет’ (Красильников 1991: 7).

Кроме того, видимо, атрибутивное словосочетание с суффиксом *-o* в некоторых случаях является своего рода инкорпорированной релятивной клаузой, соответствующей предикативным конструкциям обладания или предикативные конструкции обладания могут трансформироваться в атрибутивные сочетания с суффиксом *-o*, ср.:

- (658) *Рево-лы «ворттылыны» сюр-и-з горд йыр-о*
 ЛИ-DAT кататься-INF попасться-1PRET-3SG красный голова-DER
Славка нım-о пияш.
 ЛИ имя-DER мальчик
 ‘Рево попался для «езды» рыжеголовый мальчик по имени Славка’ (Красильников 1991: 58).

Удмуртскому языку не свойственны подчинительные союзы, релятивные предложения, как правило, инкорпорируются в состав главного предложения с помощью номинализации. Видимо, рассматриваемое предложение в какой-то степени соответствует релятивному именному предложению, выражающему значение обладания, напр., (658) можно представить как: *Revoljı “vorttılınjı” suriz pijaş, kudiz-len gord jırız no Slavka nımız val* ‘Рево попался для «езды» мальчик, у которого была рыжая голова и которого звали Славка’.

Отрицательная форма рассматриваемой конструкции может образоваться двумя путями: (а) синтетическим образом с помощью суффикса с каритивным значением *-tem*; (б) аналитическим путем с помощью имен, оформленных суффиксом *-o*, и отрицательной копулой *evel*, ср.:

- (43) *Учк-о, пе, но, эш-сы йыр-тэм.*
 смотреть-PRES-3PL де и друг-3PL голова-DER
 ‘Смотрят-де, а друг их без головы’ (Инвожо 11.–12.2006: 2).

- (659) *Кузё кышно-ез кыл-о- ым-о ёвёл.*
 хозяин жена-3SG язык-DER рот-DER отр.
 ‘Хозяйка у него глухонемая’ (Красильников 1991: 71).

- (660) *Азьло кадь шулдыр мылкыд-о ёвёл ни.*
 раньше как веселый настрой-DER отр. уже
 ‘У него настроение уже не такое хорошее, как раньше’ (Красильников 1991: 164).

Формы прошедшего и будущего времен образуются подобно именным высказываниям, ср.:

(661) *Со-тэк нян-ё,* *сил-ё-* *во-ё* *у-д*
 это-DER хлеб-DER мясо-DER масло-DER отр.FUT-2SG
лу.

вспом.гл.NEG.SG

‘Без этого у тебя достатка не будет’ (Перевозицов 1994: 48).

Основной функциональной особенностью рассматриваемой конструкции является то, что факт обладания устанавливается не по принципу локализации, как в конструкциях обладания с предикатом *van*, а с помощью атрибуции, ср.: *X имеет качество Y < X имеет Y*. Деривационная функция суффикса *-o*, видимо, образовалась на базе комитативного значения, ср.: *bažžim jir-o val*: лошадь с большой головой < большеголовая лошадь.

4.3.2. Конструкция с дативом

В редких случаях в удмуртском языке в предикативной посессивности показатель датива также может быть вовлечен в посессивные конструкции. Как известно, в некоторых языках датив может входить в состав основных посессивных конструкций, напр., в венгерском языке в конструкции типа *A ház-nak tete-je van* ‘У дома есть крыша’, а также в атрибутивной *a ház-nak tete-je* ‘дом крыши’. В этих сочетаниях генитивный модификатор исторически и синхронно возводится к показателю датива *-nak*. Называя когнитивным источником таких конструкций «Схему Цели», Б.Хайне утверждает, что рассматриваемый тип высказываний чаще всего встречается в языках Азии (Heine 1997: 75). Как демонстрирует материал, в удмуртском языке предикативные посессивные конструкции с дативом находятся на периферии посессивной категории и встречаются довольно редко, причем большинство из них, скорее являются заимствованными выражениями из русского языка, ср.:

(662) *Ата-ез-лэн* *книга-ос-ыз* *трос* *вал,* *Рево*
 отец-3SG-GEN книга-PL-3SG много восп.гл..1PRET ЛИ
соос-лы *кузё* *лу-и-з.*
 они-DAT хозяин стать-1PRET-3SG

‘У отца книг было много, Рево стал им хозяином’ (Красильников 1991: 57).

(663) *Азьланяз* *сюрес* *выл-ын* *со зэмос* *эш* *лу-о-з*
 впереди дорога на-INES он настоящий друг стать-FUT-3SG
со-лы.

он-DAT

‘В будущем на дороге он будет ему настоящим другом’ (Инвожо 11.–12.2006: 10).

(664) *Али* *тйлед-лы* *кышкан-эз* *өвёл.* *Световидов.*
 сейчас вы-DAT страх-3SG отр.EX ЛИ

‘Сейчас вам нечего бояться, Световидов’ (Красильников 1991: 178).

- (665) ...*куи́нна-зы* ик *анай* *чот лу-и-зы* *вордэм*
 три-3PL же мать счет стать-1PRET-3PL родной
мум-ины-з *аналт-эм* *нуны-лы.*
 мать-INSTR-3SG забыть-PART дитя-DAT
 ‘... все трое стали матерью брошенному родной матерью ребенку’ (Удмурт дунне № 30–31, 06.03.2009).

Конструкция с дативом часто встречается для выражения возраста, ср.:

- (666) *Ог* *ньбыльдон* *арес-ъёс* *вань* *ни со-лы.*
 один сорок лет-PL быть.EX уже он-DAT
 ‘Ему уже будет около сорока лет’ (Медведев 2006: 33).

Подобное употребление, скорее всего, также является заимствованием, в фольклорных текстах в таких ситуациях датив не употребляется, ср.:

- (667) *укмыс* *арэс* *мон лу-и но,* *гожтэт-с-э* *тод-оно*
 девять лет я стать-1PRET.1SG письмо-3SG-ACC знать-PART
шу-и-зы.
 сказать-1PRET-3PL
 ‘Девять лет мне исполнилось, и грамоте учиться велели’ (1981: 67).

- (668) *ми-лам* *атай-лэн* *ог* *баба-йёс* *су* *къз* *арэс лу-са*
 мы-GEN отец-GEN один дедушка-3SG сто двадцать лет быть-GER
кул-и-з.
 умереть-1PRET-3SG
 ‘Один дед нашего отца умер, достигнув сто двадцатилетнего возраста’ (1992: 147).

Тем не менее, нельзя утверждать, что все конструкции с дативом являются заимствованными из русского языка, ср.:

- (669) *милэм-лы* *интэрнат* *ой* *вал* *кõланы* —
 мы-DAT интернат отр.1PRET быть.EX.1PRET спать.INF
школа-ын *кõла-мы.*
 школа-INES спать-1PRET.1PL
 ‘Интерната у нас не было ночевать — ночевали в школе’ (1990: 294).

- (670) *тэк пук-тэк,* *мын-ым* *со* *уж* *лу-э.*
 без сидеть-GER я-DAT это работа быть-PRES.3SG
 ‘Чем сидеть без дела, это для меня занятие’ (1990: 217).

Примеры демонстрируют, что датив сохраняет свою изначальную функцию и не был грамматикализован в качестве посессивного показателя.

- вань-а?*
 быть.EX-INTER
 ‘Вы слышали слово «фольклор»?’ (Бадретдинов 2007: 38).
- (179) *оз шў-эм-з-эс* *къл-эм* *ван.*
 так говорить-PART-3PL-ACC слышать-PART быть.EX
 ‘[Я] слышал такие рассказы’ (1992: 114, кукморский гов.).
- (673) *ван вералла-м-зы, ок.пол* *уй-ин* *буб-ины-з* *пи-йэз*
 быть.EX говорить один.раз ночь-INSTR отец-INSTR-3SG сын-3SG
мын-са *ви-шлам* *шу-са.*
 идти-GER убить-2PRET.3PL сказать-GER
 ‘Поговаривали, будто однажды ночью отец с сыном отправились [в лес и] убили [ее]’ (1981: 83, кезский гов.).

Конструкция имеет отрицательную форму, а вспомогательный глагол может приобретать категории прошедших времен и изменяется подобно экзистенциальному глаголу *van* (см. парадигму в Насибуллин 1986: 38–44) ср.:

- (674) *Мын-ам со-е* *адзыл-эм-е* *өвөл.* *пи-е.*
 я-GEN он-ACC видеть-PART-1SG отр.EX сын-1SG
 ‘Я его не видал, сынок’ (Первошиков 1994: 69)
- (675) *Мын-ам луд* *чөж-лэсь* *сйль-з-э* *си-ем-е*
 я-GEN дикий утка-ABL мясо-3SG-ACC есть-PART-1SG
өвөл *на.*
 отр.EX еще
 ‘Я еще не пробовал мясо дикой утки’ (Бадретдинов 2007: 23).
- (676) *Тон-э* *адз-ем-е* *кемалась вал* *ини.*
 ты-ACC видеть-PART-1SG давно быть.EX.1PRET уже
 ‘Давно [я] тебя не видел’ (Красильников 1991: 22).
- (677) *та-з-э* *апай* *кырза-з,* *мын-ам* *кыл-эм-э*
 это-3SG-ACC сестра петь-1PRET.3SG я-GEN слышать-PART-1SG
но ой *вал.*
 и отр.1PRET быть.EX.1PRET
 ‘Эту старшая сестра пела, я даже не слышала [о ней]’. (1990: 85).
- (678) *Но татысь* *өвөл* *бере, со-лэн* *кылыл-эм-ез*
 но отсюда отр. после он-GEN слышать-PART-3SG
былы-мтэ.
 быть.EX-2PRET.NEG
 ‘Но раз уж не здешний, он никогда не слышал’ (Первошиков 1994: 68).

В рассматриваемых конструкция сочетание со вспомогательным глаголом в первом и втором претерите совпадает с формой второго плюсквамперфекта, *so aǰǰem(-ez) val* ‘он увидел было’, *so adǰǰem(-ez) vjl-em* ‘он увидел было, оказывается’, однако они имеют структурную дифференциацию: в нашем случае субъект выражается формой генитива и имя действия практически всегда оформляется Rх, в случае плюсквамперфекта субъект имеет форму номинатива и притяжательное оформление необязательно.

Формы типа *tijn-am aǰǰem-е lu-o-z* относятся к парадигме будущего времени модальных конструкций, выражающих способность действовать

(см. п. 3.1.3.1.1.), т.е. здесь мы имеем значение ‘я смогу увидеть’. Такое сочетание формально могло бы относиться к парадигме рассматриваемой конструкции, однако в силу семантических особенностей сочетание грамматикализовалось в модальную, ср.: *у меня это будет увидено < я смогу увидеть*.

Изредка встречаются конструкции, где вместо экзистенциального глагола *vañ* выступает глагол *luñjñ*, ср.:

(679) *Полина Ивановна-ез адэ́ыл-эм-е кемалась лу-и-з уни.*
 ЛИ ЛИ-ACC видеть-PART-1SG давно статья-1PRET-3SG уже
 ‘Давно я уже не видел Полину Ивановну’ (Красильников 1991: 119).

Р. Ш. Насибуллин и Б. Ш. Загуляева отмечают частое употребление рассматриваемых конструкций в периферийно-южных диалектах (Насибуллин 1984; Загуляева 1984). Р. Ш. Насибуллин отмечает похожие конструкции и в соседствующих удмуртскому татарском и башкирском языках. Основываясь на такой параллели, Р. Ш. Насибуллин утверждает, что рассматриваемая удмуртская аналитическая форма прошедшего времени возникла под влиянием тюркских языков (Насибуллин 1984: 40).

4.4.2. Перфект с показателем *-(e)m̄jñ*

Необходимо сказать несколько слов о таких конструкциях, основой которых являются конструкции обладания, а предикатом — причастие на *-(e)m̄* в специальной предикативной форме *-(e)m̄-jñ*, последний показатель возводится к локативу. Конструкция обозначает пассивное завершённое действие в прошлом и соответствует финскому пассивному показателю *-tty/-ttu* (см. напр., Kel'makov, Hännikäinen 1999) или англ. *I have it done*, фран. *Je l'ai fais* ‘У меня это сделано’. Подобная конструкция встречается и в западных северорусских и среднерусских диалектах, ср.: *У меня уже два платья сношено, У нее мужа убито, У девушки уехано, Ночь у меня не спано, У меня забыто* и т.д. (Категория 1989: 181), ср.:

(680) *Коргид-лэн өс-эз тупат-эмын.*
 хлеб-GEN дверь-3SG исправить-PART
 ‘Дверь хлеба исправлена’ (Медведев 2006: 18).

(681) *татын ми-лам уст-эмын вал школа,*
 здесь мы-GEN открыть-PART вспом.гл.1PRET школа
в ёвээцот трэ тийэм году
 в девятьсот третий год
 ‘Здесь у нас была открыта школа, в [1]903 году’ (1990: 93).

(682) *Гурт калык-лэн кресян выжы-ез порисък-эмын.*
 деревня народ-GEN крестьянин корень-3SG сломаться-PART
 ‘У крестьянского народа крестьянский род прерван’ (Перевошиков 1994: 34).

(683) *со-лэн мужик-эз война-э быр-эмын вал.*
 он-GEN муж-3SG война-ILLAT пропасть-PART вспом.гл.1PRET
 ‘У нее муж погиб на войне’ (1981: 152).

- (684) *Мын-ам сиён-э кемалась дася-мын!*
 я-GEN еда-1SG давно готовить-PART
 ‘У меня еда уже давно приготовлена.’ (Бадретдинов 2007: 72).

Судя по всему, в удмуртском языке такая конструкция возможна только при наличии объекта (683), а генитивный модификатор обозначает фактического субъекта действия (684), экспириенсера (682), целый предмет относительно объекта (680), локализатора (681), (683). Глагол, от которого образуется причастная форма, может быть как интранзитивным, так и транзитивным. Если высказывание безобъектное, то фактический субъект имеет форму номинатива, ср.:

- (685) *тин'мон но отын вордск-эмын.*
 вот я и там родиться-PART
 ‘Вот и я родом оттуда’ (1981: 59).
- (686) *бэрты-кы-м гурт-ын трос-эз нос-йос*
 возвращаться-GER-1SG деревня-INES много-3SG мужчина-PL
бэртыл-эмын ни вал.
 вернуться-PART уже вспом.гл.1PRET
 ‘Когда я приехал домой, многие мужики были уже дома’ (1990: 46).

Подобные примеры с причастием *-öta* в коми языке выделяют Р. Бартенс и М. Лейнонен, ср. диал.: *menam karema nin* ‘У меня уже сделано’, *Zojalön koksö dojdöma* ‘Зоя поранила ногу’, *por's Ivanlön bo'stöma* ‘Иван купил свинью’, а также лит. *Sa тайö книгаыс сьлөн лыддьöма нин* ‘он уже прочитал эту книгу’ (Leinonen 1997b; Bartens 2000: 331–332). В коми языке генитивный модификатор также появляется в конструкциях с рефлексивным глаголом, ср.: *Менам оз сёйссы и оз узьссы* ‘Мне не естся и не спится’ (СКЯ 1955: 239).

М. Лейнонен указывает на существование подобных конструкций и в северо-восточных диалектах русского языка, а также в прибалтийско-финских языках и утверждает, что влияние в формировании пассивных посессивных конструкций в этих языках, включая коми язык, происходило разносторонне (Leinonen 1997a: 97). По мнению ученой, развитие могло происходить самостоятельно, в силу интралингвистических факторов, однако процесс мог получить мотивацию и в силу контактных аспектов (Leinonen 1997b: 155–156). На наш взгляд, подобное развитие конструкция могла получить и в удмуртском языке.

4.5. Выводы

Материал четвертой главы исследования свидетельствует о том, что в основе предикативных конструкций удмуртского языка лежит экзистенциальный тип предложения, где посессор мыслится локализатором, а обладаемое является субъектом. Это означает, что в типологическом плане удмуртский язык является типичным *'mih est'*-языком. Морфосинтак-

сическое выражение притяжательных предикативных предложений соответствует атрибутивному: обладатель имеет маркер генитива, а обладаемое в обязательном порядке оформляется Рх. Однако, судя по всему, когнитивным источником рассматриваемых выражений стала не генитивная схема, а скорее локативная.

В зависимости от структуры предложения, дискурсивного статуса его элементов и информационного содержания выделяются разные типы предикативных предложений, а именно:

- (1) конструкции обладания и
- (2) конструкции принадлежности.

Конструкция обладания указывает на наличие объекта обладания у обладателя. В этом случае, как правило, (1 а.) употребляется экзистенциальный предикат *van*. Рассматриваемая конструкция, в первую очередь, предназначена для установления посессивной связи между активным обладателем и несвойственным ему объектом. В таких высказываниях предметам с семантикой неотчуждаемости или с обязательным характером участвовать не свойственно, поскольку они всегда имеют присущего или естественного референта и не нуждаются в установке связи с ним. Предикативная конструкция с копулой *van* послужила источником для конструкции, выражающей прошедшее время со значением перфектного действия. Судя по всему, такая грамматикализация произошла не без влияния соседствующих тюркских языков.

(1 б.) В случае если необходимо определить какой именно объект находится в посессии у обладателя, экзистенциальная копула *van* опускается, а место фокуса занимает имя, обозначающее качество, количество или локализацию обладаемого предмета. В силу семантической особенности такие предложения могут широко употребляться с именами объектов как неотчуждаемой, так и отчуждаемой семантики. Настоящее высказывание, по-видимому, стало основой для грамматикализации пассивных объектных конструкций с показателем *-(e)min*, которые определяют объект по принципу оказанного на него действия.

Вышеприведенные сочетания имеют конкурента — конструкции с деривационным суффиксом *-o* и *-tem*. В последнем случае выражение посессивного отношения происходит посредством атрибуции, в первых — локализации.

Конструкции принадлежности фокусируют внимание на факте принадлежности определенного предмета конкретному обладаемому, при этом в фокусе может находиться (2 а.) только обладатель либо (2 б.) обладатель и обладаемое в высказываниях, обозначающих тождество.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей диссертации была предпринята попытка разностороннего анализа категории посессивности в удмуртском языке. В первую очередь внимание уделялось исследованию семантического содержания категории и способам его кодировки в языке. Основным объектом анализа стали посессивные атрибутивные конструкции. В заключительной части работы приведем наиболее значимые результаты исследования.

I. Концептуальное ядро посессивности для удмуртов представляют ситуации, когда человек или предметы связаны отношениями *врожденной* или *естественной посессивности*, установление которых не требует никаких усилий со стороны обладателя. Далее человеку принадлежит все то, что он создает, что он усваивает и приобретает, что находится в сфере его влияния и контроля, что образует его социальные связи. Свойство иметь/владеть/обладать проецируется и на неодушевленный предмет, у которого, однако, отношения с объектом обладания имеют свою специфику. Напр., неодушевленный посессор имеет неестественные, приобретенные с помощью внешней силы части, или он имеет характер «одушевленного» и установленный юридически статус контролера. Такие отношения представляют ситуации *собственно посессивности*. С человеком могут ассоциироваться все те предметы и понятия, которые не принадлежат ему в буквальном смысле, но с которыми человек контактировал, напр., о которых он говорил, слышал, держал в руках, думал, переживал и т.д. *Ассоциативное отношение* могут связывать и неодушевленные предметы, напр., по принципу пространственной близости.

II. Значительным результатом работы является выделение *шкалы посессивности* и иерархическая классификация имен объектов посессивности. Классификация отражает способность имен выступать в качестве объекта обладания и создавать те или иные виды посессивных отношений. Нами выделены следующие классы имен объектов:

(а) *Высокая степень посессивности*. Такие объекты, как правило, не существуют автономно от посессора, а являются его частью (напр., части тела, предмета), ингерентным свойством (напр., свойства и качества человека, предмета) или имеют определенный статус относительно опорного референта (напр., понятия родства). Настоящие объекты чаще всего выражают отношение естественной посессивности.

(б) *Средняя степень посессивности*. К этой группе относятся объекты, которые имеют ситуативного посессора. Они, в принципе, являются автономными, однако функционировать могут только благодаря манипуляциям посессора (напр., конкретные предметы). Объекты этого класса, как правило, выступают в ситуациях собственно посессивности.

(в) *Низкая степень посессивности*. У объектов низкой степени посессивности посессор появляется редко. Они реже имен других классов

образуют посессивную связь и чаще имеют непосессивное ассоциативное отношение с другими элементами дискурса.

Настоящая классификация оказывается эффективным инструментом для объяснения причин разнообразия посессивных конструкций, специфики каждой из них, различий в грамматическом оформлении.

III. В ходе исследования выделены и описаны конкретные посессивные ситуации, дифференцируемые удмуртским языком. Дифференциация предполагает разное грамматическое выражение различных прототипических ситуаций.

С учетом лексико-семантического содержания посессора и обладаемого, их дискурсивных особенностей выделяются:

— *Активная ↔ пассивная посессивность*. Детерминируется активным или пассивным обладателем. Характер обладателя определяется его дискурсивным статусом и диктует способ маркирования посессора: напр., активный посессор — генитив, пассивный — номинатив, элатив.

— *Одушевленная личная посессивность*, как правило, предполагает дейктического посессора. Такой посессор имеет активный статус и выражается с помощью R_x и личных местоимений 1 и 2 лица.

— *Одушевленная неличная притяжательность* отражает отношение собственно посессивности. Посессор — человек.

— *Неодушевленная отчуждаемая посессивность* строится по принципу пространственной включенности или отношения ко времени или характеризуется проекцией на неодушевленного посессора свойств одушевленного (активного).

— *Неодушевленная неотчуждаемая связь* чаще всего выражает естественную принадлежность (напр., части целому). Маркируется синтаксическим примыканием.

— *Отношение обладания и принадлежности*, как правило, дифференцируется в зависимости от логического акцента: обладание — в фокусе высказывания объекта посессии, принадлежность — в фокусе высказывания посессора (факт принадлежности конкретному обладателю).

— *Физическая ограниченная во времени посессивность* предполагает ситуативную временную связь посессора и обладаемого, ограниченное во времени пребывание обладаемого при посессоре.

— *Физическая перманентная посессивность* предполагает постоянное пребывание обладаемого при посессоре.

Дополнительно к посессивным ситуациям мы также рассматриваем:

— *Абстрактную посессивность*, которая представляет противоположное по значению посессивности отношение, напр., отрицание факта принадлежности, обозначение отсутствия объекта притяжательности.

IV. Исследование показало, что приведенные выше посессивные ситуации выражаются девятью различными морфосинтаксическими конструкциями. К которым, наряду с описанными в литературе посессивными сочета-

ниями, относятся также такие, которые до сих пор не рассматривались в удмуртском языкознании в связи с категорией посессивности.

(1) Конструкция *N-Px* (*korka-je* ‘дом-мой’, *ji-r-ıd* ‘голова-твоя’) может передавать все типы посессивных отношений. Употребляется, как правило, в случаях высокой степени идентифицируемости или активности посессора. Наиболее этим требованиям удовлетворяет дейктический посессор, соответственно конструкция чаще всего выражает личную посессивность. Высокую степень активности могут иметь и неодушевленные имена, напр., если находятся в непосредственной синтаксической близости к обладаемому с семантикой части.

(2) В генитивных атрибутивных конструкциях *N_{Pr}Gen N_{Pm}Px* и *N_{Pr}Abl N_{Pm}Px-Acc* (*vorgoron-len korka-jez* ‘дом мужчины’ и *vorgoron-leś korka-z-e a³ı̄ı̄-ı̄sko* ‘вижу дом мужчины’), посессор является типичным контролером, манипулятором объекта, имеет полное право распоряжаться им в течение неограниченного времени. Генитивные конструкции, как правило, указывают на установленную (не естественную) посессивную связь. Соответственно, обладаемое чаще всего выражается именем объектов отчуждаемой семантики. От конструкции (1) генитивные отличаются тем, что посессор слабо активирован.

(3) Конструкция примыкания *N_{Pr}Nom N_{Pm}* (*korka lipet* ‘крыша дома’, *skal ji-r* ‘голова коровы’), как правило, указывает на неконкретного обладателя. В редких случаях может указывать и на известный в речевой ситуации компонент. В этом случае, в отличие от генитивных конструкций, выражает пассивную принадлежность по принципу отношения части и целого, предмета и его врожденного или ингерентного свойства. Так же как конструкция (2) используется, если посессор не активирован.

(4) Отношение пассивной принадлежности также выражают элативные конструкции *N_{Pr}Elat N_{Pm}* (*udmurt kun unı̄veśı̄tet-ı̄ś dı̄ı̄setskiś* ‘студент удмуртского государственного университета’). Однако, в отличие от (3), обладатель, является известным, определенным элементом дискурса, а посессивная связь осуществляется по принципу включенности отчуждаемого предмета в пространственные рамки другого предмета. Кроме того, настоящая конструкция, в противовес генитивным, имеет семантический оттенок принадлежности обладаемому части или неопределенного количества объекта.

(5) Конструкция с деривационными суффиксами *N_{Pr}-ala/-lo N_{Pm}* (*mim-ala gużem* ‘прошлое лето’, *tol-lo žuk* ‘вчерашняя каша’) выражает принадлежности ко времени. Имеет очень ограниченное распространение и употребляются только с некоторыми именами.

(6) Сочетание с инструменталом *N_{Pm}Instr N_{Pr}* (*galstuk-en vorgoron* ‘мужчина в галстукe’) обозначает физическое сопровождение посессора объектом обладания, не утверждая факта принадлежности. При этом конструкция обозначает временное обладание объектом.

(7) Конструкция с деривационным суффиксом $-o N_{Pm}-o N_{Pr}$ (*njłpi-jo kįšnomurt* ‘женщина, у которой есть дети’) обозначает перманентную физическую принадлежность: предмет является обязательной частью посессора или соотносится с ним постоянно. При этом перманентное обладание не требует постоянного физического нахождения объекта при посессоре.

(8) При рассмотрении посессивности необходимо учитывать как конструкции, утверждающие существование посессивных отношений, так и утверждающие их отсутствие. Утвердительные и отрицательные конструкции организованы языковой системой в виде семантических и структурных оппозиционных пар:

(8.а.) конструкции с инструментом соответствует абессивная конструкция $[N_{Pr}]...[N_{Pm}-Abes]...$, указывающая на отсутствие конкретных дискурсивных элементов, ср.: *korka łipet-tek kįł-em* ‘дом остался без крыши’.

(8.б.) Конструкции с деривационным суффиксом $N_{Pm}-o N_{Pr}$ соответствует конструкция с деривационным суффиксом $N_{Pm}-tem N_{Pr}$, обозначающая или отсутствие ингерентного признака (*pjđ-tem vorgoron* ‘безногий человек’), или отсутствие перманентной физической посессивности (*njłpi-tem kįšnomurt* ‘женщина, у которой нет детей’).

Общей чертой конструкций, которые в основе имеют падежное маркирование, является то, что они указывают на активные элементы дискурса. Большая часть таких конструкций появилась в результате синтаксического сдвига: определенный модификатор в функции независимого обстоятельства семантически отделился от глагола и, видимо, получил возможность свободно менять место в предложении. Когда «свободный» модификатор и примыкал к именам он специфицировал их. Затем он стал выступать в качестве атрибута имени.

Прежде всего, такой сдвиг произошел в адессивных, аблативных и номинативных сочетаниях, в силу чего эти конструкции грамматикализировались намного раньше, являются основными посессивными конструкциями, выражают большую часть посессивных отношений.

Конструкции с элативом и инструментом по такой же схеме грамматикализировались значительно позже. Видимо, толчком к их грамматикализации послужил иконический принцип развития посессивных отношений, напр., конструкция активной посессивности требовала конструкции неактивной посессивности, перманентная физическая посессивность — ограниченной во времени и т.д.

Также древнее происхождение имеют некоторые конструкции с деривационными суффиксами, которые когда-то представляли падежные показатели.

Кроме того, с развитием культурных и социальных отношений посессивные представления также развиваются и модифицируются, в особенности в сфере правовых и юридических отношений. Таким образом, для выражения новых нюансов посессивности требуются выразительные

средства. Так, напр., дифференцируются отношения контролера (генитивные конструкции) и неконтролера организации (элативные конструкции). Область применения некоторых конструкций расширяется: их наполнение становится менее специфицированным, т.е. они делаются более универсальными, выражая значения, которые прежде ими передаваться не могли. Напр., генитивные конструкции стали выражать принадлежность пространству и времени, хотя раньше предназначались только для выражения одушевленной посессивности. Другие конструкции, наоборот, отходят на второй план. Преимущество имеют сочетания, которые выражают более определенные отношения, напр., вовлекают больше грамматических маркеров. Так примыкание вытесняется элативными, адвербиальными, дативными и др.

V. В диссертации также рассматриваются основные характеристики предикативных конструкций и выделяются:

(а) конструкции обладания с предикатом *vań*, ср.: *Stuđent-len knıga-jez vań* 'У студента есть книга', и без предиката, ср.: *Stuđent-len knıga-jez vıń* 'У студента книга новая'. Конструкция обладания конкурирует с конструкцией с деривационным суффиксом *-o*, ср.: *Val-e Kazak nim-o* 'Мою лошадь зовут Казак'.

(б) конструкции принадлежности типа *Ta mašina Petır-len* 'Это машина Пети' и *Ta Petır-len mašina-jez* 'Это Петина машина'.

Иногда в предикативных конструкциях посессор приобретает показатель датива. Посессивные предикативные конструкции послужили образованию более абстрактных категорий, напр., на основе предложения обладания появились конструкции, обозначающие перфект, ср.: *mın-am kıl-em-e vań* 'я уже слышал', *so-len pi-jez bert-emın* 'у него/у нее приехал сын'.

Категория посессивности имеет практически безграничные возможности семантического и грамматического выражения, в рамках одной работы невозможно исследовать все ее аспекты. На наш взгляд, дополнительного самостоятельного исследования требуют предикативная посессивность, явление внешней посессивности, дистрибуция отдельных посессивных конструкций, диахроническое развитие категории, явление грамматического согласования топика и др. Кроме того, глубокое исследование категории посессивности невозможно без современных исследований морфосинтаксических особенностей, информационной структуры, семантических типов предложения в удмуртском языке. Надеемся, что настоящая диссертация станет одним из этапов процесса изучения категории посессивности в удмуртском языке, а также посильным вкладом в типологические исследования категории в уральских и др. языках мира.

СОКРАЩЕНИЯ

Abes	— абессив
Abl	— аблатив
Acc	— аккузатив
Adv	— адвербиаль
App	— аппроксиматив
Com	— компаратив
Cond	— кондициональ
Cx	— показатель падежа
Dat	— датив
Der	— деривационный суффикс
DO	— прямой объект
Egres	— эгессив
Elat	— элатив
Ex	— экзистенциальный глагол
Foc	— фокус, рема
Fut	— будущее время
Gen	— генитив
Ger	— герундий
Illat	— иллатив
Imper	— императив
Ines	— инессив
Inf	— инфинитив
Instr	— инструменталь
Inter	— вопросительная частица
Loc	— локатив
N	— имя
Neg	— отрицание
Nom	— номинатив
Obl	— косвенный объект
Ord	— порядковое число
Part	— причастие
Pl	— множественное число
Pm	— обладаемое, объект принадлежности
Pr	— посессор
Pres	— презенс, настоящее время
1Pret	— первый претерит, очевидное прошедшее время
2Pret	— второй претерит, неочевидное прошедшее время
Prol	— пролатив
Pron	— местоимение
Px	— посессивный суффикс
Sg	— единственное число
Sub	— субъект, подлежащее
Term	— терминатив

Тор — топик, тема
V — глагол
X — посессор, обладатель
Y — обладаемое, объект посессивности
вспом.гл. — вспомогательный глагол
ЛИ — личное имя, название местности
отр. — отрицание

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Художественная литература

- Красильников Г.Д. 1991 (первый выпуск 1960–1965 г.). Тонэн кылысько: роман, повесть но веросьёс. Ижевск: Удмуртия.
- Медведев Г.С. 2006 (первый выпуск 1932–1934 гг.). Лёзя бесмен: роман-трилогия, верос, Г.С. Медведев сярысь. Ижевск: Удмуртия.
- Перевощиков Г.К. 1994. Тöды куака: Роман. Ижевск: Удмуртия.
- Бадретдинов У.Ш. 2007. Їушъял вордйське веньёстэк: повестьёс, веросьёс, пьесаос. Ижевск: Удмуртия.
- Улйллям-вылйллям 1983 = Улйллям-вылйллям. Выжыкылъёс: пичи но шор классъёсын дышеткись пиналъёслы. Ижевск: Удмуртия.

Диалектологический материал

- 1981 = Кельмаков В.К. (сост.) Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия.
- 1982 = Образцы речи удмуртского языка. Ижевск.
- 1990 = Кельмаков В.К. (сост.) Образцы удмуртской речи: Срединные говоры. Ижевск: Удм. ИИЯЛ.
- 1992 = Кельмаков В.К. (сост.) Удмурт вераськетъёс. Ижевск.
- 1994 = Kel'makov, Valentin, Sirkka Saarinen. 1994. Udmurtin murteet. Turku, Iževsk.
- Бушмакин С.К. 1971. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. Ижевск-Москва.
- Вахрушев В. М. (ред.) 1978. О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск.
- Загуляева Б.Ш. 1980. Прикильмезские говоры удмуртского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту.
- Карпова Л. Л. 1997. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту.
- Кельмаков В.К. 1970. Кукморский диалект удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва.
- Насибуллин Р.Ш. 1973. Закамские говоры удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту.
- Тараканов И.В. 1958. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту.
- Тепляшина Т.И. 1955. Тыловайский диалект удмуртского языка. Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва.

Тепляшина Т.И. 1970. Язык бесермян. Москва.

Средства массовой информации

Общественно-политическая газета «Удмурт дунне» (электронный вариант):

<http://www.udmdunne.ru/>

Молодежный журнал «Инвожо»

Педагогический журнал «Вордскем кыл»

Литературный журнал «Кенеш»

Детская газета «Зечбур!»

Детский журнал «Кизили»

Телеканал «Моя Удмуртия», выпуск новостей (электронный вариант):

<http://www.myudm.ru/taxonomy/term/7>

Электронный корпус

Turku-Izhevsk-korpus

LITERATUURA

- Alvre, Paul 1968. Omastusliitelistest määrsõnadest eesti kirjakeeles ja murdeis. — Keel ja kirjandus, 11. Tallinn. Pp. 658–671.
- Ameke, Felix 1996. Body parts in Ewe grammar. — Chappell, Hilary and William McGregor (eds.), *The grammar of inalienability: A typological perspective on body part terms and the part-whole relation*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. Pp. 783–839.
- Aminoff, Torsten G. 1896. Votjakin ääne- ja muoto-opin luonnos. — *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, XIV.
- Baker, Robin 1985. The development of the Komi case system. A dialectological investigation. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
- Bartens, Raja 2000. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
- Bartens, Raja 1996. Die positive und negative existentiale in den finnisch-ugrischen Sprachen. — *Ural-Altäische Jahrbücher*, 14. Pp. 58–97.
- Beke, Ödön 1913–1918. Über den dative-genitive in den finnisch-ugrischen Sprachen. — *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 30.
- Brian, Josef D. 2000. Is there such a thing as “Grammaticalization?” — *Language Sciences*, Vol. 23, 2–3. Pp. 163–186.
- Bybee, Joan L. 1985. *Morphology: a study of the relation between meaning and form*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Castrén, Matias A. 1854. *Grammatik der samojedischen Sprachen*. Herausgegeben von Anton Schiefner. St. Petersburg : Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Castrén, Matias A. 1862. *Nordisch Reisen und Forschungen Bd. 5. Kleinere Schriften*. St.-Petersburg.
- Chappell, Hilary, William McGregor (eds.) 1996. *The grammar of inalienability: A typological perspective on body part terms and the part-whole relation*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Chappell, Hilary, William McGregor 1996. Prolegomena to a theory of inalienability. — Chappell, Hilary, William McGregor (eds.), *The grammar of inalienability: A typological perspective on body part terms and the part-whole relation*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. Pp. 3–30.
- Clark, Eve V. 1978. Locationals: Existential, locative, and possessive constructions. — Greenberg, Joseph H. (ed.), *Universals of Human Language*. Syntax, Vol. 4. Stanford, California: Stanford University Press. Pp. 85–126.
- Collinder, Björn 1957. *Survey of the Uralic languages*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Collinder, Björn 1960. *Comparative grammar of the Uralic Languages*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Comrie, Bernard 1980. The order of case and possessive suffixes in Uralic languages: an approach to the comparative-historical problem. — *Lingua Posnaniensis*, 23. Pp. 81–86.
- Croft, William 2003. Typology. — Aronoff, Mark, Janie Rees-Miller (eds.), *The Handbook of Linguistics*. Malden: Blackwell. Pp. 337–368.
- Csúcs, Sándor 1998. Udmurt Syntax. — Abondolo, Daniel (ed.), *The Uralic Languages*. London, New York: Routledge. Pp. 295–296.
- Dahl, Östen, Maria Koptjevskaja-Tamm 2001. Kinship in grammar. — Baron, Irène, Michael Herslund, and Finn Sørensen (eds.), *Dimensions of Possession. Typological studies in language*, 47. Amsterdam: John Benjamins. Pp. 201–225.

- Edygarova, Svetlana 2009. Attributive possession in Udmurt language. — *Linguistica Uralica*, Vol. XLV, 2. Pp.101–118.
- EKG 1995 = Erelt, Mati, Reet Kasik, Helle Metslang, Henno Rajandi, Kristiina Ross, Henn Saari, Kaja Tael, Silvi Vare. *Eesti keele grammatika I. Morfoloogia*. Sõnamoodustus. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus.
- EKK 2000 = Erelt, Mati, Tiiu Erelt, Kristiina Ross. *Eesti keele käsiraamat. Teine täiendatud trükk*. Tallinn: Eesti keele sihtasutus.
- Farkas, Julius 1954. Bemerkungen zu der ungar. Historischen Formenlehre III. Bildung des Possessivstammes. — *Ural-Altäische Jahrbücher*, 26. Pp. 37–60.
- Fokos-Fuchs, Dávid R. 1954. *Grammatikalischer Abriss. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar von Yrjö Wichmann*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
- Fokos-Fuchs, Dávid R. 1958. Die Verbaladverbien der permischen Sprachen. — *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 8. Pp. 273–342.
- Fokos-Fuchs, Dávid R. 1963. [Rev.] *Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология*. Ижевск 1962. — *Nyelvtudományi Közlemények*, LXV. Pp. 217.
- Faurud, Kari 2001. Possessives with extensive: A source of definite articles? — Baron, Irène, Michael Herslund, and Finn Sørensen (eds.), *Dimensions of Possession. Typological studies in language*, 47. Amsterdam: John Benjamins. Pp. 243–267.
- Hakulinen, Lauri 1968. *Suomen kielen rakenne ja kehitys*. Helsinki: Otava.
- Haspelmith, Martin 2004. On directionality in language change with particular reference to Grammaticalization — Fischer, Olga, Muriel Norde, and Harry Peridon (eds.), *Up and down the cline — the nature of grammaticalization*. Amsterdam: John Benjamins. Pp. 17–44.
- Hawkins, John A. 1978. *Definiteness and indefiniteness: study in reference and grammaticality prediction*. London: Croom Helm.
- Heine, Bernd 1997. *Possession: cognitive sources, forces and grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heine, Bernd 2001. Ways of explaining possession. — Baron, Irène, Michael Herslund, and Finn Sørensen (eds.), *Typological studies in language*, 47. Amsterdam: John Benjamins. Pp. 311–328.
- Heine et al. 1991 = Heine, Bernd, Ulrike Claudi, Friederike Hünemeyer 1991. *Grammaticalization: A Conceptual Framework*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Herslund, Michael, Irène Baron 2001. Introduction: Dimensions of possession. — Baron, Irène, Michael Herslund, and Finn Sørensen (eds.), *Dimensions of possession. Typological studies in language*, 47. Amsterdam: John Benjamins. Pp. 1–25.
- Kangasmaa-Minn, Eeva 1966. The syntactical distribution of the Cheremis genitive I. — *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 139.
- Kangasmaa-Minn, Eeva 1969. The syntactical distribution of the Cheremis genitive II. — *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 146.
- Kangasmaa-Minn, Eeva 1984. On the possessive constructions in Finno-Ugric. — *Nyelvtudományi Közlemények*, sz. 1, 86. Pp. 118–123.
- Kangasmaa-Minn, Eeva 1993. *Suomalais-ugrilaiset omistussuhteet. — Systeemi ja poikkeama: juhla kirja Alho Alhoniemen 60–vuotispäiväksi 14.5.1993*. Turku. Pp. 46–54.
- Kel'makov, Valentin, Sirkka Saarinen 1994. *Udmurtin murteet*. Turku, Iževsk: Turun yliopisto.

- Kel'makov, Valentin, Sara Hännikäinen 1999. Udmurtin kielioppia ja harjoituksia. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
- Kim, Ji-yung, Yury A. Lander, and Barbara. H. Partee (eds.) 2005. Possessives and Beyond: Semantics and Syntax: University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics, 29. Amherst: GLSA Publications.
- Kiparsky, Valentin 1969. Gibt es ein finnougrieches Substrat im Slavischen? — Suomalaisen Tiedeakatemia toimituksia, Sarja B, 153/4. Pp. 3–27.
- Kiss, Katalin É. 2002. The syntax of Hungarian. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kokla, Paul 1963. Possessiivsuffiksid mari keeles. Väitekiri filoloogikandidaadi teadusliku kraadi taotlemiseks. Eesti NSV Teaduste Akadeemia. Keele ja Kirjanduse Instituut. Tallinn.
- Koptjevskaja-Tamm, Maria 2001. “A piece of the cake” and “a cup of tea”: Partitive and Pseudo-Partitive Nominal Constructions in the Circum-Baltic Languages. — Dahl, Östen, Maria Koptjevskaja-Tamm (eds.), The Circum-Baltic languages: Typology and contact, V, 2. Amsterdam: John Benjamins. Pp. 523–568.
- Koptjevskaja-Tamm, Maria 2003a. Possessive noun phrases in the language of Europe. — Plank, Frans (ed.), Noun Phrase Structure in the Languages of Europe. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. Pp. 621–722.
- Koptjevskaja-Tamm, Maria 2003b. “A woman of sin”, “a man of duty” and “a hell of a mess”: non-determiner genitives in Swedish. — Plank, Frans (ed.), The Noun Phrase structure in the Languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 515–558.
- Koptjevskaja-Tamm, Maria 2005. “Maria’s ring of gold”: non-anchoring relations in the European languages. — Kim, Ji-yung, Yury A. Lander, and Barbara. H. Partee (eds.), Possessives and Beyond: Semantics and Syntax: University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics, 29. Amherst: GLSA Publications. Pp. 155–181.
- Koptjevskaja-Tamm, Maria 2008. Adnominal possession. — Uralic Typology Database Project. September, Wien. Handout.
- Kulonen, Ulla-Maja 2001. Über die Deklination der Personalpronomina in der finnisch-ugrischen Grundsprache. — Pars 6. Tartu. Pp. 178–182.
- Künnap, Ago 1998. On the original order of case and possessive suffixes in Uralic. — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 228. Pp. 265–267.
- Künnap, Ago 1999. Die Uralischen Personalsuffixe der 1. und 2. Person. — Linguistica Uralica, XXXV, 2. Pp. 98–103.
- Künnap, Ago 2001. On Some Peculiarities of the Estonian Language. — Estonian: typological studies, V. Pp. 123–137.
- Künnap, Ago 2006. Historically problematic morphosyntactic features in Uralic languages. München: Lincom.
- Lambrecht, Knud 1994. Information structure and sentence form: topic, focus and the mental representations of discourse referents. Cambridge: Cambridge university Press.
- Langacker, Ronald W. 1993. Reference-point constructions. — Cognitive linguistics, 4. Pp. 1–38.
- Langacker, Ronald W. 1995. Possession and possessive constructions. — Taylor, John R., Robert E. MacLaury (eds.), Trends in Linguistics. Studies and Monographs, 82. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. Pp. 119–135.
- Lehmann, Christian 2008. Information structure and grammaticalization. — Lopez-Couso, Maria Jose, Elena S. Posse (eds.), Theoretical and empirical issues in grammaticalization. Typological Studies in Language, 7. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. Pp. 207–229.

- Leinonen, Marja 1997a. Komin possessiivinen resultatiivirakenne. — V.I. Lytkinin satavuotismuisto. Helsinki. Pp. 87–100.
- Leinonen, Marja 1997b. Syntactic convergence in Komi Zyryan and Northern Russian dialects. — *Finnisch-ugrische Sprachen in Kontakt*. Maastricht : Shaker. Pp.151–157.
- Leinonen, Marja 2006. Omistussuhteen ulokkeita: komin possessiivisuffiksin ei-possessiivisista funktioista. — *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 91. Helsinki. Pp. 93–114.
- Luutonen, Jorma 1997. The variation of morpheme order in Mari declension. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
- Lyons, John 1967. A note on possessive, existential and locative sentences. — *Foundations of Language*, 3. Pp. 390–396.
- Lyons, John 1968. *Introduction to theoretical Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Manzelli, Gianguido 1980. Possessive adnominal modifiers. — Bechert, Johannes, Giuliano Bernini, and Claude Buridant (eds.), *Towards a typology of European languages*. Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 63–111.
- Mark, Julius 1925. Die Possessivsuffixe in den uralischen Sprachen. — *Mémoires de la Société Finno-ougrienne*, 54.
- Meillet, Antoine 1923. Le développement du verb avoir. — *Antidōron: Festschrift Jacob Wackernagel zur Vollendung des 70*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. Pp. 9–13.
- Miller, George A., Philip N. Johnson-Laird 1976. *Language and perception*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Munkácsi, Bernát 1952. *Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken*. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seura.
- Nichols, Johanna 1970. Suffix ordering in proto-Uralic. — *Lingua*, 32. Pp. 227–238.
- Nichols, Johanna 1986. Head-marking and dependent-marking grammar. — *Language*, Vol. 62, Num. 1. Pp. 56–119.
- Nichols, Johanna 1988. On alienable and inalienable possession. — Shipley, William (ed.), *In honor of Mary Haas. From the Haas Festival Conference on Native American Linguistics*. Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 557–609.
- Nichols, Johanna 1992. *Linguistic diversity in space and time*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Nikolaeva, Irina 2001. Secondary topic as a relation in information structure. — *Linguistics*, 39–1. Pp. 1–49.
- Nikolaeva, Irina 2002. The Hungarian external possessor in a European perspective. — *Finno-Ugrians and Indo-Europeans, Linguistic and Literary Contacts*. Maastricht. Pp. 272–285.
- Nikolaeva, Irina 2004. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: evidence from Uralic. — Пиркко Суйхконен, Бернанд Комри и Сергей А. Максимов (ред.), *Международный симпозиум по действительным системам и квантификации в языках Европы и северной и Центральной Азии*. Ижевск. Pp. 130–145.
- Payne, Doris L., Immanuel Barshi (eds.) 1999. *External Possession*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Ravila, Paavo 1965. Sentence Structure. — Collinder, Björn (ed.), *An Introduction to the Uralic languages*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press. Pp. 61–64.
- Rédei, Károly 1978. *Syrjänische Chrestomathie mit Grammatik und Glossar*. Wien.

- Rédei, Károly 1988. *Geschichte der permischen Sprachen*. — Sinor, Denis (ed.), *The Uralic Languages: description, history and foreign influences*. Leiden: Brill.
- Sazhina, Natalya 2005. *Possessiivsususe väljendamise viisid tänapäeva eesti ja sürjakomi keeles*. Magistritöö. Tartu: Taru Ülikool.
- Schlachter, Wolfgang 1960. *Studien zum Possessivsuffix des Syrjänischen*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Sebestyén, Irene 1957. Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs (I). — *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 7, 1–4, Pp. 41–71.
- Sebestyén, Irene 1958. Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs (II). — *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 7, 3–4, Pp. 273–340.
- Sebestyén, Irene 1959. Attributive Konstruktionen im Samojedischen. — *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 9, 1–2. Pp. 35–115.
- Seiler, Hansjakob 1983. *Possession as an operational dimension of language*. Tübingen: Gunter Narr.
- Seiler, Hansjakob 2001. The operational basis of possession. — Baron, Irène, Michael Herslund, and Finn Sørensen (eds.), *Dimensions of possession. Typological studies in language*, 47. Amsterdam: John Benjamins. Pp. 28–82.
- Sinor, Denis 1978. The nature of possessive suffixes in Uralic and Altaic. — Jazayery, Mohammad Ali, Edgar C. Polomé, and Werner Winter (eds.), *Linguistic and literary studies in honor of Archibald A. Hill, III: Historical and comparative linguistics*. The Hague: Mouton de Gruyter. Pp. 257–266.
- Stassen, Leon 2009. *Predicative possession*. Oxford: Oxford University Press.
- Stipa, Günter 1960. *Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen*. Helsinki: Suomalasi-ugrilainen seura.
- Suhonen, Seppo 1993. *Vepsäläis-venäläisiä lauserakenteita*. — *Systeemi ja poikkeama: juhla-kirja Alho Alhoniemen 60-vuotispäiväksi 14.5.1993*. Turku. Pp. 158–174.
- Suihkonen, Pirko 1995. *Udmurt-English-Finnish Dictionary with a basic grammar of Udmurt*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura.
- Szabolcsi, Anna 1981. The possessive construction in Hungarian: A configurational category in a non-configurational language. — *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 31. Pp. 261–280.
- Szabolcsi, Anna 1983. The possessor that ran away from home. — *The Linguistic Review*, 3. Pp. 89–102.
- Szinnyei, József 1922. *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*. Berlin, Leipzig: Mouton de Gruyter.
- Tauli, Valter 1966. *Structural tendencies in Uralic languages*. Indiana University publications. Uralic and Altaic series, Vol. 17. The Hague: Mouton.
- Taylor, John R. 2005 (3rd edition). *Linguistic Categorization*. Oxford: Oxford University Press.
- Tsunoda, Tasaku 1996. The possession cline in Japanese and other languages. — Chapell, Hilary, William McGregor (eds.), *The grammar of inalienability: A typological perspective on body part terms and the part-whole relation*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. Pp. 563–630.
- Ultan, Russel 1978. Toward a Typology of Substantival Possession. — Greenberg, Joseph H. (ed.), *Universals of Human Language*. Syntax, Vol. 4. Stanford, California: Stanford University Press. Pp. 11–49.
- Uotila, Toivo E. 1933. *Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen*. — *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 65.

- Uotila, Toivo 1936. Zur Deklination der Personalpronamina in den permischen Sprachen. — *Nyelvtudományi Közlemények*, 1–3.
- Vászolyi, Erik 1967. A finnugor személyjelek kérdéséhez (A permi nyelvek névszói személyjelek leíró vizsgálata és belső rekonstrukciója — *Nyelvtudományi Közlemények*, LXIX. Pp. 3–56.
- Veenker, Wolfgang 1967. Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington: Indiana University Press.
- Wichmann, Yrjö 1915. Zur Geschichte der finnisch-ugrischen *l*-Laute (**l* und *ĥ*), bes. in den permischen Sprachen und im Ostjakischen. — *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 15.
- Wichmann, Yrjö 1923–1924. Zur permischen Grammatik. — *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 16.
- Wichmann, Yrjö 1954. *Wotjakische Chrestomathie mit Glossar*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
- Wiedemann, Ferdinand J. 1851. *Grammatik der wotjakischen Sprache : nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche*. Reval: Kluge und Ströhm.
- Wiedemann, Ferdinand J. 1884. *Grammatik der syrjänischen Sprache: mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen*. St. Petersburg.
- Winkler, Eberhard 2001. *Udmurt*. München: Lincom.
- Winkler, Eberhard 2003. Az uráli nyelvek habeo-szerkezetének történetéhez. — *Folia Uralica Debreceniensia*, 10. Pp. 195–207.
- Wintschalek, Walter 1993. *Die areallinguistik am beispiel syntaktischer Übereinstimmungen im Wolga-Kama-Areal*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Алатырев В. И. 1949. Определительные сложные слова. — *Советское финно-угроведение*, V. Петрозаводск, с. 33–45.
- Алатырев В. И. 1970. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке. Ижевск: УдНИИ.
- Алатырев В. И., Клинина Л. И. 1970. *Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения*. Ижевск: УдНИИ.
- Андуганов Ю. В. 1991. *Историческая грамматика марийского языка: Синтаксис. Часть I, Введение. Субстантивные словосочетания*. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство.
- Андуганов Ю. В. 1992. Причины сохранения прауральского облика в синтаксисе удмуртского и марийского языков. — *Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка*. Ижевск, с. 87–94.
- Арутюнова Н. Д. 2002. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. Москва: Эдиториал УРСС.
- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. 1983. *Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение*. Москва: Русский Язык.
- Баушев К. М. 1929. *Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка*. Москва, Ленинград.
- Беккер Э. Г. 1983. К вопросу о морфологическом аспекте выражения притяжательных отношений в диалектах селькупского языка. — *Категория притяжательности в славянских и балканских языках*. Москва, с. 10–13.
- Бенвенист Э. 1974. *Общая лингвистика*. Москва: Прогресс.
- Бондарко А. В. 2001. *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Москва: Эдиториал УРСС.

- Бондарко А. В. 1996. Теория функциональной грамматики: локативность, бытийность, посессивность, обусловленность. Санкт-Петербург: Наука.
- Бубрих Д. В. 1947. Эрзя-мордовская грамматика-минимум. Саранск: Мордовское государственное издательство.
- Бубрих Д. В. 1948. Историческая фонетика удмуртского языка. Ижевск: Удмуртгосиздат.
- Бубрих Д. В. 1949. Грамматика литературного коми языка. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова
- Бубрих Д. В. 1953. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск.
- Бубрих Д. В. 1955. Историческая морфология финского языка. Москва, Ленинград: Издательство АН СССР.
- Булычев М. Н. 1947. Порядок слов в удмуртском простом предложении. Ижевск: Удмуртгосиздат.
- Бушмакин С. К. 1969. Морфологические особенности средневожских говоров удмуртского языка. — Советское финно-угроведение, V, с. 59–69.
- Бушмакин С. К. 1971. Фонетические и морфологические особенности средневожских говоров удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ижевск, Москва.
- Вахрушев В. М. 1969. Изафетные конструкции в удмуртском языке. — Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов и сообщений. Йошкар-Ола, с. 63–68.
- Вахрушев В. М. 1970. Изафетные конструкции в удмуртском языке. — Записки УдНИИ, вып. 21. Ижевск, с. 78–106.
- Вахрушев В. М. (ред.) 1978. О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск.
- Вахрушев В. М. 1980. Субстантивированные словосочетания в удмуртском языке. — Словосочетания в удмуртском языке. Ижевск, с. 130–168.
- Вахрушев В. М. 1984. Субстантивные словосочетания с зависимыми именами числительными и местоимениями. — Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск, с. 67–78.
- Глезденев П. П. 1921. Краткая грамматика народа удмурт. Вятка: Издательство Вят. Губерн. Отд-ния Госиздата.
- Головачева А. В. 1983. К вопросу о содержательном аспекте категории посессивности. — Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. Москва, с. 19–26.
- ГСУЯ 1962 = Перевошиков П. Н. (отв. ред.). Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное издательство.
- ГСУЯ 1970 = Алатырев В. И. (ред.). Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения. Ижевск: Удмуртия.
- Дмитриев Н. К. 1956. Категория принадлежности. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. 2. Морфология. Москва: Издательство АН СССР, с. 22–37.
- Евангеліе 1847 = Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліа отъ св. Матфея и Марка на русскомъ и вотяжскомъ языкахъ, Глазовского наречія. Казань. — Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие. Ижевск, 2003.
- Евангеліе 1848 = Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ св. Евангелиста Матвея на русскомъ и вотяжскомъ языкахъ, Сарапульского наречія. Ка-

- заны. — Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие. Ижевск, 2003.
- Едыгарова С. В. 2008. Основные способы выражения предикативной посессии в удмуртском языке. — Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Ижевск, с. 107–120.
- Едыгарова С. В. 2010. Выражение неотчуждаемой посессии в удмуртском языке. — *Linguistica Uralica*, Vol. XLVI, 2, с. 112–137.
- Емельянов А. И. 1927. Грамматика вотяцкого языка. Ленинград.
- Жуйков С. П. 1937. Основы грамматики удмуртского языка. Тезисы первой языковой республиканских конференции. Ижевск.
- Журинская М. А. 1978. Именные посессивные конструкции в меланезийских языках. — О языках, фольклоре и литературе Океании. Москва: Наука, с. 16–38.
- Журинская М. А. 1977. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности. — Категории бытия и обладания в языке. Москва: Наука, с. 194–258.
- Журинская М. А. 1979. О выражении значения неотторжимости в русском языке. — Семантическое и формальное варьирование. Москва, с. 295–347.
- Загуляева Б. Ш. 1980. Прикильмезские говоры удмуртского языка: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Тарту.
- Загуляева Б. Ш. 1984. Сложные формы давнопрошедшего времени в некоторых удмуртских диалектах. — Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск, с. 45–58.
- Иванов В. В. 1975. Диахроническая и синхронная типология притяжательных конструкций с неотчуждаемыми пространственными служебными именами. — Лингвотипологические исследования II. Москва, с. 42–69.
- Калинина Л. И. 1969. Синтаксические функции отглагольных образований на -м в удмуртском языке. — Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов и сообщений. Йошкар-Ола, с. 32–35.
- Каракулов Б. И. 2000. О проблемах, связанных с категорией посессивности в удмуртском языке. — Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов. Ижевск, с. 45–49.
- Каракулова М. А., Каракулов Б. И. 2001. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Глазов: Глазовский педагогический институт.
- Карпова Л. Л. 1997. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологии по уральским языкам. Тарту: Тартуский университет.
- Категория 1983 = Иванов В. В., Молошная Т. Н., Николаева Т. М. (ред). Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. Москва.
- Категория 1989 = Иванов В. В. (отв. ред.). Категория посессивности в славянских и балканских языках. Москва: Наука.
- Кельмаков В. К. 1969. Некоторые особенности словообразования имен прилагательных в кукморском диалекте удмуртского языка. — Советское финно-угроведение, V, с. 133–140.
- Кельмаков В. К. 1970. Кукморский диалект удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва.
- Кельмаков В. К. 1981. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия.

- Кельмаков В. К. 1990. Образцы удмуртской речи: Срединные говоры. Ижевск: Удм. ИИЯЛ.
- Кельмаков В. К. 1992. Удмурт вераськетъёс. Ижевск.
- Кельмаков В. К. 1993. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск.
- Кельмаков В. К. 1996. Формы субъективной оценки имен существительных в удмуртском языке. — *Pars*, III. Jyväskylä, с. 131–134.
- Кельмаков В. К. 1998. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск: Издательство Удмуртского университета.
- Кельмаков В. К. 2000. К вопросу о типах склонения имен существительных в пермских языках. — *Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов*. Ижевск, с. 73–87.
- Ким А. А. 1986а. Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томский государственный педагогический институт. Томск.
- Ким А. А. 1986б. Способы выражения посессивности в самодийских языках. — *Языки народов Севера Сибири*. Новосибирск, с. 51–60.
- Кожевин Г. Ю. 2000. Указательное и посессивное значение лично-притяжательных суффиксов современного коми языка. — *Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов*. Ижевск, с. 93–100.
- Кокла П. 1964. О притяжательных суффиксах в инфинитиве марийского языка. — *Вопросы финно-угорского языкознания*. Москва, Ленинград, с. 106–111.
- Колпакова Н. Н. 1988. Посессивность в венгерском языке. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Москва.
- Колпакова Н. Н. 2000. Некоторые особенности выражения посессивных отношений в угорских языках. — *Кафедра финно-угорской филологии: Избранные труды к 75-летию кафедры*. Санкт-Петербург, с. 134–141.
- Конюхова А. В. 1957. Удмурт кыл грамматика. Синтаксис. Ижевск: Удмуртское книжное издательство.
- КПЯ 1962 = Лыткин В. И. (ред.). Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар.
- Кривошекова-Гатман А. С. 1967. Порядок слов коми-пермяцкого языка в сравнении с удмуртским. — *Советское финно-угроведение*, III. 4, с. 267–274.
- Кузнецова А. И. 2004. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках. — *Пиркко Суйхконен, Бернард Комри и Сергей А. Максимов (ред.), Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и северной и Центральной Азии*. Ижевск, с. 249–259.
- Леви-Брюль Л. 1950. Выражение принадлежности в меланезийских языках. (ориг. *L'expression de la possession dans les langues mélanésiennes*, 1914). — *Эргативная конструкция предложения*. Москва, с. 208–217.
- Лыткин В. И. 1952. Древнепермский язык. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Лыткин В. И. 1970. О вокализме непервого слога финно-угорских языков. — *Советское финно-угроведение*, 6, с. 221–238.
- Майзель С. С. 1957. Изафет в турецком языке. Москва, Ленинград.
- Майтинская К. Е. 1974. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. Москва: Наука.
- Майтинская К. Е. 1979. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. Москва: Наука.

- Майшев И. И. 1940. Грамматика коми-пермяцкого языка. Москва, Ленинград: Академия наук.
- Максимов С. А. 1999. Ареальные морфологические параллели в пермских языках. — *Пермистика 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками*. Сыктывкар, с. 127–132.
- Насибуллин Р. Ш. 1973. Закамские говоры удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту.
- Насибуллин Р. Ш. 1984. О некоторых аналитических формах глагола в удмуртском языке. — *Вопросы грамматики удмуртского языка*. Ижевск. Стр. 38–44.
- Некрасова Г. А. 1995. Функционально-семантические особенности средств выражения посессивности в современном коми языке. — *Грамматика и лексикография коми языка*. Сыктывкар, с. 67–77.
- Образцы 1971 = Жилина Т. И., Сорвачева В. А. (сост.). *Образцы коми зырянской речи*. Сыктывкар.
- Образцы 1982 = *Образцы речи удмуртского языка*. Ижевск.
- Основы 1974 = Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редей К. (ред). *Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков*. Москва: Наука.
- Основы 1976 = Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редей К. (ред). *Основы финно-угорского языкознания: марийский, пермские и угорские языки*. Москва: Наука.
- Первошиков П. Н. 1957. Притяжательные формы связи имен в определительных словосочетаниях удмуртского языка. — *Записки УдНИИ*. Вып. 18. Ижевск, с. 71–92.
- Первошиков П. Н. 1959. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртское книжное издательство.
- Первошиков П. Н. 1962. *Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология*. Ижевск: Удмуртское книжное издательство.
- Поздеева А. А. 1939. *Удмурт кыл грамматика: Неполной начальной но средней школары учебник. 1–тй люкетэз. Фонетика но морфология*. Ижевск: Удмуртгосиздат.
- Поздеева А. А. 1949. Синтаксические функции именной формы на *-эз* и *-ыс* в пермских языках. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград.
- Поздеева А. А. 1951. *Удмурт кыл грамматика: Семилетней но средней школары 5–тй но 6–тй классёслы учебник. 1–тй люкетэз. Фонетика но морфология*. Ижевск: Удмуртгосиздат.
- Прокушева Т. И. 1979. Определенно-притяжательные суффиксы инфинитива и их образование в коми языке. — *Вопросы лексикологии коми языка*, 22. Сыктывкар, с. 64–78.
- Прокушева Т. И. 1992. К вопросу об условиях употребления лично-притяжательных суффиксов в коми языке. — *Пермистика 3: Диалекты и история пермских языков*. Сыктывкар, с. 110–115.
- Селиверстова О. Н. 1973. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом «быть». — *Вопросы языкознания*, 5. Москва, с. 95–105.
- Селиверстова О. Н. 1977. Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке. — *Категории бытия и обладания в языке*. Москва: Наука, с. 5–67.

- Серебренников Б. А. 1958а. Заметки по истории коми языка: Об употреблении суффикса 2-го лица ед. ч. *ыд* в значении указательной частицы. — Историко-филологический сборник, вып. 2. Сыктывкар, с. 189–213.
- Серебренников Б. А. 1958б. К истории возникновения конструкции типа коми-зырянского *аддза батьлысь керка* ‘вижу дом отца’ в пермских языках. — Историко-филологический сборник, вып. 2. Сыктывкар, с. 195–196.
- Серебренников Б. А. 1960. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Серебренников Б. А. 1962. О причинах неодинакового порядка расположения притяжательных суффиксов в уральских и алтайских языках. — *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. 15, 1–3, с. 311–313.
- Серебренников Б. А. 1963. Историческая морфология пермских языков. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Серебренников Б. А. 1964. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. Москва.
- Серебренников Б. А. 1986. Синтаксис древнеудмуртского языка — синтаксис тюрко-татарского типа. — Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка. Устинов, с. 116–123.
- Сидоров А. С. 1945. Принадлежностно-указательные суффиксы в коми языке. Кандидатская диссертация. Сыктывкар.
- Скрибник Е. К., Ковган Е. В. 1986. Притяжательные аффиксы в определительных конструкциях (на материале бурятского и хантыйского языков). — Языки народов севера Сибири. Новосибирск, с. 39–50.
- СКЯ 1955 = Лыткин В. И. (ред.). Современный коми язык: учебник для высших учебных заведений. Часть 1: фонетика, лексика, морфология. Сыктывкар.
- Сорокина И. П. 1986. Категория притяжательности в энецком языке. — Языки народов севера Сибири. Новосибирск, с. 61–75.
- Сочинения 1775 = Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотского языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ. — Первая научная грамматика удмуртского языка 1975. Ижевск: Удмуртия.
- Суханова В. С. 1963. Употребление притяжательных суффиксов с различными частями речи в пермских языках. — Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы грамматики и лексикологии. Москва, Ленинград, с. 80–89.
- Тараканов И. В. 1958. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту.
- Тараканов И. В. 1970. Употребление и значения аналитических форм глагола с *потыны* в удмуртском языке. — *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum*. Tallinn, 17.-23. VIII PARS I, с. 557–561.
- Тараканов И. В. 2000. Есть ли в пермских языках флексия (окончание)? — Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов. Ижевск, с. 166–175.
- Тепляшина Т. И. 1955. Тыловый диалект удмуртского языка. Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва.
- Тепляшина Т. И. 1966. Удмуртский язык. — Языки народов СССР, т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. Москва.
- Тепляшина Т. И. 1970. Язык бесермян. Москва.
- Тепляшина Т. И. 1975. Лично-притяжательные формы бесермянских терминов родства. — Вопросы финно-угроведения, вып. VI. Саранск, с. 195–200.

- Тепляшина Т. И. 1976. Основы финно-угорского языкознания: марийский, пермские и угорские языки. Москва: Академия наук СССР.
- Терещенко Н. М. 1962. О выражении посессивных отношений в самодийских языках. — Вопросы финно-угорского языкознания. Москва, Ленинград, с. 81–93.
- Терещенко Н. М. 1966. Самодийские языки. Введение. Ненецкий язык. Нганасанский язык. Энецкий язык. — Языки народов СССР, т. 3. Москва.
- Терещенко Н. М. 1973. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Ленинград.
- Терещенко Н. М. 1979. Нганасанский язык. Ленинград: Наука.
- Удморт 1924 = Удморт. Руководство к изучению вотского языка. Ижевск.
- УКШГК 2002 = Тараканов И. В. (ред.). Удмурт кылын шонер гождьаськонъя кыллюкам. Ижкар: Удм. ИИЯЛ.
- Ушаков Г. А. 1982. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск: Удмуртия.
- Ушаков Г. А. 1984. Грамматические категории имени существительного и имени прилагательного. — Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск, с. 5–17.
- Феоктистов А. П. 1963. Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск: Мордовское книжное издательство.
- Хайду П. 1985. Уральские языки и народы. Москва: Прогресс.
- Хонти Л. 2008. 'habere' «по-уральски». — *Linguistica Uralica*, XLIV, 3, с. 161–177.
- Цыганкин Д. В., Киушкина Р. И. 1985. Особенности употребления лично-притяжательных суффиксов в эрзянском языке. — Основные тенденции развития финно-угорских языков. Саранск.
- Чинчлей К. Г. 1996. Поле посессивности и посессивные ситуации. — А.В. Бондарко (ред.), Теория функциональной грамматики: локативность, бытийность, посессивность, обусловленность. Санкт-Петербург: Наука, с. 100–118.
- Шутов А. Ф. 1999. Обстоятельственные конструкции с *m*-овыми отглагольными словами в удмуртском языке. — *Пермистика 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками*. Сыктывкар, с. 196–200.
- Шутов А. Ф. 2006. Деепричастия с показателем лица и числа в пермских языках. — *Пермистика 11: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками*. Пермь, с. 270–271.
- Языки 1997 = Языки мира. Тюркские языки. Москва: Индрик.
- Яковлев И. В. 1930. Удмурт кылрадъян: Элементарная грамматика вотского языка. Ижевск: Удкнига.
- Ярцева В. Н. (ред.) 1977. Категории бытия и обладания. Москва: Наука.

POSSESSIIVSUSE KATEGOORIA UDMURDI KEELES

KOKKUVÕTE

Käesolev töö on pühendatud possessiivsuse kategooria uurimisele udmurdi keeles, täpsemalt selle sisu ning grammatilise väljendamise mooduste kirjeldamisele. Uurimuse keskmes on possessiivsust väljendavad atributiivkonstruktsioonid.

Töö on üles ehitatud onomasioloogilisele ja semasioloogilisele uurimismeetoditele. *Onomasioloogilist* lähenemist nimetatakse ka *funktsionaalseks*. Seda meetodit kasutades saab kuulumussuhteid vaadelda eelkõige universaalse kultuurilise kontseptina ning uurida nende väljendamise semantilist ja kognitiivset eripära keelevahendite abil (vt nt Seiler 1983; Категория 1979; Heine 1997; Stassen 2009 jt). Teisest küljest vaadeldakse possessiivkonstruktsioone ja nende tähendusi *semasioloogilist* ehk *struktuurset* meetodit kasutades (nt Ultan 1978 jt soome-ugri uurijad, vrd. Schlachter 1960; Kokla 1963; Феоктистов 1963; Ким 1984 jt). Väitekirja esimeses peatükis vaadeldakse töö seisukohast olulisi mõisteid ning kirjeldatakse kontseptsioone, mis on käesoleva väitekirja aluseks. Teise peatüki fookuses on peamised possessiivsed situatsioonid, mida vaadeldakse kuulumussuhete semantilises raamistikus ning esitatakse noomenite klassifikatsioon, mille aluseks on nende võime evida vaadeldavaid suhteid. Kolmandas peatükis on kirjeldatud konkreetseid possessiivsust väljendavaid atributiivseid morfoloogilis-süntaktilisi konstruktsioone ning vaadeldud nende distributsiooni ja funktsioneerimise eripära. Neljandas peatükis on vaatluse all predikatiivsed konstruktsioonid ning nende semantilised ja funktsionaalsed iseärasused.

Uurimuse teoreetilise aluse moodustavad B. Heine (Heine 1997), H. J. Seileri (Seiler 1983), M. Кортјевскаја-Тамме (Кортјевскаја-Тамм 2003), J. Nicholsi (Nichols 1988), M. Žurinskaja (Журинская 1977, 1978, 1979) ning rühma autorite tööd, kes on uurinud possessiivsuse kategooriat slaavi ja balkani keeltes (Категория 1983, 1989) jt.

Possessiivsus kui sisukategooria

Kõiki udmurdi keele noomeneid saab klassifitseerida vastavalt nende *possessiivsuse määrale* — nii eristatakse noomenite klassi, mis ei saa eksisteerida ilma possessorita, olles selle eraldamatuks osaks (*jir-i* 'pea-minu', *ki-ïd* 'käsi-sinu', *šim-iz* 'silm-tema'). Sellesse rühma kuuluvad objektid ei esine possessorist eraldi ning neil on alati grammatiliselt väljendatud omaja. Teise rühma moodustavad keskmise possessiivsuse määraga noomenid, millel on enamasti olemas possessor ning nad toimivad iseseisvalt harva, ent nad ei ole possessori osad (*žek-e* 'laud-minu', *korka-jed* 'maja-sinu', *mašina-jez* 'auto-tema'). Kol-

manda rühma moodustavad madala possessiivsuse määraga noomenid, mille tavaliselt ei ole possessorit, enamasti on neil omajaga assotsiatiivne seos (*nules* ‘mets’, *šur* ‘jõgi’, *inbam* ‘taevas’).

Teisest küljest saab noomeneid klassifitseerida sõltuvalt nende võimest esineda possessori funktsioonis. Esmajärjekorras on see võime olemas keeleühikutel, mis on diskursuse aktiivsed elemendid. Viimased on esmajärjekorras elusolendeid tähistavad substantiivid, samuti on nimetatud tunnus omane deiksise elementidele nt kõnelejale ja kuulajale. Udmurdi keeles on tüüpiliseks referendiks ka lokalisaator, nt eksistentsiaallausetes. Viitamisfunktsioon sõltub viidatavast: näiteks ese, millele ei ole iseloomulik possessori funktsioon, võib selle saada, kui lausungi fookuses on selle eseme osa või omadus.

Teaduskirjanduses vaadeldakse possessiivsuhete raames ka lahutatavat ning lahutamatu kuulumust, viimase puhul on omaja ja omatava vahel lahutamatu seos (Seiler 1988, 2001; Stassen 2009: 16). Tõenäoliselt moodustatakse possessiivsuhteid udmurdi keeles enamjaolt keskmise possessiivsuse määraga noomenite abil, mis ühest küljest märgivad terviklikke esemed, ent funktsioneerivad vaid tänu possessori käsitsemisele, ehk teisisõnu — neile on iseloomulik olla kellegi omanduses. Possessiivsus eeldab sellist suhet, mille komponendid on asümmeetrilised — üks on kontrollija teine kontrollitav. Lisaks sellele asub ese alaliselt possessori lähedal või on tema kontrolli all pika, limiteerimata aja jooksul — sellisel juhul on tegu alatise kuulumusega. Väitekirja autori meelest on sellise kuulumussuhte aluseks udmurdi keeles aktiivse omanduse faktor, see tähendab, et omaja (possessor) peab tegema teatud jõupingutusi, et eset oma valdusesse saada ning seda oma kontrolli all hoida. Aktiivne omandus avaldub ka sugulussuhteid või sotsiaalset rolli tähistavate noomenite puhul ning nn „legaalse“ kuulumuse puhul, mil omatav kuulub omajale õiguslikul ehk juriidilisel alusel.

Possessiivsuse semantilise alatüübina vaadeldakse töös ka lahutamatu kuulumust. Nimetatud tüübi puhul on tegemist suhtega, kus esemetel ja mõistetel on loomupärane possessori funktsioon. Seda liiki võib nimetada ka osa-terviku kuulumuseks — omaja ja omatava vahel on lahutamatu seos.

Eraldi tuleb ära märkida passiivne kuulumus, mille all eristatakse nt ruumilist ja ajutist kuulumust. Nimetatud juhtudel avaldub kuulumus ruumilise või ajalise kaasamise kaudu; ruumilokalisaator ja ajamodifikaator ei saa manipuleerida objektiga.

Assotsiatiivseid seoseid väljendavate elementide jaoks ei ole iseloomulik olla kuulumussuhetes, nii näiteks ei ole nende leksikaal-semantiline tähendus possessori jaoks tüüpiline. Ent tihtipeale saavad lahutatavad objektid samuti olla assotsiatiivseose aluseks; määravaks saavad sel juhul nende pragmaatilised seosed.

Olemasoleva keelematerjali põhjal võib oletada, et udmurtide possessiivsuse kontseptsioon kujutab endast selliseid suhteid, mil inimesel või esemetel on kaasasündinud või loomupärase kuulumuse omadused, nad ei pea millegi oma(nda)miseks jõupingutusi rakendama. Teise possessiivsuhete variandi puhul kuulub inimesele kõik, mida ta kas loob ise, omandab või soetab, kõik mille üle

tal on kontroll; siis kuuluvad ka tema sotsiaalsed sidemed. Samasuguseid omadusi võib evida ka elutu ese, näiteks võivad tal olla osad, mis on sattunud tema „omandusse“ kellegi teise jõupingutuste tulemusena; elutule objektile võidakse omistada elusolendi omadusi; isik või ese võivad saada juriidiliselt sätestatud kontrollija staatuse. Ruum ja aeg võivad samuti esineda possessori rollis, kui kontrollitav objekt asub nende piirides. Inimesega võivad assotsieeruda kõik esemed ja mõisted, mis ei kuulu küll talle sõna otseses mõttes, kuid millega ta oli kontaktis, nt need, millest ta on rääkinud, hoidnud käes, tundnud mida ta on läbi elanud jne. Assotsiatiivseid seoseid saavad evida ka elutud esemed, nende aluseks võib olla nt objektide ruumiline lähedus.

Võttes arvesse eelpoolöeldut, võib nentida, et udmurdi keeles esinevad järgmised possessiivsuse liigid: aktiivne/passiivne kuulumus; elus/elutu kuulumus; lahutamatu/lahutatav kuulumus; ruumiline, ajaline, füüsiline kuulumus jt.

Possessiivsuse keeleline väljendamine

Vaadeldavad possessiivsuse semantilised tüübid on eristatavad eelkõige nende keelelise kodeeringu alusel: nt isikulist kuulumust väljendatakse konstruktsioonide Px (possessiivsufiks) ja pronoomen abil, aktiivset kuulumust genitiivsete, passiivset — külgnevate, ruumilist — elatiivsete konstruktsioonide abil; füüsilist kuulumust tähistatakse konstruktsioonidega, milles funktsioneerivad instrumentaal ja tuletusliide -o, predikatiivsed *omama*-konstruktsioonid jne. Possessiivkonstruktsioonidel on udmurdi keeles selge paradigma ning süntagmaatiline süsteem, mis põhinevad semantilis-funktsionaalsetel alustel.

(1) Konstruktsioone N-Px (vrd: *korka-je* ‘maja-minu’, *jjr-jd* ‘pea-sinu’) kasutatakse enamasti juhtudel, kui on tegemist konkreetse possessoriga. See on iseloomulik ennekõike deiktilise possessori jaoks, mistõttu vaadeldavad konstruktsioonid tähistavad enamasti isiklike kuulumussuhteid. Ent ka eluta olendid ja mõisted võivad olla konkreetset, nt sellistel juhtudel, kui sõnad, mis tähistavad omajat ja omatavat, asuvad lauses kõrvuti.

(2) Genitiivsed atributiivkonstruktsioonid (vrd: *vorgoron-len korka-jez* (mees-GEN maja-3SG) ‘mehe maja’ ja *vorgoron-leš korka-z-e ašš-isko* (mees-ABL maja-3SG-ACC nägema-PRES.1SG) ‘[Ma] näen mehe maja’) erinevad eelmistest selle poolest, et possessor ei ole antud juhul sama selgesti konkretiseeritud kui eelmisel juhul (tegemist võib olla ükskõik millise samasse klassi kuuluva objektiga; meie näidetes — mehega), samas ta on diskursuse definiitne topik. Lisaks sellele märgib genitiivne possessor aktiivset suhet omatavaga, nt possessor võib olla tüüpiline kontrollija, objektiga manipuleerija või on tal õigus käsutada objekti piiramatu aja jooksul. Genitiivkonstruktsioonid tähistavad tavaliselt „legaalselt“ kuulumussuhet, mistõttu nendes funktsioneerivad enamasti noomenid, mille abil märgitakse lahutatavat kuulumust. Ent kui possessor on konkreetne diskursuse topik, võivad genitiivkonstruktsioonides esineda ka lahutamatud elemendid. Lahutamatu kuulumust tähistavatel noo-

menitel saab olla genitiivne possessor noomenifraasivälise kuulumuse (external possession) korral, mil possessor on semantiline lokalisaator või kogeja.

(3) Külgnevaid konstruktsioone (vrd: *korka lípet* (maja-NOM katus) ‘maja katus’, *skal jír* (lehm-NOM pea) ‘lehma pea’) kasutatakse sarnaselt genitiivkonstruktsioonidele juhul, kui possessor ei ole konkretiseeritud. Tänapäeva udmurdi keeles tähistavad need enamasti indefiniitset omajat või elementi, mida ei ole diskursuses. Harva võivad need tähistada ka definiitset või diskursuses esinevat komponenti. Sellisel juhul, erinevalt genitiivkonstruktsioonidest, tähistavad külgnevad konstruktsioonid passiivset lahutamatu kuulumust, mille aluseks võib olla osa-terviku või nn loomupärase kuulumuse suhe. Vaadeldavatel konstruktsioonidel on ka kinnistunud funktsioone, nt nominatiivfunktsioon — selle abil moodustatakse isikunimesid ja uusi mõisteid.

(4) Passiivse kuulumuse suhet tähistatakse ka elatiivkonstruktsioonide abil (vrd: *udmurt kun únivesítet-ís djšetskiś* (udmurt-NOM riik-NOM ülikool-ELAT õpilane) ‘udmurdi riikliku ülikooli üliõpilane’), ent erinevalt külgnevatest konstruktsioonidest on omaja enamasti konkreetne diskursuse topik, kuulumussuhe avaldub enamasti mitte osa-terviku vahekorras, vaid lahutatava objekti lülitamise kaudu teise objekti ruumi. Nimetatud konstruktsioon tähistab ühte objekti määramatust objektide hulgast. Genitiivkonstruktsioonil sellist tähendust ei ole.

(5) Ajalist kuulumust saab erandjuhtudel tähistada tuletusliidete *-lo*, *-ala* abil (vrd: *mim-ala gužem* (möödunud-DER suvi) ‘möödunud suvi’ *tol-lo žuk* (eile-DER puder) ‘eilne puder’). Sellistel konstruktsioonidel on piiratud distributsioon ning nendes kasutatakse vaid definiitseid noomeneid.

(6) Erinevalt eespool vaadeldud konstruktsioonidest, tähistab instrumentaal objekti füüsilist kohalolekut possessori juures (vrd: *galstuk-en vorgoron* (lips-INSTR mees) ‘lipsuga mees’). Vaadeldaval juhul on tegemist ajutise füüsilise kuulumusega. Objekt, mis on possessori valduses, on enamasti seotud diskursusega või on diskursuse osa ning on tavaliselt deiktiline lahutatav element.

(7) Udmurdi keeles eristatakse ka alalist füüsilist kuulumust. Seda markeerivad konstruktsioonid, milles esineb noomen tuletusliitega *-o* (vrd: *tuš-o vorgoron* (habe-DER mees) ‘habemega mees’). Sellistel puhkudel on objekt possessori osa või on alaliselt temaga. Omandi funktsioonis esinevad enamasti lahutamatu objekti tähistavad noomenid, ent mitte alati. Alalise kuulumuse puhul ei ole objekt tavaliselt konkretiseeritud, vaid on üks paljudest samalaadsetest ega ole deiktiline.

(8) Konstruktsioonidel, mis tähistavad omamist, on sageli olemas anto-nüümsed konstruktsioonid, mis tähistavad omatava objekti puudumist omajal. Taolistel juhtudel vastandub ajutusele füüsilisele kuulumusele, mida väljendab instrumentaal, abessiivkonstruktsioon, mis tähistab konkreetsete diskursuse elementide puudumist (vrd: *korka lípet-tek kíĵ-em* (maja katus-ABES jääma-2PRET.3SG) ‘maja jäi katuseta’).

(9) Alalise füüsilise kuulumuse korral kasutatakse konstruktsioone tuletusliitega *-tem*, mis tähistab konkretiseerimata lahutamatu objekti puudumist (vrd: *píĵ-tem vorgoron* (jalg-DER mees) ‘jalutu mees’).

Võib oletada, et kuulumussuhete aluseks on *ikooniline* printsiip (vt termineid Croft 2003: 355-362) ning kategooria iga mõisteline alatüüp on saanud keeles grammatilised väljendusvahendid, vrd nt lahutatava ja lahutamatu kuulumuse binaarne morfoloogiline kodeering. Lisaks sellele on possessiivkonstruktsioonide distributsioon toimunud süntagmaatilise ja paradigmaatilise isomorfismi alusel. Esimese kohta annab tunnistust fakt, et iga possessiivsuse alatüüpi tähistatakse erinevate grammatiliste vahendite abil. Teisest küljest moodustab enamik possessiivsuse alatüüpidest semantilisi paare, vrd nt lahutatav-lahutamatu kuulumus, alaline-ajutine füüsiline kuulumus, aktiivne-passiivne kuulumus jne.

Vaadeldavad possessiivkonstruktsioonid on jaotatavad ka süntaktilisel alusel, nt kui omatav on grammatiline otsesihitis, funktsioneerib genitiivse modifikaatori asemel ablatiivne.

Udmurdi keele omajalauseid kujutavad endast eksistentsiaal-lokatiivset lausetüüpi, vrd *Студѐнт-лѐн кнѐга-жѐз ванъ* (õpilane-GEN raamat-3SG olema.EX) 'Üliõpilasel on raamat'. Antud konstruktsioon tähistab omamist, ent juhtudel, mil fookuses on possessor, tähistab see konstruktsioon kuulumist, vrd: *Та машина Петър-лѐн* (see auto Peeter-GEN) 'See on Peetri auto'. Omajalauseel on semantiliselt lähedane konstruktsioon tuletusliitega *-o*, vrd: *Val-e Kazak нѐм-o* (hobune-1SG Kazak nimi-DER) 'Minu hobuse nimi on Kazak'.

Possessiivkonstruktsioonid diakroonilisest aspektist

Possessiivkonstruktsioonid omandasid semantilise ja funktsionaalse eripära tänu kognitiivsetele mudelitele, mille alusel need tekkisid. Konstruktsioon N-Px on tekkinud subjekti (topiku) ja teiste lauseelementide grammatilise ühildumise baasil, mis tähistab referendi noomenifraasivälist staatust või seda, et referent on lausungi argumendiks vrd *ми ванъ-мѐ мѐн-o-мѐ* (meie kõik-1PL minema-FUT-1PL) 'meie kõik hakkame minema', *мон огна-м ул-иско* (mina üks-1SG elama-PRES.1SG) 'ma elan üksinda', *тон бѐртѐ-ку-d жѐром-i-d* (sina tulema-GER-2SG eksima-1PRET-2SG) 'tagasiteel sa eksisid'. Topiku pronominaalmarker lisandub vaid sellele lauseliikmele, mis on autonoomne ega ole lausungi fookuses. Ent ajapikku kujunes permi keeltes pragmaatilise referentsi baasil nn pseudoühildumine, millest grammatikaliseerumise käigus kujunes omakorda possessiivkonstruktsioon. Pseudoühildumise all peame silmas juhtumeid, kus eksistentsiaallauseste alguses asetsev määrus on interpreteeritav topikuna, mistõttu lause subjektile liidetakse pronoominaalmarker, nt *voz' vyl-yn oshmes-ez van'* (aas-NOM pind-INES allikas-3SG БЫТЬ.EX) 'aasal on allikas'. Vaadeldaval juhul ei ole subjekti ja adverbiaali vahel grammatilist ühilduvust ning Px ei ole kohustuslik. Udmurdi keeles oli see protsess võrreldes komi keelega intensiivsem ning vaadeldav konstruktsioon sai nii genitiivsete atributiivkonstruktsioonide kui ka *omama*-lausete osaks, võimalik, et sellele protsessile avaldasid mõju ka türgi-tatari keeled. V. Tauli (1960: 60, 149-150) jt autorite

meelest, on uurali keeltes viimasel ajal märgatav tendents markeerida kõnealust tähendust analüütiliselt. Udmurdi keele materjal demonstreerib juhtumeid, mil asesõnalised genitiivsed modifikaatorid esinevad ka atribuudi funktsioonis, ent selline nähtus soodustab ka Px levikut, kuivõrd see on muuhulgas ka noomeni-fraaside osaks. Px grammatikaliseerumine genitiivkonstruktsioonideks ja kogeja-omajalausestes on soodustanud nende arvukat distributsiooni keeles, millest annavad tunnistust XIX saj tekstid, kus Px ei esine alati genitiiv-konstruktsioonides ja *omama*-lausetes.

Kõikide käändemarkeriga konstruktsioonide ühisjooneks on see, et need tähistavad diskursuse aktiivseid elemente. Enamik neist on tekkinud süntaktilise nihke tulemusena: määruse funktsioonis olev modifikaator oli semantiliselt eraldunud verbist ning selle asukoht lauses oli muutunud vabaks, muuhulgas sai see külgneva noomeniga, et seda spetsifitseerida, seejärel hakkas modifikaator funktsioneerima noomeni atribuudina. Esmajärjekorras toimus selline nihe adessiivi, ablatiivi ja nominatiivi puhul, mistõttu need konstruktsioonid grammatikaliseerusid võrreldes teiste udmurdi keele possessiivkonstruktsioonidega palju varem ning on tänapäeval peamiseks possessiivkonstruktsioonideks, väljendades suuremat osa kuulumussuhetest. Mõned tuletusliidetega konstruktsioonid on samuti arhailised. Need sufiksud on tekkinud käändelõppudest. Sufiks *-o* sai tuletusliiteks ilmselt kombinatsioonis noomeniga predikaadi positsioonis. Elatiivi ja instrumentaaliga konstruktsioonid grammatikaliseerusid sama skeemi alusel, kuid tunduvalt hiljem. Grammatikaliseerumise põhjustas ilmselt kuulumussuhete arengu ikooniline printsip, nt aktiivse kuulumuse konstruktsioon tingis passiivse kuulumuse konstruktsiooni olemasolu; alaline füüsiline kuulumus tingis ajutise jne.

Tänapäeva udmurdi keeles võivad erinevad possessiivkonstruktsioonid üksteist asendada. Kirjamälestised demonstreerivad samuti, et possessiivkonstruktsioonide jaotumus oli minevikus teistsugune, nt esineb XIX saj elatiivset konstruktsiooni vähem, külgnevat seevastu rohkem kui tänapäeva udmurdi keeles. Nimetatud fakt annab tunnistust sellest, et kultuuriliste ja sotsiaalsete suhete arenedes arenevad ja muutuvad ka possessiivkonstruktsioonid, eriti õiguslike suhteid tähistavas sfääris. Nii hakkavad uued possessiivkonstruktsioonid väljendama uusi kuulumussuhete nüansse, nt kontrollijat (genitiivkonstruktsioonid), organisatsiooni mittekontrollijat (elatiivkonstruktsioonid); mõned konstruktsioonid laeindavad oma kasutussfääri, omandades neutraalsemaid tähendusi, nt genitiivkonstruktsioonide kasutusala laieneb, nad hakkavad tähistama ka elutu objekti ruumilist ja ajalist kuulumust, teised konstruktsioonid seevastu jäävad tahaplaanile ning nende kasutus jääb vähemaks (nt külgnevad konstruktsioonid). Eelistatud on fraasid, mis väljendavad kuulumussuhteid selgemini, nt konstruktsioonid, milles esineb rohkem grammatilisi markereid. Nii tõrjutakse külgnevad konstruktsioonid välja elatiivsete, adverbiaalsete, datiiivsete jt poolt.

Possessiivkonstruktsioonid omakorda on olnud aluseks abstraktsemate kategooriate tekkele — genitiivkonstruktsioonide baasil on tekkinud soovi või võimet tähistavad modaalkonstruktsioonid, vrd: *mjn-am si-em-e pot-e* (mina-

GEN sööma-PART-1SG väljuma-PRES.3SG) ‘ma tahan süüa’, *mjn-am mjn-em-e lu-e* (mina-GEN minema-PART-1SG olema-PRES.3SG) ‘ma saan minna’. Samas *omama*-lausete baasil on tekkinud perfekt, vrd: *mjn-am kjl-em-e van* (mina-GEN kuulma-PART-1SG olema.EX) ‘ma olen kuulnud’, *so-len pi-jez bert-emjn* (tema-GEN poeg-3SG tulema-PART) ‘tema poeg on tulnud’.

Dissertatsioonis on vaadeldud possessiivsuse kategooria peamist kontseptuaalset sisu ja keelelisi väljendusvahendeid udmurdi keeles. Ent possessiivsuse väljendusvahendid ja -võimalused on äärmiselt mitmekesised — nii semantiliselt kui ka grammatiliselt —, seetõttu ei ole võimalik ühe töö raames vaadelda kuulumussuhete kõiki aspekte. Töö autori meelest vääriks eraldi uurimist predikatiivne possessiivsus, noomenifraasiväline possessiivsus, mõnede possessiivkonstruktsioonide distributsioon jt. Possessiivsuse kategooria süvaanalüüs eeldab ka morfoloogilis-süntaktilisi uuringuid ning udmurdi lause teatestruktuuri ja lausete semantiliste tüüpide uurimist. Töö autor loodab, et käesolev väitekiri saab üheks etapiks udmurdi keele possessiivsuse uurimises ning annab oma panuse selle kategooria tüpoloogilistesse uuringutesse uurali jt maailma keeltes.

THE CATEGORY OF POSSESSION IN THE UDMURT LANGUAGE

SUMMARY

The present work deals with research on the category of possession in the Udmurt language; namely, it describes the semantics of the category and the linguistic means for coding it and focuses on the analysis of possessive attributive constructions.

This research is based on the use of the onomasiological and semasiological approaches. *The onomasiological or functional approach* treats the category of possession, first of all, as a universal cultural concept and explores linguistic means, by which its semantic and cognitive content is expressed (see, for example, Категория 1979; Seiler 1983; Heine 1997; Stassen 2009 etc.). *The semasiological approach* deals with the study of possessive constructions and their meaning (e. g.: Ultan 1978; also Finno-Ugric studies: Schlachter 1960; Kokla 1963; Феоктистов 1963; Ким 1984 etc.). In the first chapter the major theoretical notions and principles used as the basis of the study are stated. The second chapter provides a description of the main situations of possession to be analyzed in the semantic framework of possession and a classification of names with respect to their potential to form a possessive relation. The third chapter describes concrete attributive morpho-syntactic constructions expressing possession, their distribution and functioning. In the fourth chapter a brief description of the semantic and functional characteristics of predicative constructions is given.

As the theoretical basis of this research, publications on the theory and typology of the category (Heine 1997, Seiler 1983, Коптјевскаја-Тамм 2003, Nichols 1988, Журинская 1977, 1978, 1979), treatments of the category in Slavic and Balkan languages (Категория 1989) and other works have been used.

The semantic content of possession

As the present materials show, the concept of possession for the Udmurts expresses such relations, in which a person or objects have an inherent or natural possession; they do not make an effort to acquire it. A person possesses everything that has been created or acquired and accumulated, dominated and controlled, everything that forms social relations for a person. An object can also have such relations; for instance, it can have parts that are not natural but acquired with outside force, or it is “animated”, or has a legally established controlling function. Space and time can also perform as possessors, if a subject is within their boundaries. Objects and concepts not belonging directly to a person can be associated with him if there has been a contact between them and

the person; for example, the person has spoken or heard of them, held them, thought of them, etc. An associative relation can also be between things, for example, through a spatial relation.

In the present work three types of relation are considered as the semantic content of possession:

- a) the alienable possession,
- b) inalienable possession,
- c) associative possession.

In literature alienable legal (or acquired) possession has often been treated as a canonical possession, while inalienable possession has been regarded as natural or inherent possession (Seiler 1988, 2001; Stassen 2009:16). As it appears, the canonical possession in Udmurt is usually expressed by nouns with a medium degree of possession (*žek-e* ‘table-my’, *korka-jed* ‘house-your’, *mašina-jez* ‘car-his’). They are integral objects that function only due to being manipulated by referents, i.e. they are themselves possessed. The canonical possession implies an association of asymmetry between components — one takes the controlling function and the other becomes subordinate. Besides, it is characteristic of the object to be constantly located near the possessor or to be controlled by it during unlimited time. We assume that this possessive relation in Udmurt is governed by the factor of active possession, namely the possessor makes physical efforts to possess the object and control it. An active relation can also be realized by legalizing the possessive relation, for example, following the principle of legal action.

We also regard the inalienable possession as a semantic subtype of possession. This type represents a type of relation, in which objects and concepts have the function of possession in a passive or natural way, for instance, they are possessors of their parts or characteristics (*žir-ž* ‘head-my’, *ki-žd* ‘hand-your’, *šinm-iz* ‘eye-his’).

Based on the non-possessive associative relation, referencing between elements of discourse can be generated according to the principle of active and passive discourse or an extra-linguistic contact. Elements that express an associative relation do not, as a rule, have possessive relations, for example, their lexical and semantic content does not suit either a typical referent or the referred. However, characteristic objects can often take part in an associative relation; their pragmatic association is in this case a determining factor (*gurt-e* ‘village-my’, *džšetis-ed* ‘teacher-your’).

The content of possession in Udmurt can be represented as relations of *active* and *passive possession*, *animated personal* and *impersonal possession*, *inanimate inalienable* and *inanimate alienable possession*, *spatial possession* and *relatedness to time*, *physical temporal* and *physical permanent possession*, etc.

The linguistic expression of possession

The semantic types of possession under consideration primarily have specific coding:

(1) Construction **N-Px** (*korka-je* ‘house-my’, *jjr-jd* ‘head-your’) is used, as a rule, in cases, when the possessor has a high degree of identification or activity. This is characteristic of a deictic possessor, due to which the construction largely expresses personal possession. However, objects and concepts that are syntactically closely connected with a possessee having the semantics of a part can also have a high degree of activity

(2) Attributive constructions with genitive **N_{Pr}Gen N_{Pm}Px** (*vorgoron-len korka-jez* (man-GEN house-3SG) ‘man’s house’) and ablative **N_{Pr}Abl N_{Pm}Px-Acc** (*vorgoron-leś korka-z-e ažž-iško* (man-ABL house-3SG-ACC see-PRES.1SG) ‘[I] see the man’s house’) differ from the previous one by having a possessor that is activated insufficiently but is a known and a specific topic of discourse. Besides, the genitive possessor makes an indication to an active relation with the possessee, for example, the possessor is a typical controller, manipulator of the object or it has an absolute right to have it at its disposal for infinite time. Genitive constructions, as a rule, make an indication to an established possessive relation, due to which alienable nouns can mostly be involved in them. However

(3) Juxtaposed constructions **N_{Pr}Nom N_{Pm}** (*korka lipet* (house-NOM roof) ‘roof of the house’, *skal jjr* (cow-NOM head) ‘head of a cow’), like genitive ones, are used when the possessor is not activated. In the contemporary language, as a rule, the non-specific possessor is indicated. In rare cases, they can indicate a specific or a known component. Unlike the genitive ones, they can in such cases express passive possession as in a relationship between a whole and a part or between an object and an inherent or characteristic feature. The construction also has some fixed functions, for example, naming, due to which proper nouns and new concepts are formed.

(4) The relation of passive possession is also indicated by elative constructions **N_{Pr}Elat N_{Pm}** (*udmurt kun univeśitet-iś djšetskiś* (udmurt-NOM state-NOM university-ELAT student) ‘student of the Udmurt state university’), but, unlike juxtaposed ones, the possessor, as a rule, is a known definite entity, while the possessive relation is realized not as the belonging of a part to a whole but as the involvement of an alienable object within the boundaries of another object. This construction, opposite to the genitive ones, also has a semantic shade of possession of a partial or indefinite quantity of an object.

(5) The relation of passive belonging to time in rare cases can be expressed with the help of the derivative suffixes *-lo*, *-ala* (*mim-ala gužem* (last-DER summer) ‘last summer’, *tol-lo žuk* (yesterday-DER porridge) ‘yesterday’s porridge’). The constructions have a limited distribution and are used only with several nouns.

(6) A combination with the instrumental **N_{Pm}Instr N_{Pr}** (*galstuk-en vorgoron* (tie-INSTR man) ‘man with a tie’) expresses physical presence of an

object at the disposal of the possessor, without indication of belonging. In this case the Udmurt language differentiates temporal physical possession. The possessee, as a rule, has a relation with the discourse or it is directly present in the discourse and is frequently an alienable element.

(7) On the other hand, the Udmurt language differentiates permanent physical belonging with the help of a construction with the derivational suffix *-o* $N_{Pm-o} N_{Pr}$ (*tuš-o vorgoron* (beard-DER man) ‘man with a beard’): an object is a regular part of a possessor or a regular attribute. In this case, as a rule, nouns with inalienable semantics can be in the role of the possessee, though it is not obligatory. In a case of permanent possession, an object, as a rule, has a non-specific character and is not deictic.

(8) Combinations indicating the fact of possession often form an opposition with combinations indicating that the possessed lacks an object. In this case a temporal physical construction ($N_{PmInstr} N_{Pr}$) corresponds to an abessive construction, which indicates absence of concrete discourse elements (*korka lipet-tek kıl-em* (house roof-ABES become-2PRET.3SG) ‘the house became without roof’).

(9) In a case of permanent physical possession ($N_{Pm-o} N_{Pr}$), a construction with the derivational suffix *-tem* denoting lack of a non-specific regular object is used (*pjd-tem vorgoron* (leg-DER man) ‘man without leg’).

The constructions under consideration also have a syntactic principle of distribution, for example, in case the possessed is a direct object, instead of the genitive modifier an ablative one is used: *vorgoron-len korka-jez* (man-GEN house-3SG) ‘man’s house’ and *vorgoron-leś korka-z-e ašš-iško* (man-ABL house-3SG-ACC see-PRES.1SG) ‘[I] see the man’s house’.

In Udmurt the “have”-construction represents an existential-locative type: *Student-len kniga-jez van* (student-GEN book-3SG be.EX) ‘The student has a book’. The “belong”-construction represents 2 types: (a) *Ta mašina Petjr-len* (this car Peter-GEN) ‘The car belongs to Peter’ and (b) *Ta Petjr-len mašina-jez* (this Peter-GEN car-3SG) ‘This is Peter’s car’. The “have”-construction has a semantic correlation with the construction having the derivative suffix *-o*: *Val-e Kazak nim-o* (horse-1SG Kazak name-DER) ‘My horse’s name is Kazak’.

The diachronic aspect of possession

Possessive constructions initially acquired semantic and functional features under the influence of the cognitive models, on the basis of which they were formed. The construction N-Px was based on the grammatical agreement of the subject (topic) with non-focused elements of the sentence. In this function Px indicates the external status of the referent or shows that it was the argument of an utterance: *mi van-mi mjn-o-mi* (we everybody-1PL go-FUT-1PL) ‘we all will go’, *mon oğna-m ul-iško* (I one-1SG live-PRES.1SG) ‘I live alone’, *ton bertj-ku-d jrom-i-d* (you come back-GER-2SG get lost-1PRET-2SG) ‘on the

way back you got lost'. The pronominal marker of the topic joins only a member of a sentence that is not in the focus of the utterance. However, over time, a so-called false agreement developed on the basis of pragmatic possessive referencing in the Permic languages; it was further grammaticalized as a possessive construction N-Px. In Udmurt this was a more intensive process than in the Komi language, thus Px became a part of genitive attributive and predicative "have"-constructions. V. Tauli (1960: 60, 149-150) and other authors maintain that in Uralic languages the synthetic construction tends to be marked by analytical means. It can be seen in Udmurt that in some cases pronominal genitive modifiers can be used also in the function of attributes; however, this phenomenon has been enhancing also the use of Px, as they are part of the construction. Grammaticalization of Px in genitive and "have"-constructions has contributed to their high distribution in the language.

The common feature of the constructions having a case marker as their base is that they indicate the active elements of discourse. The majority of them have developed by means of syntactic shift: the definite modifier in the function of an independent modifier semantically has become free of the verb; it can have moved freely in a sentence and joined nouns to specify them, after which it could function as an attribute of the noun. First, such a shift occurred in the adessive, ablativ, and nominative, as the result of which these constructions became grammaticalized early and they are the main possessive constructions expressing the major part of possessive relations.

Some constructions with derivational suffixes are also of an early origin. Constructions with elative and instrumental were grammaticalized much later according to the same scheme. Motivation for their grammaticalization can have been the iconic principle of development characteristic of possessive relations; for example, the construction of active possession required the presence of a construction indicating inactive possession, that of permanent physical possession — a temporal one, etc.

In contemporary Udmurt the constructions show variability and in some cases they are interchangeable. It can be seen from the 19th century written documentation that the distribution of possessive constructions was different. This is evidence of the development of the category of possession; parallel to the development of cultural and social relations the category was transforming, especially in the spheres of law and justice. Thus, new constructions expressing different relations of possession developed, for example, the relation of controller (genitive constructions) and non-controller in an organization (elative constructions); the constructions become broader as to their functions and grow more neutral in meaning, for example, genitive constructions become more widely used, denoting inanimate spatial and temporal possession. Other constructions, for example, juxtaposed ones, on the contrary, become less used. Constructions that express a more definite relation, in which more grammatical markers are involved, are preferable. Juxtaposed constructions are substituted by elative, adverbial, dative and other constructions.

Possessive constructions, in their turn, were the basis for the formation of abstract categories; for example, constructions of modality expressing wish and ability to do something were formed on the basis of genitive constructions (*mjn-am sí-em-e pot-e* (I-GEN eat-PART-1SG go out-PRES.3SG) ‘I want to eat’, *mjn-am mjn-em-e lu-e* (I-GEN go-PART-1SG be-PRES.3SG) ‘I can go’). Constructions with the verb *have* were a model for the constructions with the perfect (*mjn-am kjl-em-e van’* (I-GEN hear-PART-1SG be.EX) ‘I have heard’, *so-len pi-jez bert-emjn* (he-GEN son-3SG come back-PART) ‘His/her son is back’).

In the present research the main content and linguistic expression of the semantic category of possession in Udmurt has been described. The category of possession has a wide range of semantic and grammatical expression. This research has focused on some of the aspects of the category. More research is warranted to describe such aspects as predicative possession, the phenomenon of external possession, distribution of some of the possessive constructions, the diachronic development of the category, etc. Besides, a deeper research into the category of possession requires research into morphosyntax, information structure, semantic types of sentences in Udmurt by using up-to-date methods of analysis. The present work is hopefully a step forward in the process of the description of the category of possession in Udmurt and a contribution to the typological description of the category in Uralic and other languages of the world.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Светлана Едыгарова

Личная информация

Дата рождения: 4 марта 1981
Место рождения: Удмуртская Республика (УАССР), Шарканский район,
д. Гондырвай
Гражданство: Российская Федерация
e-mail: svetie@yandex.ru

Образование

2005–2010 Тартуский университет, Институт эстонского и общего
языкознания, финно-угорское отделение, докторант
2004–2005 Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук,
отделение литературы народов России, аспирант
1999–2004 Удмуртский государственный университет, факультет
удмуртской филологии
1996–1999 Гуманитарный лицей г.Ижевска, Удмуртская Республика
1987–1996 Порозовская средняя общеобразовательная школа,
Удмуртская Республика

Профессиональный опыт

2005–2007 преподаватель удмуртского языка, Тартуский университет
2004–2005 преподаватель финского языка и удмуртской литературы,
Гуманитарный лицей
1999–2003 специалист по организации внеучебной деятельности,
Гуманитарный лицей

CURRICULUM VITAE

Svetlana Edygarova

Personal information

Birth date: March 4, 1981
Place of birth: Gondyrvay village of Sharkanski district, Udmurt Republic (USSR)
Citizenship: Russian Federation
e-mail: svetie@yandex.ru

Education

2005–2010 University of Tartu, Institute of Estonian and General Linguistics, Department of Finno-Ugric studies, PhD student
2004–2005 Udmurt Institute of History, Language and Literature (Ural Department of Russian Academy of Science), Department of Literatures of the Russian Federation Nations, PhD student
1999–2004 Udmurt State University, the Faculty of Udmurt Philology
1996–1999 Humanitarian Lyceum of Izhevsk, Udmurt Republic
1987–1996 Secondary school of Porozovo village, Udmurt Republic

Employment history

2005–2007 Trainer of Udmurt language in the University of Tartu
2004–2005 Finnish language and Udmurt literature teacher in Humanitarian Lyceum
1999–2003 Manager of school activities in Humanitarian Lyceum

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE URALICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. **Ольга Ерина.** Частицы в мордовских языках. Тарту, 1997, 150 с.
2. **Людмила Карпова.** Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997, 224 с.
3. **Инна Тимиряева.** Лексика одежды в марийском языке. Тарту, 1997, 136 с.
4. **Софья Чеснакова.** Марийская поэма. Тарту, 1998, 162 с.
5. **Triinu Ojamaa.** Glissando nganassaani muusikas. Morfoloogiline, süntaktiline ja semantiline tasand. Tartu, 2000, 176 lk.
6. **Niina Aasmäe.** Stress and quantity in Erzya. Tartu, 2006, 205 p.